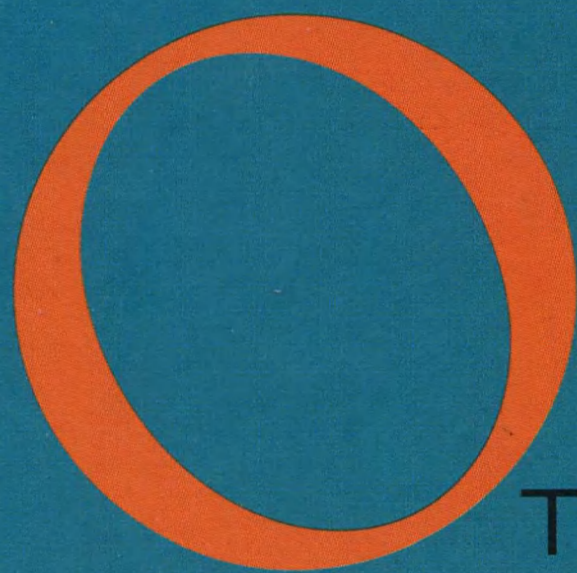

история / география / этнография

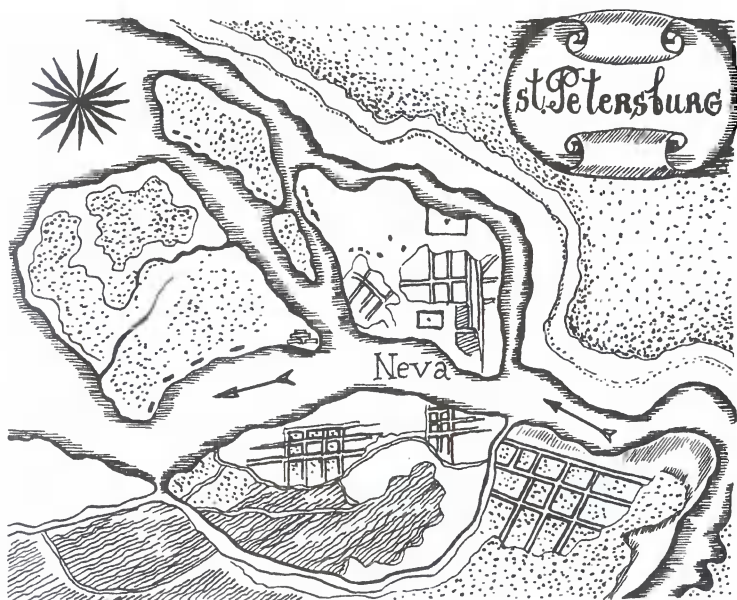
Бенгт Янгфельдт

от варягов
до Нобеля

Ломоносовъ
издательство

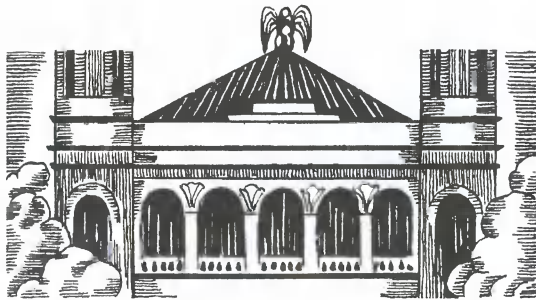

Бенгт Янгфельдт

Т варягов
до Нобеля

Шведы на берегах Невы

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2010

УДК 327
ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург=4Шве)
Я60

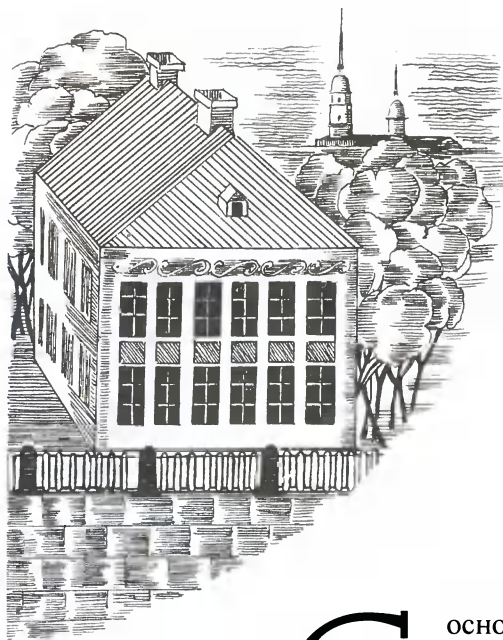

Авторизованный перевод со шведского
Юрия Беспятых

Художественное оформление
Ирины Тибиловой

ISBN 978-5-91678-041-3

© Bengt Jangfeldt 1998 by Agreement with
OKNO Literary Agency, Sweden
© Беспятых Ю. Н., перевод на русский
язык, 2010
© Издание на русском языке.
ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2010

С основанием в 1703 году Петербурга кардинально изменился политический, экономический и культурный баланс сил в Прибалтийском регионе. После того как спустя десятилетие город был провозглашен столицей Российского государства, он быстро развивался, становясь ведущей метрополией Балтики и обретая редкостную притягательную силу для иммигрантов.

Больше всего людей прибывало, разумеется, из внутренних районов России, многие — из других частей империи, прежде всего из Польши и Прибалтийских провинций. Значительную часть насильственно приведенных на берега Невы работников составляли поначалу финляндцы и ингерманландцы, присылаемые из завоеванных русскими у шведов территорий.

Много людей приезжало также из-за границы. Сначала среди прибывавших больше всего было немцев, в том числе прибалтийских, затем стали появляться французы; голландцы играли важную роль в первые десятилетия XVIII в., но их функции (главным образом купеческие) мало-помалу перехватывались англичанами.

Согласно надворному советнику Генриху Шторху, который в 1793 г. издал подробное описание Петербурга, в конце XVIII столетия немцы по-прежнему были самой многочисленной группой среди иностранных жителей города. За ними шли финны, французы и шведы. Последние (под ними понимались шведскоязычные из обеих частей королевства) занимались ремеслами и мануфактурами и, по словам автора, были «работящими и прилежными» и приносили пользу России «различными способами».

После присоединения в 1809 г. Финляндии на правах великого княжества к Российской империи приток финляндцев в Петербург усилился; ведь теперь они были подданными Его императорского величества и, приезжая в город на Неве, перемещались в пределах своего государства. Как показал Макс Энгман, в 1840 г. почти одинаковое число финляндцев — около 12 тысяч — жило в самом большом при шведском владычестве городе Финляндии Або (Турку), в новой столице великого княжества Гельсингфорсе (Хельсинки) и в столице империи Петербурге, который к тому времени давно уже превзошел Москву и был крупнейшим в стране городом по численности населения.

С устройством в 1830-х годах регулярных рейсов через Балтику расстояние до Петербурга сократилось и географически, и психологически, и город с годами притягивал к себе все больше шведов. Подмастерья, ремесленники, фабрично-заводские рабочие, люди искусства, инженеры и крупные предприниматели — все они связывали свое будущее с хорошими возможностями зарабатывать на жизнь в новой прибалтийской метрополии.

Перед началом Первой мировой войны Петербург с его двухмиллионным населением был одним из крупнейших городов Европы. Из названного числа для 200 тысяч человек русский не был родным языком, а это превосходило

население всего Гельсингфорса. В Петербурге говорили на шести десятках языков. Шведский приход насчитывал от шести до семи тысяч душ, из которых преобладающую часть составляли финляндские шведы. Не менее чем десятая доля приходилась на шведов из Швеции, а большинство остальных были норвежцы и датчане.

Понятие «шведы» здесь нуждается в разъяснении. До 1809 г. все финляндцы вне зависимости от того, был ли их родным языком шведский или финский, являлись шведами в том смысле, что были подданными Швеции. С присоединением Финляндии к Российскому государству граждане великого княжества автоматически стали подданными императора. Но хотя книга посвящена преимущественно шведам из Швеции, нет причин слишком уж строго придерживаться этого разграничения. Нельзя же в подобном обзоре обойти вниманием такие фигуры, как Густав Маннергейм, Густав Мориц Армфельт или других видных живших в Петербурге финляндцев — пасторов, ремесленников, книгопродавцев, ювелиров и т. д. Я ориентировался не на национальную, а на языковую и культурную принадлежность. И все же в центре моего внимания на страницах этой книги — шведы из Швеции и их деятельность в Петербурге.

Чтобы у читателя не сложилось слишком упрощенного представления относительно различия между «шведским» и «финским», надо также сказать, что многие финляндские семьи были двуязычными, и это позволяло им выбирать, к какому приходу принадлежать. Другими словами, язык прихода или школы не обязательно был родным языком. Это, разумеется, относилось и к другим семьям, в которых говорили не на одном языке; так, например, у многих посещавших школу шведского прихода детей языком домашнего общения был немецкий.

* * *

Поскольку тема «Шведы и Петербург» прежде не подвергалась систематическому изучению, я хочу разъяснить вынесенные в подзаголовок слова. Эта книга —

действительно *главы из истории*, а не *история о шведах* в Петербурге; это попытка обозначить некоторые сюжеты, могущие представлять интерес для будущих исследований. В книге сведения о людях разных профессий сочетаются с изложением отдельных событий (в частности, визита на берега Невы короля Густава III в 1777 г.) и рассказом о деятельности учреждений и организаций (например, о деятельности «Северного общества» и судьбах шведского прихода на протяжении столетий). В главе «Шведская колония на рубеже веков» предпринята попытка показать, как шведы жили в Петербурге в последние десятилетия XIX и первые десятилетия XX в.: как они отмечали свои праздники, где делали покупки, какие рестораны предпочитали, в какие школы отправляли своих детей, на каких языках говорили.

Некоторые имена — Нобель, Лидваль, Болин и другие — чаще иных появляются на страницах книги. Это естественно, учитывая их положение и в шведской общине, и в российском обществе. Но этому имеется и другое объяснение: жизнь и деятельность названных семей сравнительно лучше обеспечена источниками, между тем как биографии многих других петербургских шведов безвозвратно утрачены, перемолотые жерновами российской истории XX в. Хочу надеяться, что читатель, прослеживая судьбы некоторых семей «от начала до конца», получит представление о мощи и безжалостности ледяных ветров, восемьдесят лет назад сокрушивших не только иностранные колонии в Петербурге, но и значительную часть культуры и цивилизации, которые великими усилиями с успехом возвращались в стране на протяжении предшествовавших столетий.

* * *

Первым, кто пробудил во мне интерес к шведам в Петербурге, был Ян Улоф Ульссон, который в двух главах своей книги «Ленинград — С.-Петербург» (1967) затрагивает и тему шведской предыстории города, и судьбы нескольких петербургских шведов. Эта книга послужи-

ла мощным стимулом для моей работы над темой «шведского Петербурга».

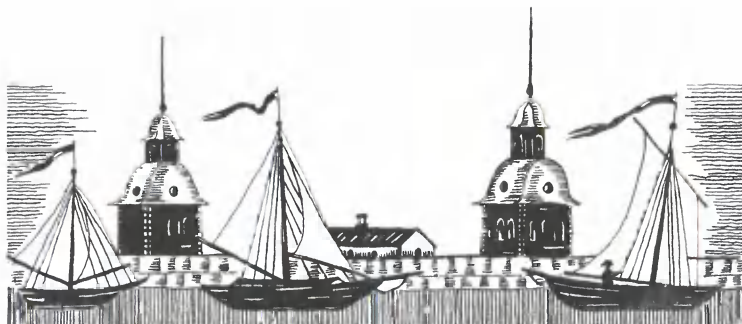
Связи Финляндии с Петербургом, а также значение этого города для великого княжества обстоятельно и углубленно изучены финляндскими историками Максом Энгманом, Матти Клинге, Суне Юнгаром и другими. Их труды были чрезвычайно важны для моего собственного исследования.

Хочу назвать еще один важный источник моих сведений по избранной теме, а именно организованную Шведским институтом и проведенную в Петербурге (1995–1997) серию семинаров «Швеция и С.-Петербург», которыми мне выпала честь руководить. Не менее сорока докладов, прочитанных на этих семинарах российскими и шведскими специалистами, внесли много нового в картину взаимоотношений между нашими странами и являются добротной основой для дальнейших исследований. Как видно из списка источников и литературы, я широко пользовался материалами этих семинаров, собранными в сборнике «Шведы на берегах Невы» (Стокгольм, 1998).

Русское издание книги сравнительно со шведским претерпело ряд изменений; также произведены многочисленные сокращения. Кроме того, изъяты сведения, необходимые для понимания текста шведским читателем, но заведомо известные русскому; специфически шведские реалии, наоборот, разъяснены.

П

етербург
до Петербурга

В записке шведским представителям на мирных переговорах в Нарве в 1615 г. Аксель Уксеншерна (Оксеншерна) писал, что, «вне всякого сомнения», в лице русских мы имеем «лживого и близкого могучего соседа», которому из-за его «врожденных и словно бы с материнским молоком впитанных коварства и вероломства» нельзя доверять. Однако ныне этот враг так «поставлен на колени», что наибольшая и наилучшая часть его страны либо находится в шведских руках, либо разорена и «не приносит никакой пользы». Самые лучшие люди «в прошедшие годы уничтожены», и теперь остались лишь «такие, которые мало отличаются от толпы лесных бродяг».

Однако, будучи поистине государственным мужем, канцлер предвидел, что достигнутые Швецией успехи не будут вечными и Россия когда-нибудь вновь сможет подняться на ноги. Поэтому он подчеркнул: «И я допускаю и сознаю, что для нашего государства и отечества самым удобным, полезным, безопасным и даже необходимым был бы мир с русскими...»

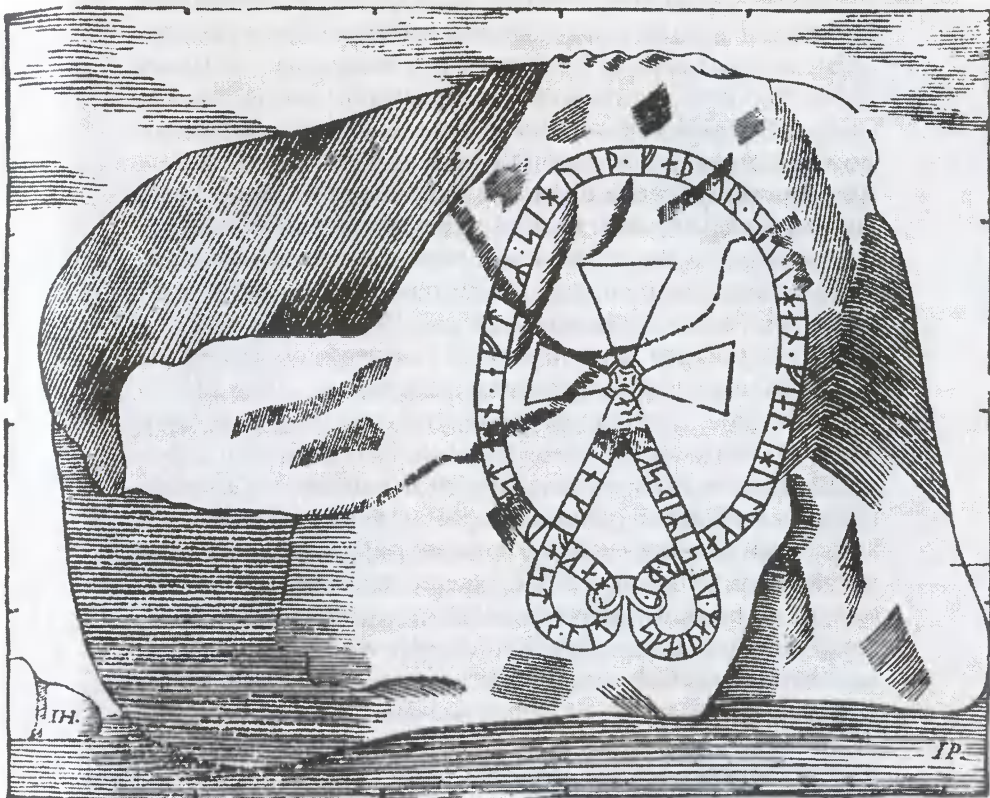
На месте, где теперь стоит Петербург, в XVII в. находился шведский город Ниен с крепостью Ниеншанц. Печать города. *Университетская библиотека (Упсала)*

Эти слова Акселя Уксеншерны хорошо иллюстрируют историю взаимоотношений между Швецией и Россией, исполненных враждебности и соперничества, но также и понимания (по выражению канцлера) «обусловленных соседством обстоятельств». За исключением Дании ни одна страна не играла в шведской истории столь значительной и роковой роли, как Россия и различные княжества, существовавшие до образования в XV в. Русского государства. Борьба велась за торговые и военные интересы, и прежде всего речь здесь шла о господстве над устьем Невы, впадающей в Балтийское море.

Восточный путь

Русская история изначально была связана со страной, именуемой ныне Швецией. Пока норвежские и датские викинги развивали свою экспансию в западном направлении, шведы с IX в. совершали походы на восток. Важные пути вели либо по Финскому заливу и Неве, либо по балтийским водным путям, откуда по Днепру можно было пройти на юг до Киева и далее по Черному морю в Миклагорд (Константинополь). По возводимым вдоль этих торговых и разбойничьих путей деревянным укреплениям страна получила название Гардарика — слово «gård» («двор») поначалу означало «огороженное место».

Легенда об основании Русского государства известна из русской летописи XII в. Сначала наемники — или, как их называли русские, — варяги были изгнаны, поскольку требовали дани с местного населения. Но едва варяги покинули страну, как между местными князьями начались распри. И тогда, сообщает летописец монах Нестор, они «сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”». Славяне отправились за море к варягам — «к руси, ибо так именовались эти варяги». Благополучно прибыв, они объявили северным конунгам: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами».

Рунические камни свидетельствуют о путешествиях наших предков на восток. Наиболее известный в этой связи камень находится в Чельвестене (Эстергётланд); надпись на нем предположительно датируется IX в. и сообщает о том, что Эйвинд погиб на востоке, но где именно, неизвестно. К XI в. относится много камней со специфической информацией. Наиболее часто встречающееся иностранное географическое название — Греция, но есть много камней, указывающих на то, что в средневековых исландских источниках именуется *Svitjod hin mikla, Storsverige (Scythia magna)*, то есть то, что мы теперь называем Россией. Например, на валуне в Эста (Сёрмланд) можно прочесть следующую надпись: «Ингефаст велел вырубить камень после [кончины] Сигвида, своего отца. Он пал в Хольмгарде как хёвдинг корабля вместе со своей бывшей на корабле командой». Поверхность камня с текстом сильно выветрилась, но текст поддается дешифровке при помощи этого рисунка, сделанного в XVII в.

Согласно летописи, хёвдинг (вождь, военачальник) Рюрик в 862 г. основал род, который просуществовал долгое время и господствовал над разными княжествами земли русской. Хотя летопись содержит много мифического, и как даты, так и ход событий из нее ясно не следуют, все же можно предположить, что область южнее Ладоги (будущее Новгородское государство) в IX в. подпала под власть некоего свейского хёвдинга — пусть и при гораздо менее идиллических обстоятельствах, чем о том говорит летопись, — может быть, именно Рюрика и его братьев Трувора и Синеуса, и что затем, при потомках Рюрика, пределы государства распространились к югу. Содержащиеся в летописи сведения подтверждаются археологическими находками, свидетельствующими, что как раз в ту пору торговые связи с Севером были оживленными. Сколько-нибудь более подробные обстоятельства возникновения Русского государства покрыты, однако, мраком неизвестности и являются объектом споров между историками с тех пор, как был поднят сам этот вопрос. К сожалению, в этой полемике бурное проявление национальных чувств исследователей, живущих по разные стороны Балтийского моря, часто существенно преобладало над стремлением к объективности.

Многое говорит за то, что и название нового государства — Русь — имеет скандинавское происхождение: вероятно, оно восходит к древнеисландскому «rǫþs», как «rǫþsmenn» или «rǫþskarlar» (ср.: «Roslagen» и финское название Швеции «Ruotsi»). Однако скандинавское языковое влияние этим не ограничивается: такие имена, как Олег, Ольга, Игорь и Глеб, большинством людей воспринимаемые как исконно русские, в действительности являются древнескандинавскими и их носили члены рода Рюрика: Хельги, Хельга, Ингварр, Гудлейфр (ср. нем. Готтлиб).

За столетия род Рюрика смешался с другими, но именно потомки Рюрика — уже под славянскими именами, как Владимир и Святополк, — правили Русским государством, пока в начале XVII в. на престол не взошли Романовы. Когда шведские короли сражались с русскими князьями, то на самом деле сталкивались друг с другом государи одной — хотя и разбавленной — крови.

Род Рюрика обрусел, но восточная торговля шведов продолжалась, особенно с острова Готланд. Шведские набеги на восточное побережье Балтийского моря были продиктованы не только жадной наживы, но и религиозными мотивами, стремлением обратить русские племена в истинную веру. Вторжение варягов сопровождалось «крестовым походом», совершенным в 1150-х годах, когда Финляндия была присоединена к Швеции, пусть пока и в неясной форме. Спустя девяносто лет, в 1240 г., свеи, финны и тавасты (последние незадолго до того насильственно обращенные в христианство нашими шведскими пращурами) атаковали устье Невы, но были отброшены князем Александром, принявшим прозвание Невский и впоследствии канонизированным.

В конце XIII столетия шведы укрепили свой контроль над Финляндией, в 1293 г. основали крепость Выборг, и в 1300 г. под водительством марскалка (высшего сановника) Торгильса Кнутссона большое войско, насчитывавшее свыше тысячи человек, совершило поход к устью Невы. Целью экспедиции было заложить шанец между реками, которые в «Хронике Эрика» именуются «Ниен» и «Черная речка» (русское название — Охта):

Между Невою и Черной рекою
Крепости быть с высокой стеною.
На мысе, где рек тех сливались пути.
Лучшего места им не найти.
С юга в залив Нева протекала,
А с севера Черная речка впадала.

Автор хроники говорит, что ему никогда не доводилось видеть столь могучего флота:

...Марскалк Торгильс Кнутссон собрался в поход
от имени конунга. В ледунг* вошли
лучшие лодки и корабли.
Язычников конунг хотел проучить

* Морской поход викингов.

и город Ландскруна велел заложить.
Воинов одиннадцать сотен собрали.
Поплыли из Швеции в дальние дали.

После нескольких стычек шведы завоевали это место, где и была возведена крепость Ландскрона, и основные шведские силы отправились домой. Воинов, оставшихся здесь для обороны укрепления, возглавлял некий начальник, которого «Хроника Эрика» называет «господином Стеном», и это — первый известный по имени житель «Петербурга». Однако гарнизон не смог сдержать напора русских атак. Его численность была слишком мала, а кроме того, люди ослабели от недоедания и «тяжкой болезни», от которой выпадали зубы, — то была цинга:

Случалось, когда за столами сидели,
Пили настои на травах и ели,
Их зубы со стуком на стол выпадали.
Живыми остаться смогли бы едва ли.
Многих убили беды такие.
Дома умерших стояли пустые.

В мае 1301 г. русское войско захватило Ландскрону — завершилась первая попытка шведов взять под свой контроль устье Невы в Финском заливе.

Первый крупный мирный договор между шведами и русскими был заключен в 1323 г. в Нотебурге (Орешке) — крепости, стоящей на острове в истоке Невы из Ладоги. Граница между Швецией и Новгородом — Россией — прошла по реке Сестре, впадающей в Финский залив всего в нескольких километрах от города, который мы сегодня знаем как Петербург.

Шведский царь

Борьба за берега Финского залива продолжалась с разной интенсивностью и в последующие столетия. В конце XVI в. Швеция завоевала значительные части

Ингерманландии (Ижорской земли) и Эстляндии: в 1561 г. под власть шведской короны перешел Ревель, в 1581-м шведы заняли торговый город Нарва, и Юхан III к своим титулам короля Швеции, готов и вендов присоединил титулы «великого князя Финляндского, Карельского, Водской пятины и Ингерманландии в России, а также герцога эстов в Лифляндии» (пятина — название административной единицы в Новгородской республике).

По условиям Тязвинского мира 1595 г. шведам пришлось уступить России свои завоевания в Карелии и Ингерманландии, и результаты борьбы за владычество в этой части Прибалтики вновь оказались не в пользу Швеции. Но уже через несколько лет после подписания мирного договора политическая ситуация коренным образом изменилась. В России начались внутренние раздоры, угрожавшие дальнейшему существованию государства: так называемая Смута. Суть конфликта состояла в том, кому занять русский трон после кончины сына Ивана IV Грозного — Федора в 1598 г., означавшей пресечение династии Рюриковичей по мужской линии. Несколько человек и групп на протяжении пятнадцати лет боролись между собой за право занять престол, пока наконец в 1613 г. царем России не был избран Михаил Романов.

Междоусобица в Русском государстве способствовала тому, что извечные враги — Швеция и Польша, десятилетиями соперничавшие за господство над прибалтийскими землями, — стали со все большей алчностью поглядывать на восток. Россия подвергалась угрозе с двух сторон: шведы оказывали на нее давление с северо-запада (Ингерманландия, Эстляндия), а поляки нажимали с юго-запада (Смоленск). Под угрозой было само существование России. Чтобы противостоять польским войскам, русские и шведские послы в 1609 г. заключили в Выборге «нерасторжимый союз» между двумя странами, направленный против короля Сигизмунда III. Шведы обязались поддержать русского царя войском численностью в три тысячи человек пехоты и две тысячи человек кавалерии; взамен Россия уступала Швеции Корелу (Кексгольм) с уездом.

16 июля 1611 г. шведы захватили Новгород и владели им шесть лет, до заключения в 1617 г. Столбовского мира, по условиям которого город возвращался России. Благодаря контролю над Новгородом и рекой Волхов Швеция могла, по словам Густава II Адольфа, «культивировать прибыльную коммерцию». В книге Юхана Видекинда о шведско-русской войне 1607–1617 гг. (см. подпись под предыдущим рисунком) имеется воспроизведенная здесь гравюра Падта Брюгге. *Королевская библиотека (Стокгольм)*

Швеция вступила в войну на стороне России, но, несмотря на некоторые первоначальные успехи, командующему шведским войском Якобу Делагарди не удалось привести объединенные силы к окончательной победе. На протяжении нескольких месяцев 1610 г. шведская армия стояла в Москве и попыталась также осадить захваченный поляками Смоленск. Здесь удача отвернулась от шведского войска — оно было наголову разбито; правда, поляки позволили ему беспрепятственно уйти при условии, что шведы разорвут союз с Россией. Вслед за этим в Москве вспыхнуло восстание; царя Василия Шуйского, с которым у шведов был альянс, свергли с престола, и поляки вступили в Москву. Новым монархом Московского государства был

провозглашен сын Сигизмунда III — польский королевич Владислав.

При сложившемся положении дел Якоб Делагарди считал себя свободным от каких бы то ни было союзнических обязательств по отношению к России и осадил Корелу, которая вопреки договору так и не была уступлена Швеции. 2 марта 1611 г. крепость была взята шведским войском. Поздней осенью Делагарди вступил в переговоры с Новгородом: Швеция требовала крупные части Ингерманландии, на что Совет господ Новгорода не согласился. Между тем недовольство русских польским правлением вскоре вынудило их снова обратиться за помощью к Швеции.

Медальон с изображением юных принцев Густава Адольфа и Карла Филиппа, претендентов на русский царский трон. *Королевская библиотека (Стокгольм)*

В июне 1611 г. было принято решение, которое, будь оно осуществлено в соответствии с разработанным планом, изменило бы карту и историю Европы: шведскому кронпринцу Густаву Адольфу предстояло стать великим князем московским, то есть царем России.

То было для Швеции крупным и неожиданным успехом, но Делагарди, не удовлетворившись достигнутым, попытался извлечь из возникшей ситуации пользу. В июле он штурмовал Новгород и принудил его руководителей заключить соглашение, скрепленное присягой и крестоцелованием. По условиям соглашения Новгород признавал шведского короля Карла IX своим покровителем, и один из сыновей короля — Густав Адольф либо Карл Филипп — должен был стать русским царем и новгородским великим князем. Надлежало также призвать московских и владимирских бояр согласиться с этим решением.

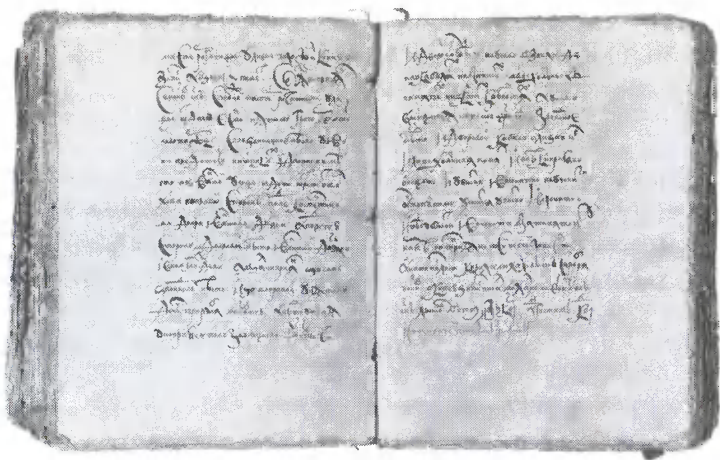
К тому времени, когда это известие достигло Карла IX, он уже лежал на смертном одре, и его старшего сына и наследника Густава Адольфа ждала шведская корона. Реальным претендентом на русский трон оставался Карл Филипп, которому было тогда всего десять лет. Русские сочли это обстоятельство выгодным, поскольку юный возраст принца предоставил бы отечественным сатрапам бóльшую свободу действий, а, кроме того, сулил более гибкую позицию по конфессиональному вопросу. Обе притя-

завшие на русский престол страны исповедовали, с точки зрения православия, лжеучения: поляки были католиками, а шведы — протестантами. Даже если русская сторона и не выдвигала официального требования о переходе принца в православие, смена им вероисповедания была в высшей степени желательной.

Шведская сторона тоже взвешивала преимущества и возможные слабости. Вдовствующей королеве не хотелось втягивать свое десятилетнее дитя в эту русскую авантюру; в сомнениях пребывал и король, которому было всего 17 лет. В ответ на письмо новгородцев Густав II Адольф написал, что в свое время он сам посетит «господ» в Новгороде и Москве, дабы там, на месте, наилучшим образом организовать управление страной. Пока же он просил новгородцев повиноваться королевскому воеводе боярину Делагарди, вести себя, как подобает добрым подданным, и помнить обо всей той помощи, которую они получили от шведской короны при прежнем короле.

Разумеется, возможность посадить шведского принца на русский трон таким мирным способом виделась весьма привлекательной. Однако русская корона, по выражению одного историка, была «едва ли столь блестящей и многообещающей, как это могло показаться на первый взгляд». Весь план основывался на том, что либо Россия окажется под скипетром нового царя, либо в ней вскоре разразится распри. Несмотря на заверения в обратном, все же не было уверенности в том, что родившийся шведом принц действительно сможет по восшествии на русский трон сохранить свою веру.

Для Густава II Адольфа это решение осложнялось также иными внешнеполитическими заботами. На протяжении 1612 г. он был вынужден все свое время посвящать датчанам, которые учиняли вселявшие тревогу вторжения в южную и западную Швецию. Но в Новгороде события развивались в соответствии с собственной динамикой, и в июне от Делагарди пришло известие, что Карл Филипп уже провозглашен великим князем новгородским. Благодаря успехам шведских войск его великое княжество скоро расширило свои пределы, охватив кре-

Документ из новгородского городского архива, который шведская армия, оставляя город, увезла в Швецию.
Государственный архив Швеции (Стокгольм)

пость Орешек (Нотебург) и несколько других укрепленных ингерманландских городов — Ям, Копорье, Ивангород.

Тем временем новгородское посольство, прибывшее после заключенного с Делагарди договора, уже несколько месяцев находилось в Стокгольме, ожидая ответа шведского короля. В ноябре 1612 г. риксдаг высказался в пользу ходатайства Новгорода: Россия не должна оказаться в неприятельских (то есть польских) руках, а кроме того, для Швеции было бы почетно назначить России нового правителя. Однако право окончательного решения предоставлялось королю. Но у Густава II Адольфа совсем не было времени заниматься этим вопросом до окончания войны с датчанами. Как только на новый 1613 год был заключен мир с Данией, король предоставил новгородскому посольству возможность аудиенции у Карла Филиппа и пообещал, что принц сам с делегацией прибудет в Выборг до исхода февраля.

Якоб Делагарди пребывал в Новгороде в качестве шведского командующего, а в Стокгольме Густав II Адольф раздавал имения находившимся там русским. Но тем вре-

менем события в России развивались таким образом, что угрожали свести на нет планы шведского правительства.

В ноябре 1612 г. в Москве было обнародовано приглашение на съезд в столице, и в феврале следующего года состоявшееся под руководством князя Дмитрия Пожарского и при поддержке бояр собрание высказалось против избрания на великокняжеский трон отечественного государя. Но поскольку в Стокгольме затянули с отъездом Карла Филиппа, в Москве начались волнения, и в конце февраля казацкой партии удалось добиться провозглашения русским царем шестнадцатилетнего Михаила Романова. И хотя избрание состоялось в сложной обстановке, официально оно было объявлено единогласным. Со временем эта романтическая версия стала восприниматься как единственно верная — по крайней мере в России.

В Швеции избрание Михаила не воспринималось как окончательное; ситуация в России была нестабильной, за прошедшие десять лет на троне произошло много перемен, и выбор юного Романова вовсе не обязательно означал, что шведский принц уже находится вне игры. Теперь уже не медлили, и в июне 1613 г. Карл Филипп выехал в Выборг, где встретился со шведской и новгородской делегациями, которым предстояло провести переговоры об условиях его восшествия на престол. Весной московские бояре присоединились к казацкой партии и присягнули на верность Михаилу Романову. Поэтому новгородцы выдвинули предложение о том, чтобы Карл Филипп стал великим князем только в Новгороде. Однако шведского короля не прельщала поделенная таким образом русская корона, и он не усматривал никаких выгод от того, что его брат станет великим князем во враждебном Москве государстве. Когда Новгород не смог дать гарантий, что Карл Филипп станет царем всей России, шведская сторона приняла решение рассматривать его как оккупированный город. Несколько новгородских делегатов присягнули на верность шведскому королю и получили дозволение вернуться домой,

между тем как другие были задержаны в Выборге, по сути дела, заложниками. Что же до Карла Филиппа, то он возвратился в Стокгольм, так и не ступив на русскую землю.

Никогда русский престол не был столь близок для Швеции. Но хотя Карлу Филиппу и не суждено было водрузить на свою голову корону русского царя, война для шведов все-таки шла успешно. После того как Якоб Делагарди и другие шведские военачальники подчинили своей власти бóльшую часть Ингерманландии, в 1615 г. начались мирные переговоры с Россией. Заключенный спустя два года в деревне Столбово на южном берегу Ладоги мир стал самым благоприятным для Швеции за всю ее историю: русские были вынуждены уступить Корельский уезд (Кексгольмский лен) и Ингерманландию. Швеция обрела теперь всем побережьем Финского залива от Нарвы до Карельского перешейка, между тем как Россия оказалась отрезанной от Балтийского моря. Часть Новгорода тоже стала шведской — и навечно: покидая город, шведские войска взяли с собой весь городской архив — в общей сложности 30 тысяч русских рукописных текстов. Заботами Якоба Делагарди уникальный архив был доставлен в Швецию, где хранится в Государственном архиве в Стокгольме под названием «Оккупационный архив из Новгорода, 1611—1617 гг.».

С новыми границами Балтика стала едва ли не внутренним морем Шведского государства, и это означало выдающийся триумф двадцатитрехлетнего короля. В своей речи к сословиям, произнесенной на открытии риксдага 26 августа 1617 г., Густав Адольф утверждал, что благодаря новозавоеванным крепостям Ивангород, Ям, Копорье, Нотебург и Кексгольм «в Финляндии и Эстляндии можно жить спокойно и в безопасности от русских не только в мирные времена, но и во время открытых военных действий». Финляндия, заявлял он далее, теперь отделена от России Ладогой, которая столь же широка, «как море между Швецией и Аландами или между Эстляндией и Нюландом», — море, которое не осмелился пересечь «ни один поляк».

«Итак, я возлагаю надежды на Господа, — уверенно вымолвил король слова, которые станут крылатыми, — что отныне русскому будет трудно перебежать или перескочить через этот ручеек».

«Расчищайте для себя столько земли,
сколько сами пожелаете!»

Завоевание Ингерманландии было продиктовано соображениями стратегическими, но не менее важными являлись также торгово-политические и коммерческие интересы. Шведский историк Эрик Лённрут пишет: «Если отвлечься от стремления овладеть экспортными гаванями как от основополагающего мотива завоевательной политики королей династии Васа, то остается поискать какое-то более или менее разумное объяснение тому, что с таким усердием и такой последовательностью захватывали труднозащитимые части побережья и наживали себе потенциально труднодоступных врагов». По рекам Нева и Нарова товары можно было везти далее до Ладоги и оттуда в срединные районы России, а прибалтийские гавани связывали с землями остальной Европы. Из провинций, которые в то время уже находились под властью шведской короны, ни одна, пожалуй, не имела столь благоприятного местоположения, как Ингерманландия.

В обращенной к сословиям речи на риксдаге 1617 г. король долго говорил о коммерческих выгодах, обеспеченных завоеваниями. Отечество, сказал он, «этим мирным договором не только достигло желаемой безопасности и покрыло себя великой славой, но шведская корона и ее короли могут теперь благодаря Божьему провидению повелевать и диктовать свои условия в том, что находят справедливым...». Господь щедро и изобильно одарил страну «пашнями и лугами, пастбищами, богатыми рыбой реками и озерами», а в лесах полно всевозможных диких зверей, меха которых «очень ценны». Если мир продолжится, «то наша страна с ее значительными доходами весьма пополнит казну короны». В особенности же можно

ожидать добрых дополнительных прибылей, поскольку «торговля со всей Россией должна будет идти через эти наши земли».

Губернаторство (с 1642 г. — генерал-губернаторство) Ингерманландия находилось под скипетром шведских королей на протяжении целого столетия, до Ништадтского мира 1721 г., хотя с 1703 г. реально принадлежало России. Население Ингерманландии составляло 60 тысяч человек — главным образом жители сельской местности. В подавляющем большинстве то были ижора, финны и русские, а в десятилетия шведской колонизации туда все больше приезжало восточных финнов, шведов и немцев. Одно из условий Столбовского трактата оговаривало, что бояре, монахи и горожане имели право выехать из Ингерманландии в двухнедельный срок, иначе же они становились шведскими подданными. Крестьяне, напротив, были обязаны остаться. Однако многие из них бежали в Россию — отчасти потому, что в Ингерманландии они оказывались в крепостной зависимости, а отчасти из-за гонений за православное вероисповедание со стороны протестантской церкви.

Шведское правительство приказало епископам стараться обращать русских в истинную веру «по-доброму, без принуждения», но действительность выглядела иначе: русских священников заставляли посещать лютеранские богослужения и угрожали тюремным заключением, если они не смогут предъявлять детей, умеющих читать катехизис (и наоборот, за каждые двадцать детей, умеющих читать катехизис, священники будут вознаграждаться четырьмя туннами (бочками) зерна и четырьмя туннлами* земли!). В результате такой политики не только русские, но и православные карелы, финны и ижора целыми толпами бежали на восток.

Этот исход принял такие масштабы, что угрожал сорвать осуществляемые шведскими властями планы колонизации. Спустя два года после заключения Столбовского мира Густаву II Адольфу пришлось констатировать,

* Тунланд равен 4936 кв. м.

В составе шведского посольства, отправленного в 1673 г. в Москву, находился молодой офицер-фортификатор Эрик Пальмквист, задачей которого было картографировать сеть дорог и зарисовывать русские крепости. В результате возникла красивая книга (в одном экземпляре) под названием «Некоторые наблюдения над Россией, сделанные во время последнего королевского посольства к московскому царю...» (1674). Здесь изображено прибытие посольства к шведско-русской границе у Муравейно (Моравены) на реке Луге (*Государственный архив Швеции*).

что он не извлекает из Ингерманландии никакой пользы, поскольку она безлюдна, а в конце 1620-х годов бегство оттуда достигло таких размеров, что король велел вешать всех беглецов — и потенциальных, и уже пытавшихся это сделать.

То был, разумеется, не лучший способ решить проблему заселения края. Как видим, король изначально рассматривал Ингерманландию как колонию. Поэтому способом компенсации массового исхода людей на восток являлось создание хороших условий для въезда в нее. В своей речи на риксдаге 1617 г. монарх призвал дворянство перестать «тесниться, спорить за землю и мучиться» из-за каких-то жалких дворов в Швеции, а обратить взоры на завоеванные области по другую сторону Балтики: «Перебирайтесь на эти земли и расчищайте для себя их, сколько пожелаете и на сколько хватит возможностей каждого». «Я, — обещал король, — предоставлю вам все привилегии и свободы, окажу помощь и всяческое покровительство». Именно щедрыми пожалованиями и ввезенной рабочей силой заселялась провинция.

Перед лицом массового бегства крестьян в Россию король распространил пожалования и на немецкое дворянство. Немцы должны были привозить с собой и крестьян. Благодаря этому десятки семей, преимущественно из Мекленбурга, переселились в имения в Копорском лене и к востоку от него. По мнению Густава II Адольфа, «добрые немецкие обычаи» должны были исправить нравы «русских свиней». В качестве поощрения новопоселенцы были на несколько лет освобождены от налогов и податей.

Однако эксперимент оказался не слишком удачным: немецким колонистам трудно было освоиться в этих местах, и многие вернулись на родину. Этому не приходится особенно удивляться, учитывая существовавшие условия. Ингерманландия XVII столетия была негостеприимным, разоренным войной краем, в котором человека подстерегали дикие звери и прочие опасности. Путешественники того времени особенным испытанием называют несметные полчища комаров, которые в летнее время

парализовали всякое сообщение между населенными пунктами; шведы называли комаров «русскими душами», что говорит об отношении приверженцев «истинной веры» к православным соседям.

Первоначально шведское правительство не предполагало колонизовать эту провинцию крестьянами из самой Швеции или других принадлежавших ей владений — Шведское государство было редконаселенным, и выезд людей в Ингерманландию нанес бы тяжелый ущерб экономике. Однако от указанной точки зрения пришлось быстро отказаться, помещики стали посылать своих управляющих в Финляндию нанимать людей, и шведские и финские крестьяне начали переселяться в Ингерманландию. Но край заселялся и менее добровольно: туда отправляли также всякого рода преступников. Незаконная охота, рубка принадлежавших короне дубов и некоторые иные преступления, согласно принятому королем в 1620 г. решению, карались высылкой в эту прибалтийскую провинцию, которую порой называли «шведской Сибирью». О взгляде на Ингерманландию как на своего рода свалку свидетельствуют слова, будто бы произнесенные королем Карлом X Густавом, когда встал вопрос о том, что делать со всеми жителями Сконе, Халланда и Бохуслена, которые стали шведскими подданными после заключенного с Данией в 1658 г. в Роскилле мира: «Да мы ведь можем отправить их в Ингерманландию».

«Укрепление из дерева и земли»

Важной предпосылкой для «культивирования богатой коммерции» (выражение Густава II Адольфа) являлось овладение движением по Неве, или Ниену, как эта река называлась на тогдашнем шведском языке. В цитированной выше речи на риксдаге король мог ограничиться констатацией, что это уже на самом деле достигнуто: «Для нас уже открыта дверь по реке Ниен, дабы проводить корабли и лодьи вверх по Ладожскому озеру и новгородской реке Волк (Волхов. — Б. Я.) до самых ворот Новгорода...»

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ КАРЛБЕРГ

Ленные пожалования в Ингерманландии были весьма щедрыми. Одним из крупнейших было баронское имение Дудергоф, расположенное вдоль южного берега Финского залива. Оно в 1624 г. было предоставлено государственному советнику Юхану Шютте, наставнику принца Густава Адольфа и с 1622 г. канцлеру Упсальской академии. Ю. Шютте, считавшийся одним из наиболее образованных шведов того времени, в 1629 г. стал генерал-губернатором Лифляндии, Ингерманландии и Карелии с поручением нести особую ответственность за дела права и образования. Он блестяще справился с возложенной на него ответственностью, основав в 1630 г. гофгерихт (верховный суд) и спустя еще два года университет в Дерпте (Тарту) — *Academia Gustaviana* (Густавианскую академию). То был второй университет в Шведском государстве (Абоская академия была основана в 1640-м, *Academia Carolina* (Каролинская академия, т. е. Лундский университет) — в 1666 г.), и Ю. Шютте стал его первым канцлером.

Еще бóльшим пожалованием был наделен сводный брат Густава II Адольфа — Карл Карлсон Юлленъельм (плод связи Карла IX с дочерью пастора), первый наместник Ингерманландии и Кексгольмского лена. Во время войны с Польшей Карл Карлсон Юлленъельм угодил в польский плен и провел в заключении целых двенадцать лет. После освобождения, последовавшего в 1613 г., он был произведен своим братом сначала в баронское достоинство, затем в фельд-маршалы и в 1617 г. был назначен ландсхёвдингом (губернатором). На этом посту он пробыл три года.

В 1623 г., когда Карл Карлсон Юлленъельм уже уехал из Ингерманландии, он получил от короля в лен Ингрийский (Ижорский) погост площадью в 200 обож (обжа — ингерманландская земельная мера площади, которая в начале шведского господства соответствовала тридцати туннам посевного зерна; с течением времени размеры обжи изменялись). Эта местность распола-

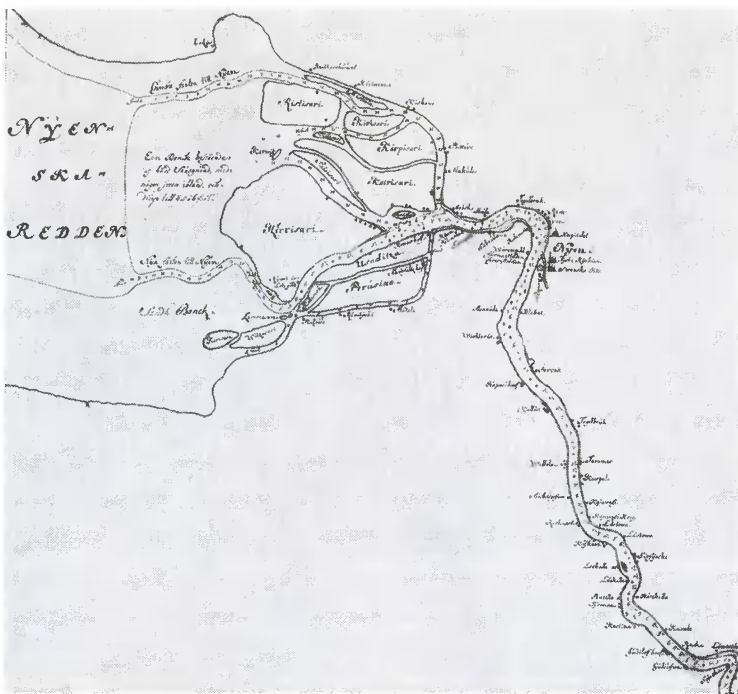
Наставник принца Густава Адольфа государственного советник Юхан Шютте, канцлер Упсальской академии, генерал-губернатор Лифляндии, Ингерманландии и Карелии.

Шведская карта второй половины XVII в., показывающая имение семьи Риббингов Карлберг с церковью. Семейные владения раскинулись между реками Ижора и Славянка. К Карлбергу относилось много деревень, населенных главным образом шведскими крестьянами с такими именами, как Мартин Ёранссон и Улоф Андерсон. Библиотека Российской Академии наук (Петербург).

галась юго-западнее Невы вокруг рек Славянка, Ижора и Тосна. При впадении Славянки в Неву генерал-губернатор сначала заложил усадьбы Гудилов и Риббинггольм. Около 1632 г. он приказал возвести себе «резиденцию» Карлберг — предшественницу стокгольмского замка Карлберг. Ингерманландский замок стоял дальше к югу, близ нынешнего Павловска. Поместья охватывали огромную территорию с несколькими селениями и дворами: Карлберг охватывал не менее восьмидесяти двух имений.

Карл Карлсон Юлленъельм был женат на одной из дочерей государственного казначея Швеции Севеда Риббинга. С кончиной Юлленъельма в 1650 г. полученное им в лен имение перешло в собственность семьи Риббингов. В 1703 г. территория оказалась в руках русских, но Карлберг под названием Графской Славянской просуществовал до 1831 г., когда на его месте и, вероятно, на том же фундаменте было возведено новое здание. Вполне может быть, что каменная кладка подвалов этого дома (со времен Второй мировой войны лежащего в руинах) восходит к Карлбергу. Если так, то она — один из немногих сохранившихся следов шведского присутствия в этих краях.

Летом 1701 г. обер-штурман Карл Эльдберг произвел замеры глубин в реке Неве, благодаря чему было составлено несколько гидрографических карт. На этой карте «ниенского рейда» (фарватера), где Нева впадает в Финский залив, отчетливо видны Ниен с укреплением, госпиталь и кирпичный завод, а также паромная пристань на другом берегу реки, где находился православный приход. На карте видны также три шведские усадьбы, или «резиденции», — на островах, которые теперь лежат в центральной части Петербурга: двор Коноу (Конау, Коноффа) на острове Усадица, двор Акерфельта на острове Перузина и двор Бьёркенхольма на острове Койвусаари (Березовом).

Эрик Дальберг, посетив в 1681 г. эту низменную и подверженную наводнениям местность, описал ее так: «Река Нева на всем своем протяжении от Ладожского озера до Ниена по обе стороны имеет высокие песчаные берега, до самого города поросшие по большей части высоким лесом и кустарником. Она течет не особенно быстро и почти повсеместно имеет глубину шесть футов при низкой воде, так что при добром ветре можно идти против течения на лодьях и других судах, но при сильном встречном ветре затруднительно ходить и вниз, и вверх по течению. Но когда со стороны Балтийского моря, с запада или с северо- и юго-запада поднимается буря, вода в реке Неве у Ниена повышается на 4 локтя выше обычного уровня и причиняет большой ущерб стоящему там укрепленю». *Военный архив (Стокгольм)*

Наряду с Нарвой, постепенно ставшей важным транзитным портом, и Нотебургом — замком Невы, запиравшим Ладогу, Швеция контролировала теперь также устье Невы в Финском заливе. Там стояла крепость Ниеншанц, основанная в последние годы жизни Карла IX и завершенная Густавом II Адольфом.

Замыслы возвести военное укрепление при впадении Невы в Финский залив вынашивал еще Юхан III, который, завоевав важные города и крепости в Эстляндии и Ингерманландии, стремился еще более расширить свои владения. Дабы московиты «не имели возможности как-либо вторгнуться в Финляндию», король желал — и об этом свидетельствуют несколько писем, направленных им в 1583 г. своим военачальникам, — перенести русско-шведскую границу от реки Сестры к Неве. То, что память о Ландскроне еще была жива, видно из письма от 1 июня 1583 г., в котором Арвиду Эриксону и Арвиду Хенриксону поручалось совместно с унтер-адмиралом Бенгтом Сёффрингсоном Юлленлудом «незамедлительно отправиться с несколькими тысячами хорошо обученных солдат к острову, где прежде, говорят, стояла крепость, и там опять поставить новое укрепление из дерева и земли, а также усилить его шанцами и рвами, дабы благодаря этому мы могли получить себе то, что расположено на этой стороне Ниена».

Несмотря на повеление короля, настоящая крепость так и не была построена. Возведенные при впадении Охты в Неву полевые укрепления не были настолько неприступными, чтобы русские вскоре вновь не смогли завладеть дельтой Невы, и по Тявзинскому миру 1595 г. Швеции пришлось уступить свои завоевания в Карелии и Ингерманландии.

Спустя пятнадцать лет, когда Швеция во время Смуты в России возвратила себе территории вокруг невской дельты, вопрос обрел прежнюю актуальность. В начале 1610 г. Карл IX приказал своим военачальникам подобрать удобное место для шанца, «с тем чтобы можно было сохранять весь Ниен под шведской короной». По-видимому, работы начались очень скоро, однако из-за недостатка материалов и противодействия со стороны русских дело затянулось.

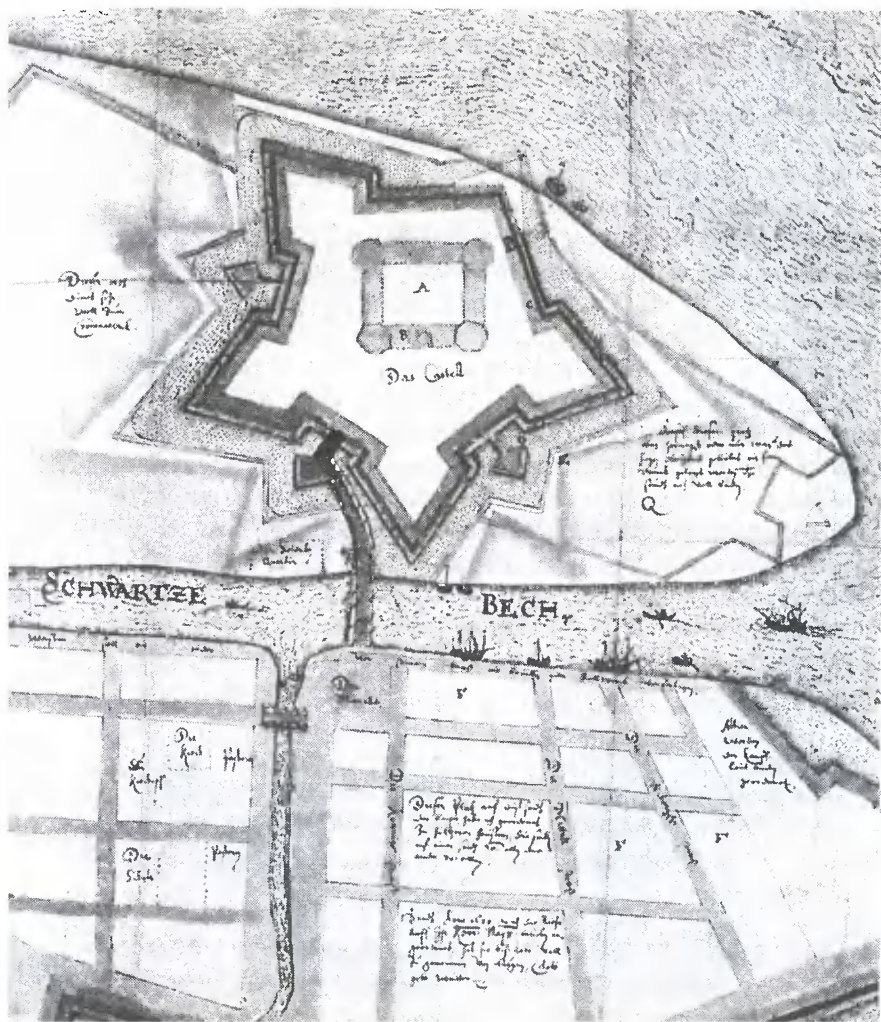
В июле 1611 г. король в письме сетовал на то, что от строящегося на Неве шанца проку мало и надлежит побыстрее лишить «нотебуржцев» всякой связи с Балтийским морем.

Для этого выбрали косу между Невой и ее притоком Охтой (т. е. Черной речкой, или Черным ручьем), довольно далеко от устья Невы.

Судя по всему, новый шанец был заложен если и не точно на месте Ландскроны, то, во всяком случае, неподалеку от нее. Укрепление, получившее название Ньюенсканс (нем. Ньюеншантц, Невашантц; фин. Неванлинна; рус. Ниеншанц), не было большим ни по своим размерам, ни по численности гарнизона. Ко времени Столбовского мира 1617 г. в Ниеншанце и Нотебурге находилось в общей сложности 200 солдат, и Ниеншанц подчинялся командиру Нотебурга.

За пределами Ниеншанца, на другом берегу Охты, было подготовлено место для города, получившего название Ниен. Не имеется никаких сведений относительно застройки вокруг крепости на протяжении первых лет ее существования, но можно предположить, что многих людей привлекло это место, столь благоприятное для торговли, а кроме того, находившееся под защитой шведских пушек. Первым документом, освещающим планы шведского правительства, является плакат, изданный Густавом II Адольфом в полевом лагере Херспрук в июне 1632 г., в котором монарх объявил о своем намерении «заложить» город на Неве и другие города «в нескольких удобных местах» на территории Ингерманландии и Карелии. Дабы города росли, «жили-поживали» и со временем достигли «процветания и благополучия», король пожаловал их жителям городские права и привилегии и освободил на шестилетний срок от «всех взимаемых с горожан податей и повинностей». Привилегии продлевались городам, особенно Ниену, жители которых возьмутся их «украсить и придать им нарядность добрыми каменными домами и строениями».

По мысли основателей, новый город должен был стать складочным местом для торговли с Россией и, кроме того, перетянуть на себя русскую коммерцию, которая велась через Архангельск. Одним из тех, кому надлежало убедить

В 1644 г. инженер Георгий Швенгель начертил план Ниеншанца и новоустроенного города. Это не зарисовка с натуры, а проектный план укреплений и регулирования строительства. Замыслы Швенгеля не получили осуществления; прежде всего это относится к крепости, и город остался слабо укрепленным. Об этом свидетельствуют как нападение русских в 1656 г., так и окончательная капитуляция, происшедшая в 1703 г. *Военный архив (Стокгольм)*

русских перенести торговлю в Ниен и Нарву, был немец Бернхард Штеен фон Штеенхузен, крупный землевладелец в Ниенском приходе. Вообще-то русские купцы были заинтересованы в подобной смене приоритетов, но откуда Ниен не получил никаких формальных городских привилегий, его будущее оставалось неясным, и торговля не принимала должных масштабов.

После того как регентское правительство при малолетней королеве Кристине в 1638 г. заверило, что Ниен пользуется шведским городским правом, в 1642 г. были обнародованы городские привилегии. В утвержденной спустя пять лет королевой Кристиной хартии подчеркивалось, что Густав II Адольф не только стремился «расширить и укрепить... истинное божественное знание и чистую евангельскую веру», но и «старался основать и построить разные города». Королева желает «продолжить дело основания городов», а посему «по своей монаршей милости и благорасположению» сочла правильным «поощрять, содействовать и впредь способствовать», предоставляя привилегии, свободы, права тому, кто «уже обзавелся хозяйством либо же намерен это сделать»:

Поскольку городское право Швеции есть основа доброго благоустройства городов и порядка в государстве, то мы желаем, чтобы наш город Ниен и населяющие его горожане, а также пребывающие и живущие там иноземцы пользовались этим правом и придерживались его, живя сообразно с его положениями, и всегда во всех случаях и делах вели себя, руководствуясь им...

На гербе и печати города Ниена был изображен лев, стоящий между двумя потоками и держащий меч в правой передней лапе.

В 1642 г. население Ниена насчитывало 471 человека, но после получения городом привилегий численность жителей возросла и на переломе веков достигла почти двух тысяч человек — это означает, что Ниен был уже одним из самых населенных городов в восточной части Шведского государства, уступая лишь Або и, возможно, Выборгу. Состав населения Ниена был пестрым. Одним из нацио-

нальных меньшинств были русские. Рабочими и ремесленниками в городе были преимущественно шведы и финны. До 1642 г. добрая половина горожан была родом из Финляндии, но после получения Ниеном городских привилегий туда из Прибалтийских провинций переехала часть немецких купцов, а также несколько голландцев и англичан. Мало-помалу немцы составили ведущую группу населения города со своей собственной приходской церковью. Языком администрации тоже был немецкий, хотя чиновниками на самых высоких должностях состояли шведы.

Сведений о жизни в Ниене не особенно много, однако при помощи карт мы можем получить вполне ясную картину облика города в конце XVII столетия. Жилые дома стояли длинными прямыми рядами вдоль берега Охты в том месте, где она впадает в Неву, и улицы были широкими. На более раннем плане 1644 г. проставлены названия трех улиц: Конунгсгатан (Королевская улица), Меллангатан (Средняя улица) и Виборгскагатан (Выборгская улица). Дома за редкими исключениями были деревянными. Малая Черная речка делила город на две половины, соединявшиеся тремя мостами. На южном берегу располагалась каменная шведско-финская церковь с пасторской усадьбой и школьными зданиями, а на северном — немецкая церковь и площадь с ратушей и госпиталем. К югу от города находились хлебные амбары горожан, сады, хмельники и пашенные угодья, а к северу — предместье, кирпичный завод, сад коменданта и несколько деревень.

Город соединялся с крепостью мостом, носившим название Шеппсбрун (Корабельный мост). На другом берегу Невы, приблизительно там, где теперь стоит Смольный монастырь, находилась русская церковь, окормлявшая русское население Ниена и Ниенского прихода (Спасского погоста). Через реку была устроена паромная переправа.

Одно из немногих описаний Ниена принадлежит шведскому языковеду Ю. Г. Спарвенфельду, посетившему город во время своего путешествия в Россию в 1684 г. Ю. Г. Спарвенфельд отмечает, что Сестра-река — рубеж

между Выборгским и Нотебургским ленами, эта старая «известная» граница — не более чем «какой-нибудь маленький дождевой ручеек, через который можно запросто перепрыгнуть» (созданный Густавом II Адольфом образ уже стал крылатым!). Преодолев «великие тяготы и многократно испытанное чувство отвращения», Спарвенфельд прибывает в Ниен, где, «поскольку в том месте нет ни единого постоянного двора», поселяется у ратмана и почтмейстера. Округа, отмечает Спарвенфельд, «удивительно приятна своей равнинностью и полезным для здоровья местоположением». Все население живет «в избах, то есть курных домах, в которых очень тепло». Волоковые окна в стенах всегда держатся открытыми до вечера, когда семьи зажигают «свои светильники — лучины... которые, будучи как следует высушены, горят порядочно хорошо». Еще Спарвенфельд рассказывает, что люди здесь «живут дольше, нежели в других местах, и рожают больше детей». В качестве примера он упоминает об одном столетнем старце, способном взобраться по трем или четырем «большим и высоким» ступеням на печь и оттуда наблюдать за «внуками своих детей в колыбелях», которые стоят на полу, и их бывает порой до пяти.

Среди шведских ремесленников в Ниене имелись, в частности, серебряных дел мастера — впрочем, то была профессия, в которой шведские специалисты прославятся и в Петербурге. Еще одним жившим в Ниене выдающимся шведом был Урбан Эрне, родившийся в 1641 г. в имении государственного дротса (наместника) Габриэля Уксеншерны Скворитс (Копорский лен), где его отец служил пастором. В 1647 г. семья переехала в Ниен, и отец занял должность приходского пастора.

В Ниене юный сын священника был определен в тривиальную школу, где обучался логике, риторике, поэзии, грамматике и музыке. Однако знания сочинений Цицерона, Вергилия и Эзопа на латыни и древнегреческом было недостаточно для человека, желавшего обеспечить себе будущность в этой части света, — ситуация в Ингерманландии требовала также хорошего владения живыми языками, причем не одним. В созданном уже на старости лет тру-

де «Orthographia Svecana» (1716) Урбан Эрне вспоминает, как еще ребенком должен был изучать все четыре языка, на которых говорили в Ниене:

И с тех пор я больше всего полюбил шведский язык, ибо поскольку в моем Отечестве в те времена были в ходу четыре разных языка, а именно шведский, немецкий, финский и русский, то каждый человек изучал тот язык, в котором был воспитан, и старался достичь в нем совершенства.

Отец руководил приходом до 1654 г. После его кончины Урбан вместе со старшим братом Томасом был отправлен в Дерптский университет, где, однако, пробыли недолго из-за недостатка средств, хотя у них и были бесплатные стол и жилье. Они вернулись в Ниен уже через пару месяцев.

Между тем будущее виделось неопределенным и для Урбана Эрне, и для других жителей города. Несмотря на стремление шведского правительства сделать Ниен открытым стапельным городом под властью шведской короны, торговля так и не приобрела значительных объемов. Важная причина такого положения дел заключалась в том, что город не получил защиты в виде мощной крепости. В относящихся к Ниену и Ниеншанцу официальных письмах то и дело повторяется тема о скверном состоянии укреплений. В 1652 г. генерал-губернатор Ингерманландии и Кексгольмского лена Эрик Стенбок отмечает, что город «не укреплен, а стоит совершенно открытым». Спустя два года его преемник Густав Эвертсон Хурн сетует на то, что состояние крепостей лена находится ниже всякой критики: они настолько разрушены, что «во дворах многих сельских жителей ворота лучше, чем те, какие я нашел у государственных крепостей». Эта запущенность имела роковые последствия: летом 1656 г. город и укрепления штурмовали силами нескольких рот русские; многие жители были убиты, а дома обращены в пепел. Что же до Урбана Эрне, то он отправился в Нарву и затем в Стокгольм, где сделал выдающуюся карьеру как врач и естествоиспытатель.

Хотя уже в сентябре шведы смогли вернуть себе укрепление, неожиданно оставленное русскими войсками,

происшествие 1656 г. показало цену беспечности. И сто́кго́льмское правительство, и местные королевские военачальники пообещали населению города, что шанец будет укреплен и на строительные работы пришлют даже финских солдат. Но из этих великих планов опять ничего не вышло: обещанные войска прибыли, однако никаких работ произведено не было, поскольку отсутствовали средства на оплату мастеровым людям...

Принимая во внимание стратегическое значение восточных фортификаций, такая политика властей кажется необъяснимой. Но небрежение крепостями имело свои очевидные причины. Шведская внешняя политика в военном отношении ориентировалась по преимуществу на юг. Для противостояния возможному неприятелю были обеспечены превосходные стратегические позиции. Завоевание Померании создало предпосылки для удара в сердце Германии и Польши, а также для нападения на Данию по суше; к тому же шведский флот имел в Висмаре опорную базу для операций в датском фарватере.

Восточному фронту подобного внимания не уделялось — граница с Россией по Сестре-реке рассматривалась исключительно с оборонительной точки зрения. Задача состояла в том, чтобы не позволить русским сломать замо́к, запиравший вход в Неву. Русским, чтобы достичь Балтийского моря, и в самом деле было трудно перепрыгнуть через Ладогу и Чудское озеро, но ведь то же самое в равной степени относилось и к шведам, если бы они решили наступать. К этому добавились трудности со снабжением, которые делали Ингерманландию непригодной в качестве операционной базы при нападении на внутренние районы России. Обеспечение провиантом шведской эскадры в Финском заливе зависело от военно-морских баз Кальмар и Карльскруна, и эскадре каждую осень приходилось возвращаться домой за необходимым продовольствием.

Только один шведский военный высокого ранга осознавал серьезность ситуации — командующий государственными фортификациями Эрик Дальберг. Он раз за разом обращался к Карлу XI, пытаясь привлечь его внимание к жалкому состоянию Ниеншанца. Э. Дальберг переда-

вал королю и письменные описания, и чертежи крепости, а в сентябре 1681 г. лично посетил Ниеншанц. По возвращении в Стокгольм он составил «неоспоримый» отчет, в котором констатировал, что «и городские сооружения, и укрепление в том состоянии, в каком они ныне пребывают, более вредны, нежели полезны». Он продолжает: если Ниен будет «оккупирован русскими», то не только пресечется сообщение между Карелией и Ингерманландией, но и русские смогут «всею своею великою силою войск легко... за краткое время так укрепиться в сей местности между двумя этими значительными реками и наконец (от чего да избавит милостивый Господь) осуществить свое с незапамятных времен испытываемое желание закрепить-ся на Балтийском море».

Эта бумага произвела определенное впечатление — для Ниеншанца были выделены средства и люди. Но и то, и другое поступило в недостаточных количествах, и в 1695 и 1698 гг. Э. Дальберг снова поднимает вопрос о «маленьком беззащитном шанце». Дальберг исходил из того соображения, что русские не отказались от своих планов и крепость Нотебург едва ли долго продержится. Поэтому генерал-губернатор предлагал королю устроить в Финских шхерах (так называлась местность ближе к устью реки) адмиралтейство с военными кораблями, которые смогли бы защитить шведские позиции на Неве и при необходимости ходить вверх по реке и во внутренние районы России.

В этой ситуации очнулись и другие шведские военные. Генерал-квартирмейстер Карл Магнус Стюарт (впоследствии преемник Дальберга на посту главы фортификационного ведомства) вносил, например, предложение перенести оборонительные сооружения ближе к месту впадения Невы в Балтийское море, на какой-нибудь один из семидесяти болотистых безлюдных островов в ее устье.

Но было поздно. Карл XII бросил все силы на войну в Польше, а шведские войска в Ингерманландии занимали главным образом оборонительные позиции. Король весной 1701 г. выступил с главной армией против польского короля Августа II, и тогда же сложился план шведских

наступательных действий в Прибалтийских провинциях. Но все передвижения, едва начавшись, спутались перед лицом угрозы со стороны русской армии, которая весьма усилилась после сокрушительного поражения под Нарвой, понесенного в предыдущем году. Численность шведских войск в Финляндии и Прибалтийских провинциях достигала приблизительно 15 тысяч человек, между тем как русская армия в одной только Ингерманландии была значительно больше.

После того как главное шведское войско было в Лифляндии ослаблено несколькими состоявшимися в 1701—1702 гг. боями, царь Петр ощутил себя достаточно сильным для похода на Нотебург. В сентябре 1702 г. двенадцатитысячная русская армия начала осаду этой крепости, которая и была в следующем месяце взята после двух штурмов. Численность шведского гарнизона едва ли превышала 275 человек, и это кое-что говорит о ее обороноспособности. «...Зело жесток сей орех был, аднака, слава Богу, счасливо разгрызен», — констатировал Петр, намекая на название крепости, сразу же переименованной им в Шлиссельбург.

К замку от Ладоги теперь имелся ключ, и ситуация стала угрожающей. Стюарт осознавал, что для обороны Ингерманландии необходимы скоординированные действия нескольких генералов, но король был недоступен, а сам Стюарт не имел достаточно власти, чтобы повлиять на обстановку. К тому же для отпора русским шведский гарнизон был слишком малочисленным и давно страдал от голода. 23 апреля к Ниеншанцу подошло огромное русское войско под командованием генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева. Сначала были атакованы и заняты так называемые внешние укрепления, которые обороняли полторы сотни человек.

Шереметев разбил лагерь вокруг крепости и города. В ночь на 26 апреля на лодьях от Шлиссельбурга подошла русская артиллерия: 16 мортир и 48 пушек с десятью тысячами бомб. Днем в лагерь прибыл сам царь.

Штурм крепости начался 30 апреля. Ее комендант Юхан Аполлоф имел в своем распоряжении 600 человек против

На плане показана осада русскими Ниеншанца в апреле 1703 г., за неделю до сдачи крепости генерал-фельдмаршалу Б. П. Шереметеву. *Военный архив (Стокгольм)*

20 тысяч русских, но на требование капитулировать ответил, что принял от своего короля крепость не для того, чтобы ее сдать, а чтобы защищать. Получив этот ответ, царь отдал приказ бомбардировать Ниеншанц. Батареи грохотали всю ночь, и на рассвете 1 мая Аполлоф барабанным боем дал знать, что намерен вступить в переговоры. Они продолжались несколько часов, после чего крепость сдалась; условием капитуляции был свободный выход гарнизона.

Назавтра, 2 мая, русские торжественно вошли в Ниеншанц. Аполлоф передал ключи от крепостных ворот Шереметеву, и русское войско во главе с царем и бомбардирской ротой гвардейского Преображенского полка под развевающимися знаменами и под барабанный бой вступило в город. Как и Нотебург, эта крепость сразу же

была переименована — ее назвали Шлотбургом. Согласно русским источникам, шведские солдаты были свободно отпущены в Выборг; но есть шведское свидетельство, будто царь нарушил данное им обещание и гарнизон был пленен.

В Ниеншанце Петр оставался две недели. Наконец-то он стоял на берегу Балтийского моря — цели его имперской политики. Один из вопросов, над которыми размышлял царь, заключался в том, восстанавливать ли заново на том же месте укрепление и город или подыскать для них более удобное место. После обсуждений на военном совете Петр принял решение заложить новую крепость на острове, расположенном ближе к невшскому устью. Выбор пал на остров Янисаари — Заячий, и Ниеншанц был скрыт, чтобы не попал в неприятельские руки. Первые разрушения были произведены непосредственно после его завоевания, последующие — в 1709 г. после Полтавской битвы, победа в которой убедила Петра в военном превосходстве России над Швецией. Командор Юст Юль, пребывавший в 1709—1711 гг. датским посланником при дворе Петра, собственными глазами видел, как под валы Ниеншанца были заложены два ящика с порохом. Грохот взрыва был столь силен, что лед на Неве потрескался и земля содрогнулась, «как от землетрясения».

Так началась глава русской истории, неразрывно связанная с царем Петром Великим и созданным им городом — Санкт-Петербургом.

Город Петра

На протяжении всего XVIII столетия была жива мечта шведов об отвоевании областей, потерянных и отошедших к России в годы Северной войны. Шведские короли дважды силой оружия пытались претворить эту мечту в жизнь. Но наступательные войны, начатые Фредриком I в 1741 г. и Густавом III в 1788-м, не привели к желаемому результату; мечта осталась мечтой, а по Абоскому мирному договору 1743 г. шведско-русская граница отодвинулась еще дальше на запад.

Эпоха шведского великодержавия навсегда канула в прошлое, но в народном сознании, как и в поэзии, память о ней сохранялась долго. Поэтом, точнее всего выразившим боль от утраты восточных территорий государства, для старших поколений шведов стал Эсайас Тегнёр. В поэме «Свеа» (с подзаголовком «Pro patria» — «К Отечеству»), принесшей ему в 1811 г. высшую премию Шведской академии, поэт высказал горечь потери уступленной двумя годами ранее Финляндии, но более давнее поражение, понесенное Карлом XII, вибрирует в стихах, как резонатор.

Поэма воспринималась настолько оскорбительной для России (улучшения отношений с которой желала Швеция), что Академия сочла необходимым попросить поэта изменить в тексте то, что «нашла заслуживающим изменения», прежде чем премия может быть присуждена. Что Тегнёр и сделал.

В России популярное изображение событий в еще большей степени увековечено стихотворцами, и прежде всего Александром Пушкиным, который в поэме «Медный всадник» (1833) отразил собственное восхищение Петром и его подвигами. Основание Петербурга показано здесь как деяние одного человека:

Петр Великий и в физическом отношении был гигантом, его рост составлял 204 см. После его кончины, последовавшей в 1725 г., Бартоломео Карло Растрелли изготовил восковую фигуру царя в натуральную величину. Именно этим «мастерски выполненным из воска изображением» восхищался король Густав III при своем визите в Петербург в 1777 г.

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел...

В том, что царь Петр «вдаль глядел», сомневаться не приходится — у него было достаточно причин поразмыслить над сложившейся ситуацией. Однако перед его пытливым взором представляли не «пустынные волны». Ниен, как уже говорилось, на переломе веков был вторым по величине городом Финляндии. И даже если многие шведские подданные успели бежать оттуда до русского нашествия, в невосской дельте стояло слишком много дворов и деревень, чтобы эта местность могла быть сочтена «пустынной».

Пожалованные земли

Острова дельты в те времена были больше всего известны под их финскими названиями, но имели также шведские и русские. Так, например, Ристисаари (от финского *risti* — крест и *saari* — остров) назывался Крестовским островом и Корсхольмен (швед. *kors* — крест и *holmen* — остров); Кивисаари (фин. *kivi* — камень) — Каменный остров (Стенхольмен; швед. *sten* — камень). Другие острова получили новые названия. Лосинный остров (Хирвисаари, Эльгхольмен), к примеру, уже ранее имел параллельное русское название, которое сохраняет и поныне, — Васильевский остров. Березовый остров (Койвусаари, Бьёркхольмен), напротив, обрел совершенно новое название и с петровских времен стал именоваться Петербургской (ныне Петроградская) стеной.

Острова хотя и были заселены, но неравномерно. На восточной стороне Васильевского острова находилась деревня Хирвисаари с охотничьей избушкой Якоба Делагарди, а западная часть острова была настолько низменной и топкой, что там стоял лишь один-единственный двор, в котором жили лоцманы, проводившие суда через мели

На этом фрагменте карты Эрика Белинга 1688 г. показаны три шведских двора в центре будущего Петербурга: усадьбы Бьёркенхольма, Усадисса (двор Коноу) и Первускина (двор Акерфельта) (*Государственный архив Швеции, Стокгольм*). Справа — фрагмент плана города, изданный И. Б. Хоманом приблизительно в 1720 г.; здесь можно видеть, что Петр I выбрал эти же места для постройки своих роскошных зданий, в частности Летнего дворца. *Государственный архив Швеции (Стокгольм)*

в устье Невы. На одном из меньших островов были, согласно сообщению одного немца, наблюдавшего город в конце 1710 — начале 1711 г., только заросли кустарника, а также скот и северные олени, принадлежавшие самоедам...

Ко времени завоевания русскими территория, на которой потом постепенно раскинется Петербург, являлась ленным владением, которое Кристина, «наследная королева, великая княгиня Финляндская, герцогиня Эстляндская и Карельская, а также владелица Ингерманландская», в 1638 г. пожаловала Бернхарду Штеену фон Штеенхузену, немецкому предпринимателю из шведских Прибалтийских провинций. Он занимал должность «генерального директора» этой области и должен был, в частности, «смотреть за тем, чтобы почта там работала исправно».

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА НА ИМЕНИЯ
В СПАССКОМ ПОГОСТЕ

Мы, Кристина, и проч., и проч., извещаем. Поскольку мы считаем наш город Ниен местом мало приспособленным, особенно для рыбной ловли и пастбищ, то при всем том всемилостивейше желаем споспешествовать и улучшать условия его жизни как в этом, так и в прочих важных обстоятельствах, дабы тамошние бургомистр и советники вместе с простыми горожанами возможно более старались создать там добрый и хорошо устроенный стапельный город как для дел коммерческих, так и для иных честных занятий. А посему согласно вышесказанному и по нашей особой милости и благорасположению мы предоставили и уступили и то, и другое. Также мы здесь силой сей нашей открытой грамоты предоставляем и уступаем названному нашему городу Ниену эти нижеперечисленные пожалованные нами в Нотебургском лене и Спасском погосте генеральному директору Бернхарду Штеену фон Штеенхузену имения: Кульсёя, одна четверть обжи; Охкья, одна восьмая часть обжи; Ахкиа Ниссра, пять шестых частей обжи; Вийгара, или Вийхабю, одна четвертая часть обжи; Уконова пустошь, три тридцать вторых [частей] обжи; Перекюля пустошь, три тридцать вторых частей обжи; Сондуа Лахтенская, одна шестая часть обжи; Лахте Корельская, пол-обжи; селение Спасское, пол-обжи; Сабрино с Аллерюно пустошью, три четвертых части обжи, и деревня Коньюда, три восьмых части обжи; всего — три целых и пять шестых частей обжи. Ими со всем к ним принадлежащим и имуществом, без всякого исключения, что там теперь есть, как бы оно ни называлось, будь то пребывает исстари или отныне может отойти и быть получено по закону и суду, пользоваться, употреблять и сохранять как свое законное родовое поместье в вечном владении. Но что касается пастбищ и рыбных ловель, которые таким образом пожалованы городу, наши слуги близ города, как и горожане, должны ими пользоваться и употреблять для их скромных надобностей. Всем, к кому это относится, надлежит там должным образом сему следовать, отнюдь не чиня противного.

*Дано в нашем дворце в Стокгольме
31 октября 1648 года*

Коронай ему было также поручено попытаться перевести русскую торговлю из Архангельска в Ниен, Ревель и Нарву (с этим заданием он не справился). Владения фон Штеенхузена были расширены более поздней жалованной грамотой 1648 г. Приведенный здесь текст показывает, как мог выглядеть такой документ.

Фон Штеенхузен выстроил в своих донационных имениях две довольно большие усадьбы, или «резиденции», — там, где теперь расположены центральные части города Петербурга. Одной из усадеб была Усадиссахоф (Усадиссохоф), которая стояла на восточном устье впадающей в Неву реки Кямяйоки (названной потом Фонтанкой). Другой — Бьёркенхольмскоф (Бьёркенхольм) или Биркенхольмскоф, на Березовом (Петербургском) острове; то был большой двор с тринадцатью служанками, слугами и прочей домашней челядью. После кончины фон Штеенхузена, последовавшей в 1648 или 1649 г., в Бьёркенхольме жила его вдова. В Усадиссохофе жили его дочь Мария Элизабет со своим мужем Иохимом фон Коноу, отец которого в 1631 г. приехал сюда из Марк-Бранденбурга, чтобы занять должность управляющего имениями Карла Карлсона Юлленъельма. После ранней смерти супруга Мария Элизабет в 1652 г. вновь вышла замуж — за лейтенанта

Картуш плана города, составленного около 1720 г. самым знаменитым картографом того времени немцем Иоганном Баптистом Хома-ном по заказу царя Петра. Здесь показано течение Невы от Ладого до Финского залива — местность, отошедшая к Швеции по условиям Столбовского договора 1617 г.; ее русские войска отвоевали, взяв шведские крепости Нотебург (1702) и Ниеншанц (1703). Картуш содержит много символических изображений: св. апостол Петр от ворот небесного царства благословляет своего тезку русского царя, назвавшего его именем новый город. Ключи апостола Петра от небесного царства (герб Ватикана) царь с некоторыми изменениями сделал своими — герб Петербурга представляет собой два перекрещенных якоря.

Класа Акерфельта, который прослыл мужчиной расточительным и довел поместье до разорения.

Человеком, при котором поместье вновь «расцвело», стал старший сын Иохима — Эрик Берндт, в двадцатилетнем возрасте вернувшийся в 1662 г. в Ингерманландию после службы на шведском военном флоте. На одной карте 1701 г. этот двор назван Коносохофом. Похоже, что он был единственным, оставшимся от некогда обширных владений фон Штеенхузена (и потом Коноу) после проведенной Карлом XI в Прибалтийских провинциях редукации дворянских земель.

С появлением в этих местах русских войск Эрик Берндт фон Коноу бежал, как и многие другие, в Швецию. В 1713 г. он приехал в Стокгольм, где, по всей вероятности, в том же году и скончался. В дополнение к другим переживаемым фон Коноу трудностям он был дворянином немецким, а не шведским; его род лишь в 1776 г. под именем фон Конов был введен в шведский Дом Дворянства.

Шведские имения в невоской дельте в значительной мере связаны с этими тремя именами: фон Штеенхузен, фон Коноу и Акерфельт. На упомянутой карте 1701 г. показан двор Акерфельта — на том месте, где теперь стоит Инже-

нерный замок. Дело в том, что другая дочь фон Штеенхузена была замужем за ротмистром Урбаном Акерфельтом, братом отчима Эрика Берндта. Согласно Ларсу Юхану Эренмальму, в качестве военнопленного находившемуся в городе в конце 1710-го — начале 1711 и в 1712 гг., владения Акерфельта были настолько обширны, что в то время его имя носил весь остров. В середине XVII столетия двор Акерфельта упоминается как Первускинахоф, по принятому названию этой части острова: Первусинахольма (Первускина, Перузина и т. д.) — от финского слова, которое означает твердую землю, в противоположность более топкой местности севернее Мойки в сторону Невы, и «остров» (*holma*).

Следует помнить, что земля в невской дельте тогда была болотистой, непригодной для обработки и подверженной частым наводнениям. Наибольшую угрозу наводнения представляли для невских берегов, особенно северного — так называемой Финской (или Карельской) стороны. На южной, Ингерманландской, стороне, где стояло большинство шведских деревень и дворов, земля, наоборот, во многих местах была хорошо обработана и грунт укреплен. Петр с присущими ему рационализмом и хозяйственностью выбрал для строительства те места, где прежде жили шведские и финские новопоселенцы. Например, во владениях Эрика Берндта фон Коноу находился сад в голландском стиле, что объясняет, почему Петр именно на этом месте решил заложить свой Летний сад. Пригодился и Первускинахоф: вместе с несколькими другими шведскими поместьями он был подарен жене царя Екатерине, которая в 1713—1715 гг. возвела здесь один из первых императорских летних дворцов.

Миф об основании Питер-бурха

Очень немногие города так овеяны легендами, как город Петра, и миф о невской дельте как необжитом, пустынным крае был типичен для фольклора, который с самого начала окутал строительство на ингерман-

ландских болотах. Стремительность, с какой выростал прекрасный город, и в самом деле непостижима. Когда в 1830-х годах Владимир Одоевский задумал описать основание Петербурга, он в уста «старика финна» вложил слова, так объясняющие это чудо: «И стали строить город, но что положат камень, то всосет болото; много уже камней навалили, скалу на скалу, бревно на бревно, но болото все в себя принимает и наверху земли одна топь остается. Между тем царь состроил корабль, оглянулся: смотрит, нет еще его города. «Ничего вы не умеете делать», — сказал он своим людям и с сим словом начал поднимать скалу за скалою и ковать на воздухе. Так выстроил он целый город и опустил его на землю».

Другой устойчивый миф связан с первой воткнутой в землю лопатой, положившей основание городу.

16 мая 1703 г., через пятнадцать дней после капитуляции Ниеншанца, на Заячьем острове был заложен первый камень в основание крепости. Об этом событии Стокгольмская оборонная комиссия смогла доложить королю Карлу уже спустя одиннадцать дней. По легенде, дело было так: Петр окинул взглядом остров, взял у одного из своих солдат алебарду, вырезал два куска дерна, сложил их крест-накрест и сказал: «Здесь будет город». Затем он взял лопату и принялся копать ров. Тут с небесных высот спустился орел и стал кружить над царем. Когда ров достиг двухаршинной глубины, в него опустили высеченный из камня ящик; священники окропили его святой водой, и царь положил в ящик золотой ковчег с мощами апостола Андрея Первозванного. Потом царь накрыл ящик каменной крышкой с вырезанной надписью: «По воплощении Иисус Христове 1703 мая 16 основан царствующий град Санктпетербург великим государем царем и великим князем Петром Алексиевичем, самодержцем Всероссийским».

Завершив это дело, царь срубил две тонкие высокие березы, связал их верхушки и поставил наподобие ворот в два сделанных в земле углубления. Паривший в небе орел спустился и сел на эти ворота. Ефрейтор по фамилии Одинцов снял с них орла. Петр, усмотревший в этом

По замыслу Петра I, говоря словами Пушкина, «все флаги в гости будут к нам», то есть Петербургу предстояло стать крупным торговым городом. На этой гравюре голландца П. Пикарта, созданной в первые годы XVIII в., за многочисленными кораблями видны слева — Петропавловская крепость, а справа — мелочные лавки (первый Гостиный двор) и Троицкая церковь.
Королевская библиотека (Стокгольм)

доброе предзнаменование, весьма обрадовался. Он связал платком ноги птицы, посадил ее себе на руку и так отправился на судне в Ниеншанц, где было устроено щедрое угощение. Празднование продолжалось под пушечную пальбу до двух часов ночи.

Такова легенда. Большинство историков утверждают, что Петра вовсе не было 16 мая в будущем Петербурге, он находился тогда на Ладого, где проверял работы по строительству своего флота. Никакой орел не кружил в небе и никакого ящичка не закапывали в землю, а человеком, заложившим первый камень в основание крепости, был царский фаворит будущий князь Меншиков. Ближе к истине, вероятно, будничное сообщение в газете «Ведомости»: «Его царское величество по взятии Шлотбурга в одной миле от туды ближе к Восточному морю на острове новую и зело угодную крепость построить велел, в ней же есть шесть бастионов, где работали дватцать тысящь человек подкопщиков, и тое крепость на свое государское имянование прозванием Питербургом обновити указал».

22 июня стоявшие в Ниеншанце гвардия и прочие полки были переведены в новую крепость, а спустя неделю, 29 июня, в день свв. апостолов Петра и Павла, в новопостроенных казармах был задан пир. Тогда же была возведена церковь во имя Петра и Павла, которая дала название и крепости; с тех пор слово «Санкт-Петербург» стало означать и крепость, и город, выросший вокруг нее на островах и берегах русел невской дельты. Едва ли случайно то, что новый город носил имя и апостола, и царя.

Уже в ноябре 1703 г. к крепости подошло первое голландское торговое судно, привезшее вино и соль. Царь, щедро наградив капитана и команду, назвал корабль «Петербургом» и предоставил ему особые привилегии; корабль ходил в Петербург пятьдесят лет. Двумя следующими торговыми судами стали английские, четвертым — снова голландское. Так на Неве началась оживленная морская торговля — торговля, которой столь жаждали шведы, но осуществить которую выпало на долю русского царя.

Поначалу Петр вовсе не помышлял сделать свой новый город столицей государства. Он рассматривал Петербург прежде всего как гавань для экспорта и импорта товаров, обеспеченную сильной крепостью. В первые годы своего существования город был еще окружен принадлежавшими Швеции Прибалтийскими провинциями, шведские корабли подстерегали русских в Финском заливе, а шведские и русские войска время от времени сражались между собой. Наиболее известен неудачный поход на Петербург генерала Любеккера в 1708 г. Другими словами, творение Петра было так же уязвимо, как прежде Ниен и Ниеншанц, а может быть, и еще более, если учесть, что Россия все еще находилась в состоянии открытой войны со Швецией. Лишь после победы под Полтавой и особенно после завоевания Выборга царь ощутил в себе достаточно сил, чтобы отважиться в 1712 г. провозгласить Петербург новой столицей России. Спустя два года были начаты по-настоящему масштабные работы по строительству нового города.

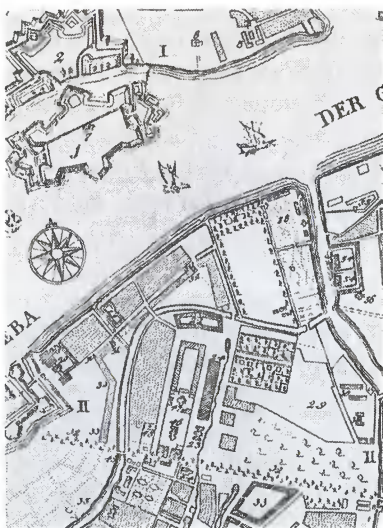
Военнопленные

Одна из важнейших целей Петра, которые он преследовал, основывая Петербург, заключалась в том, чтобы новый город не походил на столь ненавистную царю Москву — символ всего варварского и реакционного в России. Идеалом Петра был Амстердам, рационально возведенный торговый город с гаванью. Согласно одно-

му из первых планов Петербурга, составленному французом Жаном Батистом Леблоном, центром города должен был стать Васильевский остров, подобно своему голландскому образцу вдоль и поперек пересеченный каналами. Однако этот замысел был отринут — центр тяжести административной и коммерческой деятельности в городе был перенесен на Адмиралтейскую сторону, где с тех пор и находится.

Этот рисунок сделан пленным шведским солдатом Паулем Бетюном, вероятно, после освобождения и возвращения в Швецию. Рисунок уникален, поскольку является одним из самых первых изображений Петербурга и сделан вскоре после того, как город стал российской столицей (1712). Верхняя часть изображает «увеселительный дом царя» — построенный шведскими военнопленными летний дворец Екатерингоф при западном устье впадающей в Неву Фонтанки. В нижней части показан центр города. Улица слева позднее получила наименование Миллионной. Именно здесь стоял дом шведского пастора Якоба Майделлина, служивший и помещением для богослужений, пока в 1730-х гг. приход не получил собственную церковь. Рисунок неточен — отчасти потому, что скорее всего выполнялся по памяти. Например, «дворец царя» располагался не в том месте, как это показано Бетюном, а на южном берегу Невы, где теперь стоит Зимний дворец. *Военный архив (Стокгольм)*

На плане города 1737 г. хорошо видно, что Невская прешпектива была тогда всего лишь длинной «березовой аллеей», как ее описал в своих путевых заметках К. Р. Берк. Наряду со всеми «малопримечательными постройками» здесь обозначены немецкая церковь Св. Петра, отведенный под застройку шведско-финский участок земли с церковью Св. Анны и французская реформатская церковь. Все три храма стояли между Невским проспектом и императорскими конюшнями.

Для осуществления своих грандиозных планов Петр пригласил строителей из-за рубежа, прежде всего из Италии и Франции. Леблон успел поработать в Петербурге всего три года, в 1719 г. он умер от оспы. Он успел лишь начертить план Екатерингофа (для жены Петра) и частей Петергофа. В первые десятилетия наиболее влиятельным архитектором был Доменико Трезини (из Тессина в южной Швейцарии), прибывший в Петербург уже в октябре 1703 г. и создавший, в частности, Петропавловскую крепость, Летний дворец царя и Александро-Невский монастырь. В отличие от большинства городов Петербург возводился по заранее составленному плану и в первые годы рос под непосредственным наблюдением Трезини. Преемники Петра на престоле последовали его примеру приглашать иностранных архитекторов, и поэтому петербургская архитектура, в противоположность московской, носит ярко выраженный западноевропейский облик.

В отличие от беспорядочно и тесно застроенной и подверженной пожарам деревянной Москвы новая столица должна была быть выстроена в камне, и в сентябре 1714 г. царь издал указ, запрещающий во всем государстве на про-

тяжении нескольких лет строить каменные дома, поскольку в Петербурге не хватает каменщиков и каменотесов. Камень для строительства зданий в новом городе доставляли отчасти из Ниеншанца и Ниена, но этого хватило ненадолго.

Куда более значительный шведский вклад в основание Петербурга внесла рабочая сила. В первые годы на строительных работах в городе были заняты приблизительно по 20 тысяч человек ежегодно. Большинство из них составляли насильно приведенные русские и ингерманландцы, но много было и шведских пленных. За три года — с 1712 по 1714-й, в которые военнопленные наиболее интенсивно привлекались к работам, 2682 шведа были присланы в Петербург либо прямо с мест военных действий — из Выборга, Гельсингфорса и т. д., либо из других областей России, где пленные тоже трудились. Пленный шведский сановник граф Карл Пипер в своем дневнике сообщает, что видел истощенных шведских мужчин, женщин и детей, шедших через Москву в Петербург. Среди рабочих были также и мирные подданные Швеции, захваченные в ходе военных действий.

Пленные были заняты не только в ремесленном производстве и на строительных работах, но и в административных учреждениях — как писари, казначеи, секретари, аудиторы и т. д.; дело в том, что Петр высоко ценил добросовестность и профессионализм шведов. Они поступали на русскую службу с условием, что их не будут использовать для исполнения дел военного характера. Некоторые шведы даже могли свободно передвигаться без сопровождения караульных, если давали письменное обещание — так называемый пароль, — что не сбегут и не будут вести тайной переписки.

Шведы участвовали в возведении некоторых первых самых значительных петербургских зданий, и документы свидетельствуют, что руководители строительных работ часто хвалили их за мастерство и смелость.

Так, например, в 1712 г. десять шведских плотников и кузнецов участвовали в строительстве Петропавловской крепости. Двумя годами позднее двадцать шесть шведских

плотников трудились в первом царском Зимнем дворце, и тогда же довольно много шведов были заняты на строительстве Летнего дворца Екатерингоф на Фонтанке; дворец не сохранился). В 1718—1720 гг. Ларс Лин вместе с тринадцатью соотечественниками и десятью русскими плотниками строил купол на крепостной церкви и поднимал шпиль ее колокольни. В 1719 г. 159 пленных ремесленников работали в Петергофе, среди них было 13 каменотесов, 12 столяров, 79 плотников.

Аллея, в 1715 г. получившая название Невской перспективы (так! — *Примеч. перев.*), была заложена и содержалась в порядке шведскими военнопленными. Хотя эта улица тогда не была такой широкой и оживленной, какой стала в XIX в., она все же являлась парадной. Шведский ученый и нумизмат Карл Рейнхольд Берк, посетивший город в 1735—1736 гг., в своих «Путевых заметках о России» (рукопись хранится в стокгольмской Королевской библиотеке) так описал эту «аллею»:

Она проложена от Адмиралтейства и уходит далеко за город. Домами она застроена лишь в наименьшей своей части, прочая часть состоит из березовой аллеи — где прорубленной, а где насаженной и представляющей собой чрезвычайно красивый бульвар. Там, где начинается город, стоят деревянные триумфальные ворота, украшенные живописными изображениями и скульптурами; ворота были поставлены по случаю въезда императрицы в Петербург в 1732 году. Другие стоят в конце улицы, почти у площади, находящейся перед Адмиралтейством; они тоже деревянные и поставлены по тому же самому случаю. Слова над аллегорическими изображениями на обоих воротах... почти всегда — на двух языках, русском и латыни, чем поддерживается уважение к русскому языку, а слова понятны и природному русскому, и чужестранцу... На Перспективной улице... мало примечательных зданий, помимо каменной русской церкви, которая пока не достроена, но будет, по-видимому, красивой; каменной евангелической немецкой, деревянной финской (в которой отправляется и шведское богослужение) и деревянной реформатской французской церкви. Все три стоят на площади между названной улицей и императорскими конюшнями.

Фрагмент карты шведского офицера-фортификатора Карла Фредрика Койета 1721 г., где изображены работающие военнопленные. Один из стоящих справа господ — должно быть, сам Койет, а в мужчине с усами можно предположить городского архитектора Доменико Трезини. *Военный архив (Стокгольм)*

Пленные шведские солдаты участвовали также в «плетении ограды» царского Летнего дворца и в разбивке Летнего сада, южная часть которого еще в конце XVIII в. именовалась Шведским садом — на том основании, что в нее много труда вложили садовники и работные люди шведского и финского происхождения. Некоторые пленные (в источниках упоминается, например, некий Нильс Ландрин) работали также наставниками, от них требовалось, обучив русских, сделать их квалифицированными ремесленниками.

Принудительный набор русской рабочей силы и ее приезд из других областей страны шел туго. А те, кому не удавалось уклониться от пересылки в Петербург, старались при первом удобном случае сбежать оттуда. Условия жизни и труда были ужасными, работали прямо на болоте, стоя в воде. Один аптекарь приготовил лекарственное питье — водку, настоянную на еловых шишках, и в 1705 г. было продано 231 ведро, но и такое лечение не помогало: работные люди умирали, по словам одного немца-очевидца,

«как мухи». Среди шведов смертность тоже была высокой — из 2682 пленных, приведенных в город в 1712–1714 гг., ко времени заключения мира в 1721 г. в живых осталось немногим больше половины. Выдающийся русский историк Василий Ключевский подытожил: «Едва ли найдется в военной истории побоище, которое вывело бы из строя больше бойцов, чем сколько легло рабочих в Петербурге и Кронштадте. Петр называл новую столицу своим “парадизом”; но она стала великим кладбищем для народа».

После Ништадтского мира 1721 г. шведским военнопленным позволили вернуться домой. Большинство офицеров возвратились в свое отечество, как и многие рядовые солдаты. Для Петра было важно удержать как можно больше квалифицированных мастеровых людей, и поэтому он издал специальный манифест, в котором гарантировал всем, кто останется в России, сохранение своего вероисповедания и те же права, какие были у российских подданных. Второе предложение было, надо полагать, менее привлекательным, чем полагал царь, но все же часть специалистов пошла на русскую службу. Некоторые пленные, кроме того, женились на русских и перешли в православие или пустили в России корни иным образом.

Помимо этого, Петр велел своему посланнику в Стокгольме графу Михаилу Бестужеву-Рюмину стараться вербовать в Петербург шведских специалистов: садовников, земледельцев, плотников, каменщиков и слесарей, «а особливо совершенно искусных в делании ружейных замков, пружин и машин». В 1723 г. царь отправил одного из лучших своих архитекторов Михаила Земцова в Стокгольм для найма умелых специалистов и изучения вопроса о том, какую обмазку зданий применяют шведы — ведь климатические условия в Стокгольме и Петербурге были сходными.

Величайшие трудности доставляла вода: как сообщает Эренмалм, местные жители жаловались на то, что она постоянно проникает в подвалы и что во время ежегодно случающихся наводнений по улицам приходится плавать на лодках. Среди тех, с кем заключил контракты

Земцов, были каменщики и штукатуры Хенрик Сигмунд Крюг и Кристиан Кегель, которым как раз и было поручено таким образом смешивать известь с цементом, чтобы вода не просачивалась в подвалы и наружные стены были защищены от холода и непогоды. Другими, польстившимися на приглашение царя, были кровельщик Константин Хейнеке, через год продливший контракт с русской короной; садовник Улоф Удефельт, оставшийся в Петербурге до 1728 г., и Юхан Глюцман, специалист по мельницам, приводимым в движение силой ветра, воды или лошадиной тягой.

Как только русские осваивали соответствующие профессии, Канцелярия от строений предлагала Сенату отсылать иностранных специалистов домой. Например, в 1725 г. могли быть «отпущены» один шведский плотник, один каменотес и несколько каменщиков, после того как архитекторы Т. Усов и П. Еропкин известили Канцелярию о том, что «те дела, которые они исправляют, могут они, Усов и Еропкин, отправлять с русскими людьми».

Помимо мужской рабочей силы, использовавшейся на строительных работах, многие шведские подданные работали у знатных и богатых русских поварами, лакеями, кучерами, служанками и т. д. Вторая супруга Петра царица Екатерина, происходившая из Лифляндии и первым браком бывшая замужем за шведским кавалеристом Иоганном Крузе, кажется, хорошо относилась к государству, в границах которого родилась и выросла. При ней было несколько фрейлин-шведок, как и у княгини Меншиковой — ко времени заключения мира в 1721 г. в домашнем хозяйстве А. Д. Меншикова служили не менее 65 шведских пленных. Если большинство мужчин шведско-финского прихода ремесленничали, то (согласно статистике начала 1730-х годов) почти половина женщин-прихожанок были служанками, горничными и кормилицами.

Еще одной сферой, в развитие которой внесли свой вклад шведы при строительстве новой, европеизированной России, какую хотел создать Петр, была административная: новая русская административная система создавалась по образцу шведской. Органами централь-

Но как в России строят?

Васильевский остров согласно решению Петра I должен был стать превосходнейшей, наилучшим образом застроенной и обнесенной вокруг укреплениями частью города. Петр I приказал разметить линии для домов (там не считают улицами, а говорят, что люди живут в первой, второй, третьей и т. д. линии; да и в остальном городе очень мало улиц, имеющих названия) и для каналов, которые предполагалось прокопать между линиями, — не только для того, чтобы, подняв грунт, предотвратить большой ущерб, уже неоднократно нанесенный подъемами воды, но и для того, чтобы, как тогда выражались при дворе, придать городу облик Венеции. Однако сей великий проект был остановлен кончиной его создателя, и теперь без преувеличения можно сказать, что остров еще по крайней мере на две трети покрыт лесом и болотом, а на застроенной одной трети пригодна [для жилья] едва ли половина домов.

Вообще о Петербурге известно, что весьма немногие русские поселились в нем по доброй воле, и особенно это относится к Васильевскому острову. Бояре получили приказ строить каменные дома соответственно их состоянию и по выданному чертежу. Им пришлось повиноваться, но поскольку без охоты, то они под любым предлогом — поездок по делам в другие местности и т. д. — старались уклоняться от завершения строительства или тянуть время до тех пор, пока у государя не пройдет первый пыл, и потом с радостью оставляли начатые дома.

Посему на этом острове много с размахом заложенных дворцов без окон, дверей и полов, они с каждым днем все больше разрушаются. Непохоже, что их когда-нибудь достроят, поскольку вся знать желает быть близ императорского двора или по крайней мере на том же берегу реки.

С деревянными строениями дело обстоит подобным же образом — весьма многие на этом острове и в других местах так и не были завершены либо, с радостью покинутые владельцами, за несколько лет совершенно разрушились, что ужасно обезображивает город...

Порой признается подлежащей сносу целая улица хороших деревянных строений, а их владельцы получают приказ за год-два возвести каменные дома определенной высоты. Они должны немедля ломать свои дома, переносить их во двор или на другое место, где разрешается стоять деревянным строениям, или по дешевке продавать свои постройки, уступая дворовое место тому, кто хочет [тут] строиться в камне.

Но как же в России строят? Это делается без старательных поисков добрых материалов и не приноравливаясь к должному вре-

мени года. Из плохо обожженного кирпича, только что срубленных бревен и сырых досок быстро и даже посреди зимы возводят дом, который снаружи выглядит сносно, но спустя непродолжительное время замечаешь, что крыша, пол и двери рассохлись, а стены сгнили. Владельца это мало печалит, ему лишь бы построить дом; какое-то время он может сполна взимать плату за наем и в конце концов оставит дом пустым, пока не поступят новые приказы.

Архитектура приблизительно такова. На болотистом грунте, в котором невозможно вырыть подвал, стоит дом с толстыми каменными стенами (они вследствие упомянутого беспечного способа строительства не высохнут и за несколько лет), деревянными крышей и стоком, английскими окнами, орнаментом вокруг них и над воротами, тоже из крашеного дерева; наружные сени и лестница построены со стороны двора, они тоже деревянные; все славно и удобосгораемо. Нет домов выше трех этажей, включая самый нижний — это подвал, причем очень низкий. Поэтому много изрядных домов, куда не проходит ни одна карета, и должно ездить через задние ворота, или же проломлена стена второго этажа, и тогда проход становится высоким, как триумфальные ворота; оба эти способа вполне безобразны.

В комнатах русских людей редко увидишь обои, а лишь несколько зеркал, столов и стульев; кафельные печи очень большие и топятся преимущественно из сеней. Часто они стоят прямо на балках черного пола, слишком близко к дереву, так что пожары возникали главным образом из-за скверной конструкции кухонных и изразцовых печей. Потому пришлось запретить горожанам отапливать комнаты после пяти часов вечера, дабы огонь не застиг людей спящими.

В Петербурге найдется мало домов, которые не имели бы своих ледников. Их строят тоже над землей, из дерева, с двойными стенами, засыпая промежутки между ними камнями и землей. Лед обычно нарубают на Неве, так как на каналах он редко бывает достаточно толстым. Но всякий живущий на берегу может рубить лед только напротив своего дома, а также обязан не забыть обнести прорубь оградой. Другие должны внести за нарубленный лед определенную сумму в Полицию. Обычно какой-нибудь работник становится подрядчиком — вносит плату в Полицию, находит себе помощников и поставляет лед в подвалы по 10–15 копеек за квадратную сажень, в зависимости от расстояния до дома.

*Карл Рейнхольд Берк
«Путевые заметки о России. 1735–1736»*

ной власти по примеру Швеции стали коллегии, органы местного управления тоже образовывались подобно шведским и даже названия некоторых ведомств заимствовались у шведских: Штатс-контор, Камер-коллегия, Коммерц-коллегия, Берг- и Мануфактур-коллегия и т. д. Этот импорт бюрократического ноу-хау имел большое значение в деле модернизации России.

* * *

Война окончилась. Ниеншанц пал, Россия уничтожила шведское господство на Балтийском море и овладела устьем Невы. Но что касается шведского присутствия в Петербурге, вклад в его развитие шведских военнопленных, сколь бы основополагающим он ни был, означал лишь символическое начало. После подписания Ништадтского трактата 1721 г., отнявшего у Швеции почти все завоевания Столбовского мирного договора, отношения между двумя странами нормализовались. И хотя между ними еще неоднократно вспыхивали военные действия, Петербург отныне стал городом, который все сильнее и сильнее привлекал к себе шведскую — и финскую — рабочую силу, и теперь уже речь шла не о трудовых контрактах с Российским государством, а о свободном въезде в прибалтийскую метрополию, динамичное развитие которой сулило трудолюбивому, деятельному иностранцу хорошие возможности заработать себе на жизнь.

«Храм для поклонения Господу всего мира»

Петр I был известен своей терпимостью в религиозных вопросах, и поэтому неудивительно, что он немедленно разрешил действовать в новом городе двум шведско-финским приходам: традиционному евангелическо-лютеранскому и приходу военнопленных. Последний обслуживали пленные пасторы, и он был упразднен после заключения Ништадтского мира 1721 г., когда солдатам позволили вернуться в Швецию.

Традиционный приход явился прямым продолжением существовавшего с 1632 г. шведско-финского прихода в Ниене и подчиненной ему административно территории. Согласно изданному ингерманландским генерал-губернатором Бенгтом Уксеншерной церковному уставу, «в княжестве Ингерманландия» следовало быть «двум пасторам — одному в Ниеншанце и другому в Ивангороде». Это постановление датировано 1639 г., но к тому времени в Ниене уже семь лет был пастор, и, следовательно, данный документ надо рассматривать прежде всего как попытку навести порядок в хаотической религиозной обстановке, царившей тогда в Ингерманландии.

Наши познания о ниенском приходе ограничиваются, к сожалению, лишь голыми фактами — размерами жалованья пасторов, назначениями на должность и т. п. Так, например, генерал-губернатор Юхан Шютте наделил первого пастора Хенрикуса Мартини Фатебюра поместьем площадью в три обжи для пасторского двора, где он в 1632 г. приступил к исполнению обязанностей. Пастор прихода был также «педагогом и наставником», обязанным преподавать в ниенской школе, в частности немецкий язык. На протяжении семидесятилетней истории прихода там служили всего двенадцать пасторов;

Едва ли есть еще на земном шаре такое место, где многие нации чувствовали бы себя как дома, помимо роскошного императорского города Петра Великого. Север испокон веку отличало гостеприимство, и когда богатырская длань Петра превратила болотную пустыню вокруг Невы в цветущую столицу его государства, где ныне роскошь и красота подают руку друг другу, русские жители новой столицы, сами еще чужаки на берегах Финского залива, — столь охотно принимают трудолюбивых, деятельных иноземцев, благодаря познаниям и делам которых они могут надеяться извлечь пользу для себя самих и своих гостей. Соразмерно росту численности русского населения в городе в нем прибывало и иностранцев, и благородная терпимость, которая с отдаленнейших времен была свойственна русской нации, столь истовой в собственной религиозности, позволила этим иноземцам без принуждения, без ограничений воздвигнуть Храм для поклонения Господу всего мира, и каждый молится на языке своих предков и согласно их обычаям.

Эрик Густав Эрстрём, 1829

последним был Сакариас Литовиус, назначенный в марте 1702 г., но прослуживший всего полгода — уже в октябре он из-за тревожной обстановки сбежал в Борго. Последним же пастором в Ниене, прослужившим в приходе более или менее долгое время, был Эрикус Альбогиус, работавший там в 1697—1701 гг.

От Финских шхер до Конюшен

Ниенский приход находился в ведомстве шведской Короны, между тем как петербургский подчинялся Русскому государству. Однако последний сохранил свой старый устав, согласно которому «наши единоверцы в этих краях уже издавна отправляли свои духовные потребности», как высказался пастор Эрик Густав Эрстрём, чья краткая история шведского прихода в Петербурге и впредь будет здесь довольно часто цитироваться. Пока приход не вмешивался в мирские дела, он мог более или менее свободно заниматься собственными, но это было ограничение, которое касалось не только шведского прихода.

Шведско-финский приход слывет старейшим в Петербурге из евангелическо-лютеранских. Но эти сведения ненадежны и, возможно, опираются на тот факт, что швед Якоб Майделин уже в 1703 г. в качестве первого лютеранского пастора в Ингерманландии присягнул на верность русскому царю и в июне того же года получил от Петра охранную грамоту, предоставлявшую священнику право исполнять свои обязанности. Многое говорит о том, что шведско-финский приход именно в Петербурге возник лишь несколькими годами позднее.

В таком случае старейшим евангелическо-лютеранским приходом в городе надо признать немецкий, возникший спустя год после основания Петербурга — в 1704 г. Численность немцев быстро возрастала; в отличие от шведов многие немцы были людьми состоятельными; уже в 1708 г. на Адмиралтейской стороне стояла полностью выстроенная первая немецкая церковь. Через двадцать лет была возведена церковь Св. Петра на Невской прешпективе (першпективе), где ее и сейчас можно наблюдать — но уже в том виде, в каком ее построил в XIX в. Александр Брюллов. В 1710-е годы возникло еще несколько иностранных приходов, в том числе голландский реформатский (1717) и английский (1718).

Поначалу шведско-финский приход вынужден был принять лишь только временное решение о проведении служб. На протяжении первых десятилетий богослужения отправлялись в частном доме в так называемых Финских шхерах, получивших это наименование потому, что там жили финны и шведы. Дом стоял на улице, шедшей между Летним садом и Зимним дворцом; когда в начале 1730-х гг. городские улицы получили названия, эта стала Немецкой, а позже ей присвоили название Миллионной.

Шведский приход составляли преимущественно беженцы из Ниена и других завоеванных русскими частей Ингерманландии. Прихожане-шведы работали прежде всего лакеями при дворе либо в других придворных службах, но среди шведов, как и среди финнов, были также бюргеры и ремесленники. Кроме того, многие финны работали

слугами, и многие из них имели жилища в финских деревнях, расположенных в окрестностях города.

Дом, служивший приходу церковью, принадлежал Якобу Майделину, рукоположенному в сан в Ниене в 1699 г. Во время войны русские взяли Майделина в плен и привели в Петербург, где сначала заключили в крепость, но потом выпустили. Где-то между 1710 и 1713 гг. он, по-видимому, сменил Отто Бергмана в должности пастора шведско-финского прихода и в 1724 г. императорским указом был назначен пробстом (старшим пастором) всех евангелическо-лютеранских приходов Ингерманландии. Это свидетельствует о том, что Майделин пользовался доверием царя.

Деятельность Майделина на посту старшего пастора омрачалась раздорами, возникавшими, по-видимому, как из-за внутренних противоречий между шведскоязычными и финскоязычными группами в приходе, так и из-за того, что глава прихода имел обыкновение «слишком глубоко заглядывать в стакан», — он, как деликатно выражается по этому поводу Эрстрём, «поддался слабости, предосудительной прежде всего в человеке, коему надлежит являть христианскому приходу пример своими наставлениями и образом жизни». Майделин скончался в 1729 г. от последствий драки с конкурентом из духовного сословия, который ударил пробста по голове молотком, «отчего спустя недолгое время после этого Майделин умер, и удар ускорил смерть, если не стал ее непосредственной причиной».

В 1720-х гг. усилился приток людей в Петербург из Финляндии. В начале 1730-х гг. приход насчитывал 1500—1600 членов, что составляло около трех процентов от всего населения города. Большинство финляндцев приехало после Ништадтского мира.

Несмотря на численное увеличение прихода, у него еще не было собственного церковного учреждения. Преемник Якоба Майделина скончался, прослужив всего несколько месяцев, и претворение в жизнь мечты о собственной церкви выпало на долю Густава Левануса. Он появился в приходе в 1729 г. и спустя четыре года возгла-

вил его. 17 мая того же года, почти день в день с тридцатилетней годовщиной основания города, приходу по «всепоподданнейшему прошению» пастора был выделен участок для строительства церковного здания. Вот как звучит императорский указ об этом:

По указу Ея императорскаго величества за подписанием собственныя Ея императорскаго величества руки на челобитной швецкой и финской наций церковных прихожан велено под устроение их швецкой церкви отвесьть место на Адмиралтейском острове позади построенной вновь немецкой церкви. Того ради чрез сие Полицмейстерской канцелярии сообщается, чтоб об отводе оногo места учинено было, как оной Ея императорскаго величества указ повелевает.

Радость прихожан в связи с милостивым дозволением явствует, в частности, из письма шведского чрезвычайного и полномочного посланника в Петербурге Иоахима фон Дитмера от 1 июня 1733 г., отправленного «могущественнейшему, всемилостивейшему королю» Фредрику I: шведский и финский приход, который до сих пор «должен был в достойном жалости положении отправлять богослужения в [частном] доме», получил, сообщает посланник, от императрицы Анны не только участок, но еще и 500 рублей на «возведение церкви».

Участок, имевший 215 локтей в длину и 180 локтей в ширину, находился у самого Невского проспекта. На юго-западе он граничил с участком немецкой церкви Св. Петра; на северо-востоке — с участком, принадлежавшим императорским конюшням; на северо-западе — с Большой Конюшенной улицей и на юго-востоке — с Рождественской улицей, впоследствии получившей название Меньшей Конюшенной. Позднее названия изменились соответственно на Большую и Малую Конюшенные улицы.

Средства на строительство церкви собирали не только в Петербурге, но и среди единоверцев в Риге, Ревеле и Нарве. 19 мая 1734 г. храм был готов. В том же году на этом участке возвели и дом для главы прихода.

Церковь Св. Анны была простым деревянным зданием, построенным в виде креста, и поначалу в ней не было

почти никаких украшений. «Внутри этой церкви нет почти ничего, что можно было бы назвать нарядным», — сообщает Эрстрём. В качестве алтаря использовали обычный стол, а ризница вообще не была отделена от церкви. Лишь спустя десять лет появились средства на алтарь и на запрестольный образ.

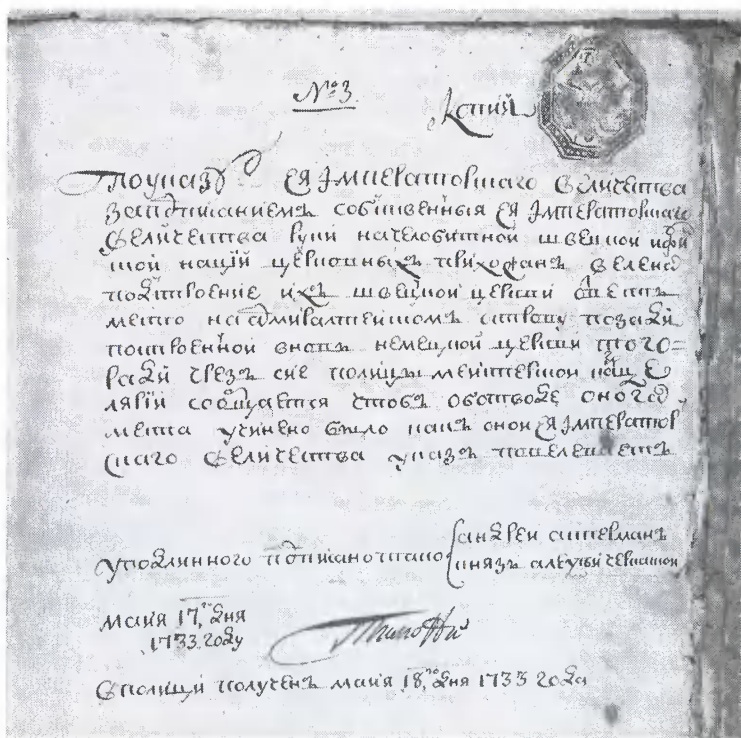
Получение участка было связано с решением российского правительства снести все деревянные хибары по Немецкой улице, где стоял дом Майделина, и вместо них выстроить каменные здания. Таким образом, решение императрицы было обусловлено отчасти практическими соображениями. То же относится и к выбору места — Невского проспекта, который в ту пору был улицей для прогулок, а не тем элегантным бульваром, какой в 1860-х гг. Александр Дюма назвал «улицей веротерпимости» (впрочем, это выражение было в ходу еще в 1790-х гг.).

Густав Леванус, происходивший из шведской области Нюланд, стал первым в череде выдающихся глав прихода; он был одаренным организатором, введшим церковные книги и создавшим настоящий орган управления, состоявший из церковных старост и церковных советов. Были осуществлены важные изменения и в отношении богослужений. Прежде шведская литургия начиналась рано утром, а финская — сразу после нее, в обычное для проведения литургий время, однако это было неудобно для шведскоязычных людей, живших за пределами города. После реформы Левануса финские и шведские богослужения стали проводиться попеременно до и после полудня.

Споры вокруг времени проведения богослужений были признаком углубления всегда существовавших противоречий между шведско- и финскоязычными прихожанами. Довольно скоро раскол принял всеобщий характер. В 1745 г. финны, возглавляемые Эсайасом Ароном Нурденбергом, вышли из прихода и образовали свой собственный — приход Св. Марии. 20 января 1745 г. Леванус, как он сам записал в требнике, «в последний раз на финском языке причастил святых тайн и исповедал, поскольку произошел раскол из-за посягательств Нурден-

берга на приходы». В приходе Св. Анны остались только шведскоязычные прихожане из Швеции и Финляндии. Что касается «пастора» Нурденберга, то вскоре он был разоблачен как «спившийся абоский моряк» и уже через год отстранен от пасторской должности.

Противоречия между шведско- и финскоязычной группами были глубоки, но порой принимали трагикомический оттенок, как, например, в случае с надписью на люстре, подаренной шведской церкви за год до окончательного раскола: «Эту люстру Андреас Дейкман подарил

Копия, снятая в 1762 г. с императорского указа, которым в 1733 г. шведско-финскому приходу предоставлялся участок у Невского проспекта, найдена в архиве прихода Св. Екатерины. Копия была снята, вероятно, в связи с раздорами между шведско- и финскоязычными прихожанами и последующим разделом приходского участка. *Государственный архив Швеции*

У ПАСТОРА ШВЕДСКОГО ПРИХОДА

Сегодня до полудня мы посетили пастора шведского прихода г-на Хоугберга, который сообщил, что одна половина участка вокруг церкви принадлежит шведскому приходу, а другая — финскому. Место, на котором построена церковь, они получили в 173 [3] г. от имп. Анны. До этого прихожане отправляли богослужения в доме пастора. Приход существует с тех пор, как Ниеншанц был завоеван русскими, поскольку жившие там люди осели здесь, в Петербурге. Ныне шведский приход насчитывает до четырехсот участников в год. Теперь выстроили каменный дом, который будет славаться внаем в пользу прихода.

По другую сторону живет финский пастор Крогиус, приход которого вдвое многочисленнее. За пределами Петербурга в сельской местности есть шведские и финские приходы — до самой Нарвы, расположенной в четырнадцати шведских милях (приблизительно в 140 км. — *Примеч. перев.*) отсюда. У здешнего прихода нет никакого церковного устава, а руководствуются принятым в немецких лютеранских приходах.

Пер Никлаэ Кристиернин
«Дневник путешествия... в расположенный
в России Петербург», 15 июля [1760 г.]

шведскому приходу, но не финскому. Год 1744, 1 октября». Однако мало-помалу прихожане одумались и пришли к согласию в том, что будут совместно пользоваться церковным зданием.

Человеком, завершившим разделение прихода, был преемник Левануса — Исаак Хоугберг. После продолжительных споров было решено разделить церковный участок по продольной линии: шведскому приходу досталась часть, выходящая на Малую Конюшенную улицу, а финскому — на Большую Конюшенную.

Этот финско-шведский конфликт, имевший место еще при Майделине и приведший к разделению прихода, на самом деле существовал на протяжении всей его истории. Отныне конфликт коренился не в языковом вопросе, а в противоречиях между шведами из Швеции и шведами из Финляндии. Жизнь прихода по большей части текла

мирно, но несколько раз, как увидим ниже, противоречия накалялись до открытых распрей.

В 1757 г. был возведен новый жилой дом для пастора, а старый, выстроенный в 1734 г., отремонтировали и сдали внаем. Это оказалось хорошей сделкой, и приход, по словам Эрстрёма, «впервые получил на церковные нужды надежный источник дохода, который в последующие времена ляжет в основу... экономического благополучия церкви».

Другим источником дохода были так называемые корабельные деньги. В 1680-е годы немецкие купцы выстроили в Архангельске церковь, и шкиперы немецких торговых судов стали добровольно жертвовать ей по пять рублей. Эта традиция постепенно распространилась и на Петербург, где такие взносы принимались в кассу немецкого прихода, хотя делались они всеми иностранными кораблями. Дабы изменить подобное положение дел, шведский приход испросил разрешения получать эту дань со всех шведских кораблей, а также с норвежских и датских, поскольку датчане и норвежцы часто посещали шведскую церковь. Совет церкви Св. Петра добровольно отказался от этих средств, однако вскоре возник новый конфликт, когда финский приход потребовал себе половину достававшихся шведам корабельных денег. С этим спором покончил король Адольф Фредрик, в 1759 г. постановивший, что получать взносы с кораблей имеет право только шведский приход. Другие разногласия привели к тому, что вся традиция уплаты корабельных денег совершенно пресеклась.

Св. Екатерина

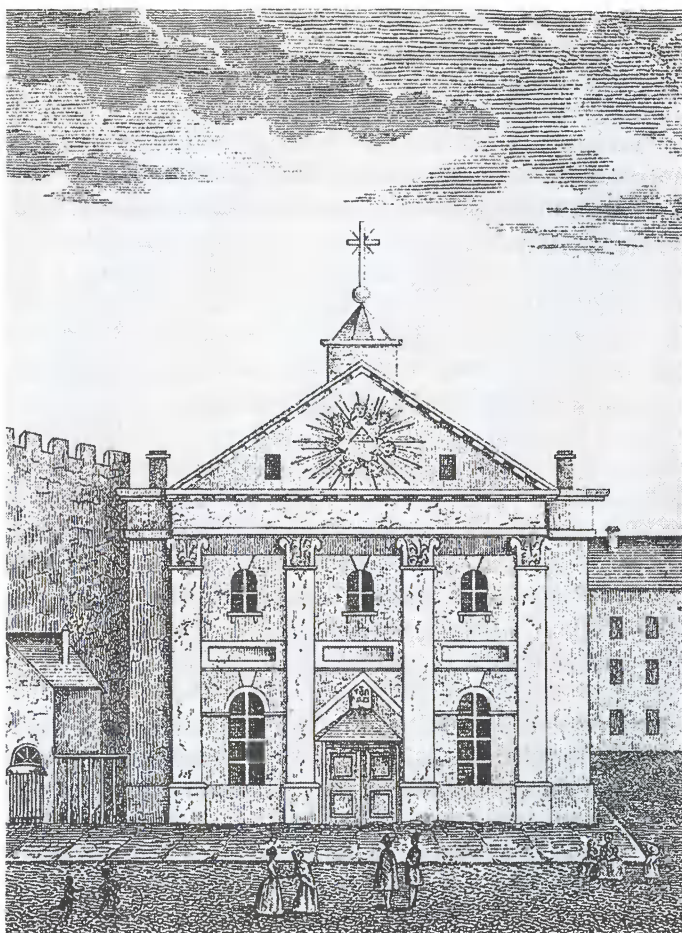
На протяжении двух десятилетий шведский и финский приходы совместно обладали одним и тем же святым местом, но это было компромиссом, не устраивавшим ни ту, ни другую сторону. Поэтому шведский приход принял решение возвести собственный храм.

17 мая 1767 г., в день Вознесения Христова, был заложен камень в основание церкви, в которой отныне приход

будет «поклоняться Вечному». Церковная казна была небогата, в ней хранились всего 782 рубля, и их хватило ненадолго. От петербургских прихожан-благотворителей поступило почти 1700 рублей, от частных лиц — несколько сотен, от управляющего торговым двором Карла Кристиана Багге поступил вспомогательный сбор в 550 рублей, московские шведы подарили 455; всего набралось добрых семь тысяч рублей.

Несмотря на слухи, будто Екатерина II оказала строительству церкви финансовую поддержку, на сей счет нет никаких надежных свидетельств. И все же декабрьское письмо 1767 г. шведского посланника барона Риббинга к пастору прихода Хоугбергу содержит намек на то, что слухи могут быть оправданными. Риббинг пишет, что «ему самому была оказана милость иметь возможность на последнем куртаге... умолять Ее величество императрицу о какой-либо поддержке начатого церковного строительства, кое было предпринято с милостивого изволения Ее величества... Ее величество весьма милостиво уверила, что она как ради прихода, так и принимая во внимание мою просьбу с великим удовольствием поможет завершению церкви... Таким образом, я совершенно уверен в щедром даянии на нашу лютеранскую церковь и при первом же удобном случае постараюсь, чтобы данное Ее величеством доброе обещание было исполнено».

Освящение храма состоялось через два года — в 1769 г. в день Вознесения Христова: «Благодарное песнопение прихожан вознеслось под звуки музыки к небесам», и Хоугберг держал «волнующую речь по случаю освящения», в которой призвал своих «радостных слушателей» к «христианскому веселью и изъявлениям благодарности Господу нашему Саваофу». Церковь была поставлена в Шведском переулке, соединяющем обе Конюшенные улицы. Одновременно с освящением нового храма старый был передан финскому приходу. Шведские церковь и приход были названы во имя Св. Екатерины — по святой и ее тезке российской императрице. Это наименование вносило, как отмечает Эрстрём, некоторую путаницу, поскольку

Освященная в 1769 г. церковь Св. Екатерины, построенная, вероятно, по проекту Юрия Фельтена (Георга фон Фельдтена, 1730–1801), одного из выдающихся зодчих того времени. Проектная документация отсутствует, но один источник 1797 г., как и архитектурный облик, позволяют заключить, что церковь построил именно Фельтен. В таком случае шведская церковь Св. Екатерины стала первой в ряду протестантских храмов, спроектированных примерно в том же стиле Фельтеном: немецкие Св. Екатерины (1771) и Св. Анны (1779) в Петербурге и шведско-немецкая Петра и Павла в Выборге (1799). Кроме того, архитектор одновременно с шведской возвел на Невском проспекте в 1767–1769 гг. армянскую церковь.

уже имелись немецкий, католический и еще русский приходы с таким же названием.

Исаак Хоугберг был зятем Левануса и, подобно ему, крупной личностью со значительными организаторскими талантами. То же справедливо и по отношению к его преемнику Эманюэлю Индрениусу, вызванному в приход Св. Екатерины после кончины Хоугберга в 1782 г. При пасторстве Хоугберга и Индрениуса церковный участок был застроен несколькими жилыми домами, в частности, возвели главное здание, в котором жил глава прихода, — на углу Малой Конюшенной улицы и Шведского переулка (1781). Индрениус также стал одним из пасторов, внесших вклад в обзор истории прихода.

Одним из самых изобретательных и деятельных членов прихода был в ту пору слесарь Филипп Бёве (согласно некоторым сведениям, потомок гугенотов; его настоящая фамилия — Буавьер, а родился он в Лёфстабрюке недалеко от Стокгольма). Бёве вызвался сносить деревянные дома на территории двора и вместо них возводить «дорогие каменные здания в четыре этажа». Он заручился поддержкой Индрениуса, а после его отъезда в 1792 г. — поддержкой нового пробста Юхана Хенрика Сигнеуса. Спустя год был еще возведен большой каменный дом на Малой Конюшенной улице, рядом с построенным в 1781 г. Приходские доходы от сдачи внаем помещений еще более возросли. После кончины Бёве в 1801 г. его портрет нарисовал шведский живописец Эманюэль Тельнинг (тот самый художник, который позднее увековечит церемонию в Борго 1809 г., когда финляндский ландтаг «преклонился» перед императором Александром I, и тот в ответ возвел Финляндию «в число наций»).

В 1803—1804 гг. финский приход на Большой Конюшенной улице поставил собственную церковь во имя Св. Марии, а стоявшая с 1734 г. старая деревянная была снесена. Окончательное разъединение шведского и финского приходов ознаменовалось строительством между их участками «разделяющей стены»; в первые годы после разъединения существовали ворота, через которые можно было пройти с одного участка на другой, но в 1810 г. их заложил-

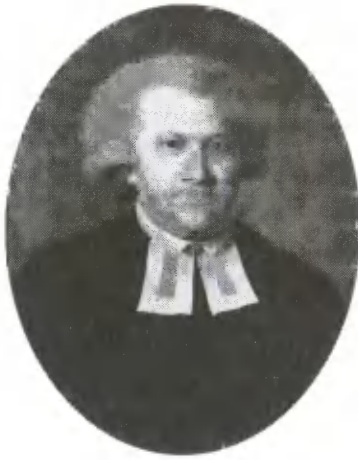
ли кирпичом. Едва ли случайно это произошло спустя год после того, как оборвались связи Финляндии с Швецией.

С возведением церкви Св. Марии подаренный в 1733 г. императрицей Анной участок был в общем полностью застроен. Поскольку шведский и финский приходы владели частью квартала, которая выходила на Шведский переулок, а немецкий приход обладал частью, выходящей на Невский проспект, то весь квартал, расположенный в одном из лучших мест Петербурга, был в распоряжении трех протестантских приходов.

Русскоязычный швед из Финляндии

Поскольку ни в Петербурге, ни в Старой Финляндии (то есть в той части великого княжества, которая отошла к России по условиям Ништадтского 1721 г. и Абоского 1743 г. мирных договоров) было невозможно получить лютеранское теологическое образование, то главы прихода приезжали, за единственным исключением, из Финляндии. Исключением был Нильс Адольф Доннер, приехавший из Швеции и получивший магистерскую степень в Або. Должность пастора в приходе Св. Екатерины он получил посредством женитьбы на одной из дочерей Исаака Хоугберга. Доннер прибыл в приход в 1798 г., но уже через два года покинул Петербург. Его сменил Карл Таваст, человек дворянского происхождения и житель Выборга. Таваст оказался достойным последователем Левануса, Хоугберга и Индрениуса — хорошим хозяйственником и умелым администратором. Сданные внаем дома приносили тогда настолько большие доходы, что приход смог вернуть заимствованные деньги. При Тавасте в приходе была также организована церковная школа.

Важнейшим событием, происшедшим за двадцатипятилетний срок пасторства Таваста, явилась русско-шведская война, завершившаяся мирным договором 1809 г., по условиям которого Финляндия стала российским великим княжеством. Страна сохранила шведское законодательство и уставы, но отныне взоры ее граждан все чаще

Беньямин Патерсен более всего известен как живописец, создавший виды города, но начинал он как портретист. Одно из его первых известных произведений в Петербурге — портрет Эмануэля Индрениуса, пастора прихода Св. Екатерины в 1783—1792 гг. и затем главного пастора во Фредриксхамне. *Художественный архив Музейного ведомства (Хельсинки)*

обращались не на запад, а на восток. Многие финляндцы отправлялись в Петербург в поисках работы и образования, и финляндская колония в городе росла. Естественными местами сбора для вновь приезжавших были приходы Св. Марии и Св. Екатерины. Последний до 1809 г. состоял главным образом из шведских подданных, но с этого времени подавляющее большинство находилось под властью российского императора: в 1828 г. из 3607 прихожан 75 процентов были российскими подданными и 15 процентов — шведскими.

На новый 1826 год должность пастора в приходе Св. Екатерины занял Эрик Густав Эрстрём; в его лице приход обрел сильного руководителя, соответствовавшего требованиям, которые предъявляла к нему новая ситуация. Заслуги Эрстрёма перед приходом невозможно переоценить. Он был яркой личностью, обладавшей талантами и интересами, выходящими далеко за пределы чисто профессиональной теологической сферы.

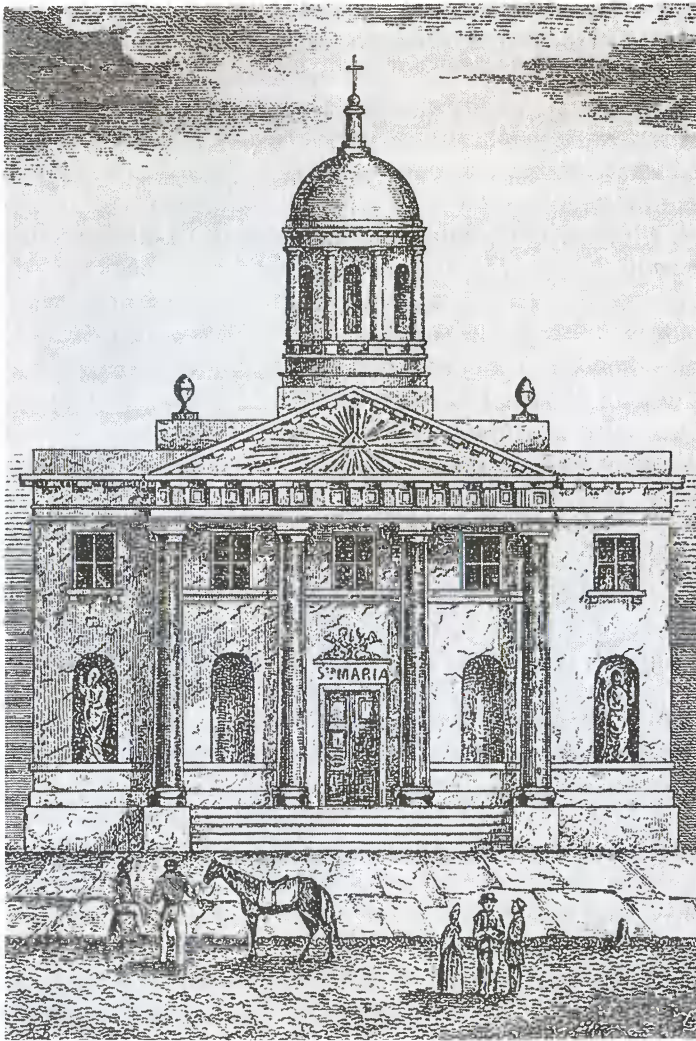
Эрик Густав Эрстрём родился в 1791 г. в Эстерботтене, на севере Финляндии. Его отец Андерс Эрстрём учился на врача, но вместо этого стал пастором. Семья священника жила бедно, в ней было десять детей, однако ценой великих лишений родители смогли дать сыновьям университетское образование. Эрик Густав был зачис-

лен в Абоскую академию, где начал изучать русский язык и в 1812 г. получил стипендию на обучение в Московском университете. Отец когда-то изучал естественную историю в Упсале у Линнея, а сын занимался русским языком в Москве — трудно себе представить более наглядный пример изменившегося геополитического положения Финляндии...

В Москве способный и любознательный юноша вел дневник, в котором с пониманием дела и юмором описывал не только повседневную жизнь русских, но также и войну, которая вспыхнула во время его пребывания там, — вскоре после приезда Эрстрёма в Москву Наполеон пошел на город, и Эрстрём вместе со всеми эвакуировался. (Его дневник, долго остававшийся неизвестным, был опубликован только в 1984 г. потомком автора Кристаном Эрстрёмом).

По окончании войны Эрстрём вернулся в Або, где возобновил свои занятия русским языком. К этому времени он уже был хорошо знаком с Россией и бегло говорил по-русски. В 1814 г. он издал двухтомный «Rysk Språklära för Begynnare» («Учебник русского языка для начинающих»). За ним спустя четыре года последовали «Grammatikaliskt-praktiska öfvingar i Ryska språket» («Практические упражнения по грамматике русского языка»), а в 1821 г. — «Rysk läsebok med lexicon» («Книга для чтения по русскому языку, со словарем») в трех частях. Наряду с подготовкой учебных пособий энергичный пасторский сын сумел в 1815 г. защитить диссертацию по языкознанию на тему «Öfversigt af Ryska språkets bildning» («Обзор строя русского языка»); через год он в возрасте двадцати пяти лет был назначен доцентом русского языка и литературы в Абоской академии.

Эрик Густав Эрстрём быстро стал центральной фигурой в академических кругах, представлявших так называемую Абоскую романтическую школу. Человек шведскоязычный, получивший образование в Москве, доцент кафедры русского языка, он стал одним из ведущих поборников финского как национального языка Финляндии. Он негодовал по поводу того возмутительного обстоятельства, что страной руководят люди, не владеющие языком ее

Финский приход Св. Марии, возникший в результате борьбы между шведско- и финскоязычными прихожанами церкви Св. Анны, долгое время довольствовался старым общим зданием приходской церкви, которое было построено в 1733–1734 гг. и с годами совершенно обветшало. Однако в 1803–1804 гг. приход возвел на Большой Конюшенной улице собственный храм. Архитектор Кристиан Готлиб Паульсен.

народа — миллионного народа, не имеющего собственной литературы. «Финская нация, — писал Эрстрём, — которая должна являть собой одно неразрывное целое, подвергается опасности постепенно разделиться на две части, все более отдаляющиеся друг от друга». Поэтому финский язык должен «стать и языком образованных классов», и Эрстрём предлагает грандиозную программу мер, включающую введение преподавания финского языка в школах и университетах, где «обучение все большему ряду предметов... должно вестись на финском языке, чтобы наконец оно велось исключительно на нем». Как известно, со временем идеи Эрстрёма были претворены в жизнь; но сам он, как это ни парадоксально, обладал лишь крайне скудными познаниями в языке, за который ратовал.

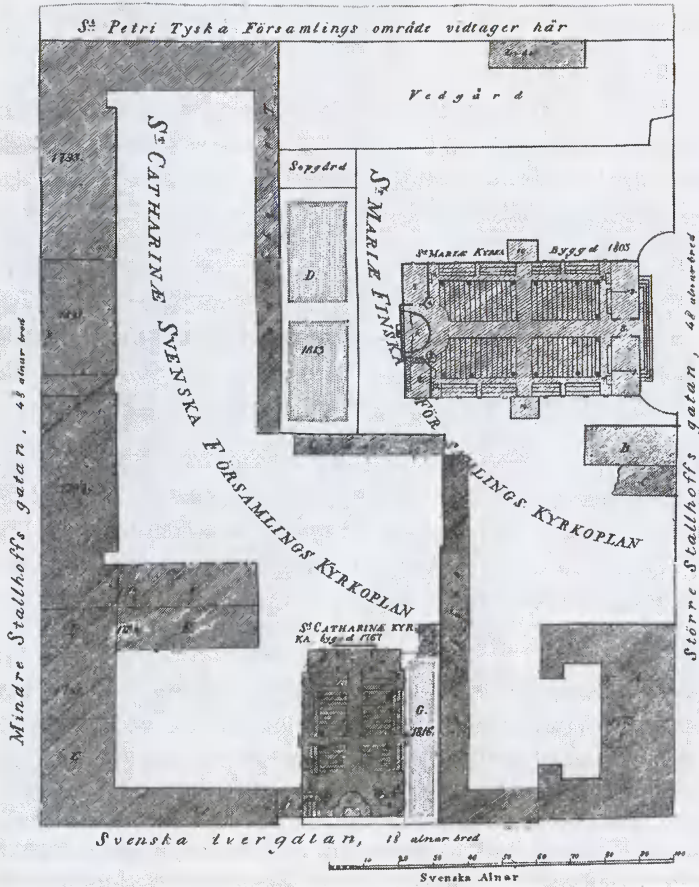
Однако Эрстрём не только боролся за статус финского языка, но и настаивал на том, чтобы официальные лица, представляющие Финляндию, владели русским. Это мнение отражает его научные интересы и свидетельствует о трезвом понимании новой политической ситуации в Финляндии.

У Эрика Густава и его жены Ловисы родились семеро детей. Многие говорят за то, что орава детишек в сочетании с низким доцентским жалованьем побудили Эрстрёма, подобно его отцу, сменить род занятий и стать священником. Он был рукоположен в сан в 1824 г. и назначен принять пасторат Тенала в юго-западной Финляндии. Пасторат считался доходным, но когда с кончиной Таваста освободилось место главы прихода Св. Екатерины, Эрстрём попросился туда и получил эту должность. Тем самым открылась новая глава в жизни и Эрстрёма, и прихода.

Эрик Густав Эрстрём обладал исключительной работоспособностью, которую и направил на деятельность в приходе. Он осуществил масштабные перемены в финансовых делах — в частности, ввел настоящие реестры. Он осовременил и упорядочил записи о рождениях, смертях, конфирмациях, приезжавших и уезжавших прихожанах, ввел журналы входящей и исходящей корреспонденции, тем самым заложив основы целесообразного управления делами. Кроме того, он в так называемой «Памятной

CHARTA

öfver
Svenska och Finska Församlingarnes Kyrkor
och Kyrkoplånar
år 1827

На этом плане из книги Эрика Густава Эрстрёма видно, как шведский и финский участки отделены друг от друга сараями. Это — символическое отражение глубокого раскола на языковой почве.

и цензурной книге» записывал сведения о частной жизни прихожан, и эти заметки дают живые картинки образа жизни и нравов того времени. О подмастерье сапожника Габриэле Лиде сказано, например, что он «выглядит жутковатым», а о свадьбе подмастерья столяра Густава Викстрёма пастор записывает, что ее «прекрасному празднованию» помешало то, что «Викстрём перегрузился крепкими напитками». К сожалению, преемники Эрстрёма не поддерживали заложенную было традицию таких записей, которые представляли бы ценный материал для социологических исследований.

В годы пасторства Эрстрёма приход получил новую книгу псалмов. Раньше пользовались изданием 1695 г., а теперь решили ввести новую шведскую книгу псалмов, одобренную в 1819 г. Это, казалось бы, простое решение, принятое в мае 1833 г., поставило Эрстрёма перед совершенно особой и специфически русской проблемой. Дабы заручиться «дозволением властей», пастору пришлось не только снабдить книгу псалмов указателем, но и смягчить в ней некоторые слова и выражения, чтобы не задеть власти. Эрстрём несколько месяцев трудился над переделками, и в мае 1834 г., в День молитвы и покаяния, новая книга псалмов была введена в употребление, пройдя цензуру и будучи дополнена выдержками из «Требника для евангелическо-лютеранских приходов в Российской империи».

Предрасположенность Эрика Густава Эрстрёма к порядку и систематичности наверняка в значительной степени была связана с его научными склонностями. Это касается и интереса к истории прихода. Некоторые его предшественники — Хоугберг и Индрениус — составили на эту тему более или менее краткие обзоры, но Эрстрём стал первым, кто методично трудился над описанием судеб прихода Св. Екатерины с самого его основания. Книга вышла в Або в 1829 г. под названием «Historisk Beskrifning öfver S: t Catharina och S: t Maria Församlingar, eller Swenska och Finska Församlingarna i S: t Petersburg» («Историческое описание приходов Св. Екатерины и Св. Марии, или Шведского и Финского приходов в С.-Петербурге»). Это систематическое и последовательное изложение пребывания шведов

ПЕСТРОЕ СМЕШЕНИЕ НАРОДОВ

В Петербурге 1820-х гг. было добрых 400 тысяч жителей, являвших собой «пестрое смешение народов». Эрстрём указывает, что многие жители, сколь это ни странно, обычно не называют своей национальной принадлежности, а зовут себя просто-напросто «здешними», то есть родившимися в Петербурге, Ингерманландии или в какой-либо из Прибалтийских провинций.

Будучи филологом, Эрстрём испытывал сильный интерес к языковым вопросам. Особенно же его тревожило положение шведов в Петербурге, где господствующим иностранным языком был немецкий. В городе насчитывалось приблизительно шесть тысяч шведскоязычных жителей, однако многие шведы и финляндцы не желали говорить на своем родном языке — прежде всего люди образованные; даже между собой они часто предпочитали говорить на немецком. Некоторые родители, очевидно, полагали, что знание родного языка может повредить немецкому произношению их детей; по мнению других, детям от родного языка нет никакой пользы: для чего им родной язык, если они «потом останутся жить в С.-Петербурге»?

В умах людей статус шведского языка в Петербурге снизился до положения, при котором его скорее всего можно было бы считать неким особым диалектом, переполненным русицизмами и — главным образом — германизмами; многие понятия и выражения были просто-напросто прямыми заимствованиями из этих языков. В фонетическом отношении петербургский шведский отличался от литературной нормы и от финляндского шведского. Для Эрстрёма сохранение родного языка было делом чрезвычайной важности: национальность и язык предков всегда должны быть «святы». Те, кто любит свой язык и свой народ, являются «вернейшими подданными благосклонной власти и самыми надежными гражданами среди своих собратьев в Государстве».

В тарабарском смешении языков Эрстрём усматривал угрозу национальной самобытности. Между тем его собственный вклад в шведский язык парадоксальным образом представляет собой прямое заимствование из русского языка. Именно Эрстрём ввел понятие «finländare», обозначающее жителя Финляндии независимо от того, является его родным языком шведский или финский. Это слово — калька с русского «финляндец», в свою очередь образованного от русского названия страны «Финляндия». Иначе говоря, слово «финляндец» запущено в оборот шведскоязычными петербуржцами.

и финнов в Петербурге XVIII — начала XIX в. в сочетании с фактическими данными, статистикой, а также личными комментариями является уникальным источником. Тонкий ум Эрстрёма заметен на каждой странице книги.

Эрик Густав Эрстрём внес эпохальный вклад в жизнь прихода Св. Екатерины, хотя его пасторство оказалось непродолжительным. В 1831 г. скончалась жена Эрстрёма, и он остался один с семьёю малолетними детьми. Примерно через год он снова женился — на молодой женщине из Борго, которая в 1835 г. родила ему дочь. Через пять недель сам Эрстрём умер от тифа в возрасте всего сорока четырёх лет. Газета «St. Petersburger Zeitung» «с болью» констатировала, что петербургская евангелическо-лютеранская консистория потеряла «одного из своих уважаемых за человеческие качества, неутомимых и просвещённых членов».

По церковному уставу 1833 г. евангелическо-лютеранские приходы в России получили дозволение назначать «попечителя церкви», который бы осуществлял связь общины с властями. По предложению Эрстрёма в 1834 г. первым церковным попечителем прихода был избран Роберт Хенрик Ребиндер. Он был министром статс-секретарем по делам великого княжества Финляндского, то есть его официальным представителем в российской государственной администрации. Министр статс-секретарь имел резиденцию в Петербурге и докладывал императору по делам Финляндии. Благодаря этому связи прихода с Финляндией укрепились. Отныне аппарат министра статс-секретаря взял на себя ту роль, которую на протяжении первого столетия играло для прихода шведское дипломатическое представительство.

Школа короля Карла Юхана

Деятельность церковной школы, учрежденной в 1824 г. при Тавасте, обрела больший размах благодаря Эрстрёму, который как пастор прихода являлся также и директором школы. В 1827 г. она была разделена на два

Портрет Эрика Густава Эрстрёма — пастора шведского прихода, борца за права финского языка и доцента кафедры русского языка — с орденом Станислава на шее и орденом Владимира на груди. Работа Юхана Эрика Линда. *Частная собственность (Хельсинки)*

отделения — для девочек и для мальчиков. В 1827 г. насчитывалось 53 учащихся, но их число быстро возросло, и в 1835 г. был учрежден элементарный класс, получавший из собственных средств императора ежегодные ассигнования в размере двух тысяч рублей. Условием ассигнований было следующее: будут преподаваться родной язык учеников, русский и немецкий, каллиграфия, арифметика и Закон Божий.

Основным языком в школе был шведский. Это может показаться само собой разумеющимся, однако на фоне опасений Эрстрёма относительно положения шведского языка заслуживает быть отмеченным решение школьного совета о том, что «шведский язык будет, насколько это возможно, занимать главное место. Учеников будут ему усердно обучать, особенно потому, что эта школа — единственное учебное заведение в столице, где наличествует возможность для полновесного обучения шведскому языку». Вопрос этот обретет особую остроту на переломе веков.

Пасторство Эрстрёма продолжалось добрых девять лет. Его преемник Густав Фредрик Сандт пребывал на этом посту 46 лет. Среди наиболее значительных достижений Сандта — расширение школьной деятельности. Объединенная школа для мальчиков и девочек обходи-

лась слишком дорого, и классы для девочек упразднили. Но затем это решение признали ошибочным, и в начале пасторства Сандта в 1838 г. открылась новая школа для девочек.

Церковные школы существовали в значительной мере на взносы и пожертвования. Одним из крупнейших жертвователей был фонд шведского купца Габриэля Кристофа Лембке; доходы этого фонда должны были поступать в петербургскую школу для детей бедняков при условии, что школа будет носить имя короля Карла Юхана. Шведский монарх против этого не возражал, но церковный совет долго испытывал сомнения относительно целесообразности такого соглашения. Лишь в 1856 г. первое пожертвование поступило в распоряжение совета.

Мориц Рубенсон, известный журналист и автор нескольких нашумевших путевых записок, в 1869 г. издал свои впечатления от посещения Петербурга — «Vid Mälaren och Nevan» («На озере Меларен и на Неве»). Он излагает более драматическую версию истории о пожертвовании Лембке.

Согласно источнику Рубенсона, один из министров и любимцев Александра I вследствие своего «легкомыслия и роскошного образа жизни» промотал огромные суммы, и эти деньги монарх поначалу выплатил из собственного кармана. Любимчик, однако, продолжил мотовство и выправил долговые обязательства, которые сначала шли у банкиров как ценные бумаги, но в конце концов так понизились в цене, что продавались по копейке за рубль. Некий пребывавший в Петербурге швед Л-е, купив «на значительную сумму» долговые обязательства фаворита, попросил шведского министра Лёвенгьельма помочь в получении этой суммы у императора. Государь векселя выкупил, и Л-е хотел отдать Лёвенгьельму 10 тысяч рублей в благодарность за хлопоты. Министр отказался, молвив, что он лишь выполнил свой долг как шведский посланник, но поскольку ему известно, что Л-е не умеет экономно обращаться с деньгами, то сохранит их у себя, «дабы использовать в добрых целях». Л-е заявил, что доволен таким решением; капитал положили под проценты и образовали комитет, задачей которого было решить, какое найти деньгам применение. Время шло, и лишь после

«долгих обсуждений и бурных споров» пастору Сандту удалось «уговорить Л-е образумиться» и позволить школе распорядиться деньгами; на них-то и была основана «Школа Карла Юхана».

В 1849 г. шведская школа по императорскому указу получила те же права, что и российские «окружные училища». Это означало, что все вышедшие из учебного заведения прихода Св. Екатерины могли «повышаться до первого класса Табели о рангах наравне с теми, кто получил образование в окружных училищах страны под ведомством Министерства народного просвещения», то есть имели право поступления на государственную службу. Вследствие этого указа приходская школа для мальчиков расширилась на четвертый параллельный класс. С 1864 г. в школу принимались также дети из других приходов, и пришлось организовать еще три параллельных класса с обучением на немецком и русском языках. Это решение подорвало положение шведского языка в школе и явилось, по выражению преемника Сандта, «роковым»; подробнее об этом см. ниже, в главе «Русский язык как кухонный».

При Сандте были проведены также крупные реформы в области благотворительности. Касса для бедных была учреждена уже в 1832 г., а в 1847-м пасторша Сандт основала приют для «обездоленных и беззащитных девочек» с целью «обеспечить своим подопечным бесплатное жилье, где они получают возможность обучиться всем существующим в домашнем хозяйстве делам и рукоделию». Кроме того, девочки могли получать бесплатное образование в приходской школе.

Приют имел бесплатное помещение в принадлежавшем церкви доме, а также дрова, освещение и воду. Денежные средства поступали от церкви, Его величества короля Швеции и финской паспортной экспедиции, которая взамен получила право занять в приюте несколько мест. Чтобы обеспечить надежность существования приюта, пасторша в 1859 г. основала так называемое Женское общество, задачей которого было споспешествовать вос-

Граф Александр Армфельт родился в 1794 г. в Риге, куда его родители Густав Мориц Армфельт и Хедвиг Ульрика Деллагарди бежали от преследований фактически правившего тогда Швецией барона Г. А. Рейтерхольма. Первые годы своей жизни Александр Армфельт провел в Калуге, где его семья жила в 1794–1797 гг. Он стал студентом Упсальского университета в 1808 г., а затем учился в Эдинбурге; в 1832 г. он переехал в Петербург, где сделал блестящую карьеру. Как и его отец, Александр Армфельт играл важную роль в связях между великим княжеством Финляндским и российской императорской властью. Его отец в свое время был исполняющим обязанности генерал-губернатора Финляндии, а Александр с 1841-го и до своей кончины, последовавшей в 1876 г., занимал пост министра статс-секретаря. Точно так же, как и его предшественник барон Роберт Хенрик Ребиндер, граф Армфельт был попечителем и финского прихода Св. Марии и шведского Св. Екатерины. *Художественный архив Музейного ведомства (Хельсинки)*

питанию незащищенных и обездоленных детей. Общество действовало под надзором графа Александра Армфельта, в 1842 г. сменившего Ребиндера на посту министра статс-секретаря и попечителя церкви. В 1860 г. Женское общество основало богадельню для «бедных престарелых и немощных женщин», в просторечии называемую старушечьим домом. Старушки должны были в меру своих сил помогать в «уходе за домом» и по хозяйству; в прочем же могли проводить время по своему усмотрению. Старушечий дом получил бесплатное помещение в принадлежавшем церкви доме, дрова, освещение и воду, а также ежегодное пособие из церковной кассы.

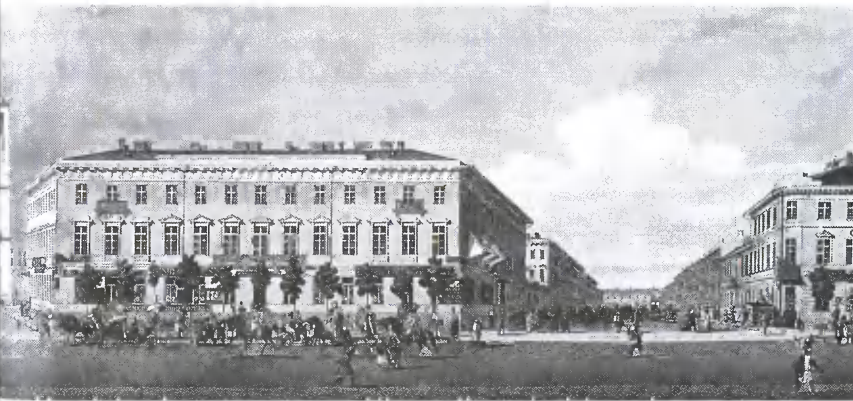

Эта панорама Невского проспекта между Малой и Большой Конюшенными улицами создана в 1828 г. Спустя год пастор Эрстрём так описывал квартал:

Путешественник, прибывающий из Финляндии в С.-Петербург, обычно подъезжает близ Казанской пристани к Невской перспективе. Рукой подать отсюда, ближе к Адмиралтейству, как раз напротив Казанской церкви сворачиваешь направо, на широкую и красивую, но не длинную улицу, называемую *Малой Конюшенной*. Тогда слева от путешественника будет находиться немецкая церковь Св. Петра с принадлежащими ей домами, а проехав немного мимо нее, окажешься перед воротами с надписью: «Дом Шведской Церкви Св. Екатерины», и также по-шведски: «S: t Catharinae Swenska Kyrka och Kyrkohus». Войдя во двор, справа перед собой видишь простое и непритязательное, но все же выстроенное в благородном и достойном стиле здание с рядами окон в два этажа. Крыша завершается большим позолоченным крестом с лучезарным сиянием в центре, а прямо под ним расходятся лепные солнечные лучи, в середине которых — око Провидения в окружении парящих серафимов. Словно бы под сенью этих крохотных, умиротворяющих символов видишь между пилястрами большой вход внутрь

Новая церковь

Вопрос о постройке нового церковного здания обсуждался еще в 1830-е годы в связи с празднованием 200-летия основания шведской церкви в Ниене. Однако эти планы были осуществлены гораздо позже. В 1861 г. графу Армфельту удалось добиться от русских властей займа в 150 тысяч рублей серебром на условии погашения его частями в течение тридцати семи лет. Проектирование здания было возложено на тридцатипятилетнего архитектора Карла Андерсона, родившегося в Стокгольме,

здания с гостеприимно распахнутыми воротами, а над ним на черном фоне бронзовые позолоченные буквы: *St. C: a (S: t Catharina)*, и год: 1769. Это *Шведская церковь*.

Через другие ворота рядом с церковью выходишь в другой переулок, соединяющий обе Конюшенные улицы и получивший наименование *Шведского*. Свернув с *Большой Конюшенной* (она названа так, потому что длиннее Малой Конюшенной, параллельно которой идет) налево, замечаешь мило выглядящую красивую церковь, несколько более длинную, чем шведская, и над выходящим на улицу большим входом украшенную маленьким куполом и подобным же, как у шведской церкви, крестом. Над самой дверью, к которой подходишь через ряд из четырех колонн, надпись: *Sancta Maria* и год MDCCCIV. Это — *Финская церковь*. Принадлежащий каждой из этих церквей двор или участок, особенно шведский, застроен большими нарядными каменными домами. В них расположены квартиры для приходских священников и служащих при той и другой церкви. Прочие дома сдаются внаем, плата за который составляет для касс обеих церквей самый главный и надежный источник дохода.

но выросшего и получившего образование в Петербурге (о нем подробнее см. в главе «Живописцы и архитекторы»).

Закладной камень был положен в воскресенье 28 июля 1863 г. по завершении литургии. Текст на медной табличке, положенной вместе с закладным камнем, гласил:

Закладной камень Евангелическо-Лютеранской церкви шведского прихода во имя Св. Екатерины заложен в досто-славное правление Его Императорского Величества Алек-сандра II 28 июля/9 августа 1863 г.

Попечитель церкви:

Министр Статс-секретарь по делам
Великого Княжества Финляндского
Действительный Тайный Советник
Граф Александер Армфельт.

Пастор прихода Консистоориальный советник
Доктор Густав Фредрик Сандт.

Архитектор Карл Андерсон

Старое церковное здание постройки 1769 г. стояло в Шведском переулке, а новое возвели на Малой Конюшенной улице. Оно было завершено в конце 1865 г. Одновременно на углу Малой Конюшенной и Шведского переулка был сооружен новый приходской дом, тоже по чертежам Андерсона.

Поскольку внутреннее убранство (и частично также фасад) церкви подверглось разрушениям с тех пор, как в 1930-х годах здание было переоборудовано под спортивные залы, приходится обратиться к свидетельствам современников-очевидцев, чтобы получить представление о том, как церковь выглядела в день ее освящения. Вот описание церкви Св. Екатерины, помещенное в 1871 г. стокальмской газетой «Förr och nu» («Прежде и теперь»):

Церковь выстроена вплотную к таким же большим, как она сама, домам (это принадлежащие приходу школы, приюты и т. д.), которые стоят по обе стороны от нее. Лишь стоя напротив церкви, можно охватить всю ее взглядом и осознать, насколько же она прекрасна.

Внутренность церкви, начиная от поистине великолепного вестибюля, выдержана в византийском стиле. Он повсюду прост и чист, лишен всяких излишеств и вычурности, однако не создает ощущения пустоты. Все деревянные части окрашены под дуб. Колонны по обе стороны широкого, выстланного коврами прохода, ведущего от входных дверей прямо к алтарю, отлиты из железа, но покрыты составом, удивительно напоминающим гранит. Запрестольный образ изображает Христа на кресте и плачущих у его ног женщин...

Запрестольный образ, выполненный эстонским художником Иоганном Кёлером (1826—1899), являлся авторской копией запрестольного образа, написанного для одной эстонской дворцовой церкви. Оригинал, сразу прославивший художника, был куплен для петербургского Музея Александра III (ныне Государственный Русский музей).

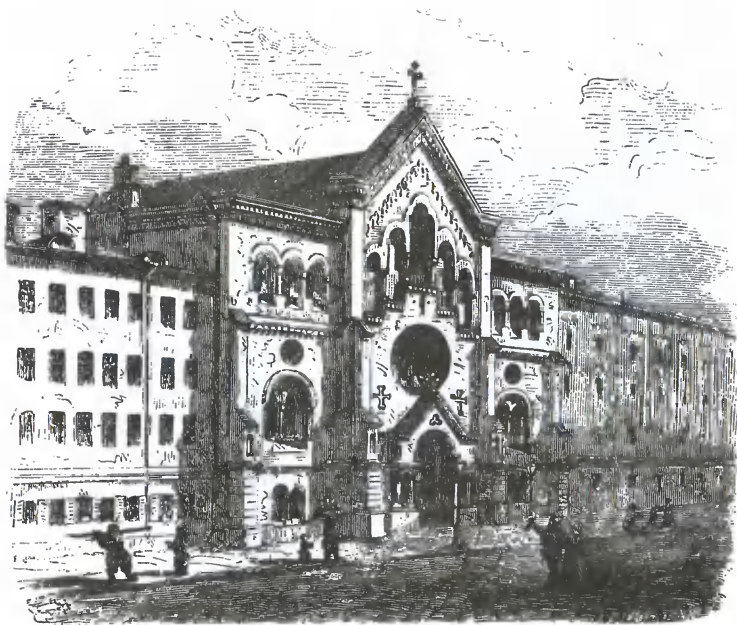

Рисунок церкви Св. Екатерины, выполненный Робертом Хаглундом и помещенный в иллюстрированной газете «Прежде и теперь» в 1871 г.

Через десять лет после освящения церкви на средства Женского общества был куплен новый орган, а в 1890 г. в церкви произвели ремонт. Прежнее внутреннее убранство сохранили, но внесли и новшества: над алтарем и хорами поместили «утешающие и ободряющие слова Божии», а в ризнице повесили начищенные памятные доски о посещениях церкви шведскими королями.

В том же году, когда шведская общественность смогла прочесть в газете «Прежде и теперь» о церкви Св. Екатерины, ее и школы посетил император Александр II. Пока церковные школы работали, то есть до весны 1918 г., одна стена была украшена надписью на шведском языке: «3 декабря 1871 г. Его Величество император Александр II осчастливил шведскую школу Св. Екатерины Своим Высоким посещением». Спустя несколько лет, в 1875 г., в церковь и школы нанес визит король Швеции и Норвегии Оскар II. И это посещение было отмечено памятной доской.

Густав Сандт скончался в конце января 1881 г., пробыв пастором прихода почти полвека. Через месяц с небольшим на Екатерининском канале, в каких-нибудь сотнях метров от шведской церкви, был убит Александр II; это событие обозначило начало новой эпохи в истории как России, так и прихода. О ней речь пойдет ниже, см. главу «Великолепный Херман Каянус».

После осуществленного Густавом III в 1772 г. государственного переворота, который, укрепив королевскую власть в стране, решительно ослабил значительное прежде влияние российского двора на шведскую внутреннюю политику, король искал удобного случая лично убедить императрицу Екатерину II в том, что его революция не была направлена против интересов России. Через пять лет он нашел подходящую возможность, чтобы, как сам писал в своем дневнике, «устранить все худые и неблагоприятные впечатления, которые враги моего государства старались внушить ей обо мне, и полностью изгладить чувство горечи, посеянное в ней памятным днем 19 августа 1772 года». Летом 1777 г. Густав отправился в Петербург встретиться с Екатериной — императрицей, которая была не только матерью всех русских, но и его собственной кровной кузиной: отец Густава — Адольф Фредрик — был братом матери Екатерины — Иоганны Элизабеты Ангальт-Цербстской.

Густав хотел бы быть приглашенным Екатериной и по дипломатическим каналам делал все для того, чтобы это произошло. Однако императрица, по внешнеполитическим соображениям не заинтересованная в визите шведского короля, передала через своего министра в Стокгольме, что летом, вероятно, будет в отъезде. Но дело зашло уже так далеко, что Густаву было поздно менять планы. В апреле российский двор был извещен о намерении короля инкогнито прибыть в Петербург в сопровождении маленькой свиты: король намеревался поселиться у шведского министра Юхана Фредрика фон Нолькена и просил не устраивать никаких сколько-нибудь значительных церемоний, которые могли помешать его доверительному общению

Чесменская церковь, закладной камень в основание которой положил Густав III. Она возведена по проекту Юрия Фельтена и является одним из немногочисленных в Петербурге зданий в готическом стиле.

с императрицей. После того как вопрос таким образом был решен шведской стороной, императрица передала Густаву, что рада будет видеть его в Петербурге.

«Приезд короля воспринимается здесь как сенсация», — записал в своем дневнике французский временный поверенный в делах барон де Корберон, но одновременно отметил, что императрица не особенно обрадована этим визитом, который обойдется ей в кругленькую сумму: «Наша добрая дама становится прижимистой».

Густав выехал под именем графа Готландского — псевдонимом, который не претендовал на то, чтобы ввести кого-либо в заблуждение; он был принят по-королевски, хотя императрица старательнейшим образом считалась с его инкогнито. Густав прибыл в Петербург 5 (16) июня — разница между юлианским и григорианским календарями в XVIII в. составляла 11 дней — и оставался в российской столице ровно месяц, покинув ее 5 (16) июля. (Далее все даты приводятся по старому стилю.)

Рано утром 5 июня пришедшая из Свеаборга галера «Серафим» бросила якорь у Кронштадта.

Вот как поэтично описывает король в своем дневнике первые впечатления от края, который некогда был шведским и который он, Густав, спустя десять лет попытается вернуть себе силой оружия: «В это мгновение взошло солнце, и прекрасная погода, а также удивительный вид на Кронштадт с обширного, заполненного лесом корабельных мачт моря, вход в петербургскую гавань, Финляндская сторона, Стрельна и Петергоф создавали красивейшую перспективу, какую только можно себе представить».

Последний отрезок пути до столицы король со свитой проделали в каретах. Густав стремился скорее вперед, и поездка водой при встречном ветре казалась ему слишком медленной. Слух о приезде короля распространился по столице, и около дома шведского министра уже стояла в ожидании большая толпа народа.

«Взаимные изливания теплых родственных чувств»

Граф Готландский прибыл в Петербург в 8 часов утра и уже спустя три часа нанес визит российскому министру иностранных дел графу Панину. Для него визит явился полной неожиданностью — он ожидал фон Нолькена и полагал, что тот придет один. Панин только-только встал с постели, и на голове у него еще был ночной колпак, когда министр представил ему облаченного в каролинскую униформу короля. Граф пришел в совершенное смущение, поняв, кто стоит перед ним. Он одной рукой поприветствовал короля, однако не мог приподнять ночной колпак, поскольку тогда сползли бы поддерживаемые другой рукой штаны. «Ах, — сказал он фон Нолькenu, — ну и шуточку вы со мной сыграли!» — «Меня не удивляет замешательство вашего превосходительства, — ответил министр, — но бывают гости, которым не посмеешь ни в чем отказать».

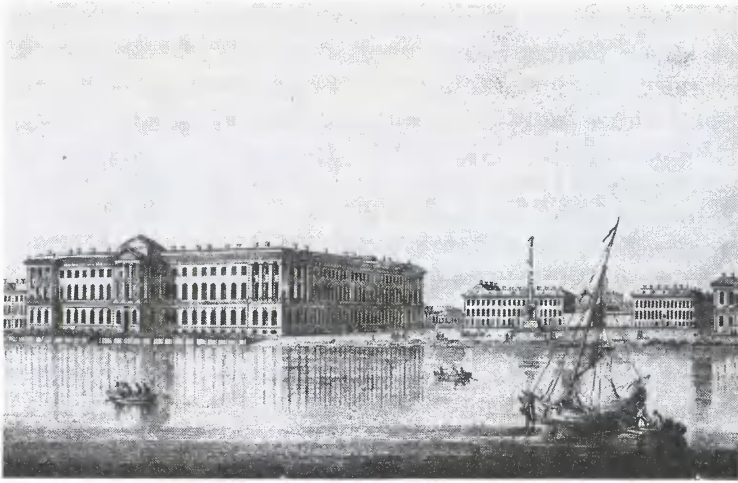
Этот эпизод отражен в дневнике, который король вел на французском языке, но перестал вести после визита к Панину — поняв, возможно, что апофеоз повествования уже достигнут.

После того как Панин опомнился достаточно, чтобы избавиться от колпака и облачиться в панталоны, он на протяжении часа беседовал с королем и фон Нолькеном и позднее в тот же день обедал с королем. После полудня Густав в обществе министра иностранных дел отправился в царскосельский дворец, где пребывала императрица. Назавтра король писал своему брату герцогу Карлу: «Я надел русский орден, который надлежит носить при каждой встрече с императрицей». Находясь в городе, он сохранял свою «анонимность» и не носил никаких орденов.

Состоявшаяся встреча шведского короля и российской императрицы прошла, как написали «Санкт-Петербургские ведомости», «при взаимных изливаниях теплых родственных чувств». Эта оценка подтверждается письмом к герцогу Карлу, в котором Густав сообщает, что императрица весьма обходительна и что «сама она еще лучше молвы о ней». Екатерина пообещала уважать инкогнито короля во всем, что «не лишает ее удовольствия беседовать» с Густавом. После театрального представления, партии в шахматы и ужина время уже перевалило за полночь. «Если продолжение не уступит началу, — писал король брату, — то мне останется лишь поздравить себя с этим путешествием».

Плавка серебра и гравировка медалей

За время пребывания в Петербурге Густав неоднократно встречался и с императрицей, и с ее сановниками, но поскольку визит не был официальным, то король не был перегружен церемониалом и имел возможность ознакомиться с тем, что его интересовало. Это были учебные и культурные учреждения, созданные Екатериной в духе века Просвещения: Академия художеств и Институт благородных девиц в Смольном. Король также посетил Академию наук и несколько полков и военных учреждений. Разумеется, он не упустил случая как можно чаще бывать в театре.

Петербургская Академия художеств, возведенная в 1764–1788 гг. по проекту А. Ф. Кокорина и Ж. Б. М. Валлен-Деламота. Обелиск справа — поставленный в 1799 г. памятник фельдмаршалу Петру Румянцеву. Гравюра начала XIX в. *Королевская библиотека (Стокгольм)*

Уже на другой день после посещения императрицы Густаву представилась возможность снова встретиться с нею — при закладке церкви Иоанна Пророка и Крестителя у Чесменского дворца, стоящего по дороге в Царское Село. Церковь возводили в память о победе русского флота над турками 1770 г., и королю была оказана честь положить закладной камень в основание храма. Архитектором его был Юрий Фельтен, который десятью годами ранее спроектировал здание церкви Св. Екатерины для шведского прихода.

При состоявшемся через несколько дней посещении Академии художеств король был принят ее президентом, действительным тайным советником Иваном Бецким. «Римские картины», «редкости, выточенные собственноручно Высокой Основательницей», «оригинальные картины кисти великих мастеров», рисунки и архитектурные чертежи — все было осмотрено и удостоилось монаршего одобрения. Королю были подарены золотые и серебряные медали Академии, а также несколько гравюр.

Уже два года в Петербурге работал Александер Рослин (см. главу «Живописцы и архитекторы»). Встречался ли Густав с ним в Академии художеств, неизвестно, но мы знаем, что в Петербурге они общались. В ту пору Рослин работал над портретом короля, который Густав предназначал для замка Грипсхольм, где портрет должен был занять место — и занимает ныне — рядом с портретом Екатерины кисти того же мастера. За время пребывания в российской столице Густав несколько раз позировал Рослину и по крайней мере однажды пригласил художника разделить с ним трапезу. «Вам надлежит знать, что вы всегда желанный гость за моим столом», — поприветствовал Густав Рослина, несмотря на то, что художник явился к обеду, когда он уже закончился.

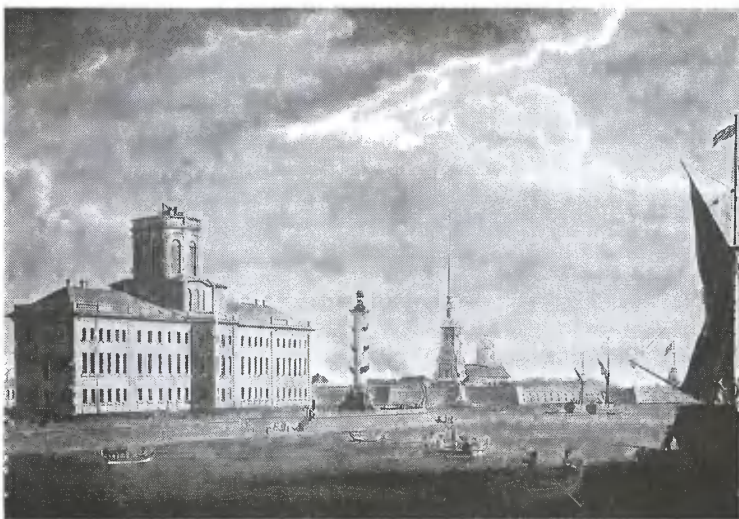
После еще одной встречи с Екатериной Густав написал брату, что все идет в соответствии с его желаниями и императрица выказывает ему «все возможные знаки внимания и почета». О том, что сам Густав произвел сильное впечатление на окружение императрицы, следует из дневника барона де Корберона: «Король пользуется здесь большим успехом; его находят весьма любезным и имеют для этого все основания». Императрица обходилась с кузеном «превосходно» и интересовалась, как долго он намерен оставаться в Петербурге. «Так долго, как смогу, но не столь долго, как хотелось бы», — последовал ответ.

После нескольких визитов к императрице (в Петергофе и Зимнем дворце) король, сопровождаемый князем Потемкиным и графом Румянцевым-Задунайским, посетил Монетный двор в Петропавловской крепости. Здесь Густав, по сообщению стокгольмской «*Lärda Tidningar*» («Ученой газеты»), наблюдал плавку серебра, гравирование медалей и осматривал много механизмов для чеканки монет. В подарок он получил медали, выбитые прямо при нем. После полудня компания в шлюпке отправилась в императорское Горное училище. Здесь статский советник Нартов продемонстрировал «химические опыты, заводские модели»; здесь же королю преподнесли «редкие российские руды». Затем монарха препроводили к «сделанной рудокопной горе, на поверхности и во внутренности которой

отправлялись обучающимися кадетами горные работы». По донесениям, король осыпал похвалами и Горное училище, и Монетный двор.

Философский век

Члены Академии наук — а некоторые из них являлись также членами родственной ей шведской Академии — в день ее посещения Густавом почтили короля: все они присутствовали там. Заседание вел директор Академии Сергей Домашнев, а началось оно с того, что секретарь ознакомил собравшихся с трудом естествоиспытателя

Кунсткамера — старейший в России музей, основанный в 1714 г. для собрания разного рода редкостей, которые царь Петр привез из своих поездок по Западной Европе. В одном из крыльев здания размещалась библиотека, в другом — музейные коллекции. В средней части находился анатомический театр, а в башне — так называемый Готторпский глобус. После пожара 1747 г. Кунсткамера была частично перестроена, а глобус перевезен в специальный павильон во дворе. В связи с празднованием в 1775 г. пятидесятилетия со дня основания Академии наук Кунсткамера была украшена, в частности, бюстами выдающихся ученых, столь понравившимися Густаву III. Раскрашенная литография 1822 г. *Королевская библиотека (Стокгольм)*

Лист, изготовление которого граф Готландский
в качестве высокого гостя сам наблюдал в типографии Академии наук.
Королевская библиотека (Стокгольм)

Петера Симона Палласа «Общая примечания о составе гор и о переменах, происшедших на земном глобусе, прикосновенно к Российской империи». После ознакомления с сообщением из Китая о грибе не известного ранее вида директор произнес речь о том, что «наш век» есть век «философский».

После собрания король осмотрел Академию. В Кунсткамере граф Готландский имел возможность увидеть «восковое изображение» Петра Великого, то есть известную «восковую персону» царя. В другом помещении королю продемонстрировали физические инструменты, а также китайские и монгольские редкости; потом монарх взял на себя труд взобраться по узкой лестнице под самую крышу, чтобы обозреть вид сверху.

В Минц-кабинете Густаву показали шведские монеты, некоторые с его собственным изображением. Директор подарил королю золотую медаль и жетон, отчеканенные по случаю 50-летнего юбилея Академии. Отсюда король сопровождал в Кабинет минералов, где он с большим интересом осмотрел кусок самородного железа, найденный в Сибири в 1772 г. в ходе одной из академических экспедиций. Кусок этого железа был положен в позолоченную серебряную шкатулку с гербом Готландии и подарен королю.

В библиотеке Густав прочел несколько страниц из собственноручно написанного императрицей проекта нового собрания законов — одного из важнейших русских документов века Просвещения. Король получил печатное издание «Наказа» Екатерины II, несколько отпечатанных в академической типографии книг, а также план Петербурга. Затем обход был продолжен до знаменитого Готторпского глобуса, который после пожара был помещен в построенный во дворе специально для него павильон. Густав, с интересом осмотрев глобус снаружи, заявил, что хотел бы увидеть его и изнутри. В «Санкт-Петербургских ведомостях» читаем:

Вдруг показалось, как будто бы земля отверзла свои недра. Глобус разворился и представил во внутренности сему вожделенному гостю питательныя земныя произведения.

Портрет Густава III работы Александра Рослина — подарок шведского короля Смольному институту. *Собрания Шведской академии. Фото Ёсты Гласе*

Вокруг земной оси явился уготовленный завтрак, состоящий из плодов и прочаго. Великое изобилие цветов, коими вся внутренность глобуса была украшена, герб графа Готландскаго, из роз сплетенный, везде являющийся, созвездие Овна, которое есть главное знамение сего герба, особливо преукрашенное, представляло зрелище сколь приятное, столь и новое. Когда господин граф, все шведские господа, с ним бывшие, некоторые здешние и господин директор вошли в глобус, то сей последний просил гостей взять тут отдохновение и вкусить от даров, кои земля им приносит. Знаменитый путешественник остановился тут с полчаса и при выходе изъявил в наиласкательнейших словах свое благоволение господину директору.

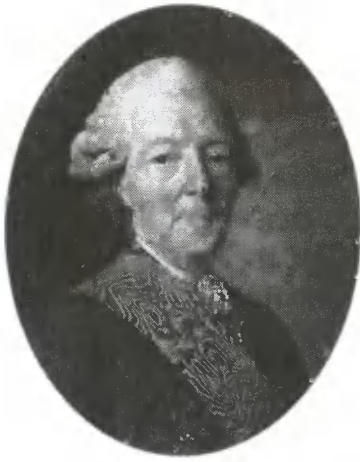
Обход продолжался. Когда Густав входил в академическую типографию, там печатали лист гравюры, изображавший, к изумлению короля, его самого.

Король был доволен приемом в Академии наук, где, помимо всего прочего, мог насладиться осмотром бюстов выдающихся шведов — таких как королева Кристина, Карл фон Линней и химик Юхан Валериус. В знак своей высокой оценки увиденного он преподнес директору Домашневу золотую табакерку, а нескольким членам Академии — золотые медали, выбитые по случаю учреждения в 1775 г. Верховного суда Васа. Этой чести удостоились математик Леонард Эйлер-старший, упомянутый уже Паллас, а также уроженец Финляндии астроном Андерс Юхан Лексель.

Как королю удавалось все успеть, остается загадкой, но в тот же день он наблюдал военные и гимнастические упражнения сухопутных кадетов, вызвавшие у него «смешанное чувство удовлетворения и удивления». День завершился очередным посещением придворного театра.

Смольный и Иван Бецкой

24 июня граф Готландский посетил Смольный институт благородных девиц, куда отправилась и Екатерина, чтобы поздравить с именинами директора института тайного советника Бецкого. В институте был собственный

Портрет Ивана Бешкого работы Александра Рослина, созданный во время двухлетнего пребывания художника в Петербурге. *Государственный Эрмитаж (Петербург)*

театр, и воспитанницы исполнили французскую комедию, за которой последовал «очень забавный балет». В парке были возведены зеленые беседки, и там сыграли отрывки из других комедий и опер, в частности сцену из оперы Мармонтеля «Земира и Азор».

В роли чудовища Азора — заколдованного принца — выступила шестнадцатилетняя девушка Хрушова. Колдовство должно было быть снято, как только сорвут хорошо охраняемый цветок, посвященный доброму божеству. Едва цветок был сорван и прозвучало имя императрицы, маска была сброшена, и девушка Хрушова вновь явила свое красивое личико. Юная девчушка принялась было декламировать стихи во славу императрицы, но, сообщает газета, не смогла закончить чтение из-за душивших ее слез.

Для славного своей просвещенностью монарха такой институт, как Смольный, представлял, разумеется, особый интерес, и, судя по газетным репортажам, то был уже второй визит Густава в институт; согласно другим сведениям, он побывал там несколько раз. Король интересовался учебными занятиями и художественными работами воспитанниц, а также участвовал в их играх. По возвращении в Швецию он послал в институт свой выполненный

маслом портрет с надписью: «Donné par GUSTAF III Roÿ de Suède. A la commun: té Impériale des Dem: les nobles de Russie. 1777» («В дар от Густава III, короля Швеции. Российскому Императорскому пансиону благородных девиц. 1777»). Портрет до 1917 г. висел в музее Смольного института.

Кадетский корпус и Смольный институт стокгольмская «Ученая газета» описывает как «два учреждения с обширными и превосходными возможностями» для общего воспитания и образования, «этих надежных основ силы и блага всякого государства». Директором и корпуса, и института был граф Иван Бецкой — выдающийся педагог-просветитель и знаток искусств, происхождение которого, по всей вероятности, интересовало Густава — Бецкой был наполовину шведом. Его отец, князь Иван Трубецкой, был взят в плен в сражении под Нарвой 1700 г. и почти двадцать лет провел в Швеции как русский военнопленный; вместе с другим русским пленным он в 1718 г. был обменен на генерала Реншёльда. У Трубецкого в России были жена и дети, однако это не помешало некоей барышне Спарре (по другим сведениям — Вреде) родить ему в 1704 г. в Стокгольме сына.

В России мальчики, рожденные вне брака от знатных людей, часто сохраняли фамилию отца, но в усеченном виде, и поэтому Трубецкой стал Бецким (обычно пишется Бецкой, а иногда Бецкий). О юных годах Ивана Бецкого существуют противоречивые сведения, но, по его собственным словам, первоначальное образование он получил в копенгагенском кадетском корпусе. Затем он приехал в Париж, где будто бы находился в интимной связи с матерью Екатерины Великой, и ходили упорные слухи, что он — истинный отец императрицы. Скорее всего, это всего лишь миф. Что не является мифом — это выдающиеся карьера и положение Бецкого при дворе императрицы, где он, глубоко проникшись идеями французских энциклопедистов и Руссо с его последователями, на протяжении нескольких десятилетий был движущей силой едва ли не всех просветительских и образовательных проектов в России.

27 июня была годовщина Полтавской битвы, но из-за шведского короля Екатерина отменила всякие торжества — жест, который наверняка оценил Густав, явившийся в петербургские салоны облаченным в каролинскую форму. На следующий день граф Готландский поехал в Петергоф, где императрица устроила празднество, назавтра продолжившееся балом-маскарадом по случаю именин великого князя Павла. На третий день императрица и король отправились в ораниенбаумский дворец, где слушали «Земиру и Азора».

За свое пребывание в Петербурге Густав уже в третий раз слушал оперу Мармонтеля, и это не было случайностью. Во-первых, для того времени не было ничего необычного в том, что по несколько раз смотрели один и тот же спектакль; во-вторых, у короля было особое отношение к этому французскому автору. Жан-Франсуа Мармонтель (1723–1799) еще в 1767 г. привлек внимание Густава своим романом «Велизарий», который по сюжету представлял собой жизнеописание римского военачальника Велизария, но по сути отражал идеи века Просвещения, проповедовавшие терпимость, свободу мысли и религии и т. д.

Реакция церкви и теологического факультета Сорбонны была предсказуемой: писателя предали анафеме и призвали принести покаяние. Столь же предсказуемым был отклик Вольтера, беспощадно атаковавшего богословов. Но Мармонтель был поддержан и царствующими особами, в частности Екатериной II, которая сообщила ему, что роман вот-вот будет переведен на русский язык, а также — Густавом. Писатель послал Густаву экземпляр книги, как только она вышла в свет, и шведский кронпринц ответил ему исполненным бурных восторгов письмом, которое Мармонтель отдал в печать вместе с подобными же отзывами Екатерины, шведской королевы Ловисы Ульрики и других особ. Таким образом, французский писатель послужил связующим звеном между двумя монархами, охотно считавшими себя просвещенными (по крайней мере до 1789 г.) и соперничавшими между

собой за благосклонное отношение к себе писателей-просветителей.

Через год после посещения Густавом Петербурга в театре стокгольмского королевского дворца Дротнингхольм состоялась шведская премьера «Земиры и Азора». Глубокое восхищение Густава пьесой выразилось также в том, что построенный в Карльскруне в 1785 г. выдающимся кораблестроителем Чапманом линейный корабль получил название «Земира». Когда в следующий раз дух Мармонтеля витал над Густавом и Екатериной, контекст был менее литературным: в состоявшемся в 1790 г. в Выборгском заливе морском сражении «Земира» была потоплена русским флотом.

Восемнадцатое столетие было веком Просвещения, но и эпохой, отмеченной сильным влиянием религиозного мистицизма и суеверий. Правда, Густав был менее подвержен подобным вещам, чем его брат герцог Карл, но тайный визит российским масонам во время своего пребывания в Петербурге он все же нанес. Король посещал и церковные учреждения. Помимо обязательного визита в церковь шведского прихода (визита, увековеченного памятной доской) Густав посетил Александро-Невский монастырь, где после службы беседовал с митрополитом Санкт-Петербургским и Новгородским.

2 июля, в тот самый вечер, когда король побывал в церкви Св. Екатерины, он слушал в придворном театре итальянскую оперу, а на завтра поехал в Гатчину и Петергоф. Начался обратный путь домой. 5 июля, после ужина с императрицей, король со свитой покинул Россию. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» написала, что шведский монарх оставил о себе «приятнейшее впечатление, произведенное его качествами, и знаки своего благоволения к тем, кои имели честь быть с ним в каком-либо сношении и оказать ему свои услуги».

«Горе-богатырь»

Каков же был результат визита Густава? Мог ли король, положа руку на сердце, действительно «поздравить себя с этим путешествием»? Монархи обменялись

не только любезностями, но и ценными подарками: помимо названных выше, Густав получил, в частности, усыпанную бриллиантами трость и отдался всероссийской императрице спешно извлеченным из королевской сокровищницы большим алым рубином. Но достиг ли он своей главной цели: настолько обаять Екатерину, чтобы она признала проводимую им политику?

Густав искренне восхищался императрицей: и как политик, и как личность она так очаровала его, что ему не удавалось освободиться от этого впечатления даже во времена жестких противоречий между ними. Екатерине, в свою очередь, польстили и сам визит короля, и искреннее восхищение, которое он к ней питал. Однако она так никогда и не смогла вызвать в себе чувство истинного уважения к Густаву: на ее вкус, он был слишком театрален, возможно, она даже находила его несколько смехотворным — об этом свидетельствуют кое-какие ее язвительные замечания. Официальные любезности, которыми в последующие годы обменивались кузен и кузина, не привели к какому-либо обмену между их странами.

Они вновь встретились во Фредриксхамне в 1783 г., но спустя пять лет Густав начал войну против России, пытаясь вернуть потерянное по условиям мирного договора 1721 г. Затея провалилась, но война дала Екатерине повод для блестящего сатирического выпада — она написала оперу «Горе-богатырь» («Сказка о Горе-богатыре Косометовиче и опера комическая, из слов сказки составленная»), премьера которой состоялась в Эрмитажном театре в январе 1789 г. Она еще несколько раз была поставлена в придворном театре, но никогда не игралась на других сценах. Жизнь оперы была очень недолгой, причиной чему явилось отрицательное отношение к ней князя Потемкина, который, как он объяснил, не был в состоянии судить о литературных достоинствах произведения, однако не мог согласиться с намерением императрицы «нанести оскорбление королю».

Этим королем — «Горе-богатырем» — был Густав III, направо и налево хвалившийся своими будущими победами в войне против России. Екатерина зло посмеялась

над его детскими мечтами. «Горе-богатырь» пытается облачиться в рыцарские латы, слишком для него просторные: шлем сваливается на живот, сапоги достают до самой талии. «Вот и видны только голова да две ноги, а тела нет», — заметил французский посланник Сегюр, который «страдал, видя, как столь благородная и великая государыня подобным образом унижает себя и уменьшается, слишком поддаваясь мелочной досаде».

Опера была подвергнута критике со стороны профессиональных дипломатов и не оставила сколько-нибудь заметного следа в истории литературы и музыки. Но с нашей перспективы достопримечательна сама форма издевки: императрица пишет оперу о короле, который сам писал оперы. Это кое-что говорит не только о кухне и кузене, но и об их веке.

Брачный вопрос

Следующий шведский царственный визит в российскую столицу состоялся через четыре года после убийства Густава III. У него был один сын — Густав Адольф, с которым связывались все надежды королевского двора. В 1789 г. король решил, что если с ним самим что-либо случится, то, как только сыну исполнится семнадцать лет, брат Густава герцог Карл подберет ему невесту. Ранняя женитьба, по мнению короля, не позволит сыну обрести привычку «порхать подобно бабочке между всеми цветами», как это водилось при легкомысленном шведском дворе. Однако оказалось, что сексуальные и прочие распутства не прельщали наследника престола, который был религиозным и верным своему долгу юношей.

Взоры с самого начала обратились к востоку. Граф Густав Мориц Армфельт, старавшийся наладить добрые связи с петербургским двором, после кончины Густава III предложил женить Густава Адольфа на великой княжне Александре, дочери сына Екатерины — Павла. Этот план не понравился главе регентского правительства Густаву Адольфу Рейтерхольму, не желавшему, чтобы будущий

король был слишком тесно связан с Армфельтом, являвшимся убежденным противником правления Рейтерхольма. Тем не менее Рейтерхольм позволил обратиться к российскому двору с определенными предложениями, главным образом с целью выяснить намерения Екатерины. Но после того как Армфельт был заподозрен в тайном общении с императрицей, направленном против интересов Швеции, контакты прервались, а сам Армфельт бежал в Россию, где находился на протяжении 1794—1797 гг. Поскольку отношение Екатерины к регентскому правительству перед приходом Армфельта в Петербург потеплело, приняли его отнюдь не столь сердечно, как граф рассчитывал, и он был вынужден поселиться в Калуге, где жил под псевдонимом «аптекарь Брандт».

Спустя некоторое время из Петербурга пришло известие о том, что императрица заинтересована в возобновлении переговоров по вопросу о браке. Рейтерхольм повторил прежние требования шведов, согласно которым русская великая княжна должна принять лютеранскую веру, но добавил еще одно, дополнительное условие: русские должны выдать Армфельта. Эти требования, особенно первое, Екатерина принять не могла, и поэтому Рейтерхольм получил отказ, которого он на самом деле и хотел — отныне ни о каком браке с русской не могло быть и речи.

Руководствуясь предписанием Густава III о том, что его сын должен жениться в семнадцатилетнем возрасте, Рейтерхольм безотлагательно устроил альянс, который более соответствовал его собственным замыслам и одновременно разрушал планы Армфельта. Избранницей стала Луиза Шарлотта, дочь герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха Франца; о помолвке было объявлено 2 ноября 1795 г., то есть на следующий день после дня рождения короля. Екатерину эта выходка возмутила, а Густав Адольф в свою очередь осерчал на императрицу, эту «чертовскую каргу», как он назвал ее в одном письме. С планами относительно России было покончено, и Рейтерхольм был доволен.

И все же оставалось одно «но». Король чувствовал себя уязвленным, так как не имел права высказать собствен-

ное мнение. Он даже ни разу не видел будущей королевы Швеции. Говорили, что принцесса добра, весела и приятна, но ее недостатки, несомненно, перевешивали достоинства: она была кособока и так толста, что приходилось сомневаться, сможет ли она иметь детей. Плоский нос и большой рот едва ли усилили восторг кронпринца перед этой «пухленькой толстенной репкой», как ее описывает один источник.

Об Александре, напротив, единодушно говорили как об одной из первых красавиц того времени, а репки менее необъятные, чем Луиза Шарлотта, росли и поближе, в чем королю легко было убедиться. Поэтому минуло всего несколько месяцев, как король объявил, что вообще не желает жениться до совершеннолетия. Для Рейтерхольма и антигуставианцев в его окружении то было сильным ударом.

Сватовство

В связи с ухудшением в начале 1796 г. отношений с Францией Рейтерхольм понял, что ему все же стоит попытаться еще раз разыграть русскую карту, если он не хочет потерять влияние на политическое руководство страны.

12 августа того же года король (под именем графа Хага), его дядя герцог Карл (граф Васа) и Рейтерхольм выехали в Петербург. В российской столице они жили в здании шведской дипломатической миссии, которую после Верельского мира 1790 г. возглавлял Курт фон Стединк. Прием был пышным — с фейерверками, парадами и театральными представлениями, и сама императрица переехала из Таврического дворца в Зимний, дабы иметь возможность принимать своих гостей. Густав Адольф, выросший в привлекательного молодого человека (несмотря на необычайно узкие плечи), произвел на российский двор хорошее впечатление. Он с достоинством держался и был искусным собеседником. Это укрепило императрицу в ее твердом намерении осуществить его брак с Алек-

ЭЛЬГХАММАР: РУССКАЯ ИДИЛЛИЯ В СЁРМЛАНДЕ

Двое из великих густавианцев были тесно связаны с Россией: Густав Мориц Армфельт и Курт фон Стединк. Первый окончил свои дни в Петербурге как российский генерал и председатель Комитета по финляндским делам, а второй на протяжении двадцати лет был послом Швеции при петербургском дворе.

Граф Курт фон Стединк (1746–1837) был лучшим шведским военачальником своего времени, и несколько своих крупнейших побед он одержал в ходе войны с Россией в 1789–1790 гг. На пост посланника в Петербурге Стединк был назначен после Верельского мира 1790 г. Хотя он не был профессиональным дипломатом, а отношения между двумя странами после проведенной Швецией наступательной войны были напряженными, Стединк сумел снискать расположение к себе и Екатерины, и Александра I. После войны 1808–1809 гг., когда Стединк находился в Швеции, он вернулся послом в Петербург, где и оставался до 1811 г. В следующий раз он посетил этот город в 1826 г., будучи отправлен туда в качестве чрезвычайного посла по случаю коронации Николая I.

Во время пребывания в Петербурге Стединк познакомился с архитектором Джакомо Кваренги, который, помимо прочего, участвовал в обустройстве здания шведского посольства на Исаакиевской площади. Естественно, что, решив построить в Эльгхаммаре (Сёрмланд) усадьбу, Стединк поручил Кваренги ее спроектировать.

Строительство начали, когда полыхала война и Стединк находился в Швеции. В августе 1809 г. он приехал во Фредриксхамн вести переговоры о мире, которые в сентябре того же года завершились подписанием мирного трактата. При Стединке был архитектор Фредрик Блум, последовавший потом за ним в Петербург, где встретился с Кваренги. Именно Блуму было поручено деликатное задание интерпретировать чертежи и интерьеры Кваренги. Эльгхаммар был готов в 1820 г. и являл собой роскошный образец петербургского классицизма посреди среднешведской идиллии.

С 1796 г. Кваренги был членом стокгольмской Академии художеств и другом скульптора Юхана Тобиаса Сергеля и архитектора Фредрика Магнуса Пипера. А Эльгхаммар — не единственный след, оставленный Кваренги в Швеции: по заказу Сергеля он выполнил проект саркофага для Густава II Адольфа в риддархольмской церкви (первоначально предназначавшегося для праха короля Адольфа Фредрика).

Курт фон Стединк в своей коляске. Справа виден Зимний дворец. Можно предположить, что экипаж едет от шведского посольства, располагавшегося совсем рядом. *Рисунок Фредрика Блума. Академия художеств (Стокгольм)*

Эльгхаммар Стединка — частичка Петербурга посреди Сёрмланда. *Фото М. Мильчика. 1996 г.*

сандрой, но решающим было другое и более практическое соображение: союз со шведским королевским домом был способом приобрести влияние на политику Швеции — влияние, которое Россия утратила после состоявшегося там в 1772 г. государственного переворота.

Великой княжне, за несколько лет привыкшей к мысли о том, что шведский наследный принц будет ее мужем, он очень понравился. И Густав Адольф, решивший было не жениться до достижения совершеннолетия, передумал, едва успев поближе познакомиться с тринадцатилетней Александрой. Она была прекрасна, как утренняя заря, а когда однажды сыграла на арфе, принц был окончательно покорен: 2 сентября он просил у императрицы руки Александры.

Екатерина дала свое согласие, герцог и Рейтерхольм — свое. Однако вопрос о вероисповедании по-прежнему не был решен. По шведским законам, король или наследный принц Швеции, женившись на принцессе нелютеранской веры, терял право на корону. Другими словами, Александре, если она хотела стать шведской королевой, надлежало выйти из православия. Екатерина заявила, что ни о чем подобном не может быть и речи, а Рейтерхольм, теперь делавший все для того, чтобы бракосочетание состоялось, не усматривал в этом проблемы. Вопрос этот можно будет поднять потом, после свадьбы.

Однако король, обжегшийся на выкрутасах вокруг предыдущего обручения, рассуждал иначе. Он обратился прямо к Екатерине, прося ее позволить Александре отречься от своей веры. Получив отказ, король уступил и присоединился к мнению Рейтерхольма: пожалуй, юная королева может перейти в лютеранство уже в Швеции; впрочем, она и сама объявила, что намерена так поступить.

Взаимное чувство между шведским наследным принцем и российской великой княжной было, вне сомнения, истинным, однако за кулисами велась другая игра. Екатерина требовала от Швеции обязательства участвовать в ожидавшейся войне России против Франции, а кроме того, сомневаясь в надежности устного обещания короля,

Юный король Густав IV
Адольф, граф Хага.
*Королевская библиотека
(Стокгольм)*

пожелала, чтобы он письменно заверил, что за Александрой будет сохранена свобода совести.

Это последнее требование являлось одним из пунктов документа, подписать который короля попросили в самый день обручения, 22 сентября, всего за час до того, как он должен был отправиться во дворец! Поскольку прежде король уже устно обещал Александре полную свободу совести, он счел письменное заверение излишним; в гневе он изорвал бумагу в клочки. После того как король выставил ненавистного Рейтерхольма из комнаты, Стединку удалось убедить Густава Адольфа написать бумагу следующего содержания: «Надеюсь, императрица настолько знает меня, что не сомневается в нерушимости моих обещаний. Даю ей мое честное слово, что не буду отлучать великую княжну, мою будущую супругу, от отправления ее веры при условии соблюдения установлений шведских законов. Я не стану также прибегать к каким-либо убеждениям с целью склонить ее к смене вероисповедания».

О начале большого бала, устроенного по случаю обручения, было уже объявлено, и Екатерина, гости и духовенство собрались в тронном зале. После долгого ожидания

Екатерина наконец получила записку короля. Как и ожидалось, она зацепилась за формулировку «при условии соблюдения установлений шведских законов», церемония была отменена, и гостям оставалось разъехаться по домам.

Оскорбленная императрица поняла, что ее планы разрушены семнадцатилетним шведским королем, и на репутации Рейтерхольма появилось еще одно пятно. «Так из-за упрямства и суеверности Густава Адольфа, — писал фон Стединк, — провалился план, благодаря которому Швеция заняла бы место среди великих держав».

В защиту истинного учения

К чему эта принципиальность? Улаживались вопросы и посложнее, когда того требовали династические интересы. Возможно, религиозные аргументы действительно сыграли свою роль: для Екатерины, которая сама перешла из лютеранства в православную веру, наверняка было важно показать своим новым соотечественни-

Великая княжна
Александра, дочь
великого князя Павла
и внучка Екатерины II

ПОБЕДА КРАСОТЫ

Хор для оркестра

Гаврила Державин

Орлы и львы соединились,
Героев храбрых полк возрос,
С громами грома помирились,
Поцеловался с Шведом Росс.

Сияньем, Север, украшайся,
Блистай, Петров и Карлов дом;
Екатерина, утешайся
Сим славным рук твоих плодом.

Гряди, монарх, на высоту,
Как солнце, в брачный твой чертог;
Являй народу красоту
В лучах любви твоей, как бог!

Сияньем, Север, украшайся,
Блистай, Петров и Карлов дом;
Екатерина, утешайся
Сим славным рук твоих плодом.

Младая, нежная царевна!
Пленив красой твоей царя,
Взаимно вечно будь им пленна,
Цвети, как роза, как заря.

Сияньем, Север, украшайся,
Блистай, Петров и Карлов дом;
Екатерина, утешайся
Сим славным рук твоих плодом.

Родители любезны, нежны!
Что ваши чувствуют сердца?
В усердьи льем мы токи слезны,
А ваша радость без конца.

Сияньем, Север, украшайся,
Блистай, Петров и Карлов дом;
Екатерина, утешайся
Сим славным рук твоих плодом!

Да будет век благословенна
Порфириносная чета,
В России, в Швеции насажденна
Премудрость, храбрость, красота!

Сияньем, Север, украшайся,
Блистай, Петров и Карлов дом;
Екатерина, утешайся
Сим славным рук твоих плодом.

Гаврила Державин (1743—1816) был придворным поэтом Екатерины и написал на обручение Густава IV Адольфа и Александры несколько стихотворений, в частности, это.

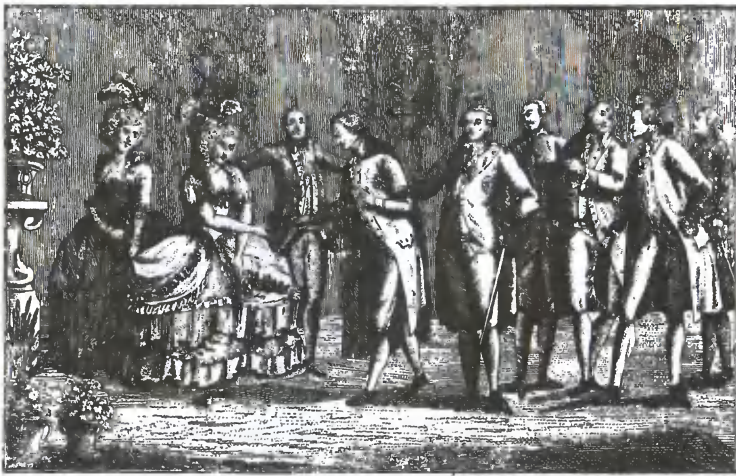
кам, что перемена его вероисповедания не была только внешней, а религиозные убеждения короля были хорошо известны. «Тот, кто верует в триединого Бога, всегда будет им охраняем, — писал он своему камер-юнкеру Класу Флемингу, находившемуся с ним в Петербурге, — в особенности когда защищает истинное учение, в котором я рожден и защищать которое есть моя постоянная и строжайшая обязанность». Но, возможно, больше всего короля раздражала навязываемая императрицей опека — он устал от опекунов, и не только с русской сто-

роны. Противостоя Екатерине, он противостоял и Рейтерхольму.

Помолвка была разорвана, и 1 октября король со свитой покинул российскую столицу. Императрица, для которой по-прежнему было важно получить в лице шведов союзников, была, кажется, готова на компромиссы, но в середине ноября с нею случился удар; по мнению некоторых, его причиной было неудавшееся бракосочетание. Ее сын и преемник отец Александры Павел I оказался менее заинтересованным в сближении с Швецией, а в религиозном вопросе был так же упрям, как Густав Адольф.

Трагизм ситуации состоял в том, что чувства юной пары вовсе не остыли в тени интриг международной политики.

Feierliche Verlobung Gustav-Adolph, Königs von Schweden mit der Prinzessin Friederike älteste Tochter des Herrn Gebrüders von Baden zu Eberst. am 14. August. 1787.

1. König von Schweden, als Bräutigam. 2. Prinzessin Friederike von Baden, als Braut. 3. Gebrüder von Baden, als Brautvater. 4. Herzog zu Siedlersheim, als Bräutigam. 5. Herzog von Pringshofen, als Brautschwager. 6. Gefolge des Königs von Schw.

От сватовства Густава IV Адольфа к Александре по естественным причинам не осталось никаких изображений, поскольку весь замысел рассыпался. Состоявшееся через год обручение короля с принцессой Фредрикой, напротив, увековечено. Слева на картине младшая сестра невесты, сама Фредрика, ее отец, наследный принц Баденский, Густав IV Адольф и герцог Саксонско-Веймарский. Четверо господ справа — из свиты шведского короля. *Королевская библиотека (Стокгольм)*

Александра при случае неоднократно высказывала свою горечь по поводу неосуществившегося брака и уверяла, что никогда не забудет шведского короля. Густав Адольф тоже тяжело переживал разрыв помолвки.

Однако «брачный вопрос» решился довольно скоро. Спустя год теперь уже совершеннолетний король женился на принцессе Баденской Фредрике Вильгельмине Доротее. Сестра Фредрики была замужем за старшим братом Александры, который через четыре года станет российским императором под именем Александра I; иными словами, Густав Адольф и Александр стали свояками. Наконец шведский и российский царствующие дома породнились, хотя и не так, как задумывалось.

Сразу после отъезда Густава III из российской столицы Санкт-Петербургская Академия наук сообщила, что король принят в ее почетные члены. В направленном директору Академии благодарственном письме Густав написал, что ее «слава» является достаточной причиной для того, чтобы он с радостью принял это избрание, и подчеркнул: тем самым его соединят новые связи с императрицей, в «мудрости» и «добродетелях» которой он имел честь удостовериться. На следующий год шведская родственная Академия сквиталась, избрав своим членом непопулярного Домашнева, а спустя еще пять лет — и его преемницу княгиню Дашкову.

В этих и некоторых иных случаях членство в академиях было картой в политической игре. Однако между двумя академиями имелись и серьезные научные связи. Петербургская была учреждена в 1724 г. указом Петра Великого, образцом для нее послужила Берлинская академия, а одним из вдохновителей был сам Лейбниц, с которым царь встречался в Германии, чтобы обсудить этот замысел. Для русского царя учреждение Академии было также и способом показать окружающему миру, что Россия намерена стать цивилизованной нацией. Но Петербургская академия была творением без корней — ее развитие полностью зависело от иностранного знания, и в первые годы даже приходилось выписывать студентов из-за границы.

Иноземных исследователей заманивали в Петербург щедрыми условиями — высоким жалованьем, бесплатным жильем, дровами и стеариновыми свечами, и многие ученые ухватились за такое предложение. Среди выдающихся ученых были немецкий математик Леонард Эйлер-старший, в двадцатилетнем возрасте приехавший на берега

Карл фон Линней. Гравюра
по живописному портрету
Александера Рослина.
*Королевская библиотека
(Стокгольм)*

Невы в 1727 г. и после пребывания в 1741—1766 гг. в Берлинской академии возвратившийся в Петербург, где и прожил до своей кончины, последовавшей в 1783 г.; его швейцарский коллега Даниэль Бернулли; естествоиспытатели Иоганн Георг Гмелин и Петер Симон Паллас, сибирские экспедиции которых приобрели международную славу; астроном Жозеф Делиль и другие. Благодаря их усилиям труды Академии — «*Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae*» — стали важным чтением для исследователей по всей Европе.

Шведская Академия наук моложе Петербургской, она была основана лишь в 1739 г.; правда, у нее были предшественники, прежде всего *Vetenskaps Societeten* (Научное общество), которое в 1732 г. оплатило путешествие молодого Линнея в Лапландию. В то время и позднее в XVIII в. шведская наука, особенно естествознание, была в большом почете, главным образом именно благодаря Карлу фон Линнею. Несколько шведских исследователей работали и в Петербургской Академии наук. Среди ординарных ее членов были, в частности, естествоиспытатель Эрик Лаксман и математик Андерс Юхан Лексель — оба из Финляндии, а Линней и секретарь Шведской Академии наук

Пер Вильгельм Варгентин, как и Густав III, являлись ее почетными членами. Несколько русских ботаников работали также у Линнея в Упсале, и некоторые из лучших русских представителей науки, в том числе Михаил Ломоносов, были избраны в родственную Шведскую Академию и печатались в ее «Трудах».

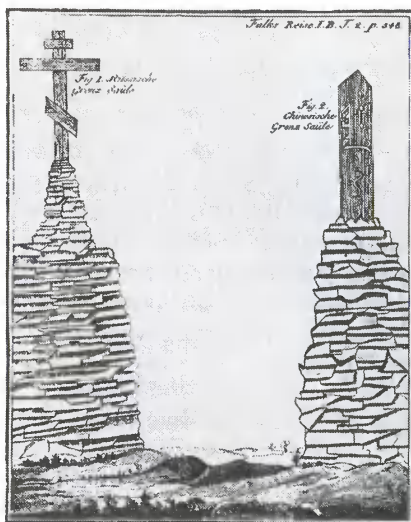
Вторая половина восемнадцатого столетия стала временем интенсивного научного обмена между европейскими академиями и особенно между королевской Шведской и императорской Петербургской. Причина заключалась в том, что обе страны находились на «выселках культуры» и какое-то время нуждались друг в друге. Совсем недавно Швеция и Россия воевали между собой, в последний раз в 1741–1742 гг., но поскольку Петербургская Академия состояла главным образом из немцев и других иностранцев, не исключая и шведов, война не помешала развитию контактов. Результаты сотрудничества «русских» и шведских исследователей привлекали вполне заслуженное внимание, и некоторые работавшие в Петербурге шведы навсегда вписали свои имена в историю науки.

Фальк, Лаксман и Лексель

В 1768 г. молодой — а впоследствии легендарный — немецкий натуралист Петер Симон Паллас отправился в свою большую сибирскую экспедицию, которая завершилась только в 1774 г. В путешествие за ним последовал шведский исследователь Юхан Петер Фальк, судьба которого столь же примечательна, сколь и трагична. Фальк учился у Линнея и в 1763 г. приехал в Петербург по его рекомендации. Ботаник Фальк стал в Петербурге руководителем Аптекарского огорода и обеспечивал упсальского ученого семенами. Фальк был болезненным меланхоликом, и из его писем домой, в Швецию, видно, что психическое и физическое здоровье ученого не сулило ему в будущем ничего хорошего.

Фальк путешествовал целых пять лет. Его корреспонденция отражает глубокие депрессии, но свидетельству-

Рисунок из труда
Юхана Петера Фалька:
русский и китайский
пограничные столбы

ет также и о значительных научных открытиях и других достижениях. Фальк отсылал свои находки в Петербургскую Академию, его психическое состояние постепенно ухудшалось. На обратном пути, в Казани, он слег и, питаясь одними шведскими хрустящими хлебцами и чаем, мало-помалу уходил из жизни. Но одолевавшие Фалька демоны не дали делу идти своим чередом, и мартовской ночью 1774 г. он покончил жизнь самоубийством.

Однако это не означало конца его научной карьеры. Через десять лет его спутник — немецкий естествоиспытатель и аптекарь Иоганн Готлиб Георги издал оставленные Фальком записи под названием «Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs» («Очерки по топографическому изучению Российской империи»). К тому времени Паллас и другие участники экспедиции уже успели опубликовать полученные в путешествии результаты, но специалисты оценивают труд Фалька как крупное научное достижение и один из выдающихся подвигов шведской науки того времени. Линней выразил свою высокую оценку заслуг Фалька, присвоив ему в 1772 г. степень почетного доктора медицины Упсальского университета и назвав род явнобрачных растений его именем — «Falckia».

Ученики и последователи Линнея

Линней внимательно следил за развитием ботанической науки в России. К несчастью, человек, ведавший петербургским Аптекарским огородом, был научным противником Линнея: речь идет об Иоганне Сигезбеке, который одновременно был ботаником Петербургской Академии наук. Сигезбек критиковал линнеевскую систему классификации растений, но Линней, вместо того чтобы отвечать на критику, назвал именем Сигезбека один из репейников: *Siegesbeckia*. Линнею каким-то образом удалось в обход Сигезбека раздобыть несколько редких сибирских кореньев и семян.

В 1760 г. Петербург посетили молодые шведы Пер Никлас Кристиернин и Абрахам Хюльперс. Естественной их целью была Кунсткамера, где можно было, в частности, осмотреть «чучело необыкновенно большого француза», гениталии которого хранились в спирту. Для нашей темы более интересны описания визитов, нанесенных двумя шведами коллегам Линнея; это наглядные свидетельства об ученом мире XVIII столетия. Так, Кристиернин, сообщая о встрече с архиатром де Гортером (год спустя издавшим труд «*Flora ingrīca*» («Флора Ингерманландии»)), говорит, что «он довольно любезный и вежливый человек, принявший нас с большим уважением, а также от души порадовавшийся приветам от г-на архиатра Линнеуса, и обещал прислать ему *Rhabarbarum laciniatum* и *Raeoniam tenuifoliam* в горшках, поставленных в дощатый ящик. *Semicifuga* он обещал доставить, если сумеет. Госпожа Гортер оказалась маленькой злой женщиной, она ходила в мужском ночном колпаке и ворчала на своем голландском языке на архиатра за то,

В области науки, которой занимался Фальк, у него был шведский предшественник — Эрик Лаксман, бедный парень из Финляндии, появившийся в Петербурге в 1762 г. Здесь он сразу получил должность учителя естествознания и ботаники в только что основанной школе Петершуле при немецком приходе Св. Петра. После двух лет пребывания в Петербурге Лаксман был назначен проповедником в немецкий приход на алтайских Колыванских золотых и серебряных приисках в Сибири. Там он прожил пять лет и использовал время наилучшим образом. Появившийся еще в Петербурге интерес к естествознанию теперь усилился. Лаксман совершал поездки в направле-

что он попросил у нее для нас кипятка. Когда же кипяток наконец появился на столе, она осведомилась, хотим ли мы сахара, которого не было в чашке архиатра. Между тем сам он был довольно любезен, много говорил и среди прочего показал мне только что вышедший маленький трактат на голландском языке, в котором автор пытался опровергнуть Реомюра и Линнеуса, утверждающих, что кораллы и зоофиты — не растения, а каменные жилища живых животных».

Через несколько дней Кристиернин посетил адъюнкта Кельрейтера. «Поскольку улицы... были столь грязны, что по ним невозможно было пройти», он нанял извозчика.

«Я нашел его в академическом саду и был принят весьма любезно. Он показал мне *Rhabarbarum laciniatum*, который в этом году не цвел, а также *Paeoniam tenuifoliam*, который он, по его словам, отправил господину архиатру Линнеусу через директора Альстрёмера. *Semicifuga* у него только один куст с тремя или четырьмя ростками...

В своем кабинете он показал мне среди иного растение, которое теперь цветет и было выращено из семечка, полученного им от господина архиатра Линнеуса под названием *Reaumuria*, и показал, что при сравнении с описаниями оно не оказалось ни *Reaumuria*, ни *Martynia*, ни *Carniolaria*...

Затем он поведал, что г-н архиатр Линнеус, без сомнения, будет удостоен премии за присланный сюда труд “*De generatione hybrida*”, однако г-н адъюнкт на сей предмет не разделял мыслей автора...»

нии Китая и Монголии, собирая растения, представителей фауны и минералы, и отправлял их в Петербургскую Академию наук. Это было еще до Палласа и великих сибирских экспедиций и позволяет предположить, что Лаксман был в то время наилучшим знатоком сибирских фауны и флоры. В Швеции тоже с большим интересом следили за его достижениями: в Упсале Линней был готов «целовать ноги господина магистра» и ждал от него насекомых и семена.

Лаксман вернулся в Петербург в 1769 г. и сразу же приступил к обнародованию своих открытий в научных изданиях, в частности в «Трудах» Шведской Академии наук.

Вскоре он был избран ординарным членом Петербургской Академии. Он был назначен профессором по кафедре экономики и химии и в 1770-х гг. играл в Академии центральную роль, среди прочего как редактор нескольких ее трудов. И когда Дидро попросил Академию предоставить ему сведения о природных условиях Сибири, именно Лаксман снабдил его ими. Однако довольно скоро Лаксман проявил и свои скверные качества. Он втянулся в академические интриги, и дело кончилось тем, что в 1780 г. он потерял должность в Академии и вместо этого стал надворным советником и одно время руководил Нерчинскими рудниками, расположенными в Восточной Сибири. После того как Лаксман пригрозил пустить пулю в лоб одному асессору, его вычеркнули из списков Академии. Но он продолжал научную работу и в конце концов сумел выхлопотать себе у Академии маленькую пенсию.

В том же году, когда Лаксман вернулся в Петербург из своего первого сибирского путешествия, в город прибыл другой финляндец — математик Андерс Юхан Лексель. Он учился в своем родном городе Або и в Упсале и в 1768 г. послал в Петербургскую Академию несколько своих сочинений по интегральному исчислению. Они получили весьма высокую оценку, и Лексель был приглашен в Петербургскую обсерваторию. По образованию он не был астрономом, но после второго прохождения Венеры через диск Солнца летом 1769 г. именно он сопоставил данные наблюдений, которыми астрономы всего мира обменивались между собой. Основная ответственность за вычисления лежала на старом Эйлере, но Лексель был его помощником, и по завершении в декабре 1770 г. работы Эйлер публично очень хвалил молодого математика за его вклад в этот труд. Лекселю и была доверена честь издания результатов вычислений — по заданию Академии наук, но от собственного имени. Награда не заставила себя долго ждать: уже на следующий год он был избран ординарным членом Академии.

С течением времени Лексель опубликовал в академических «Трудах» не менее шестидесяти статей на разные

темы, но славу ему принесла комета, впоследствии названная его именем. Комета появилась в 1770 г. и, как оказалось, летела по странной орбите. После расчетов, занявших несколько лет, Лексель в 1778 г. представил сочинение «*Reflexions sur le temps périodique des comètes généralement, et principalement sur celui de la comète observée en 1770...*» («Рассуждения о периодах обращения комет вообще и в особенности кометы, наблюдавшейся в 1770 г. ...»), где он в духе Ньютона показал, что краткость обращения этой кометы обусловлена притяжением Юпитера, и комета скоро совсем исчезнет в космическом пространстве. После еще нескольких привлечших внимание работ Академия поручила Лекселю издать купленные ею неопубликованные манускрипты Кеплера.

В 1773 г. Лексель стал членом Шведской Академии наук, а два года спустя был назначен профессором математики в Або; должность эту он принял, но тут же взял отпуск и так никогда и не приступил к исполнению своих обязанностей. Конечно, Або по сравнению с Петербургом был провинцией, не говоря уже о разнице в финансовых условиях. Лексель смог, например, на средства Академии наук совершить турне по Европе и посетить обсерватории и другие академии. Среди тех, с кем он встретился, были французские коллеги — Д'Аламбер, Лавуазье, Лаплас и другие. На пути домой он посетил Стокгольм, где беседовал с Варгентином и получил от Густава III приглашение работать на родине. Лексель, однако, отказался и вернулся в Петербург, где осенью 1784 г. стал преемником Эйлера-старшего в качестве профессора высшей математики. Но, едва вступив в новую должность, он скончался от опухоли в возрасте всего 44 лет.

Еще одна шведская комета

В науке о небесных телах и космическом пространстве точно так же, как Лексель, в России прославился другой крупнейший шведский ученый — Оскар Баклунд, астроном Пулковской обсерватории, открытой в 1839 г.

Дочь Оскара Баклунда Эльза была выдающейся художницей (см. главу «Живописцы и архитекторы»). Этот портрет Магнуса Нюрёна был написан около 1905 г.
Художественный музей г. Вестероса

и скоро обеспечившей России ведущие позиции в этой области знания.

Благодаря осознанному и целенаправленному усилию российского правительства обсерватория привлекала к себе исследователей со всей Европы. Начиная с середины XIX в. в Пулкове работали и несколько шведских астрономов. Первым стал Георг Линдхаген, трудившийся здесь с 1847 до 1856 г. Он, среди прочего, принял участие в проекте градусного измерения, осуществлявшегося Петербургской Академией наук и охватывавшего территорию от устья Дуная до мыса Нордкап. Работа Линдхагена в Пулкове была успешной, у него были хорошие возможности продолжить там свою деятельность, тем более что он был женат на дочери директора обсерватории Вильгельма Струве. Но Линдхаген хотел вернуться домой, в Швецию, где свои астрономические занятия некоторое время совмещал с должностью секретаря королевской Академии наук.

До 1916 г. в Пулкове работали еще пятеро шведских астрономов. Одним из самых знаменитых был Магнус Нюрён, трудившийся в обсерватории на протяжении сорока лет. Основные интересы Нюрёна лежали в сфере астрометрии — отрасли астрономии, занимающейся измерением положения и движения небесных тел. Его труды рано получили высокую оценку, и в 1890 г. он был назначен заместителем директора обсерватории. Однако еще больше прославился его руководитель Оскар Баклунд.

Оскар Баклунд, родившийся в 1846 г., был сыном крестьянина. После обучения астрономии и математике в Упсале он одно время работал в Стокгольмской обсерватории. В 1875 г. он в Упсале получил докторскую степень и спустя год был назначен в Дерптскую обсерваторию в нынешней Эстонии, входившей тогда в состав Российской империи. Через два года Оскар Баклунд с женой Ульрикой и двумя детьми оказался в Пулкове, где занял должность адъютанта.

В Пулкове Баклунд занимался преимущественно математическими вычислениями движения комет, прежде всего кометы Энке, названной по имени немецкого астронома Иоганна Франца Энке. Эта комета интересна тем,

Оскар Баклунд на балконе дома в Пулкове, в котором жили семьи Баклундов и Нюрёнов. 1906 год. Баклунд был трудоголиком, со временем нажившим себе хронический катар желудка. Уже в Дерпте его жена Ульрика в письме к матери и сестрам просила их иногда вспоминать о «покинутой бедняжке, которая одна-одинешенька каждый вечер жадно смотрит вверх на ясные мерцающие звезды, без сострадания манящие к себе Оскара». Дочь Эльза вспоминает непрестанное шелканье костяшек счетов, применявшихся для астрономических вычислений, над которыми сидел целый штаб женщин-математиков. *Архив Петера Баклунда*

что имеет самый короткий известный период обращения среди всех комет — 3,3 года, и тем, что период ее обращения постоянно уменьшается. В поисках объяснения этого уменьшения Баклунд организовал вычислительное бюро с большим числом «сотрудников-вычислителей», которое отчасти финансировалось Эммануилом Нобелем.

Баклунду не удалось окончательно решить эту проблему. Но он являлся одним из ведущих астрономов своего времени и был щедро вознагражден за свои труды: в 1883 г. его избрали в Петербургскую Академию наук, решившую назвать комету «кометой Энке—Баклунда»; в 1909 г. он был удостоен Большой золотой медали британского королевского Астрономического общества. Баклунд был почетным доктором нескольких иностранных университетов, в том числе Оксфордского и Кембриджского, а в России произведен в тайные советники (что давало право на дворянское достоинство) и пожалован титулом «превосходительства».

Несмотря на все научные достижения, карьера в обсерватории не обходилась без осложнений — Баклунд был зажат между немецкой династией Струве (Отто, сын Вильгельма, в 1862 г. возглавил обсерваторию) и русскими астрономами. Поэтому он лишь в 1895 г. был назначен директором обсерватории — после того как было покончено с гегемонией семьи Струве и русская партия убедилась в том, что Баклунд не будет покровительствовать иностранным ученым.

Наряду со своей научной деятельностью и Нюрэн, и Баклунд принимали активное участие в учебной и общественной деятельности скандинавов в Петербурге. Магнус Нюрэн на протяжении многих лет был председателем «Скандинавского благотворительного общества» (см. главу «Развлечения и благотворительность»), а Оскар Баклунд был, в частности, председателем школьного совета шведской церкви, где благодаря своему научному авторитету играл важную роль.

Однажды в начале двадцатого столетия инженер Роберт Рунеберг нанес визит вдове Иде Амалии Лидваль в ее доме на Каменноостровском проспекте: фирма Рунеберга «Бюро Вега» участвовала в строительном проекте, руководимом сыном госпожи Лидваль Фредриком. Во время этого посещения госпожа Лидваль выложила старый серебряный рубль и показала его инженеру Рунебергу со словами: «Вот счастливая монета Лидвалей — подарок вашего великого отца моему покойному мужу».

Серебряный рубль был в семье Лидвалей приносящим счастье амулетом. Он хранился надежно запертым вместе с двумя дорогими для семьи книгами — романом М. Ю. Крюсенстольпе «Мавр» и «Рассказами фенрика Столя» Юхана Людвиг Рунеберга. А история была такая.

В 1827 г. в селении Буда (приход Лиден на севере Швеции) у пильщика леса Эрика Юнссона Лидваля и служанки Бриты Стины Ульсдоттер родился Юн Петтер Эрсон Лидваль. Мальчик, рано оставшийся без отца и матери, выучился на портного. С 1846 до 1855 г. он записан портным в собственной мастерской в селении Онгселе. В 1855 г. Юн Петтер перебрался в Шелевад, но сведений о его пребывании там нет. Однако известно, что 30 сентября 1856 г. он переехал из города Евле «неизвестно куда».

Юн Петтер Лидваль покинул Швецию и отправился на восток. Сначала он остановился в Финляндии. В его сумке помимо отвеса и ножниц находилась вся его библиотека, то есть «Мавр» и «Рассказы фенрика Столя». Появившись в Борго, Юн Петтер навестил Юхана Людвиг Рунеберга, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение и восхищение. Поэт, которому понравился увлеченный поэзией портной, подарил ему на счастье серебря-

ный рубль. Это была та самая монета, которую жена Юна Петера Ида Амалия спустя полвека покажет сыну поэта Роберту в доме на Каменноостровском проспекте; к тому времени Лидвали были уже уважаемой и состоятельной петербургской семьей.

Неясно, сразу ли Юн Петтер отправился в Петербург или на какое-то время задержался в Финляндии. Скорее последнее, поскольку в приход церкви Св. Екатерины он записался только в январе 1859 г. В ту пору шведский подданный обязан был причащаться не реже раза в год, и поэтому следовало непременно записаться в приход того города, в котором поселяешься. Стало быть, из факта записи Юна Петтера Лидваля в церковных книгах не ранее 1859 г. следует, что именно тогда он появился в Петербурге.

Вскоре молодой Лидваль получил место в одной портняжной мастерской, где так хорошо проявил себя, что после кончины мастера перенял и руководство делом, и вдову. Это супружество оказалось бездетным, а жена через несколько лет умерла от оспы.

Ю. П. Лидваль и сыновья

Юн Петтер много общался с соотечественниками-шведами. Именно в приходе Св. Екатерины он встретил свою будущую жену Иду Амалию Фельшау — дочь датского столяра из южной Зеландии и финляндки Эвы Кристины Лакстрём из Хаусярви (Финляндия). Венчание состоялось в 1867 г. в шведской церкви. За 1868—1884 гг. в семье родилось восемь детей, из которых шестеро достигли взрослого возраста. Самые младшие мальчики Вильгельм, Эдвард и Пауль (Павел) посвятили себя портновскому ремеслу, а Фредрик решил учиться на архитектора.

Поворотным пунктом в портняжном деле Лидваля стал 1881 г., когда был убит Александр II. Для церемонии его погребения потребовалось сшить всевозможные ливреи и униформы, и Лидвалю поступило много заказов; Иван Петрович, как звали его в России, обычно играл в кегли со знакомым, служившим при дворе будущего императора,

Фотография И. П. Лидваля, сделанная в петербургской мастерской К. Андерсона в 1870-х годах.

Архив Ингрид Лидваль

и это знакомство сыграло решающую роль в дальнейшей судьбе фирмы. Потребность в гражданских мундирах была в тогдашней России огромной: мундиры носили не только придворные служащие, но и чиновники государственных учреждений, школьные учителя и т. д.

Поступившие после убийства императора заказы сразу сделали Юна Петтера Лидваля богатым человеком, а фирма получила статус императорского придворного поставщика и право носить эмблему с императорским двуглавым орлом. Через пять лет, в 1886 г., Лидваль умер от сердечного приступа. Отпевание прошло в церкви Св. Екатерины, а похороны состоялись в евангелической части Смоленского кладбища.

Фирмой стали руководить сыновья. В начале XX в. в мастерской работали 150 человек, она была крупнейшей в России, а возможно, и во всей Европе. Тогда мастерская располагалась на Большой Морской улице, 27, в доме, перестроенном Фредриком.

Одним из крупнейших клиентов мастерской был Феликс Юсупов — убийца Распутина. По словам Пауля Лидваля, Юсупов был, «вероятно, самым элегантным мужчиной Петербурга», а его летние костюмы «по своему покрою являлись просто верхом портняжного искусства». Пауль

Лидваль знал, что говорит, — он был не только мастером портняжного дела, но и его теоретиком, и позднее издал в Париже два сочинения по истории и эстетике мужского костюма: «S'habiller. Raisonnements sur le costume masculin» («Как одеваться. Рассуждения о мужском костюме», 1931) и «L'Esthetique du vetement masculin» («Эстетика мужской одежды», 1933).

Следующий подъем в делах фирмы произошел в связи с коронацией императора Николая II в 1896 г., когда вновь хлынули массовые заказы. О собственном гардеробе Николая II и его стиле одеваться мы, впрочем, знаем немало благодаря интервью с одним из братьев-портных, напечатанном в шведской газете «Афтонбладет» в 1921 г.

У Николая II имелось около трехсот сюртуков и примерно семьдесят шинелей, а также прочие предметы одежды. Поскольку император перед разными полками облачался в разные мундиры, пуговицы на них не были пришиты, а крепились на колечках и пристегивались, как и эполеты. Кроме того, у императора была сотня иностранных мундиров, в том числе шведский адмиральский.

Гражданский гардероб насчитывал около семидесяти пяти костюмов, 30 пальто и 150 жилетов. Причиной такой «незначительности» гардероба было то, что император имел мало поводов носить гражданскую одежду или не желал ходить в ней. Он никогда не изнашивал костюмов, кроме охотничьих, ибо был страстным охотником. Для каждой зарубежной поездки гардероб дополнялся двумя фраками, двумя десятками белых жилетов, дюжиной пальто и т. д.

Лидваль рассказывает: «Портной никогда не имел права обхватить руками царя, снимая мерку, как это обычно делается с простыми смертными, а одежды изготовлялись по размерам старых. На примерках, происходивших в каком-нибудь из залов императорского дворца, одежду на императора надевал один из камердинеров, изысканный и важный господин. Затем портной делал пометки мелом. Царь был примерным заказчиком — неизменно дружелюбным и вежливым. Он обладал хорошей фигурой, которая не доставляла портному больших затруднений. Все свои старые костюмы он раздаривал камердинерам».

Существовали два вида мужских портняжных мастерских: гражданские портные шили гражданскую одежду и гражданские мундиры, а военные изготавливали армейские мундиры, но также и партикулярную парадную униформу. Лидваль был портным гражданским. Придворным поставщиком военных мундиров была другая шведская фирма — Норденстрёма, находившаяся на Невском проспекте, 46. Норденстрёмы тоже происходили с севера Швеции.

Первым Норденстрёмом, странствия которого в качестве подмастерья завершились в российской столице, был Нильс. В 1821 г. он из Сундсвалля отправился в город Васа, а спустя несколько лет записался в петербургский приход Св. Екатерины.

В Финляндии — особенно после того как страна в 1809 г. была включена в состав Российского государства — существовала традиция перебираться на работу в Петербург; часть шведской иммиграции в этот город может рассматриваться как некое побочное явление — опосредованный результат притока самостоятельного населения в Финляндию. Возможно, ни Лидваль, ни Норденстрём поначалу не намеревались ехать в Россию, но уже в Финляндии они, подобно многим финляндским коллегам, выбрали «петербургский путь». Статистика показывает, что портные составляли большую часть ремесленников, в середине XIX столетия решивших искать счастья на берегах Невы. Например, в 1840 г. они являлись одной из самых многочисленных групп среди ремесленников в шведском приходе: 28,5 процента от общего их числа. Из портных 21 человек родился в Швеции, и 170 — в Финляндии. Это сопоставимо с золотых дел мастерами и граверами (28 процентов), а также с наибольшей по численности группой — мастеровых, занятых в металлургической (и металлообрабатывающей) промышленности (36 процента).

Подобно Ю. П. Лидвалю, Нильс Норденстрём быстро обосновался в Петербурге. Он уезжал на родину в связи с кончиной отца в 1833 г. и матери — в 1837-м. К этому

КАВАЛЕРГАРД Г. МАННЕРГЕЙМ

Лейтенант, а впоследствии генерал-лейтенант барон Густав Маннергейм в кавалергардском мундире. Родившийся в 1867 г. в фамильном имении Вилльнес близ Або, Маннергейм в 1887 г. начал «российскую» часть своей военной карьеры юнкером Николаевского кавалерийского училища в Петербурге. Это было учебное заведение с традициями; его в 1834 г. окончил поэт Михаил Лермонтов, позднее композитор Модест Мусоргский, а также отцы Александры Коллонтай и Александра Скрябина. Будучи произведен в 1888 г. в офицеры, Маннергейм несколько лет служил в Польше, после чего в 1890 г. был назначен в петербургский Кавалергардский полк.

Командиром кавалергардов согласно традиции была императрица, поэтому полк носил официальное название: «Ее императорского величества Марии Федоровны Кавалергардский полк». Гвардия, подобранная из высоких и статных офицеров, после ее учреждения в 1724 г. несла почетную службу по случаям коронаций и других торжественных церемоний, и когда Николай II в 1896 г. короновался в Москве, Густав Маннергейм шел в составе почетного караула прямо перед императором.

Кавалергардская служба была желанной и лестной, но обходилась она весьма недешево. Надо было иметь не менее семи разных мундиров: парадные для повседневного и праздничного ношения, парадный мундир для торжественных случаев, обычные повседневные и праздничные мундиры, а также служебную и повседневную форму. Мундиры шили, разумеется, у придворного портного Карла Норденстрёма на Невском проспекте, 46.

Уроженцы северной Швеции Лидваль и Норденстрём в Петербурге часто общались. Есть анекдот, повествующий о том, как Лидваль, прогуливаясь по Невскому проспекту, вдруг почуял знакомый запах — квашеной салаки. Он последовал за этим запахом и таким образом познакомился с Андреасом Норденстрёмом. На фотографии стоит Андреас Норденстрём, справа от него сидит Юн Петтер Лидваль. Сидящий слева — Карл Рейнхольд Виберг. *Государственный архив Швеции*

времени он, спустя всего десяток лет после прибытия в Петербург, уже был российским «придворным портным» и состоятельным человеком.

Из второй поездки на родину Норденстрём привез шестнадцатилетнего сына своей сестры Андреаса, который стал обучаться у него портняжному делу.

После того как Нильс в 1844 г. уехал в Финляндию, где и окончил свои дни в 1848 г., предприятие возглавил Андреас; вызвав из Швеции младших братьев, он обучил их своему ремеслу. Андреас руководил пошивом военной формы до 1877 г., когда вместе со своей русской экономкой уехал в Стокгольм и там через четыре года скончался.

С отъездом Андреаса фирма перешла к среднему брату Нильсу Магнусу — Николаю, как его звали в России, и он еще более расширил предприятие. Родившийся в 1838 г. Николай Норденстрём был женат на Фанни Юханссон, дочери балетмейстера Пера Кристиана Юханссона (Иогансона, см. главу «Танцовщики и балаганные артисты»). В его времена носить форму, сшитую в мастерской Норденстрёма, стало среди русских офицеров престижным. Николай зарабатывал много денег, но большую часть своих доходов жертвовал на благотворительные цели — в частности через «Скандинавское благотворительное общество», в создании которого участвовал в 1877 г. С его кончиной в 1903 г. газета «Нюа Даглигт Аллеханда» сообщила: «Сегодня шведская община в Петербурге... проводила в последний путь одного из своих самых достойных мужей — придворного портного Николауса Норденстрёма. Среди присутствовавших на заупокойной службе отмечены пребывающий здесь министр Швеции и Норвегии Гюльденстольпе, а также множество русских, по преимуществу офицеров, и многочисленные работники покойного. На Смоленском кладбище у открытой могилы государственный советник Нюрэн от имени общины и особенно от имени “Скандинавского благотворительного общества” сказал об усопшем несколько идущих из сердца прощальных слов».

В это время фирма насчитывала сотню работников, среди которых были и приехавшие в Петербург представители младшего поколения Норденстрёмов.

После Николая дело перенял его самый младший брат Карл Улоф, наследник покойного, приехавший в Петербург в 1856 г. в четырнадцатилетнем возрасте. Подобно Николаю, Карл Улоф Норденстрём был одним из «столпов» скандинавской колонии и одним из главных жертвователей средств в «Скандинавском благотворительном обществе». Когда в конце 1916-го — начале 1917 г. гельсингфорсская газета «Фюрен» напечатала несколько репортажей, посвященных шведскому Петрограду, «Карл Иванович» был естественным объектом для интервью:

Мне стало известно, что старый руководитель фирмы был шведским подданным, — мне поведали об этом уже сами портреты шведских королей в позолоченных и увенчанных коронами рамах, которые я видел на стене; вот почему я начал нашу беседу на шведском языке.

«А вам как подданному Российской империи не стыдно приезжать сюда по делам и не уметь говорить на языке этого государства?» — сурово обратился ко мне старик, но мне показалось, что в испытующем, пронизывающем взгляде из-под кустистых бровей мелькнула улыбка. Поэтому я с полушутливой укоризной возразил, позволив себе, в частности, высказать свое удивление тем, что шведский подданный не говорит по-шведски. Похоже, в разговоре с этим почтенным стариком я взял верный тон, ибо лукавый взгляд обратился в добрую улыбку, а ее обладатель перешел на шведский язык. Суровость скоро словно ветром сдуло, и мой собеседник проявил приятную общительность.

- «Почтенный старик» не был среди тех, кто бежал с поля боя в связи с переворотами 1917 г. Возможно, он надеялся, что политические передраги прекратятся. Но ход истории принял другой оборот, и 78-летний Карл Улоф Норденстрём умер от лишений в 1919 г. Это означало и конец фирмы. На протяжении восьмидесяти лет она в качестве придворного поставщика обслуживала четверых российских императоров — Николая I, Александра II, Александра III и Николая II. Однако вознаграждение в виде ордена или пожалования дворянского достоинства, которое сулил император в преддверии столетнего юбилея фирмы, по понятным причинам получено не было.

Николай Норденстрём (справа) со своим зятем Александром Аксютичем, женатым на сестре Николая — Юлии.
Государственный архив Швеции

ПАУЛЬ ЛИДВАЛЬ О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ МИХАИЛЕ И ДЯДЮШКЕ КАЛЛЕ

В нашей портняжной профессии... за некоторыми исключениями, касающимися военных и, как ни странно, дамских портных, работают лишь считанные русские; иностранцев в нашем деле находят более умелыми, и главной причиной этого, возможно, является меньшая склонность и предрасположенность русских к такому ремеслу.

Больше всего здесь работало немцев, шведов, финнов, французов и англичан. Многие не столь умелые мастера, закройщики и работники приехали из прибалтийских краев, где преобладающим языком является немецкий, а посему в портняжной профессии, особенно в Петербурге, был широко распространен именно он. Сами русские и российские власти были очень терпимы ко всему иностранному и без какой-либо неприязни общались с чужаками. Поэтому иностранец мог сохранять свою национальную самобытность и чувствовать себя — возможно, более, нежели в какой-либо другой чужой стране, — непринужденно и как дома. К тому же эта страна предоставляет предприимчивому, умелому и трудолюбивому человеку большие возможности для достижения успеха.

* * *

Мой отец, Юн Петтер Лидваль... приехав в С.-Петербург, успешно трудился и стал уважаемым человеком. И постепенно фирма Лидваля, которая помимо штатского платья и униформы специализировалась на пошиве ливрей, стала в целом крупнейшей в стране в сфере своей деятельности...

Родившийся в 1882 г.
Пауль Лидваль — самый
младший из пятерых сыновей
Юна Петтера Лидваля —
помимо деятельности
на портняжном поприще
был еще и выдающимся
легкоатлетом.

Архив Ингрид Лидваль

В русском придворном штате из прислуги униформу носили, в частности, камердинеры, камер-фурьеры, гоф-фурьеры, лакеи и другие. Императорских дворцов в С.-Петербурге с окрестностями насчитывался десяток, и в каждом был свой штат служащих в униформе. В самом большом — Зимнем дворце — примерно 500 человек обслуживающего персонала в ливреях. Каждый из них, кроме повседневной ливреи, должен был иметь парадную униформу, шитую золотом и галунами. Далее, в императорских конюшнях, к примеру, было приблизительно двести служителей, тоже одетых в униформу. (Кстати, я помню, как столь ныне прославленный фельдмаршал Маннергейм в чине ротмистра служил при императорских конюшнях.) Помимо императора, императрицы и вдовствующей императрицы, которые имеют по собственному придворному штату, дворы есть и у каждого из великих князей и прочих членов императорской фамилии, а также собственные дворцы с соответствующим обслуживающим персоналом.

Большинство из этих великих князей были статными и элегантными господами и добрыми клиентами для портного. В последние годы в этой стране я имел удовольствие и честь шить для многих из этих высочеств и вспоминаю об этом исключительно с приятными чувствами. В качестве курьеза могу сказать, что самая узкая талия по сравнению с шириной груди, какую мне приходилось видеть за долгие годы профессиональной практики, была у брата российского императора великого князя Михаила — человека исполинской физической силы и к тому же с либеральным складом ума...

Кроме офицерского корпуса, который вообще во время пребывания в пределах собственной страны всегда носил мундиры, и уже упомянутых выше дворов с их огромными потребностями в униформах, в России было еще бесчисленное множество других людей, носивших мундиры. Так, большинство чиновников в часы исполнения государственной службы были в них облачены, а также школьники в государственных учебных заведениях и студенты. Эти униформы, приблизительно напоминавшие мундиры наших шведских морских офицеров, называются штатскими, или, в буквальном переводе, гражданскими.

Русский военный носил мундир, в основном похожий на мундир современных ему военных в Европе, и в России было много великолепных мундиров — кирасирских, гусарских, драгунских, уланских, пехотных гвардейских и т. д. Специфически российскими являлись казаки и черкесы. У последних были мундиры с патронами на груди и кинжалом сбоку. Штаны были широкими — как говорили, такими же широкими, как Черное море. Кафтан был особого покроя — очень узкий в талии, так что мужчина напоминал

Николаус Норденстрём,
«дядюшка Калле», последний
из возглавлявших
фирму Норденстрёмов.
Он скончался в Петрограде
в 1919 г., не пережив
последствий революции.
Рисунок Эрика Васстрёма

красавицу конца прошлого века. Сапоги были из мягкой кожи, словно бы специально предназначенные для национального кавказского танца лезгинки.

У обычной солдатской шинели имелась одна особенность, а именно: она была снабжена в середине петлями, и ее запах был так же велик, как у двубортной шинели, и имел по всему краю крючки и петли. Дело в том, что русский крестьянин, в противоположность мужчинам других стран и подобно нашим женщинам, всегда застегивает одежду справа налево. Вот солдатскую шинель и снабдили таким приспособлением, чтобы сделать невозможным этот не-военному выглядящий способ застегивания.

* * *

[Норденстрёмы] имели монополию на пошив и владели очень большой портняжной мастерской. Ведь только представьте себе, какой в России был спрос на их изделия, если в одном только С.-Петербурге

и его окрестностях стояли примерно тридцать гвардейских полков и во всех них был корпус самых знатных офицеров. Среди портных, шивших военное обмундирование, в этой связи можно назвать одного немца — Брунста, а на третьем месте русского Доронина. Но, как уже было сказано, у Норденстрёма была самая крупная фирма по пошиву военного обмундирования, и его качество пользовалось большим и заслуженным уважением. Довольно забавно, но даже название фирмы отчасти способствовало ее успеху, ибо фамилия «Норденстрём» благородно звучала для русского уха. Мы-то, шведы, понятно, знали, что они были простыми крестьянскими портняжками с севера Швеции. Однако все они были дельными, умелыми людьми. Один из них, Николаус, ставший по-русски Николаем (и, замечу в скобках, он был моим крестным отцом), обладал статной внешностью и исполненными достоинства манерами, и это тоже способствовало его большой популярности...

Однажды я получил заказ от одного из великих князей на мундир цвета хаки с бриджами по английскому образцу, новый для того времени. По тогдашним представлениям это была штатская одежда, и Норденстрёмы такую не шили. Придя снять мерку, я встретил Карла Норденстрёма, которому на тот же час была назначена примерка сюртука для великого князя. Тогда я попросил дядюшку Калле (Николауса. — *Б. Я.*) записать нужные мне размеры. И вот что услышал: «Я стану записывать размеры для тебя? Постыдись, мальчишка! Я за вторую половину дня порой снимаю мерки с полудюжины офицеров и никогда не записываю ни одной цифры. Потом я могу выйти из дому и полночи просидеть за картами, а придя наутро в мастерскую, по памяти записываю в книгу все мерки. И ни разу не допустил ни единой ошибки. Я ведь портной или кто?» То были коллеги старого закала, и честь им и хвала. Не получив сколько-нибудь приличного образования, они обладали дарованием, феноменальным глазом, интуицией и памятью.

Пауль Лидваль

Ювелиры и серебряных дел мастера

Как было сказано, портные составляли большую группу в шведской колонии Петербурга. В 1840 г. в этой профессии были заняты 13,5 процента родившихся в Швеции и 15 процентов родившихся в Финляндии членов прихода, то есть всего почти двести человек. В приходе шире представлены были только металлисты.

Еще более многочисленную группу, чем портные, составляли золотых дел мастера и граверы. Здесь уже больше преобладали уроженцы Финляндии: лишь 13 специалистов прибыли из Швеции, между тем как 234 родились в Финляндии. Если добавить сюда финляндцев финского прихода Св. Марии, то получим 548 ювелиров, золотых и серебряных дел мастеров, родившихся в Финляндии. Это более чем вдвое превышает численность их коллег во всей Финляндии и составляет приблизительно 30 процентов всех представителей этой профессии, работавших тогда в Петербурге, — почти каждый третий петербургский золотых дел мастер являлся, таким образом, финляндцем. Постепенно их доля уменьшалась, но еще на переломе XIX и XX вв. 20 процентов всех петербургских золотых дел мастеров были финляндцами.

От Ниена до Петербурга

Первые шведские и финляндские серебряных дел мастера обосновались в этих краях еще в 1640-х гг., в Ниене. Об их деятельности имеется немного документальных источников и сохранилось мало изготовленных ими предметов. Два роскошных кубка находятся в резиденции шведского премьер-министра. Выполненные в Ниене предме-

ты полностью соответствуют господствовавшему тогда в Швеции стилю, и в этом нет ничего странного, поскольку мастера в большинстве своем получили образование в Швеции, а кроме того, заказчиками были по преимуществу осевшие в Ингерманландии шведские помещики.

Подобно большинству прочих жителей, серебряных дел мастера бежали из Ниена, когда русские подступили к городу. Один из мастеров, Юхан Стренгман, выучившийся в Стокгольме, обосновался в Ниене в 1686 г., но уже в 1701-м перебрался в Хельсинки, где занимался своим ремеслом, не принадлежа к цеху золотых дел мастеров, и это доставляло ему немало проблем. В списках 1705 г. о нем говорится как о «крайне бедном старике со слезящимися глазами, приехавшем из Ниеншанца и не способном более трудиться, а потому не представляющем никакой ценности».

После того как в 1712 г. Петербург стал фактической столицей России, русским золотых дел мастерам велено было переселиться туда. Уже через два года были учреждены два цеха — русский и иностранный, так называемый немецкий цех. Немецкий язык давно уже был языком общения людей этой профессии, что позволяло мастерам без особенных затруднений перебираться с места на место в поисках новых рынков. То, что Петербург притягивал к себе так много иностранных серебряных дел мастеров, как раз и объяснялось хорошим спросом в этом быстро растущем городе — помимо двора и аристократии здесь жило еще и дворянство с очень высокой покупательной способностью.

О том, что сами изготовители предметов роскоши вели жизнь довольно состоятельных людей, свидетельствует надворный советник Генрих Шторх в своем труде «*Gemälde von St. Petersburg*» («Описание С.-Петербурга», 1793):

...Даже те, чье ремесло не скоро доставляет благосостояние, или те, кто лишь недавно здесь поселился, живут в большинстве своем с удобствами и в довольстве и ради своего ремесла в наилучших частях города... На кухнях царит изобилие. Много добрых и вкусно приготовленных обеденных блюд, соответствующая им вечерняя трапеза, рюмочка для аппети-

та, завтрак, дважды в день кофе и один раз чай, нередко стакан пунша после полудня — вот неотъемлемая часть обычного образа жизни ремесленников... У многих из них есть свои выезды; чтобы иметь на это право, они как горожане записываются в какую-либо гильдию, обеспечивающую такую привилегию. Одежды многих, особенно женщин, тоже довольно-таки роскошны...

Уже в 1730-е гг. золотых дел мастера сосредоточились вокруг Большой Морской — улицы, которая до 1917 г. будет центром такого типа коммерции. Первым членом иностранного цеха, имевшим отношение к Швеции, был, судя по всему, Готфрид Хиллебрандт — военнопленный из Дерпта, присланный по царскому приказу в Петербург. Первый известный нам швед — Клас Якоб Чёппинг, в 1728 г. ставший старостой цеха. Его сын Юхан Фредрик пошел по стопам отца и сделал значительную карьеру. Согласно отзыву одного специалиста, Юхан Фредрик был самым выдающимся ювелиром в Петербурге XVIII в. Он учился у своего отца, проработал в Петербурге сорок лет и изготовил сервизы для двух императриц — Елизаветы и Екатерины. Позднее, в 1764 г., на берега Невы прибыли два видных шведских золотых и серебряных дел мастера: Нильс Бергквист-старший и Иоаким Хессельгрэн. Они работали по заказам двора, и Хессельгрэн, как и Чёппинг, в 1787 г. стал старостой иностранного цеха. Оба считались одними из искуснейших мастеров своего времени.

Еще одно имя, которое следует назвать в данной связи, — это Карл Фредрик Эстедт, приехавший в Петербург в 1782 г. Эстедт, согласно документам петербургской Академии художеств предъявивший надлежащие доказательства «о приобретенном им в своем отечестве и до совершенных успехов в чужих государствах достигшем искусстве гравирования и чеканения на благородных металлах и финифтяных работ», был приглашен президентом Академии Иваном Бецким преподавать в ней на протяжении пяти лет. По истечении срока контракта Эстедт решил остаться в Петербурге. Он открыл свое дело и имел определенный успех, во всяком случае — на первых порах. Однако на рубеже XVIII и XIX вв. финансовое

положение мастера стало настолько скверным, что он был вынужден обратиться к императору с просьбой о помощи. Придворная контора выделила ему сумму в 100 рублей — по тем временам значительную. Эстедт скончался в 1826 г. в восьмидесятипятилетнем возрасте.

Его судьба, наверно, не столь уж необычна; вероятно, многие его собратья по профессии оказались жертвой подобных затруднений. Но Эстедт интересен не столько как шведский золотых дел мастер в Петербурге, сколько своей посмертной судьбой. Его дочь Анна в браке с немецким купцом родила дочку, которая вышла замуж за врача и землевладельца Александра Бланка, выкреста-еврея. Их дочь Мария, в свою очередь, стала женой директора школы Ильи Ульянова. От этого брака родился мальчик, которому под именем Владимира Ленина предстояло изменить ход истории. Иными словами, лидер большевиков был праправнуком золотых дел мастера Карла Фредрика Эстедта. Любопытно, каков бы был его генный набор, если бы Эстедт остался в Упсале, и как бы это, в свою очередь, повлияло на историю России?

Болины

В общей сложности за два столетия от основания города и до революции в Петербурге работали приблизительно 130 серебряных дел мастеров — коренных шведов. Большинство из них появились здесь во второй половине XVIII в.; это время отмечено заказами российского двора на роскошные сервизы.

К концу этого столетия относится также учреждение единственной ювелирной фирмы с участием шведов, которая существует до сих пор, только не в Петербурге, а в Стокгольме, — фирмы Болина. С именем Болина мы встречаемся лишь в 1833-м или 1834 г. под маркой «Ян & Болин», но своими корнями фирма уходит в 1790-е гг. Тогда из Саксонии в Петербург приехал ювелир Андреас Рёмплер, ставший членом иностранного цеха в 1793-м и российским подданным в 1809 г. Рёмплер был «мастером

К. Э. БОЛИНЪ

Придворный Ювелирь.

C. E. BOÏN

Joaillier de la Cour.

С-ПЕТЕРБУРГЪ Большая Морская, № 10.
МОСКВА. Кузнецкий мостъ. № 12.

St.-PÉTERSBOURG. Grande Morskoy. № 10.
MOSCOU. Pont des Maréchaux. № 12.

На доме придворного ювелира Болина (Большая Морская, 10) название фирмы было написано и кириллицей, и латиницей. Между словами виден императорский двуглавый орел, означающий, что фирма является поставщиком двора. Латинские буквы по-прежнему можно прочесть на фасаде.

Эдвард Болин был последним владельцем фирмы в Петербурге. Он покинул город в 1916 г. и поселился в Германии. *Фото 1906 г.*

по алмазам» и потом стал оценщиком при Придворной конторе. После его кончины в 1829 г. фирму возглавил его зять Готлиб Эрнст Ян.

Спустя два года в Петербург приехал двадцатилетний стокгольмец Карл Эдвард Болин и в 1833 г. нанялся к Яну бухгалтером. Через год он женился на самой младшей дочери Андреаса Рёмплера — Эрнестине Катарине, причем получил основательное приданое: ювелирную фирму с сорокалетней доброй репутацией. Теперь фирма называлась «Ян & Болин». После смерти Яна в 1836 г. название было изменено на «Болин & Ян». В 1839 г. Карл Эдвард Болин был назначен придворным ювелиром; условием для получения этого ранга явилось принятие им российского подданства.

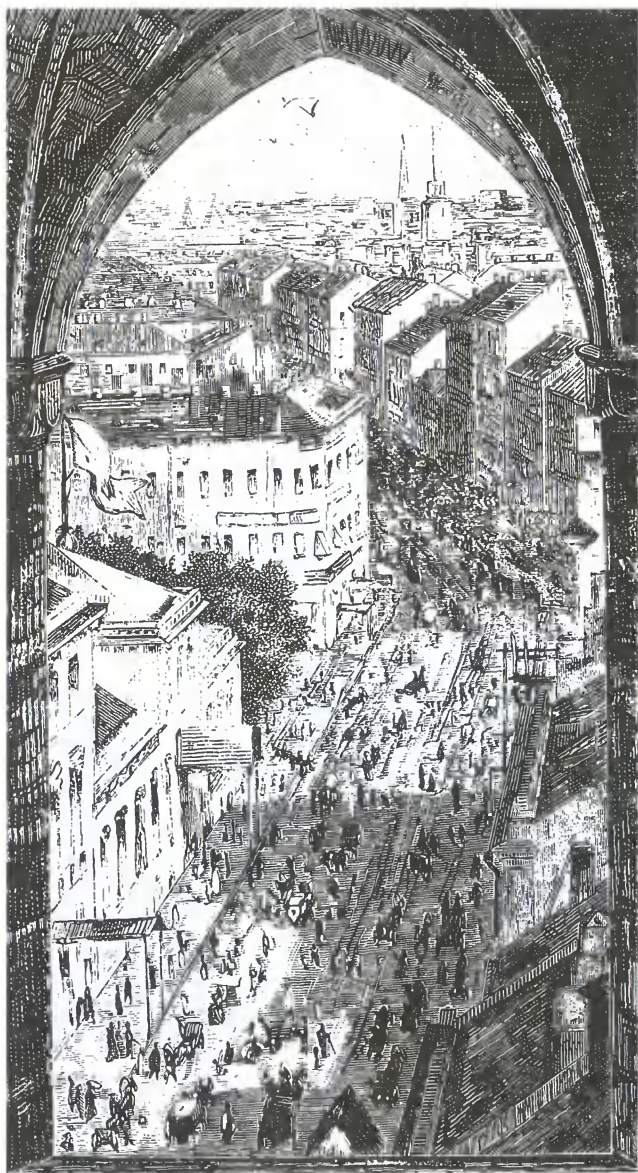
Приблизительно тогда же, когда Карл Эдвард женился, его младший брат Хенрик Конрад приехал из Стокгольма в Петербург. Он стал работать в фирме и пробыл в городе 16 лет. За эти годы Болины так разбогатели благодаря заказам двора, что расширение фирмы стало естественной потребностью, и в 1852 г. Хенрик Конрад открыл в Москве филиал, который с годами стал столь же значительным, как и столичная фирма.

С 1849 г. мастерские Болинов располагались на Невском проспекте и насчитывали человек пятьдесят персонала. В 1851 г. Карл Эдвард Болин был назначен оценщиком Придворной конторы, то есть на ту же должность, которую занимал его тесть. За годы, прошедшие до кончины в 1864 г., Карл Эдвард был награжден несколькими российскими орденами и медалями.

С его кончиной дела фирмы вели вдова и сыновья Эдвард (род. 1842) и Густав (род. 1844); движущей силой был Эдвард. (Самый старший сын Вильгельм посвятил свою жизнь науке и, в частности, издал сочинения немецкого философа Фейербаха.) Теперь фирма именовалась «Карл Эдуард Болин» — название сохранилось и после смерти отца. В 1874 г. мастерские переехали в новые помещения на улицу ювелиров — Большую Морскую, 10, совсем рядом с Зимним дворцом.

Тем самым фирма обосновалась поблизости от своего главного клиента, ибо именно из Зимнего дворца ей поступали крупнейшие заказы, что видно по сохранившимся в архивах счетам. То, что двор доверял прежде всего самой фирме, а не лично Карлу Эдварду, явствует из того, что заказы продолжали поступать и после его смерти. По случаю бракосочетания в 1866 г. наследника престола, будущего императора Александра III с датской принцессой Дагмарой был, в частности, заказан свадебный венец. В 1874 г. двор за 4562 рубля купил пару сережек с изумрудами и бриллиантами; в 1895-м вдовствующая императрица Мария Федоровна приобрела за 1500 рублей сапфировую брошь с бриллиантами; в 1901 г. императору был выставлен счет на целых 339400 рублей за три разных драгоценных убора, а когда шведский принц Вильгельм в 1908 г. женился на Марии Павловне, было заказано ожерелье с сапфиром и брильянтами за 35 тысяч рублей. Это лишь несколько примеров, но они дают хорошее представление о заказах украшений для двора и императорской фамилии.

Карл Эдвард Болин уже в 1839 г. стал придворным ювелиром и тем самым получил право использовать изображение государственного герба — двуглавого орла. Вдове и сыновьям, удостоившимся первых премий на художественно-

Большая Морская была в Петербурге улицей ювелиров.
Гравюра конца XIX в.

промышленных выставках 1870 и 1882 гг., еще дважды была оказана та же честь. Имея такие заслуги и российское подданство, братья Болины в 1911 г. смогли ходатайствовать о наследственном дворянстве — на это имел право торговый дом, прослуживший государству свыше ста лет. Дворянское достоинство было пожаловано Болинам в 1912 г. Им отличали главным образом русские роды, и, таким образом, возведение в дворянство Болинов было событием весьма примечательным; оно давало право на собственный герб.

Когда разразилась революция, ювелирному делу, разумеется, пришлось хуже всего, причем в двойном смысле: во-первых, на драгоценности и украшения с радостью наложили лапу новые властители; во-вторых, сразу исчезла вся клиентура. Вильхельм Болин, руководивший фирмой в Москве, оказался достаточно предусмотрительным, чтобы перед Первой мировой войной открыть филиал в Бад-Хомбурге (где двор и знать любили пить воду из источников), а в 1916 г. — магазин в Стокгольме. Благодаря этому кое-что удалось спасти от уничтожения и конфискации. Но судьба фирмы в революционный 1917 год — это другая история, о которой речь пойдет ниже.

Фаберже и Тилландер

Одних лет с Эдвардом и Густавом Болинами был Карл Фаберже, являвшийся наряду с ними первейшим ювелиром столицы. История Фаберже во многом похожа на историю Болинов. Отец, Густав Фаберже, приехал из Лифляндии и открыл мастерскую золотых дел на Большой Морской — где же еще? В 1870 г. она перешла к его сыну Карлу. Со временем фирма «Карл Фаберже» обрела совершенно специфический профессиональный профиль: ее наиболее характерными произведениями стали художественно исполненные предметы искусства, особенно — знаменитые пасхальные яйца.

Рассмотрение ювелирного производства Фаберже не укладывается в пределы нашей темы, но шведские связи

фирмы и его семьи представляют несомненный интерес. Основатель фирмы Густав Фаберже был женат на некоей Шарлотте Юнгстедт, фирма принимала активное участие в благотворительной деятельности шведского прихода, в частности, делая пожертвования в пользу бедных прихожан и сирот. Возможно, эта деятельность была связана и с тем, что большинство работавших в ней мастеров были выходцами из шведскоязычной Финляндии: Эрик Август Коллин, Хенрик Вигстрём, Август Хольмстрём, Август Хольминг, Юхан Виктор Аарне, Карл Густав Армфельт, Кнут Оскар Пиль и другие.

Фаберже и Болин работали отчасти в разных жанрах и поэтому прямо не конкурировали между собой. Если

В 1911 г. Тилландер переехал с Большой Морской улицы на Невский проспект, 26. Этот магазин прежде занимал другой придворный ювелир — К. Ган. В угловом помещении расположен часовой магазин Г. Мозера. В доме размещались также петербургская контора Объединенного шведского электрического акционерного общества (ASEA) и финский мебельный магазин, в котором можно было приобрести «хорошо известную мебель как более простых, так и более изящных видов». Улица слева — Малая Конюшенная.

Фаберже не было равных в изготовлении разного рода предметов искусства, то Болина многие считали более совершенным ювелиром. Когда великий князь Александр Михайлович заказывал Болину украшения к своему бракосочетанию с Ксенией Александровной, сестрой будущего императора Николая II, то обратился именно к этому мастеру, поскольку находил его «наилучшим ювелиром С.-Петербурга».

Одновременно с Болином и Фаберже в Петербурге действовала еще одна выдающаяся ювелирная фирма финляндского происхождения — фирма Тилландера. Ее основатель Александер Тилландер в 1848 г. в возрасте одиннадцати лет был отправлен из Финляндии в Петербург «обучаться какой-нибудь профессии». Он учился в Царском Селе у финляндского ювелира Фредрика Адольфа Хольстениуса, после семи лет обучения получил у него свидетельство на звание подмастерья и уже в двадцатитрехлетнем возрасте смог начать собственное дело — на углу Большой Морской и Гороховой улиц. Через десять лет, в 1870-м, фирма переехала в более просторные помещения на том же перекрестке по адресу: Большая Морская, 28. В 1870 году родился сын, Александер-младший, который в 1910 г. перенял дела фирмы. Уже в 1911-м переехали в новые помещения на Невском проспекте, 26, угол Малой Конюшенной улицы.

Тилландер тоже был назначен придворным ювелиром, но об этом не слишком распространялись, учитывая существовавшую в 1910-х гг. политическую напряженность между Финляндией и Россией. Сказанное особенно относилось к отцу и сыну Тилландерам, которые не только были членами шведского прихода и различных скандинавских обществ (как и Болины), но также вели активную политическую деятельность в петербургском отделении Шведской народной партии, образованном в 1907 г. по инициативе, среди прочих, и пастора Каянуса. Петербургское отделение партии одно время насчитывало более шестисот членов — такой численностью ныне в Финляндии может похвалиться лишь десяток местных отделений.

Одним из шведов, с которыми Густав III встречался во время своего пребывания в Петербурге, был, как уже говорилось, художник Александер Рослин, по приглашению Екатерины II приехавший в российскую столицу в сентябре 1775 г. Приехал он прямо из Парижа, где проработал несколько лет.

«Ни с чем не сравнимое счастье,
какого я едва ли мог ожидать»

Рослин был одним из знаменитейших портретистов эпохи, членом нескольких академий, и в России был просто завален заказами. «Со времени моего приезда сюда, — пишет он в ноябре 1776 г., — я, несмотря на напряженную работу, успел написать не более двух портретов в полный рост и примерно двадцать поясных. Прежде чем думать об отъезде, мне надо завершить еще по крайней мере две большие работы и дюжину поясных... К сожалению, я не в состоянии принять всех заказов; это уже настроило против меня многих влиятельных персон, поскольку я никак не успею написать их портреты».

Эта цитата взята из письма к президенту французской Академии художеств, членом которой Рослин являлся. Письмо было отчаянной просьбой о том, чтобы французы помогли Рослину выбраться из Петербурга, где работы было невыносимо много: «Если вы не придете мне на помощь, — продолжает художник, — я наверняка рассорюсь со всем двором... Стремясь выпутаться из этого затруднительного положения, я вынужден просить Вас как можно скорее убедить президента Академии прислать

Панорама Зимнего дворца Растрелли со стрелки Васильевского острова, один из многих изображенных Патерсеном городских видов (1799). Справа между колоннами и стеной здания видна часть старого Адмиралтейства, построенного в 1730-х гг. *Раскрашенная акварелью гравюра с авторского оригинала маслом*

мне по поручению короля пожелание поспешить с возвращением домой, чтобы я мог будущим летом снова быть в Париже и не потерять доверия, милостиво оказываемого мне Его величеством».

Рослин получил свою «отзывную грамоту» с приказом короля ехать домой, испросил аудиенции у императрицы и в качестве прощального подарка получил «значительный алмаз», оцениваемый свыше 20 тысяч ливров. Екатерина хотела бы удержать художника при своем дворе, но «страх перед русскими и особенно имевшиеся у него в Париже обязательства» не позволили Рослину принять такое предложение. В августе 1777 г. он выехал из Петербурга, пробыв в этом городе два года.

Несмотря на жалобы в письме во французскую Академию художеств, нет оснований думать, будто ему было неуютно в российской столице. Он много работал и весь-

ма охотно участвовал в жизни общества. И хорошо зарабатывал. Согласно современным свидетельствам, он сделал большие деньги на заказах и двора, и частных лиц. Так, например, один его коллега-француз в 1778 г. сообщал во французскую Академию, что «Рослин после двух лет работы в России увез домой не меньше ста тысяч ливров, чтобы потратить их во Франции». Однако, по мнению Гуннара В. Лундберга, специалиста по жизни и творчеству художника, Рослин не назначал чрезмерно высокие цен — напротив, брал с заказчиков меньше, чем его коллеги: за большой портрет в полный рост Рослину платили 700 рублей, а поясные обходились в 300—400.

Однако за большой портрет Екатерины II он получил целых 10 тысяч рублей. Императрица заказала его в январе 1776 г., когда дала художнику аудиенцию. Это парадный портрет: императрица облачена в горностаевую мантию и при орденах; в ее правой руке скипетр. Густав Адольф Рейтерхольм рассказывает, что художник во время работы над портретом мог все ценное взять с собой в свою мастерскую: одежды императрицы, горностаевая мантия, ордена и регалии — все надевалось на манекен.

Выполненный Рослином портрет Екатерины реалистичен — она изображена приблизительно в своем истинном возрасте — и написан с психологической глубиной, необычной для парадного жанра. Привыкшая к более льстивому стилю придворных живописцев, таких как Ф. Рокотов, Дм. Левицкий и датчанин Вигилиус Эриксен, Екатерина сочла, что Рослин отобразил ее как «грубую шведскую простушку-кухарку». Поэтому на выполненных позднее копиях портрета заимствовались при сохранении фона лицо и фигура до пояса с картин других художников, преимущественно тех же Рокотова, Левицкого и Эриксена. Одну из этих копий императрица подарила Густаву III, который выставил ее в замке Грипсхольм, где она висит рядом с портретом самого короля, над которым Рослин работал во время его пребывания в Петербурге летом 1777 г. (см. главу «Граф Готландский и граф Хага»).

Ко времени отъезда из России Рослин написал сотню портретов и мог гордиться своей работой. «Осмелюсь

утверждать, — писал он во французскую Академию художеств, — что я имел столь большой успех, о каком едва ли мог и мечтать; мне удалось достичь желаемого портретного сходства, и в мой адрес не было ни малейшей критики, — это ни с чем не сравнимое счастье, какого я едва ли мог ожидать».

«Виды с неевского берега»

Спустя десять лет в Петербург приехал еще один шведский художник — Беньямин Патерсен, родившийся в 1755 г. в Варберге на юге Швеции и получивший образование в Гётеборге; помимо этого, о ранних его годах известно мало. В 1784 г. мы сталкиваемся с ним в Риге, но неясно, как и когда он туда прибыл. Через три года он в Петербурге, и в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 22 января 1787 г. можно было прочесть следующую заметку:

Здесь, в Санкт-Петербурге, несколько времени пребывающий живописец Патерсен, который портреты и исторические пьесы масляными красками и карандашом рисует... Сим извещаем охотников до живописи, что он ныне живет в Погенполовом доме у Синего моста под № 154.

Патерсен написал довольно много портретов, в частности портрет Эммануэля Индрениуса, в 1783—1792 гг. бывшего пастором в приходе Св. Екатерины и затем главным пастором во Фредриксхамне (см. главу «Храм для поклонения Господу всего мира»). Однако наиболее прославили Патерсена созданные им виды Петербурга. В середине 1790-х гг. он получил от императорского двора первые заказы на городские виды и в 1798 г. был назначен придворным живописцем.

Делая карьеру в Петербурге, Патерсен поддерживал постоянные связи со Швецией и регулярно выставлял свои произведения на выставках Академии художеств в Стокгольме. По крайней мере однажды (в 1806 г.) он и сам съездил на родину. Первый показанный художником в Стокгольме портрет представлял жившего в Петербурге его

соотечественника — горного советника Юхана Эрика Нурберга, ставшего крестным отцом старшей дочери Патерсена Марии при ее крещении в церкви Св. Екатерины, состоявшемся в 1795 г. Через несколько лет Нурберг вернулся в Швецию, где стал «управляющим механизмами» в Академии художеств. С 1807-го и до своей кончины, последовавшей в Петербурге в 1818 г., Нурберг руководил строительством ревельской гавани и за заслуги на этом поприще был произведен в чин действительного статского советника.

В делах шведской Академии художеств имеется запись о том, что упомянутый портрет найден обладающим «различными достоинствами» и что Патерсен может быть принят в члены Академии, лишь представив с этой целью какое-либо свое произведение. Живописное полотно «Вид на часть так называемого Летнего сада в С.-Петербурге» тотчас было одобрено Академией, и «русский придворный живописец Патерссон, урожденный швед» был принят в ее члены. В «Journal för svensk litteratur» («Журнале шведской литературы») за 1799 г. о вступительном произведении Патерсена сказано, что оно «весьма верно и выписано весьма тщательно, а кроме того, все на нем изображено лучше, чем это обычно видишь на пейзажах».

В опубликованном «Санкт-Петербургскими ведомостями» анонсе Патерсен представлен как живописец, «который портреты и исторические пьесы... рисует», однако помимо всего нескольких портретов и единичных жанровых картин (среди них выставленная им в Стокгольме под названием «Сидящий мужчина в русской одежде, торгующий спиртными напитками») мы не знаем никаких его живописных произведений в этих жанрах. Преобладающую часть его творчества составляют виды города — живописные, акварельные и графические.

В другом анонсе, помещенном Патерсеном в 1800 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях», речь идет именно о таких его произведениях: живописец Бенямин Патерсен, живущий «по Екатерининской канаве между государственным заемным банком и Кокушкиным мостом в Шаровом доме, под № 131», продает пять раскрашенных гравюр из серии на десяти листах с видами с невского

берега. Листы, о которых говорилось, что они удостоились одобрения императора, стоили по 20 (на бумаге лучшего качества) и 15 (на обычной бумаге) рублей. Все десять листов были созданы и посвящены «*Sa Majesté L'Empereur et Autocrateur de toutes les Russies*» («Его величеству императору и самодержцу всех России»).

Шведский исследователь творчества Патерсена Ульф Абель полагает, что художник «совершил нечто совершенно уникальное», создав сотню видов Петербурга: «Никому другому не удалось изобразить разные части города столь тщательно, точно и вместе с тем художественно». Без городских видов Патерсена наши представления о Петербурге конца XVIII — начала XIX в. были бы значительно беднее.

Беньямин Патерсен оставался в Петербурге до самой своей кончины 23 июня 1810 г., когда в книге регистрации смертей прихода Св. Екатерины была сделана следующая запись: «Беньямин Патерсен, живописец и член Российской и Шведской художественных академий; женат, возраст 60 лет, родился в Варберге; скончался от грудной болезни». Патерсена похоронили за пределами города, в Тёнттёля (Гинтела) у нынешних Нарвских ворот, где находилось кладбище финского прихода.

«Весьма сходные портреты»

Третий интересный в данной связи художник — Карл Петер Мазер, родившийся в Стокгольме в 1807 г. Он приехал в Петербург в 1838 г. — в том же году, в котором в российской столице появился другой выдающийся петербургский швед: Иммануил Нобель (см. главу «Предприниматели»).

Мазер получил образование в Париже, где он участвовал в революции 1830 г. и сражался на баррикадах. После нескольких лет пребывания в Италии он в 1835 г. вернулся в Стокгольм, где в том же году написал известный портрет шведского писателя К. Ю. Л. Альмквиста. Спустя два года Мазер отправился в Финляндию и приобрел там большую популярность как портретист; в частности, написал

портрет Юхана Людвиг Рунеберга. По прибытии Мазера в апреле 1838 г. в Петербург, в газете «Северная пчела» можно было прочесть следующую заметку:

Недавно прибыл в здешнюю столицу портретный живописец г-н Мазер, ученик знаменитого французского художника барона Гро (Грос. — *Б. Я.*). Г. Мазер пишет весьма сходные портреты масляными красками и карандашом и весьма удачно схватывает выражение лица и физиономию. Отделка его имеет большое достоинство в художественном отношении. Желющие удостовериться, с каким сходством пишет портреты г-н Мазер, могут видеть портрет одного из наших литераторов в книжной лавке А. Ф. Смирдина или портрет известного всем г-на Оле-Булля в квартире г. Мазера в Миллионной, возле Английского магазина, в доме портного мастера Петерса, в третьем этаже. Мы уверены, что г-н Мазер найдет много занятия в Петербурге, потому что он работает скоро, соблюдает сходство в портретах, отделяет их искусно и притом не дорожится.

«Первое впечатление от города Петра Великого благоприятное, — записал в своем дневнике Мазер. — Поражают размеры всего увиденного». Мазер сразу осознал, что Петербург для него слишком велик: «Поскольку я приехал в Россию с мыслью заработать несколько тысяч рублей, которые позволили бы мне возвратиться в Париж, я намеревался поехать по сельской местности, писать портреты и зарисовывать все представляющееся мне примечательным, чтобы составить таким образом альбом о России». Мазер последовал своим изначальным замыслам и за шестнадцать проведенных в России лет посетил наиболее отдаленные части империи, добравшись до самой русско-китайской границы.

Деятельность его была очень разнообразной: помимо создания портретов он занимался также обучением рисованию и фотографированием. Но наибольшие его заслуги относятся к портретной живописи. Примечательно, что после того как он исполнил портреты двух выдающихся писателей Швеции и Финляндии, всего через год пребывания в Петербурге он получил заказ на портрет национального поэта России Александра Пушкина.

Портрет писателя
Павла Нашокина кисти
Карла Петера Мазера.

Заказ сделал один из друзей поэта Павел Нашокин, в московском доме которого Мазер встретился, в частности, с Николаем Гоголем. Пушкина уже не было в живых, и поэтому Мазеру пришлось писать с его мраморного бюста и посмертной маски, которую, между прочим, снял известный скульптор шведского происхождения Самюэль Хальльберг (Гальберг). Мазер встречался с женой Пушкина Натальей, ее портрет он тоже написал, и она помогла художнику полезными советами. Так, например, на портрете Мазера поэт изображен в домашнем халате (архалуке), который, по словам Гончаровой, был на Пушкине в последний день его жизни.

Портрет не относится к числу шедевров Мазера, но это не так существенно в свете истории его возникновения — ведь он написан не с натуры. По своему художественному уровню куда выше портреты Николая Гоголя, Ивана Крылова, художника Карла Брюллова, композитора Михаила Глинки и самого Павла Нашокина. Даже если Мазер и Рослин несравнимы как художники, их связывало одно обстоятельство: оба они написали портреты нескольких современных им знаменитых русских. Этого

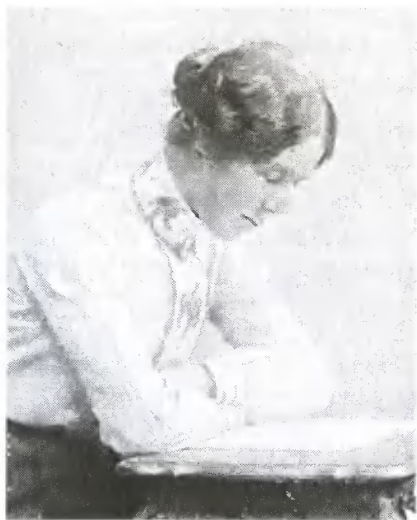
достаточно, чтобы признать за Карлом Петером Мазером важную роль в истории русско-шведских художественных связей.

На лыжах в Пулкове

За более чем двухсотлетнее существование Петербурга до переворотов 1917 г. более или менее длительное время в городе работали многие шведские художники. Ульф Абель, положивший много сил на установление их имен, насчитал около двадцати человек. Наиболее значительными являются, вне сомнения, Рослин, Патерсен и Мазер, а также художница младшего поколения — дочь астронома Оскара Баклунда — Эльза, родившаяся в Пулковской обсерватории в 1880 г. В отличие от своих старших коллег Эльза выросла и получила художественное образование в Петербурге.

Первые годы своей жизни она провела в России, а потом была отправлена к родственникам в Стренгнес, чтобы учиться там в шведской школе. По окончании школы Эльза в 1895 г. вернулась в Петербург. За прожитые в Швеции годы она открыла в себе художественное дарование; в российской столице она подала заявление в школу изящных искусств и была принята. Учителем Эльзы был известный живописец Ционглинский, но несколько раз в классе преподавал сам Илья Репин, произведший на юную художницу глубокое впечатление.

Еще более глубокое впечатление произвел на Эльзу Андерс Цорн, с произведениями которого она познакомилась в Петербурге в 1897 г. на выставке скандинавского искусства (см. ниже главу «Визиты знаменитостей. Баловень судьбы»). Эльза и ее подруга-художница Ангелика Линдеман (дочь секретаря директора обсерватории) написали Цорну письмо, но ответа не получили и в 1901 г. решили поехать в город Мура, где жил художник. По приезде туда они выяснили, что Цорна дома нет. Объявившись примерно через неделю, он был приятно удивлен тем, что девушки из самого Петербурга приехали встретиться

Эльза Баклунд
около 1900 г.

с ним. Цорн оборудовал амбар, где они могли заниматься живописью, а потом обсуждал с ними их работы. Следующим летом девушки снова приезжали в Мура, а в 1903 г. Эльза поехала туда одна. В том же году она отправилась в Париж, где на протяжении нескольких месяцев училась у Эжена Карьера.

В это время у Эльзы Баклунд уже была в Петербурге собственная мастерская, и девушка вошла в художественные круги. Весной 1904 г. она решает отправить несколько живописных полотен в Академию художеств, надеясь, что их примут для ежегодной выставки. К ее собственному удивлению, все картины (семь или восемь) были приняты, и среди них картина «На лыжах», которую принято считать одной из лучших ее живописных работ той поры. В письме матери Эльзы своей сестре в Стренгнес читаем: «...Картины Эльзы... удостоились очень больших похвал во всех газетах, а самые лестные отзывы — о написанном маслом великом лыжнике Хельге; эту картину не одна русская газета восхваляет за ее простоту, хороший рисунок и живость изображения». В том же письме сообщается, что иллюстрированный журнал «Нива» предложил Эльзе

поместить на своих страницах репродукцию этой картины, обещая гонорар в размере двадцати пяти рублей.

Решающим обстоятельством для карьеры Эльзы Баклунд стала ее встреча с театральным деятелем, балетным импресарио и пропагандистом русского искусства за рубежом Сергеем Дягилевым, имя которого было тогда в художественном мире одним из самым ярких. Он взял картину «На лыжах» и парную к ней «На финских санях» (1906) на несколько международных выставок, которые устраивал в России и за рубежом, в том числе на парижскую 1907 г.

Хотя воздух эпохи был пропитан духом новизны и отчасти авангардизма, главными образцами для Эльзы служили Андерс Цорн и Валентин Серов — в своем духе новаторы, но не борцы с традициями. Они были лучшими портретистами того времени. Не случайно Эльза постепенно сосредоточилась именно на портретной живописи. Выбор жанра был одобрен ее отцом, озабоченным тем, чтобы дочь своим трудом могла зарабатывать себе на жизнь. Несмотря на высокое положение отца, семья была небогата; Оскар Баклунд в денежных делах не разбирался, а Эльза была слишком самостоятельной, чтобы позволить себе зависеть от семьи. Именно как портретист она приобрела наибольшую известность. Она написала портреты членов своей семьи и коллег отца, в том числе Магнуса Нюрёна, она написала портрет императора для зала шведского прихода, построенного по проекту Ф. И. Лидваля, и портреты членов семьи Нобеля.

По мнению отца, Эльза была даже слишком самостоятельна, чтобы выйти замуж. Но в 1911 г. она познакомилась с агрономом Ульриком Сельсингом. На следующий год они поженились и уехали в Швецию, где Эльза продолжала писать. Участие в Балтийской выставке, проходившей в Мальмё в 1914 г., она принимала как представительница Швеции.

В 1916 г., во время войны, внезапно скончался Оскар Баклунд. О похоронах подробно написали многие европейские газеты. Среди провожавших астронома в последний путь упоминались великая княгиня Елизавета Мав-

рикиевна, вдова президента Петербургской Академии наук великого князя Константина Константиновича, а также представители Военно-морского министерства и Министерства культуры, неприменный секретарь и вице-президент Академии наук, шведский посланник Эдвард Брендстрём, норвежский посланник Пребенсен, другие лица из скандинавской колонии, шведского прихода и т. д.

Эльза тотчас же отправилась в Петербург, но в страну, в которой она выросла, ее не впустили: шла война, и граница была закрыта. Газета «Свенска Дагбладет» сообщила: «Звучит “Отче наш”, и гроб медленно опускается вниз. Квартет исполняет “Integer vitae” («Человек непорочной жизни»), глухо падает земля, и все кончено. У края могилы долго остаются вдова усопшего, его дочь, три невестки, два сына... Старший сын, полковник, участвует в исполняемой артиллеристами похоронной песне... старшая дочь, художница, борется на границе с равнодушной колючей проволокой в надежде получить паспорт...»

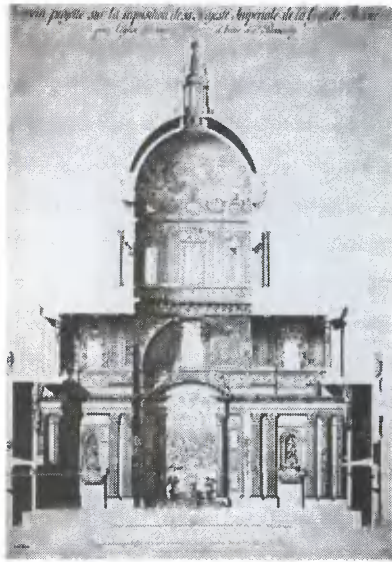
Эльза в конце концов прорвалась через «колючую проволоку» и смогла вернуться в Швецию вместе с матерью, тайной советницей Ульрикой Баклунд. Это был последний приезд Эльзы в Россию. Она скончалась в шведском городе Вестеросе в 1974 г. в возрасте девяноста четырех лет.

«Самый умышленный город на свете»

Если российская столица с ее расточительной аристократией представляла собой труднопреодолимый соблазн для выдающихся живописцев Европы, то Петербург как «проект» был заветной мечтой архитекторов: совершенно новый город, помимо всего прочего еще и столица, которую надо проектировать и строить. Сюда приглашалось множество иностранных зодчих, и российская казна предоставляла в их распоряжение почти неограниченные средства. Многие сделали себе имя в российской столице и так и не вернулись в свои родные страны.

Лишь считанные города в мире выросли за столь краткий срок, как Петербург. Меньше чем за двести лет он

В архиве Эрмитажа хранится этот рисунок тушью и карандашом, выполненный Никодемусом Тессиним-младшим, — проект церкви на Васильевском острове.

из ничего стал одной из ведущих мировых метрополий. Вместе с тем Петербург — один из самых хорошо спланированных, по выражению Достоевского, «умышленных» городов на свете, обладающий уникальным архитектурным оформлением.

Поначалу в городе работали почти исключительно иностранные архитекторы — по преимуществу итальянцы и французы. Петропавловская крепость, Летний дворец, Зимний дворец, Эрмитажный театр, Академия наук, Манеж, Генеральный штаб, Александрийская колонна, Исаакиевский собор, Мраморный дворец, Сенат и Синод, Строгановский дворец, Юсуповский дворец, Михайловский дворец (здание Русского музея), Аничков дворец, Гостиный двор, Смольный монастырь и Смольный институт — все эти (и многие другие) здания возведены по чертежам приглашенных иноземных зодчих, таких как Трезини, Растрелли, Кваренги, Ринальди, Росси, Тома де Томон, Монферран, Валлен-Деламот и другие.

Как говорилось выше, многие шведы, обладавшие строительными навыками, были привлечены к работам по воз-

Швед Александр Витберг разделил судьбу многих природных русских — он оказался в опале, был отдан под суд и сослан во внутренние части империи. Автопортрет карандашом и углем 1811 г. *Музей А. И. Герцена (Москва)*

ведению Петербурга: каменщики, плотники и прочие. Все говорит за то, что самая первая постройка в городе — деревянный дом царя Петра — была делом шведских рук: дом или был выстроен шведскими военнопленными, или же его просто-напросто перенесли из Ниена.

Однако среди работавших в городе на протяжении восемнадцатого столетия иноземцев шведских архитекторов не было. Правда, за год до своей кончины в 1724 г. Петр Великий попросил Никодемуса Тессина-младшего начертить проект церкви, которую предполагали поставить на стрелке Васильевского острова. Тессину предложили самому решить вопрос о пропорциях, но образец стиля и размеры были ему заданы: церковь должна была напоминать римский собор Св. Петра и иметь 427 футов в длину. Тессин принял предложение и в 1725 г. представил выполненный тушью и карандашом чертеж церкви, действительно очень похожей на собор Св. Петра, но с кончиной царя, последовавшей чуть позднее в том же году, весь замысел был забыт.

Позднее в XVIII в. другой «шведский» архитектор — живший в Швеции француз Луи Жан Дебре — попытался пробиться на русский рынок. Он по собственной инициативе сделал серию чертежей к «Храму бессмертия», посвященному (тогда еще живой) Екатерине II, но и этот проект остался на чертежном столе; то есть до Екатери-

ны он дошел, но никакого отклика не получил. Возможно, что Депре выполнил некоторые интерьеры Шереметьевского дворца на Фонтанке, но этого нельзя утверждать с уверенностью.

Третье имя, которое следует назвать, — это Карл Магнус Витберг (1787—1855). По его собственным словам, он был сыном Лоренса Витберга, который происходил из Карльскруны, получил образование в Копенгагене и работал в Петербурге как специалист по художественному ремеслу. Витберг вместе со своим сыном, которого русские звали Александром, участвовал в работах в Казанском соборе. После победы над Наполеоном император Александр I объявил архитектурный конкурс на проект кафедрального собора Христа Спасителя в Москве, и этот конкурс архитектор выиграл в борьбе с такими знаменитостями, как Кваренги и Энгель. Проект Витберга был проникнут религиозно-поэтической экзальтацией, понравившейся склонному к восторженности императору. Проекту был дан ход, но после кончины Александра I в 1825 г. умер и проект (точно так же, как в случае с Тессином и Петром Великим). Витберг, возглавлявший комиссию по строительству храма, был обвинен в злоупотреблениях, осужден и сослан в Вятку. Там он встретился с таким же ссыльным А. Герценом, который позднее в своих мемуарах вспоминал «печальные, благородные черты художника, задавленного правительством с холодной и бесчувственной жестокостью».

Со временем начали появляться и значительные русские архитекторы, такие как Воронихин (Казанский собор, Горный институт), Захаров (Адмиралтейство), Стасов (казармы Павловского полка, Придворные конюшни) и Штакеншнейдер (Мариинский дворец, ныне здание петербургского Законодательного собрания, и несколько особняков для частных лиц).

Последний из названных был сыном немецкого мельника из Брауншвейга, привлеченного в Россию при Павле I. Натурализованными русскими были также два шведских архитектора, которые в 1860-х гг. и позднее трудились в стремительно ширившемся городе, — Карл

Андерсон и Федор Лидваль. В отличие от Тессина, Дебре и Витберга они получили возможность воплотить в жизнь свои строительные проекты.

От Екатерины до Екатерины: Карл Карлович Андерсон

Стокгольмский мальчишка Карл Андерсон был одним из тех многочисленных иноземцев, талант которых расцвел именно в Петербурге; в этом смысле его судьба типична. Но начало его жизненного пути было далеко не обычным; особенно это относится к истории прибытия в Россию.

Если верить русским справочникам, Карл Андерсон был сыном шведского купца и родился в Петербурге в 1827 г. Эти сведения неверны. Однако это не обязательно результат небрежности авторов словарных статей: если учесть его бурное детство, вполне вероятно, что он сам мог сфабриковать эти сведения с целью приукрасить свою биографию.

Архивные разыскания позволяют установить, что Карл Фредрик Андерсон родился в стокгольмском приходе Св. Екатерины 10 мая 1826 г. незаконнорожденным сыном двадцатисемилетней служанки Анны Софии Тюнберг, которая спустя три года вышла замуж за мясника Свена Андерсона. Тот торжественно пообещал заботиться о мальчишке, но, по-видимому, быстро от него устал, и весной 1831 г. Карл был отправлен в Петербург. Свидетельство о его переезде датировано так: приход Св. Екатерины в С.-Петербурге, 10 июня 1831 г., что позволяет точно установить время прибытия пятилетнего Карла Фредрика в российскую столицу.

В церковных книгах имеется упоминание о брате матери, бронзовых дел мастере Карле Хенрике Тюнберге, родившемся в 1793 г. в Тавастехюсе и жившем тогда на берегах Невы. Все говорит за то, что Тюнберг поселил Карла Фредрика у себя.

В 1842 г. подросток Карл Фридрих подтвердился в приходе Св. Екатерины под фамилией Андерсон. Отцом

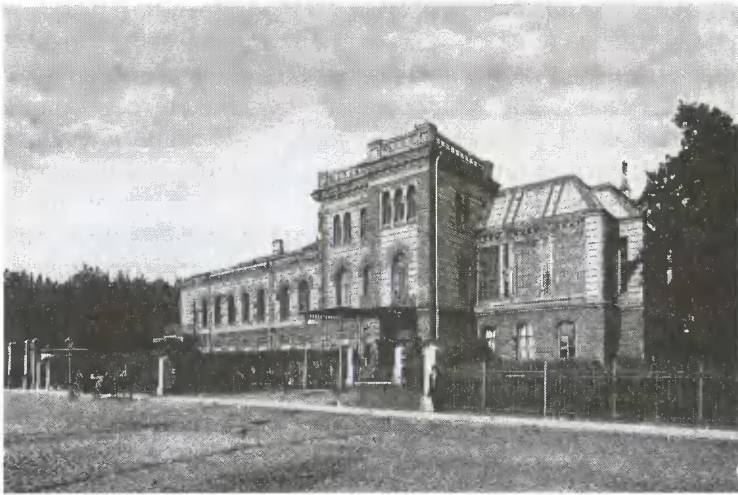
его назван «Андерсон, мясник». По «заучиванию наизусть» Карл получил оценку «хорошо», а его познания в катехизисе определены как «посредственные». Он прожил более шестидесяти лет и скончался от апоплексического удара 28 марта 1888 г., был отпет в церкви Св. Екатерины пастором Юханнесом Карваненом и погребен в евангелической части Волковского кладбища.

За этими сухими фактами скрывается дело, которое дает ему заслуженное место в истории строительства Петербурга.

В том же году, когда состоялась конфирмация, Карл Андерсон поступил в архитектурную школу Академии художеств, где учился до 1846 г. В последующие годы он работал помощником профессора Академии Г. А. Боссе,

Церковь Св. Екатерины и приходские дома. Вход в пасторскую канцелярию находился в правом подъезде (с навесом). Квартира главы прихода располагалась этажом выше, а под ней справа был дом для престарелых — до 1905 г., когда он переехал в Белоостров на финской границе. Приходской дом слева от церкви был построен в 1790-х гг. *Фото: Карл Булла, около 1900 г.*

Резиденция Нобелей с застекленным зимним садом на Сампсониевской набережной.

занимаясь различными домостроительными и отделочными проектами. В 1859 г. он получил звание академика архитектуры за проект большого железнодорожного вокзала. В 1864–1874 гг. Андерсон работал архитектором Попечительского совета заведений общественного призрения, а в 1874–1881 гг. служил в IV отделении Собственной Его императорского величества канцелярии.

Карл Андерсон создал проекты более чем двадцати петербургских домов и многих зданий в других местах. Наиболее известная его постройка за пределами Петербурга — русская церковь Александра Невского в Копенгагене; эту церковь, возведение которой было завершено в 1883 г., Андерсон спроектировал совместно с другим петербургским архитектором Давидом Гриммом, специализировавшимся на церковных зданиях.

Некоторые дома Андерсона в российской столице имеют прямое отношение к Швеции. Среди них — здание церкви Св. Екатерины, завершенное в конце 1865 г.

Церковь была поставлена не в Шведском переулке, где стояла старая, а на Малой Конюшенной улице. Поэтому

надо было изменить застройку примыкающих к церкви домов прихода. Эта работа тоже была произведена по проектам Андерсона. Часть построенного в 1781 г. углового дома по Шведскому переулку была продлена таким образом, что заполнилось пустое место, образовавшееся после сноса старой церкви, а ту часть здания, которая выходила на Малую Конюшенную, наоборот, пришлось уменьшить, чтобы освободить место для нового храма. (Угловой дом был отремонтирован в 1996—1997 гг., и теперь в нем размещается, в частности, Генеральное консульство Швеции.) Помимо церкви и приходского дома на Малой Конюшенной улице Андерсон спроектировал также особняк для семьи Нобелей на Сампсониевской набережной, 19. Этот дом, завершённый в 1874 г. и сохранившийся поныне, примыкает к механическому заводу Нобеля. О том, что Нобель был доволен зданием, свидетельствует тот факт, что Андерсон потом получал заказы на проектирование нескольких фабричных зданий в этом же районе (1878, 1880, 1882—1885). Среди других проектов этого архитектора, имеющих отношение к северным странам, может быть названа финская церковь Св. Марии на Большой Конюшенной улице, интерьеры которой были перестроены в 1871 г. по его чертежам.

Доходные дома, принесшие архитектору наибольшую известность, — дом барона Фитингофа на пересечении набережных Мойки (№ 100) и Крюкова канала (№ 4) и дом на улице Марата (Николаевской), 14, который в 1857—1858 гг. был перестроен и надстроен по проекту Андерсона. Дом Фитингофа — одна из самых ранних работ Андерсона — был возведён в 1855—1856 гг. Доходный дом на улице Марата имеет величественный, подобный дворцовому фасад, напоминающий Зимний дворец. Если дом Фитингофа — превосходный образец стилизации под архитектуру Ренессанса, то здание на улице Марата представляет собой типичный пример так называемого «второго барокко».

Хотя в Андерсоне обычно видят эклектика, его вклад в историю архитектуры Петербурга следует расценивать как значительный — он занимает видное место в истории «шведского Петербурга».

Если у Карла Андерсона отсутствовал самобытный талант, то его соотечественник Федор Лидваль был таковым богато одарен. Другие братья Лидвали добились больших успехов в портняжной профессии (см. главу «Императорские придворные портные»), а Федор приобрел себе не менее яркое имя в зодчестве. В конце XIX—начале XX в. он был одним из самых знаменитых петербургских зодчих и одним из создателей петербургского модерна в архитектуре.

Федор Лидваль родился в 1870 г. Он был вторым ребенком в семье и сначала учился в подготовительных классах шведской приходской школы; то было необычным выбором для шведского «буржуазного» ребенка в Петербурге (см. главу «Шведский язык как кухонный»). Дальнейшая его учеба тоже отличалась от обучения других детей семьи: братья Лидвали посещали немецкую реформатскую школу, а Федор пошел в русскую — во Второе петербургское реальное училище.

По его окончании Федор Лидваль решил учиться на архитектора, но оценки получал недостаточно хорошие. Тогда он записался в рисовальную школу, готовившую для поступления в Академию художеств по классу архитектуры. В Академии Лидваль занимался с 1890 г. Его учителем был Леонтий Бенуа, талантливый педагог и архитектор, вместе с которым впоследствии Федор Лидваль будет работать над реставрацией и перестройкой отеля «Европа» (1908—1910). В 1896 г. Федор сдал экзамен на «академ. архитектора»; за двое последних летних каникул он успел еще исполнить воинскую повинность в Стокгольме, в королевском лейб-гвардейском полку.

В случае с Федором Лидвалем примечательно то, что уже первый проект принес ему славу. То был комплекс жилых домов на Каменноостровском проспекте, 1—3, которые зодчий возвел в 1902—1904 гг. по заказу матери. Здесь жили несколько ветвей их семьи, и здесь же располагалось архитектурное бюро Федора. В настоящее время здание является памятником архитектуры. При выходе

со станции метро «Горьковская» сразу же обращаешь внимание на кованые перила балкона первого этажа, выполненные в виде латинской буквы «L» — первой в фамилии Lidvall.

«Впечатление динамичности композиции усиливается применением “нерегулярной” каменной кладки из блоков разных размеров и формы, а также исключительным разнообразием “графики” фасадов, оконных проемов и переплетов, порталов, карнизов, декоративных деталей. Интересно отметить, что последним придан специфически “северный характер”: в качестве декора использованы слегка стилизованные изображения сов, рыси, грибов и других представителей северной фауны и флоры», — пишет Владимир Лисовский, выдающийся знаток творчества Лидваля, в советское время извлекший его из забвения.

Иными словами, влияние Севера на Лидваля было несомненным и являет собой еще один пример открытости к эстетическим импульсам извне, отличавшей тогда Россию и особенно Петербург с его традиционной прозападной ориентацией. Разумеется, большую роль играла и близость Финляндии, которая была частью Российской империи. Лидваль был другом Элиэля Сааринена (отец которого, кстати, служил в 1912–1918 гг. пастором финского прихода Св. Марии), но испытал на себе влияние также шведских архитекторов, в частности Фердинанда Буберга и Исака Класона.

Если в Москве модерн был свободным и дерзким — в соответствии с традиционно несколько стихийной застройкой города, то в Петербурге мало домов в стиле чистого модерна. Лидваль, тонко ощущавший классицистическое архитектурное наследие этого города, разработал стиль, соединявший в себе осторожный модерн и неоклассицизм. Превосходный образец этого стиля — отель «Астория» (1912). Очертания и монументальные пропорции делают, по Лисовскому, это здание «важнейшим звеном в застройке Исаакиевской площади».

Азовско-Донской банк на Большой Морской улице, 3–5, возведенный в 1907–1909 гг., — типичное детище Лидваля, элегантно соединившее в себе модерн и не-

Фотография
Федора Лидваля,
снятая в первые годы
XX в. *Российский
Государственный
исторический архив
(Петербург)*

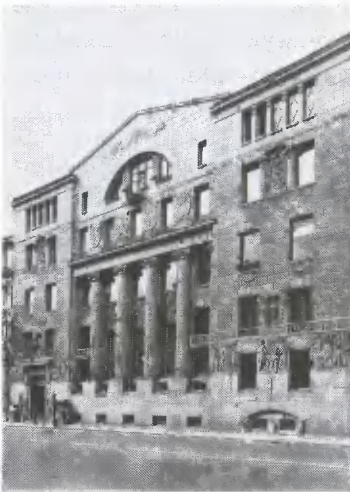
оклассицизм. Полуколонны ионического ордера и красивые скульптурные работы на фасаде, особенно фризы, тоже спроектированы Лидвалем. Как и ресторан в отеле «Астория», помещение банка светлое и просторное, с множеством стекла. Все это еще можно увидеть, поскольку здание ныне занимает Центральный узел междугородной телефонной связи. Подобное же творение Лидваль создал на Садовой улице, 28, — дом 2-го Общества взаимного кредита.

Как и Карл Андерсон, Лидваль выполнил несколько проектов для семьи Нобелей и шведского прихода.

Среди поступивших от Нобелей и выполненных заказов надо в первую очередь назвать перестройку главной конторы нефтяной компании на углу Итальянской улицы и канала Грибоедова (1909) и резиденции Эммануила Нобеля на Лесном проспекте, 21 (1910—1912), расположенной напротив доходного дома для служащих его Товарищества на Лесном проспекте, 20 (1910—1911). Лидваль спроектировал еще несколько фабричных и жилых зданий для братьев Нобелей.

Дом Лидвалей на Каменноостровском проспекте, 1—3; этот проект принес молодому архитектору первый успех. Фото 1906 г.

Азовско-Донской банк на Большой Морской улице, напротив магазина придворного ювелира Болина. Фризы разработаны Лидвалем. Фото справа сделано автором в 1997 г.

Портрет Федора Лидваля из журнала «Посадская, 5» (адрес мастерской), который издавали архитекторы, работавшие в архитектурной мастерской Лидваля. В веселом репортаже говорится, что Лидваль («Патрон») «принял сотрудника в своем кабинете при мастерской, обставленном просто и деловито. Единственным украшением комнаты служит громадный книжный шкаф в стиле немецкого ренессанса. На наш вопрос об отношении к работе Ф. И. ответил очень быстро и решительно: „Хороший анекдот — приятнее плохой работы”».

Карл Андерсон создал проект доходного дома для шведского прихода на углу Малой Конюшенной улицы и Шведского переулка. В 1901 г. приход поручил Лидвалю спроектировать доходный дом по другую сторону церкви; при нем, в отдельной постройке во дворе, должен был быть большой зал для «школьных праздников и базаров». Дом был открыт в ноябре 1905 г. В благодарность Лидваль получил от прихода «богато орнаментированную серебряную кружку» и был, кроме того, награжден орденом Станислава 3-й степени.

Лидваль сделал исключительно быструю карьеру и за 1899—1910 гг. спроектировал свыше тридцати зданий, преимущественно в Петербурге. Он принимал активное участие в работе на каждом ее этапе, разрабатывал проекты до мельчайших деталей и скоро обрел прочную славу искусного и добросовестного зодчего. К примеру, для отеля «Астория» он сделал чертежи и люстр, и мебели.

Успехи принесли Лидвалю и большие доходы, и прочное общественное положение. Последнему способствовала также женитьба в 1908 г. на Маргарете Эйлерс, дочери придворного поставщика цветов Хермана Эйлерса. Федора Лидваля, человека рассеянного, деньги никогда не интересовали. Дочь Лидваля — Ингрид, родившаяся в 1913 г., рассказывает занятную историю о том, как Эйлерс потребовал экономических гарантий для своей

дочери и попросил будущего зятя сообщить, сколько тот зарабатывает:

Папа счел это пожелание обоснованным. Но ему пришлось попросить Эйлерса зайти еще раз — папа просто-напросто не знал ответа, он никогда над этим вопросом не задумывался. Папа обычно говорил, что семья живет в условиях своего рода экономического коммунизма. Что было нужно, брали или получали из семейных доходов и, разумеется, отдавали заработанное. Вероятно, папа приносил значительные суммы, он хорошо зарабатывал даже и при предреволюционном положении дел. Сделав подсчеты, он назвал старику Эйлерсу сумму, и тот объявил, что удовлетворен. По прошествии года маминой и папиной супружеской жизни они произвели подсчеты и пришли к удивившему их результату: оказалось, что они потратили вдвое больше того, что, как полагал папа, было его годовым доходом.

Когда в 1917 г. разразился настоящий экономический коммунизм, Лидваль работал в Петербурге над несколькими проектами, в частности, родильного дома и еще одного банка (см. в главе «Есть ли у шведов достаточные причины оставаться здесь?»).

Творения Лидваля и Андерсона оставили заметные следы в облике Петербурга. Менее явным был вклад в русскую культуру шведских балетных танцовщиков. Первым в Петербурге обосновался французский, но работавший в Стокгольме балетмейстер Жан Батист Ланде. Он переехал в российскую столицу в 1727 г. и в 1738-м основал в Зимнем дворце впоследствии знаменитую императорскую балетную школу. В 1740-х гг. он поставил в Петербурге первый настоящий балетный спектакль с крепостными танцовщиками — «Балет цветов».

Следующего танцовщика шведского происхождения в Петербурге Жана Вальберга, родившегося в 1763 г., поначалу звали Иван Лесогоров. Он был потомком драбанта Карла XII, и его фамилия — русифицированная форма от Wallberg (Waldberg (нем.) — «лесная гора») — позднее указом императрицы вновь была обращена в Вальберг как более броская для афиш. Жан Вальберг был протеем Екатерины II и первым русским «придворным балетмейстером». Он работал и танцовщиком, и переводчиком, и режиссером, продолжая свою деятельность до самой кончины в 1819 г.

От Дидло до Иогансона

В том самом году (1801), когда Вальберг уехал учиться в Париж, руководителем императорского балета был назначен Шарль Луи (Карл Людвиг) Дидло. Он родился в шведской столице в 1767 г. в семье французского первого танцовщика. Юным пройдя обучение в Париже, Шарль Луи вернулся в Стокгольм, где в тринадцатилетнем воз-

расте поставил собственный балет «Фрейя». Густав III еще прежде обратил внимание на рано проявившего свой талант мальчика и предпочел бы, чтобы он остался в Стокгольме. Однако спустя несколько лет танцовщик возвратился во Францию и там дебютировал в Парижской опере. Революция 1789 г. застала его в Бордо, где он танцевал у выдающегося французского балетмейстера Жана Доберваля и выступил в его знаменитом спектакле «Тшетная предосторожность». Затем он отправился с Добервалем в Лондон, а в 1801 г. приехал в Петербург по приглашению князя Юсупова. В Швецию Дидло больше так и не вернулся.

В Петербурге Дидло дебютировал спектаклем «Аполлон и Дафна» в 1802 г. Его постановки произвели революцию в балетном искусстве. Он упразднил парики, французское платье, неуклюжие дамские башмаки с пряжками, введя телесного цвета трико и туники из газа. Как написано в одном русском справочнике, Дидло поднял уровень русского балета до невысказанных прежде высот и воспитал целый ряд превосходных русских хореографов. Дидло воспели знаменитые русские литераторы, в частности Пушкин, написавший, что в балетах Дидло больше поэзии, чем во всей французской словесности. Дидло работал до 1829 г. и скончался в 1837-м.

Всего через несколько лет после смерти Дидло в Петербург приехал другой шведский танцовщик — Пер Кристиан Юханссон (в русской традиции — Христиан Петрович Иогансон), родившийся в Стокгольме в 1817 г. В шведской столице он сделал быструю карьеру, уже в двадцатилетнем возрасте став ведущим танцовщиком Королевского театра. Он несколько лет учился в Копенгагене у балетмейстера Огюста Бурнонвиля, привившего ему французский стиль, преобладавший тогда в датском балете. Обучение юноши частично оплачивал шведский принц Оскар — будущий король Оскар I.

Уже в 1840 г., в возрасте 23 лет, Иогансон отправился в Петербург, где был замечен Марией Гальони, одной из самых знаменитых балерин того времени, выступавшей тогда в российской столице. Мария родилась в Стокгольме

Миниатюра,
изображающая
уроженца Стокгольма
Шарля Луи Дидло.

в 1804 г., однако в раннем возрасте была увезена за границу отцом — балетмейстером Филиппо Тальони. Мать Марии была шведкой, дочерью придворного певца Густава III — Кристиана Карстена.

Мария Тальони приехала в Петербург в 1837 г. в зените своей карьеры и дебютировала в «Сильфиде». Затем она в 1837—1842 гг. пять сезонов подряд танцевала в Мариинском театре. На протяжении всех этих лет в Петербурге царил культ Тальони. Как Дидло был высоко оценен Пушкиным, так и Марию превозносил другой великий русский писатель — Николай Гоголь: «Тальони — воздух! Воздушнее еще ничего не было на свете». Можно отметить, что мать Марии во время пребывания в Петербурге была причислена к приходу Св. Екатерины.

Весной 1841 г. Тальони взяла Иогансона на свои гастроли в Стокгольм. Это стало его последним выступлением в шведской столице. Осенью того же года они вернулись в Петербург. В последующие десятилетия Иогансон танцевал важные партии, например герцога Альбера в «Жизели» и Колы в «Тшетной предосторожности». Его стиль называли виртуозным, а его *élévation* (зависание в воздухе во время прыжка) было исключительным.

Мария Тальони в балете «Флора и Зефир».

Литография по рисунку А. Э. Шалона. 1831 г. Музей танца (Стокгольм)

С открытием в 1860 г. Мариинского театра (названного по имени Марии Александровны, супруги императора Александра II) Иогансон был назначен балетным педагогом, а с 1869 г. работал в классе усовершенствования балетного училища. С годами он хорошо выучился русскому языку и говорил на нем лишь с небольшим акцентом. Почти все крупные русские танцовщики и балерины до самого конца XIX — начала XX столетия были учениками Христиана Петровича и среди них самые выдающиеся — Анна Павлова, Тамара Карсавина, Матильда Кшесинская и Михаил Фокин. Карсавина вспоминала впоследствии его «ворчливый юмор» и «скупые похвалы», а Кшесинская — его «острый взгляд». Кшесинская подчеркивала также, что Иогансон превосходно умел выражать мысли и душевное состояние посредством движений. Он навсегда остался верен усвоенному в юности французскому стилю — тем самым этот стиль продолжал жить в России, тогда как в других европейских странах от него отошли.

В 1876 г. Петербург посетил другой ученик Бурнонвиля — Людвиг Юсефсон. Свою встречу с Иогансоном Юсефсон описывает так:

Мы нашли его жилище после долгих поисков, оно находилось хотя и в пределах города, но на окраине. Найдя наконец его, мы порадовались тому, что узнали старого танцора по всему его поведению, манерам, позам и веселому нраву. Он был весьма удивлен и обрадован, увидев театральных друзей из Скандинавии, ведь подобные встречи были для него редкостью. Побеседовав о родине, о политических воззрениях и художественном уровне наших северных театров, бодрый старый джентльмен с развешивающимся французским шейным платком вызвался пройтись с нами по городу. Он был словоохотливым, веселым и превосходно образованным артистом... Я не разглядел проседи в его волосах, они были светлыми и свидетельствовали о здоровье и молодости.

«Старому джентльмену» было тогда 59 лет.

Христиан Петрович Иогансон скончался в 1903 г. До последнего дня он был деятелен. У него с женой-шведкой было четыре дочери. Одна из них, Анна, была

Матильда Ксешинская, одна из звезд русского балета на рубеже веков, прожила после революции долгую жизнь и скончалась в 1971 г. в Париже в возрасте 99 лет. Здесь она изображена братьями Легат в роли Эсмеральды в одноименном балете Перро, в котором коза играет существенную роль. *Музей танца (Стокгольм)*

первой танцовщицей в отцовском театре; другая, Фанни, как уже говорилось, вышла замуж за придворного портного Николая Норденстрёма. Иогансон работал в Петербурге добрых 60 лет, однако остался верен своим шведским корням. За заслуги перед «Скандинавским благотворительным обществом», в создании которого в 1877 г. он принимал участие (см. главу «Развлечения и благотворительность»), он в 1893 г. был произведен в кавалеры ордена Васа (1-го класса); кроме того, Иогансон был награжден двумя русскими орденами. В посвященном Иогансону некрологе стокгольмская газета «Дагенс нюхетер» подчеркнула, что он охотно обсуждал «важные жизненные вопросы... в кругу своих соотечественников, для которых в лучшие его годы всегда были открыты и его дом, и его сердце».

Ученица Христиана Петровича (прима-балерина Анна Павлова) впервые выступила за рубежом в 1908 г., когда петербургский балет гастролировал в Стокгольме. Ее партнер Адольф Больм, бывший наряду с Нижинским великой звездой Дягилева, в газетном интервью высоко отозвался об одном из самых влиятельных педагогов в российском балетном искусстве:

Нас особенно радует то, что благодаря приезду в Стокгольм мы в какой-то степени имеем возможность отдать долг благодарности Швеции, ведь своим высоким уровнем императорская балетная труппа обязана трудам шведа — скончавшегося пять лет тому назад балетмейстера Иогансона... Все мы делали первые робкие шаги в балете под его руководством, и нам выпало счастье следовать его мастерским наставлениям. Работая с начала 1840-х гг. над развитием хореографического искусства, он создал традицию, которая совершенно необходима для поддержания на должной профессиональной высоте столь многочисленной балетной труппы. Он — тот идеал, на который мы равняемся, и в каждом учебном зале есть его портрет или бюст.

Братья Легат

Иогансон изображен на рисунке со скрипкой и смычком в руках — он был одним из последних педагогов, применявших при обучении скрипку, а не фортепьяно. Рисунок выполнен Николаем Легатом, одним из любимых учеников Иогансона и талантливым рисовальщиком, совместно с братом Сергеем. Братья Легат делали чудесные карикатуры на своих коллег-танцовщиков; две из них воспроизведены на этих страницах.

Фамилия «Легат» похожа на французскую, однако она немецкая, а род — немецко-шведского происхождения. Он прослеживается до артистки Доротеи Маргрете Эгерсдорф, родившейся в 1776 г. в Ганновере и вышедшей замуж за «восковых дел мастера» Карла Лемана. В этом браке родились трое сыновей. После кончины мужа она переехала в Гётеборг, где в 1804 г. стала женой немца Иозефа Легата. Вместе с новым супругом Доротея ездила с турне по Финляндии, а потом на протяжении пятнадцати лет — по Швеции. В Гётеборге у нее родились два сына — Юхан Андерс и Самюэль. Настоящим их отцом был, согласно церковным книгам прихода Св. Екатерины, садовник Юхан Лундквист из Гётеборга. Похоже, что союз Доротеи с механиком Иозефом Легатом был браком по расчету, главной целью которого было обеспечить будущее сыновьям.

Анна Павлова и Николай Легат
в «Лебедином озере»

БОГ В КЛАССНОМ ЗАЛЕ

Кристиан Иогансон сохранил крепкое здоровье и в весьма почтенном возрасте, и я ни разу не слышал, чтобы он заболел хотя бы на день. Помню, как он, когда ему было 80 лет, пришел в училище вместе с Мариусом Петипа, которому тогда было приблизительно 75 лет. Иогансон, с живостью сорокалетнего быстро шагавший вверх по лестнице сразу через две ступеньки, обернулся к тяжело поднимавшемуся Петипа и, поддразнивая, осведомился: «Ну как ты, старичок?»

Мой отец рассказывал мне, что в более молодые годы Иогансон был блистательным танцовщиком, его стиль отличался жизнерадостностью, энергичностью и техническим совершенством. Когда я работал под его руководством в классном зале, он, уже пожилой человек, порой удивлял нас тем, что без подготовки демонстрировал серию шагов, завершавшуюся серией блестящих пируэтов и мгновенной остановкой безупречного арабеска. Мне делалось даже как-то не по себе.

Он был крайне методичен и неуклонно верен своим привычкам. Он всегда приходил в зал раньше всех и сам готовил пол, орошая его водой. Затем он брал скрипку, отходил в задний угол зала и сразу же, без какого-либо вступления, начинал урок.

Он не терпел курения и всегда говаривал: «Ох, к чему вы разрушаете легкие этой гадостью!» — однако любил нюхательный табак и закладывал его огромными порциями. Он был неразговорчив, строг в критике и лаконичен в выражениях недовольства. Самой большой похвалой в его устах было: «Теперь ты можешь исполнить это перед публикой». И ученик понимал, что достиг совершенства. Поэтому многие артисты побаивались Иогансона, его обучение было действительно рассчитано на тех, кто терпеливо и с энтузиазмом стремился к высотам мастерства. По отношению к другим он был безжалостен и язвительен...

Как педагог Иогансон проявлял исключительную многосторонность, изобретательность и находчивость в подборе разнообразных упражнений. В этом его отличие от итальянцев, чьи методы обучения были гораздо более стереотипными. У Энрико Чекетти, к примеру, имелось даже своего рода меню упражнений на неделю, вывешенное на стене: по понедельникам такие-то и такие-то упражнения, по вторникам то-то и то-то и так далее. Эту систему Иогансон жестко критиковал, объясняя, что она лишена фантазии, препятствует самовыражению и ведет к совершенно механическому совершенствованию. Что же до него самого, то о нем говорят, будто за 60 лет преподавательской деятельности он ни разу не повторил одного и того же урока.

Именно это неиссякаемое богатство воображения в сочетании с глубоким пониманием индивидуальных особенностей и потен-

циала каждого ученика и делали занятия у Иогансона чарующим душевным переживанием. Его классный зал стал поистине сказочной страной движений со строгим, но доброжелательным волшебником, помахивающим своим скрипичным смычком...

Каким Кристиан Иогансон был как педагог, таким Мариус Петипа был как балетмейстер и постановщик. Эти два человека руководили развитием русского балета на протяжении всей второй половины XIX столетия и создали ту русскую школу, какой мы ее знали до Первой мировой войны. Один был богом в классном зале, другой — на сцене.

Николай Легат

Балетмейстер Иогансон на рисунке братьев Легат.
Музей танца (Стокгольм)

Братья Лундквист-Легат сами стали артистами. Они много лет сотрудничали со своими единоутробными братьями Леманами, разъезжая по Финляндии и России. В частности, в 1834 г. они дали в Або представление с пантомимой, гимнастикой и итальянской арлекинадой, а спустя год приехали в Петербург. Там через некоторое время братья опустили наиболее труднопроизносимую часть своей фамилии и стали называть себя просто Легат.

Юхан Андреас — Янне или, по-русски, Иван — и Самюэль работали по преимуществу с народным театром и год за годом устраивали балаганные представления на ярмарках на центральных площадях и в других местах города. В 1838—1843 гг., то есть тогда же, когда Мария Тальони и Христиан Петрович Иогансон с триумфом выступали на сцене Мариинского театра, братья Легат организовывали пасхальные программы на Адмиралтейской площади. Их балаган был самым посещаемым во всем городе: согласно полицейской статистике, братья за масленичную неделю 1842 г. успели дать целых 47 представлений, которые посетили свыше тридцати тысяч человек. Помимо ходьбы по канату и арлекинад (в которых Янне играл Арлекина, а Самюэль — Пьеро), в программу представлений входили пантомима и «живые картины», такие как, например, аллегорические изображения военных событий 1812—1814 гг. или основателя русского флота Петра Великого в шторме на Ладого.

Самюэль скончался около 1845 г., Юхан Андреас — в 1856-м. Сын последнего Густав учился у Мариуса Петипа и окончил балетную школу в 1857 г. Он стал выдающимся танцовщиком и часто исполнял партии Петипа на вторых и третьих представлениях, но особенно яркой карьеры сделать не сумел, так как отказался поменять шведское подданство на российское. (И Густав, и его брат Эрнст состояли в шведском приходе.) В конце концов Густав согласился стать российским подданным, с тем чтобы обеспечить себе государственную пенсию, в которой весьма нуждался: кроме жены, он должен был содержать десять детей. В 1887 г. ему была назначена пенсия в 1140 рублей.

Из детей Густава танцовщиками стали трое: дочь Вера обладала слабым здоровьем и не достигла особенных успехов, а Сергей в 1890 г. танцевал с дочерью Петипа Марией на премьере поставленного отцом балета «Дочь фараона». Сергей был превосходным танцовщиком, но в 1905 г. в возрасте 29 лет покончил жизнь самоубийством. Причиной послужили, говорят, бурные отношения с мадемуазель Петипа, которая была не только его партнершей, но и любовницей.

Сын Николай, родившийся в 1869 г., был, как уже говорилось, одним из любимых учеников Христиана Петровича Йогансона и одним из лучших танцовщиков в России на рубеже XIX и XX веков. Со временем он добился международного признания как балетмейстер. В 1923 г. он покинул Советский Союз и спустя три года осел в Лондоне. Балетная школа, которую Николай основал в Англии и которая ныне носит его имя, считается одной из лучших в стране. Николай Легат, внук родившегося в Гётеборге балаганного актера Янне Лундквиста, скончался в Англии в 1937 г.

Если какие-то шведские предприниматели и работали в Петербурге еще в XVIII столетии, то только в XIX и особенно во второй его половине наши соотечественники стали играть сколько-нибудь значительную роль в российской экономике.

Начало было положено присоединением в 1809 г. Финляндии к Российской империи на правах великого княжества. Вследствие этого многие финляндцы стали переселяться в Петербург. Что касается народного хозяйства и промышленности, отчетливым рубежом явился 1861 г., когда было отменено крепостное право и возникли предпосылки для определенного развития сельского хозяйства (хотя с проведением настоящих реформ в этой сфере тянули еще много лет), быстрыми темпами велось строительство железных дорог и были созданы условия для индустриализации. Многие шведские предприятия и частные м лица видели в России страну значительных возможностей и даже альтернативу Америке.

До самых революций 1917 г. Россия оставалась, однако, бедной страной, и грамотность ее населения весьма и весьма уступала грамотности в западноевропейских странах: еще в 1900 г. в Петербурге 20 процентов мужчин и 40 процентов женщин не умели читать.

Между тем страна быстро индустриализировалась, и в города шел значительный приток людей. В большой мере это относилось к Петербургу, который в конце 1860-х гг. насчитывал 670 тысяч жителей, а спустя 40 лет — уже почти два миллиона. По переписи населения, проведенной в 1910 г., лишь 17 процентов петербуржцев родились в этом городе, а приезжих было целых 83 процента, что говорит о динамике развития столицы и ее притягательности.

На рубеже столетий российская экономика стремительно развивалась, привлекая в страну много крупных зарубежных предприятий. Значительно увеличился шведский экспорт в Россию, где обосновывались и шведские предприятия. Так, например, в 1915 г. Швеция продала России целых 30 процентов продуктов производства своего машиностроения, между тем как двадцатью пятью годами ранее экспорт достигал всего лишь шести процентов.

О том, что в ту пору в стране имелся рынок сбыта и зарубежные предприниматели проявляли к ней большой интерес, свидетельствует объемистая книга о деловых связях королевства с Россией «Торговые интересы Швеции в Российской империи» (Стокгольм, 1912), написанная Идой Бекманн. Изложенные автором советы содержат и такой: «При проведении любых деловых мероприятий в России надлежит постоянно иметь в виду абсолютную необходимость соблюдения величайшей осторожности. Ни одна другая европейская страна не предлагает больших возможностей для сбыта почти всех промышленных изделий, но и нигде нет такого риска понести убытки, как в России, если работать там, не зная особенностей страны».

Судя по масштабам экспансии шведских предприятий на восток, нашлось много людей, которые, невзирая на риск, пожелали инвестировать капиталы в страну, считавшуюся тогда такой же нестабильной, как и ныне. К примеру, выгодным делом стала продажа молочных сепараторов и других сельскохозяйственных механизмов российскому аграрному сектору. Акционерное общество «Сепаратор» явилось одним из первых обосновавшихся в Петербурге шведских предприятий — еще в 1888 г. Через двадцать лет Россия была уже крупнейшим рынком сбыта для продукции этой фирмы.

Другими успешно действовавшими предприятиями были фирма по производству лифтов «Грэхем Бразерс» и акционерное общество «Люкс», которое уже в первый год своей деятельности в России (1901) начало экспортировать туда осветительное оборудование: лампы «Люкс» освещали и парк Царскосельского дворца, и Государ-

РУССКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
Л. М. ЭРИКСОНЪ И К^О ВЪ С.- ПЕТЕРБУРГЪ.

Телефонный завод Л. М. Эриксона в Петербурге, где в 1915 г. было занято 3000 человек — вдвое больше, чем на стокгольмском заводе. *Телемузей (Стокгольм)*

ственную думу, если ограничивать примеры только городом, которому посвящена эта книга.

Благоприятные инвестиционные условия привлекали также многие другие крупные шведские предприятия, в частности «Сконска сементютериет» (в России она действовала под названием «Тре крунур»), «Объединенное шведское электрическое акционерное общество» (ASEA); «Шведский завод шарикоподшипников» (SKF) и телефонную компанию Л. М. Эриксона.

Компания Ларса Магнуса Эриксона, создавшая шведскую телефонную индустрию, в конце 1890-х гг. потеряла в Швеции свое монопольное положение и была вынуждена искать новые рынки для своих товаров. Взоры руководителей компании остановились на России и прежде всего на Петербурге, где на Сампсониевском проспекте и был основан большой завод по производству телефонных аппаратов. Ориентация предприятия на восток была, однако, связана не только с ухудшением конъюн-

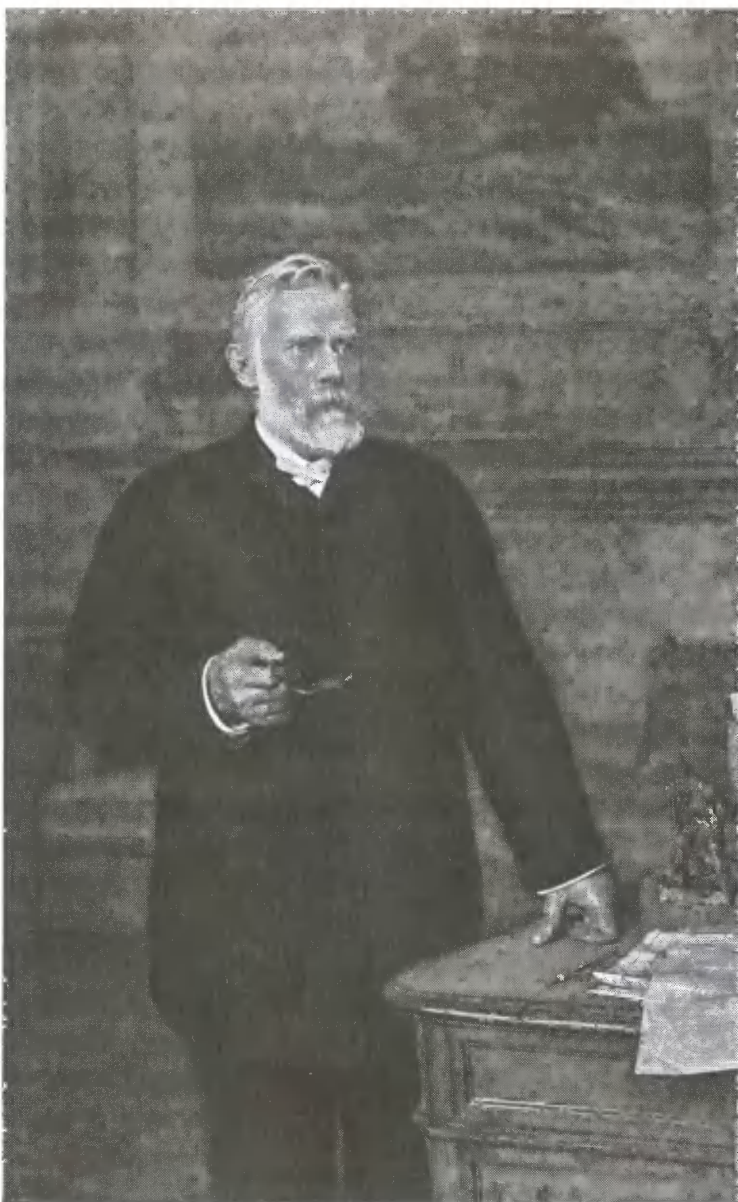
ктуры на родине, но и жила на верных оценках того, что неразвитый российский телефонный рынок предлагает исключительно благоприятные возможности развития. Российский рынок был настолько привлекательным, что одно время даже подумывали, не перевести ли главную контору из Стокгольма в Петербург. Это намерение нашло свое выражение в том, что на Всемирной выставке в Париже 1900 г. компания заявила не как шведское предприятие, а была представлена результатами своей деятельности в России.

Завод в Петербурге быстро расширялся: в 1901 г. на нем было занято 165 человек, в 1905-м — 650, а спустя десять лет — приблизительно 3000, что вдвое превышало численность работников на стокгольмском предприятии. Деятельность Л. М. Эриксона в России не ограничивалась производством телефонных аппаратов, но распространялась и на эксплуатацию. Так, например, в условиях жесткой конкуренции с другими иностранными фирмами компания получила концессию на развитие телефонной сети в Москве, Киеве, Харькове, Нижнем Новгороде, Варшаве и иных городах.

Нобель: мины, машины и нефть

В Петербурге имелись также «шведские» предприятия иного рода — предприятия, основанные шведами, которые уже жили и трудились в России. Одним из них была машиностроительная фирма «Однер», производившая знаменитую счетную вертушку — арифмометр; после 1917 г. она обосновалась в Гётеборге под названием «Оригиналь Однер».

Ее основатель Вильгодт Однер (1845—1905), получив техническое образование в Стокгольме, устроился, подобно многим другим шведским инженерам, на петербургские заводы Нобеля. Человеком, финансово поддерживавшим Однера, чтобы он смог усовершенствовать свою счетную машинку, был не кто иной, как Людвиг Нобель. Таким образом, мы дошли до рассказа о самом удачном

Людвиг Нобель в своем кабинете. Живопись. 1888 г.

из всех российско-шведских промышленных предприятий.

1837 год памятен в истории России как год смерти Пушкина. Но этот год был знаменательным и для истории шведской и российской промышленности. В 1837 г. было введено пароходное сообщение пассажирскими судами между финскими портами и Петербургом, что означало: Россия сразу стала ближе и географически, и психологически.

Пароходы, ходившие по маршруту Стокгольм — Або, привлекали к себе путешественников «салонем на шестнадцать господ, салонем на десять дам, тремя каютами и столовым салоном с десятью сидячими местами, без спальных помещений, а также трехразовым питанием и доброй водкой и квасом при каждой трапезе». На одном из таких судов как раз в 1837 г. прибыл человек, фамилия которого вскоре будет звучать благородней, чем большинство шведских фамилий. Однако причина, по которой он покинул Швецию, была не столь благородной: бурлившие в его голове изобретательские идеи вместо финансовой прибыли принесли иски кредиторов, и изобретателю грозила долговая тюрьма.

Проведя год в Або, Иммануил (Иммануэль) Нобель (nobel — «благородный») — так звали этого путешественника — отправился в Петербург, где основал маленькую механическую мастерскую. Она вскоре закрылась, а вместо нее в 1842 г. Нобель открыл механический колесный завод с литейней; в том же году он перевез из Швеции жену и сыновей Людвиг и Альфреда; старший сын Роберт приехал через год.

Завод выпускал паровые машины, паровые молоты и прочее, но беспокойный интеллект Иммануила развивался «взрывными путями». Его удачные эксперименты со взрывчатыми веществами и минами так заинтересовали российскую военную промышленность, что ему предоставили возможность продемонстрировать их самому Николаю I. Крупным изобретением Нобеля стали подводные мины. Крымская война 1853—1856 гг. вызвала значительный подъем деятельности предприятия, численность

Иммануил Нобель. 1870 г.

работников возросла почти до тысячи человек. Однако с окончанием войны государственные заказы прекратились, что подорвало всю коммерцию Нобеля, ввергнув его в глубокое отчаяние. В 1857 г. он писал: «Если бы правительство, согласно своим письменным и опубликованным заявлениям, обеспечивало, как обещало, мое развернутое предприятие работой, то мое положение было бы хорошим. В противном случае я разорен, ибо все было вложено в этот большой завод». Через два года Иммануил Нобель был вынужден объявить себя банкротом и вернуться в Швецию.

Он скончался в 1872 г., но его сыновья Людвиг и Роберт, оставшиеся в Петербурге, продолжали предпринимательскую деятельность, расширяя ее в различных направлениях. Третий брат, Альфред, в 1850—1859 гг. служил в отцовской фирме, где занимался усовершенствованием заводского оборудования. В 1860-е гг. он провел эксперименты с нитроглицерином и стал первым, кому удалось осуществить управляемую детонацию этого вещества. Подводные испытания состоялись в 1862 г. в присутствии Людвиг и Роберта, и в следующем году Альфред получил за это изобретение свой первый патент. В том же году он по настоянию отца возвратился на родину.

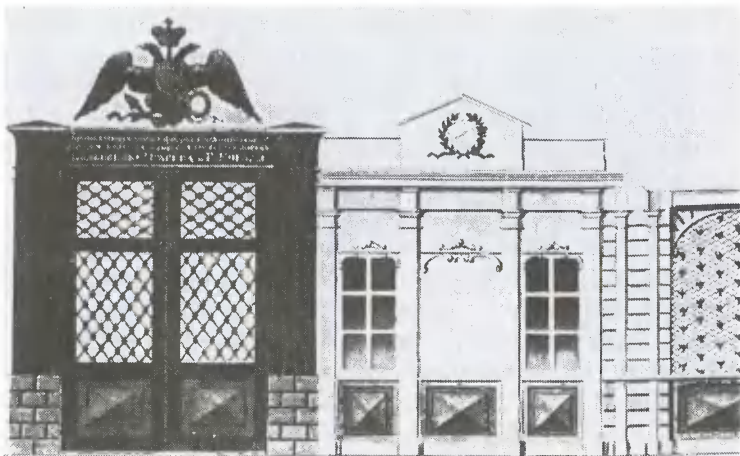
Механическая мастерская была стержнем деятельности Нобелей в России. С отъездом отца на родину ответственность за продолжение работы мастерской взял на себя средний сын Людвиг (1831—1888) и за последующие 30 лет превратил ее в одно из крупнейших в России машиностроительных предприятий. Производство Людвиг начал с покупки небольшой механической мастерской Шервуда на Выборгской стороне. На этом фабричном участке, который с годами распространился от берега Малой Невы до Сампсониевского проспекта, постепенно вырос гигантский комплекс мастерских и жилых домов под названием «Машиностроительный завод “Людвиг Нобель”».

Любопытно, что и на сей раз именно военные заказы позволили набрать делу обороты и обеспечили его прибыльность. Производство ружей и гранат, орудийных стволов и лафетов, а также пушек послужило экономическими предпосылками для дальнейшего расширения деятельности, причем в существенной степени на Кавказе.

Очередной важной фазой развития бизнеса стала добыча нефти в Баку на Каспийском море. Роберта Нобеля охватила «нефтяная лихорадка», разразившаяся в этих местностях. Роберт сумел уговорить Людвиг профинансировать свои деловые идеи. В 1876 г. Людвиг сам отправился в Баку, и за три месяца были определены основные направления организации крупномасштабной нефтяной компании. В десятилетний срок братья Нобель заложили основы российской нефтедобывающей промышленности: устрой-

ли лаборатории, наняли геологов и построили в шведском городе Норчёпинге первое в мире судно-танкер, назвав его «Зороастр». Для финансирования нового проекта в 1879 г. было учреждено акционерное общество «Товарищество нефтяного производства «Братья Нобель»», получившее известность под сокращением «Бранобель».

Нефтедобыча в Баку способствовала и деятельности петербургского машиностроительного завода. Поняв, что топить танкеры ввозимым из Англии углем — чистое расточительство, приступили к работам по усовершенствованию дизельных двигателей. Одним из занимавшихся этим делом инженеров был Антон Карлсунд, женатый на француженке-гувернантке, служившей при детях Нобелей. Он стал отцом знаменитого шведского художника-авангардиста Отто Г. Карлсунда, родившегося в Петербурге в 1897 г. и жившего там до 1908 г., когда семья переехала в Швецию. Производство дизельных двигателей постепен-

В 1842 г. Иммануил Нобель основал в Петербурге механическую мастерскую с литейней — совместно с полковником Николаем Огаревым, впоследствии ставшим адъютантом Николая I и управляющим Пулковскими заводами. В эту мастерскую Нобель вложил деньги, полученные им от российского правительства за опыты с подводными минами. На иллюстрации изображен вход в «Привилегированную механическую колесную фабрику и чугунолитейную полковника Огарева и господина Нобеля».

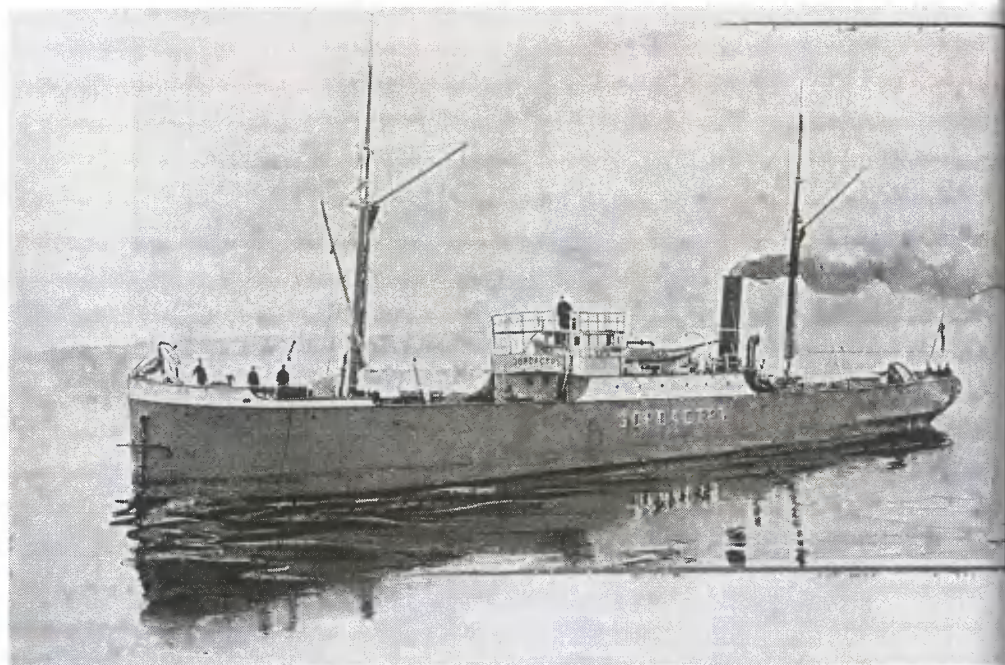
Объявление о сепараторах
«Альфа — Лаваль»,
в России продаваемых
акционерным обществом
«Альфа — Нобель».

но стало важной частью деятельности машиностроительного завода (переименованного после революции в «Русский дизель»).

Когда Роберт под предлогом слабого здоровья — а на самом деле из-за разногласий с Людвигом — в 1880 г. вернулся в Швецию, Людвиг остался единственным руководителем трех крупных производственных отраслей: завода в Петербурге, нефтедобычи в Баку и «Товарищества нефтяного производства „Братья Нобель“» с главной конторой в российской столице. Однако руководить этой империей было нелегко: хотя нефтяная компания давала 15 процентов российской нефтедобычи и брат Альфред нередко помогал деньгами, империя Людвига на всем протяжении 1880-х гг. балансировала на грани банкротства. И все же дела мало-помалу улаживались. Трудностей добавила «тридцатилетняя война» с английской фирмой «Стандард Ойл», тем не менее на рубеже веков нефтяная компания Людвига обеспечивала 30 процентов от всего российского экспорта керосина и 60 процентов — смазочного масла, а перед началом Первой мировой войны — четверть всей добычи в мире.

С кончиной Людвига Нобеля в 1888 г. дело унаследовал его сын Эммануил (Эммануэль, 1859—1932), который не обладал изобретательскими талантами прежних поколений рода Нобелей, но зато был весьма одаренным администратором и финансистом. Машиностроительным заводом управлял младший брат Эммануила — Карл до самой своей смерти (в 1893 г.), после чего вся империя Нобелей оказалась в руках Эммануила.

Людвиг и Роберт довольно быстро поняли, что надо найти практичный и выгодный способ транспортировки нефти на большие расстояния. Людвиг начал делать чертеж судна для перевозки нефти без тары, но ни одну российскую верфь это не заинтересовало. Тогда Людвиг обратился к фирме «Линдхольмен — Мутала» в Норчёпинге, где он совместно с инженером Свенем Альмквистом спроектировал первый в мире нефтеналивной танкер. Судно было готово в 1878 г. Его назвали «Зороастр» — по имени бога огнепоклонников, которому поклонялись как раз в окрестностях Баку, где земля была настолько пропитана нефтью и настолько легко воспламенялась, что достаточно было поднести к ней огонь, как вспыхивало пламя. Храм огнепоклонников в Сураханах стал символом деятельности нефтяной компании. К юбилею Нобеля в 1906 г., когда праздновали добычу миллиардной тонны сырой нефти, фирма заказала Фаберже колоссальные настольные часы из красного и серого гранита, изображающие храм Зороастра. За последующие десять лет было построено еще 15 танкеров, получивших названия «Будда», «Моисей», «Брахма», «Магомет», «Сократ», «Коран», «Дарвин», «Линней», «Норденшёльд», свидетельствующие о многонациональном характере деятельности компании.

В 1890-е гг. деятельность машиностроительного завода расширилась — в существенной мере за счет производства дизелей. Теперь уже на дизельных двигателях ходили не только собственные танкеры Нобеля, но также суда российского флота, на дизелях действовали насосные станции и мастерские — «Машиностроительный завод «Людвиг Нобель»» в те времена был крупнейшим в мире производителем дизельных двигателей. Нобели приступили, кроме того, к изготовлению котлов центрального масляного отопления; то был новый способ отопления, начавший успешно распространяться в России. Деятельность расширялась также вследствие того, что другие основанные в России шведские предприятия стремились в собственных интересах использовать доброе имя Нобеля. К таким предприятиям относилось а/о «Сепаратор», которое для сбыта в России молочных сепараторов создало совместное с нобелевскими особое товарищество под названием «Альфа — Нобель» с главной конторой в Петербурге.

Нобель: школы, научные исследования и благотворительность

Основы деятельности семьи Нобелей в России заложил Эммануил Нобель, но первым, кто начал играть активную роль в российской общественной и экономической жизни, стал его сын Людвиг; с ним и его поколением представители семьи Нобелей перестали быть шведами-иммигрантами, превратившись в российскую династию промышленников, хотя и сохранявшую прочные связи со Швецией.

Людвиг Нобель с самого начала проявил способности к анализу не только собственных предпринимательских проблем, но и общих вопросов, стоявших перед Россией в условиях начального этапа индустриализации. Быстро осознав значение взаимодействия науки с промышленностью, он активно поддерживал идею основания Императорского Русского технического общества, которое и было

создано в 1866 г. Среди учредителей было всего два промышленника, одним из которых был Людвиг Нобель. Другие русские промышленники в Петербурге поначалу прохладно отнеслись к этому начинанию, однако постепенно и русские стали почитать за честь членство в Обществе.

Людвиг Нобель находился среди учредителей Общества не случайно. Еще в 1859 г. он в одной из своих статей представил шведскую «Железную контору» в качестве образца сотрудничества науки и промышленности. Он полагал, что «такое общество принесет России величайшую пользу», если организовать ремесленные училища и иные учебные заведения.

Одной из проблем, на которые указывал в своей статье Нобель, был именно недостаток квалифицированной рабочей силы: «Большая часть мастеров немцы, шведы и финляндцы», но «собственно русских не видать». Поэтому «освобождение труда... важнее, чем кажется с первого взгляда», так как «только из этого сословия (крестьянства. — *Б. Я.*) мы можем образовать дельных мастеров».

Другой проблемой на занимаемых русскими рабочими местах было пьянство, в котором многие видели корень всех зол. Но Людвиг Нобель, наоборот, считал причиной пьянства условия труда:

Позвольте мне... заступиться за русский народ в этом отношении... У меня замечательно трезвый народ. Я уверен, что в какой бы местности ни был бы расположен завод (особенно пьяных местностей нет), народ можно воспитать хорошо, если только работа представляется ему выгодной... В Петербурге я имею действительно примерных рабочих, но в течение трех лет я имею дело с заводами и в других местностях, и везде пьянство уменьшается. Много в этом содействовало то, что на заводе стали чаще выдавать заработную плату... Я думаю, что у нас не будет так много пьянства, если заводы будут иметь постоянную работу и будут в состоянии платить аккуратно.

Именно ясное понимание проблемы стояло за целеустремленной и для своего времени неслыханно дальновидной реформаторской работой в социальной сфере, работой,

С кончиной Людвиг
дело перешло к его сыновьям.
После безвременной смерти
Карла (он страдал диабетом)
в 1893 г. Эммануил стал
единоличным руководителем.
*Фотоархив Музейного ведомства
(Хельсинки)*

которую Людвиг Нобель проводил во всех отраслях деятельности своей компании. Улучшая условия труда рабочих и служащих, фирма Нобеля постепенно стала в этом отношении своего рода образцовой. На нижегородской ярмарке 1896 г. в третий раз было признано право фирмы украсить свое название императорским двуглавым орлом. Это отличие было предоставлено не только благодаря «превосходной и хорошо осуществляемой организации предприятия», «усовершенствованию правил сжигания нефти» и «чрезвычайно высокому качеству производимых машин», но и также благодаря «заботе и попечению предприятия о своих работниках».

Среди проведенных компанией Нобеля мероприятий было сокращение продолжительности рабочего дня с обычных 12–14 часов до 10,5–11. Были отменены униженные личные обыски отработавших смену людей. Значительная часть чистой прибыли отводилась на выплату премиальных служащим и квалифицированным рабочим.

Разумеется, за этими реформами стоял экономический расчет. Но нельзя отрицать, что отношение компании Нобелей к рабочей силе было для того времени необычайно прогрессивным. Как бы то ни было, вложенные средства компенсировались лояльностью работников: в революционные дни 1905 г., когда петербургские рабо-

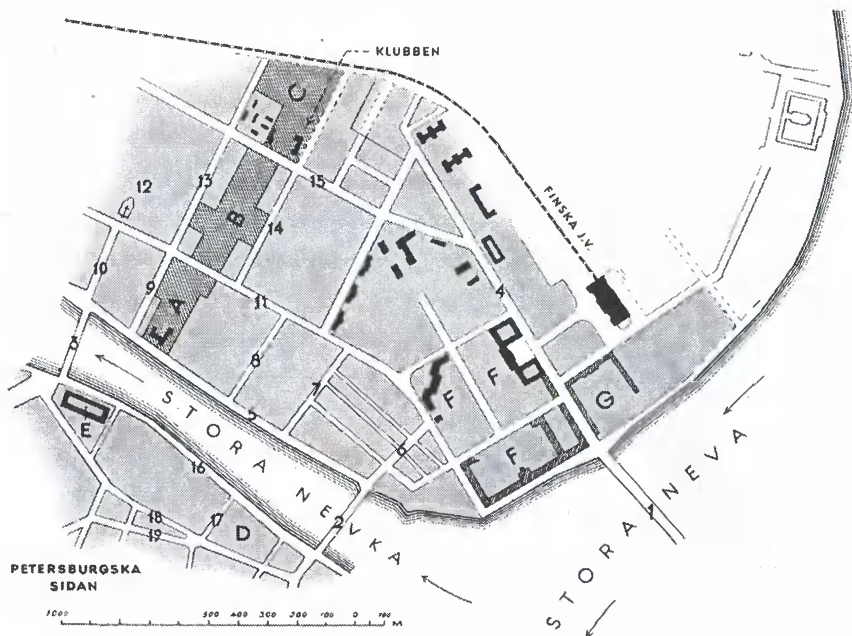
чие бастовали, заводы Нобеля, говорят, не останавливались ни на один день.

И при нефтяной компании в Баку, и при петербургском машиностроительном заводе для рабочих и служащих учреждались школы, больницы, библиотеки, строились жилые дома: в Баку свыше 90 процентов работавших у Нобелей жили либо в собственных квартирах, либо в хорошо обустроенных рабочих поселках — так называемых казармах — с большими комнатами, фонтанами и вымощенными улицами. На заводской территории в Петербурге возводились жилые дома с центральным отоплением, ваннами и другими современными удобствами; в этих домах жили служащие и инженеры, а также некоторые члены семьи Нобелей.

Павильон Нобелей на Нижегородской промышленной выставке 1896 г. — деревянная модель ханского дворца в Баку, сооружение которой обошлось в 200 000 рублей. Выставку посетила, в частности, императорская чета, которая здесь показана покидающей павильон. За императорской четой виден Эммануил Нобель, прикрывающий лицо рукой. На этой ярмарке «Братья Нобель» в третий раз были удостоены чести помешать при названии фирмы двуглавого орла.

VIBORGSKA SIDAN 1917

ВЫБОРГСКАЯ СТОРОНА:

1. Сампсониевская набережная
2. Сампсониевский собор, один из старейших храмов города
3. Большой Сампсониевский проспект
4. Батальонный переулок
5. Нейшлотская улица
6. Выборгская улица
7. Ништадтская улица (ныне Лесной проспект)

А — В. Машиностроительный завод «Людвиг Нобель»

С. «Народный дом Эммануила Нобея» («Клуб») и парк

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТОРОНА

8. Петербургская набережная
9. На пересечении Петербургской набережной и переулка Фокина стоял дом Иммануила Нобея, где выросли дети Людвиг, Роберт и Альфред

Д. Квартал, в котором располагался завод Нобея

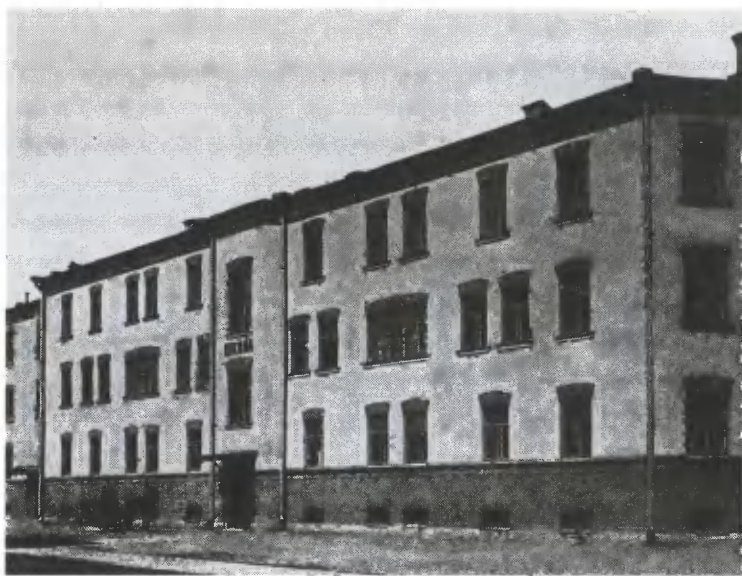
В отношении обучения служащих и рабочих а/о «Братья Нобель» заняло ведущие позиции, прежде всего в Петербурге. На обширном участке к востоку от заводского комплекса между Сампсониевским проспектом и Ништадтской улицей в 1901 г. для детей работников фирмы была выстроена школа, находившаяся в ведении Технического общества и включенная в общероссийскую школьную систему. В школе в 1912 г. было 192 ученика. Среди учителей были, в частности, сестра Эммануила Нобеля — Марта и ее муж Георгий Олейников, оба врачи.

Марта Нобель на собственные средства организовала в Выборгском уезде летний лагерь школьников, где на протяжении нескольких недель могли отдыхать и лечиться страдавшие хроническими заболеваниями или просто ослабленные дети работников машиностроительного завода.

Особое место в деятельности Нобелей в сфере народного образования принадлежит их «Народному дому», расположенному по соседству со школой и открытому в 1901 г. В этом здании размещались два просторных зала, один из которых имел сцену и амфитеатр, насчитывавшую около трех тысяч томов библиотеку (в нее были записаны по меньшей мере семьсот читателей), а также туалеты и т. д.

Здесь читались научно-популярные лекции по русской истории, на естественно-научные, технические и другие темы. По замыслу строителей, домом должны были пользоваться в образовательных целях служащие, инженеры и рабочие машиностроительного завода и их семьи. Но властям везде мерещились тайные враги, и в связи с политическими волнениями начала XX столетия «Народный дом» стал превращаться в частный клуб; его обычно называли именно «Клубом Нобелей» — просто-напросто не желали конфликтов с властями. То изобилие, которым отличались вечеринки Эммануила в «клубе», мало соответствовало, как пишет его сестра Марта, «прекрасной идее, положенной в основу названия “Народный дом”».

В годы Первой мировой войны клуб все же вернул себе часть задуманных гуманитарных функций, когда на средства семьи Нобелей в нем был устроен лазарет для раненых офицеров. Здесь имелись места для 150 пациентов, распо-

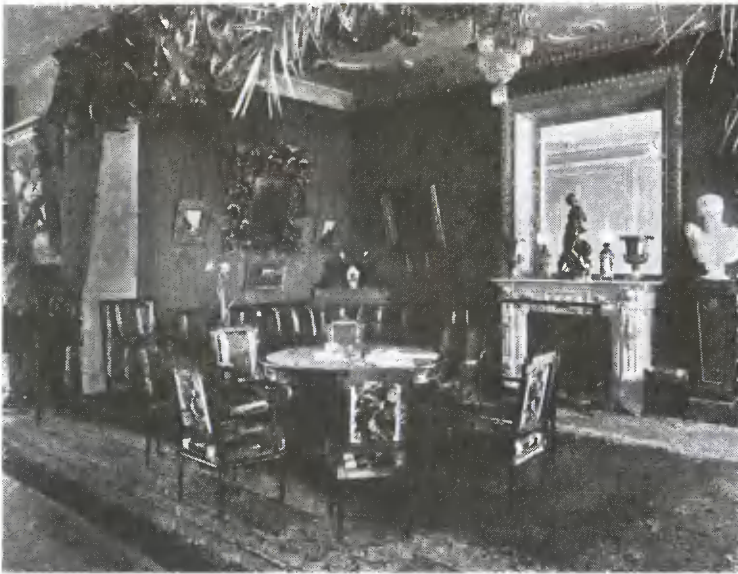

Школа машиностроительного завода «Людвиг Нобель», построенная в 1901 г. В ней в 1912 г. было почти 200 учеников.

ложенные в обоих залах и в библиотеке, а меньшие помещения были обращены в операционную, рентгеновскую, перевязочную и т. д.

Людвиг Нобель щедро содействовал развитию российской промышленности и науки, и признание не заставило себя ждать: в 1880 г. за труды и пожертвования в школы Технического общества он удостоился благодарности высокого его покровителя великого князя Константина Николаевича. В 1884 г. Людвиг был избран почетным членом постоянной комиссии Общества по техническому образованию, а Высший Технический институт удостоил его «звания инженера в области техники», что было весьма редким отличием.

Сын Эммануил пошел по стопам отца не только как руководитель промышленных предприятий и общественный деятель, но и как член нескольких объединений, в частности Общества поощрения промышленно-

Интерьер дома Нобелей, в котором гостили Свен Хедин, Сельма Лагерлёф и другие известные шведы. После революции 1917 г. дом был переоборудован в клубное помещение для работников машиностроительного завода «Русский дизель», и ныне не сохранилось ничего ни от прежней роскоши, ни от первоначальной планировки.

сти и торговли. Помимо этого он занимал пост советника при Министерстве торговли и промышленности, в 1911 г. был назначен вице-председателем Совета купцов и промышленников, а в 1914 г. — вице-председателем представительства на севере России и Прибалтике по горнодобывающей, металлургической и машиностроительной промышленности.

Эммануил как глава семьи продолжал делать взносы на исследовательские и благотворительные цели. Организациями, которые на протяжении многих лет получали поддержку этой семьи, были Институт экспериментальной медицины, Общество содействия нравственному, умственному и физическому воспитанию молодых людей (союз «Маяк»), Коммерческое училище имени императора Николая II, «Скандинавское благотворительное обще-

ство», петербургский Дом призрения и ремесленного образования бедных детей, Первое женское ремесленное училище и Общество содействия обучения ремеслу.

Интересы семьи Нобелей были направлены прежде всего на исследования в областях, связанных с их профессиональной деятельностью, — машиностроительной индустрией и нефтедобычей. Но они поддерживали также и другие научные области. Людвиг, в частности, на протяжении многих лет анонимно содействовал изучению вопроса о введении в России метрической системы мер, а Эммануил финансировал проводимые Оскаром Баклундом в Пулковской обсерватории исследования кометы Энке. Эммануил подарил обсерватории так называемый прибор Репсольда «для фотографического измерения звездного неба» и выделил 3000 рублей на расчеты орбиты кометы. Главным образом именно изучение кометы Энке и принесло Оскару Баклунду международную славу.

Как и его отец, Эммануил Нобель был оценен российским правительством. Уже в год кончины Людвиг император Александр III лично предложил Эммануилу перейти в российское подданство, на что тот, разумеется, согласился (в 1923 г., бежав в Швецию, он вновь обрел шведское подданство). На свое пятидесятилетие в 1909 г. он «за исключительные заслуги на благо науки и народного образования» особым декретом был произведен в чин действительного статского советника. К этому времени Эммануил Нобель пожертвовал сотни тысяч рублей на научные и благотворительные цели. С годами он получил несметное множество разных отличий и знаков милости. «Нельзя отрицать, что Эммануила это приятно трогало, — записала его сестра Марта. — То было его маленькой слабостью».

Другим членом семьи, отличившимся своими пожертвованиями на благотворительные и исследовательские цели, как раз и была дочь Людвиг и единокровная сестра Эммануила — Марта Нобель, в замужестве Олейникова. Она родилась в 1888 г., изучала медицину в петербургском Женском медицинском институте в 1902–1909 гг., в год окончания института была допущена к врачебной практике и несколько лет работала хирургом в Обуховской боль-

нице. В течение многих лет она также была врачом в приютах для девочек и мальчиков шведского прихода.

В 1912 г. Марта Людвиговна на собственные средства выстроила хирургическую клинику на 50 коек с поликлиникой, рентгеновским кабинетом и проч., которую подарила Женскому медицинскому институту, где работала врачом-рентгенологом. Другие члены семьи также сделали пожертвования клинике: Эдла Нобель подарила запас белья, Эммануил — железную ограду со стороны улицы, Рольф — лифт, Эмиль — никелированные кровати, а Ёста — оборудование для студенческой лаборатории.

Первая Нобелевская премия

Людвигу Нобелю принадлежало выдающееся положение в российском народном хозяйстве, и его смерть в 1888 г. была отмечена всей прессой страны.

В некрологах подчеркивались превосходные личные качества Людвиг Нобеля и тот факт, что, несмотря на свое шведское подданство, он прожил всю жизнь в России и отдал ей все свои физические и умственные силы. Он был отпет в церкви Св. Екатерины. Как сообщала пресса, «и лютеранские, и православные священники произнесли погребальные речи — на шведском и русском языках. Слова русского священника глубоко тронули множество пришедших на похороны людей». Русский язык впервые звучал в шведском храме, что «не оставило равнодушными большинство русских».

После смерти Людвиг Нобеля в его память было учреждено несколько стипендиальных фондов: при Горном и Технологическом институтах, Ремесленном училище цесаревича Николая Александровича, петербургской Коммерческой гимназии и бакинском реальном училище.

Правление нефтяной компании «Братья Нобель» приняло также решение учредить научную премию с медалью имени Людвиг Нобеля для автора самого лучшего труда в области техники или самого важного открытия либо изобретения за последние пять лет. Премия присуж-

далась советом Технического общества в день кончины Людвиг Нобеля — 31 марта. Первое присуждение состоялось в 1896 г., и потом премию присуждали еще дважды. В состав комитета по присуждению премии входили выдающиеся ученые, в частности Дмитрий Менделеев.

Иными словами, первую Нобелевскую премию учредил не Альфред Нобель, а его племянник Эммануил в память о своем отце. Это произошло при жизни Альфреда и, разумеется, с его ведома. Трудно определить, насколько премия в память Людвиг Нобеля повлияла на решение Альфреда, но влияние склонности семьи к жертвованиям несомненно; Альфред просто-напросто последовал старой семейной традиции.

После возвращения в Швецию Альфред Нобель, насколько известно, лишь однажды посетил Петербург — в марте 1883 г. Но он владел большим количеством акций нефтяной компании, и небезынтересно отметить, что русские нефтяные акции составляли наибольший частный пакет оставшихся после Альфреда Нобеля доходов — 7,5 из 33 миллионов. Иначе говоря, премия Альфреда Нобеля стала возможной в значительной мере благодаря деятельности семьи в России.

Швеция на русской почве

Семья Нобелей была выдающимся примером шведского предпринимательства в России, а ее петербургский дом — естественным местом встреч достопримечательных русских и шведов. Свен Хедин, который на пути в свои азиатские экспедиции или возвращаясь из них неоднократно был принимаем на аудиенциях у императора, часто гостил и в доме Нобелей на Выборгской стороне. Здесь, вспоминая, устраивались «пышные пиры, на которых встречались шведские, финские и русские инженеры и служащие, работавшие в Петербурге или направлявшиеся в Баку либо в какие-нибудь из бесчисленных складов и центров нефтяной торговли, разбросанных по всей Российской империи».

МАЛЕНЬКИЙ РАЙ В БАКУ

Во время совершенной осенью 1884 г. инспекционной поездки на нобелевские нефтеочистные предприятия Людвиг Нобель написал в Петербург два письма своей восемнадцатилетней дочери Анне — младшей сестре сына Эммануила. Первое датировано 24 сентября, отправлено из Царицына и описывает плавание по Волге.

Моя дорогая, милая Анна.

Когда меня что-то действительно радует, я всегда ощущаю потребность рассказать об этом кому-то, кто мне по-настоящему дорог, а посему сегодня я так хотел бы написать Тебе, мое любимое дитя.

Путешествие на сей раз доставляет мне много радостных дней с самыми приятными впечатлениями. Повсюду, куда бы ни приехал, меня встречают радостные и дружелюбные лица, и эти люди говорят, что довольны и счастливы тем, что работают в нашей компании. Наши крупные предприятия, стоившие мне столь многих лет усилий и забот и при налаживании которых довелось пережить весьма много огорчений и досадных обстоятельств, ныне завершены, и все действует так хорошо, что приносит нам удовлетворение и выгоду и пробуждает зависть в других. У всех наших работников хорошие, а у многих и нарядные жилища. Отсюда, моя милая Анна, Ты можешь заключить, что у меня есть повод быть удовлетворенным, коль скоро вижу, что сумел содействовать обеспечению мно-

Анна Нобель в 1884 г.
Общество семьи Нобелей

гих добросовестных и квалифицированных людей добрым заработком и приятным существованием.

Кроме того, мне радостно видеть также других, не состоящих у нас на службе, которые с уважением относятся и ко мне, и к моим работникам, из чего я могу сделать вывод, что наше предприятие пользуется всеобщим уважением и признанием благодаря его полезной и добросовестной деятельности.

Само путешествие проходит тоже весьма приятно... Мы имеем счастье плыть на самом большом и красивом из всех волжских пароходов: его ведет капитан Тигерстедт, слышущий лучшим капитаном на этой реке.

Сообщение о размерах судна в футах или аршинах не дало бы Тебе достаточно ясного представления о нем. Но вообрази, что ширина салона для пассажиров третьего класса равна длине нашего большого зала, а длина — 150 шагов. Судно трехэтажное: нижняя часть, или трюм, предназначена для грузов, выше расположены места пассажиров третьего класса, а на самом верху — огромные каюты первого и второго классов. Над всем этим возвышается рубка капитана и рулевых. У руля стоят шесть человек, четверо из которых полностью заняты при больших рулевых колесах.

Первый класс оборудован чрезвычайно роскошно и с превосходным комфортом. Все освещается электрическими лампами Эдисона, точно такими, какие мы дома приобрели на пробу для нашего зала и решили осуществить мою выдумку насчет того, чтобы разместить лампы в гардинных кистях, — выдумку, впрочем, весьма глупую. Вообще же впечатление восхитительное, когда поворачиваешь выключатель, и каюта в мгновение ока освещается...

Судно идет очень скоро, несмотря на свою величину, и это не удивит Тебя, если скажу, что машина работает с такой мощностью, как если бы 1670 лошадей тянули изо всех своих сил, причем все с равным напряжением, чего, конечно, не заставит их делать ни один кучер на свете. Кроме того, лошади, не выдержав, довольно скоро устали бы. А здесь совершенно спокойно ходит, присматривая, один машинист, еще двое рабочих следят за несколькими кранами, из которых нефть течет в топку, и так судно ходко летит вперед...

Само собой разумеется, что здесь много любопытного для меня. Дом, в котором я живу, стоит на очень высоком берегу, и от него открывается замечательный вид на реку, по которой движется множество судов; многие из них принадлежат нашей компании, что и понятно, ведь мы вложили в здешнее дело столь большие суммы...

Твой Людвиг

Второе письмо написано из Вилла Петролеа — жилого квартала в нефтедобывающем районе Баку, оборудованного братьями Нобель для своих работников, и датировано месяцем позже — 21 октября.

Моя милая, милая Анна!

...Часто — наверное, Вы полагаете, что слишком часто для Вас речь заходит о Баку. Среди нас Баку — постоянная тема разговоров. Вам, конечно, известно, что здесь обычно очень жарко и что сильные песчаные бури весьма неприятны, а в промежутках между ними воздух насыщен густыми тучами дыма и неприятными испарениями дурно пахнущих масел. Но, кажется, мы не говорили о том, что часть года, то есть осенью и весной, стоит совершенно божественно прекрасная погода и здесь есть места, где не докучают ни дым, ни испарения со скверным запахом и где воздух всегда чистый и свежий.

Такова местность, где я построил маленький дачный поселок, назвав его Вилла Петролеа, и где поселены многие из наших служащих. Именно здесь я теперь живу с [сыновьями] Карлом и Яльмаром (Крюселлем. — *Б. Я.*) в доме, предназначенном для главного управляющего. Поскольку дом большой и господин Тёрнудд живет один, без семьи, то места нам достаточно. В других виллах живут несколько семей и много холостяков. Некоторых Ты знаешь — например, Рюдэна, Румана, Хольмстрёма, Ламберта.

В одном из больших домов расположен клуб, где вся колония почти до последнего человека собирается вечерами по средам и субботам, и там музицируют, танцуют и играют на бильярде. Возникла счастливая идея создать музыкальный ансамбль, настоящий оркестр, в котором теперь уже довольно много виртуозов. Оркестр состоит из пятнадцати духовых инструментов. Его руководителем и наставником является замечательный музыкант, на протяжении многих лет руководивший здешними флотскими музыкальными командами. За год наши любители достигли таких успехов, что получают большое признание, выступая с благотворительными концертами. Пишущие об оркестре газеты называют его нобелевским.

Разумеется, меня пригласили в клуб на концерт. К моему чествованию там царило праздничное настроение. Зазвучал Бьёрнеборг-

ский марш, меня усадили на стул и, подняв высоко в воздух, носили вокруг большого зала все время, пока марш игрался. Затем из большого кубка пили за мое здоровье и произносили речи, в которых благодарили меня за то, что подумал о создании для работников хороших условий жизни. Все это доставило мне особенную радость, ведь я действительно основательно потрудился, прежде чем сумел устроить все это, и видя теперь, что все удалось и что служащие обеспечены удобным и здоровым бытом и осознают, что я сделал это по доброй воле, в душе моей испытываю глубокое удовлетворение и считаю себя щедро вознагражденным за труды и заботы.

Клуб и оркестр оказывают весьма благотворное воздействие на всеобщее настроение в нашей колонии, ибо все работники охотно собираются здесь, избегая дурных компаний, с которыми вообще-то так легко связаться, если ищешь развлечений вне дома. Многие молодые господа подумывают о женитьбе, но, к сожалению, свободных квартир нет, а у нас нет денег на то, чтобы построить дома для всех, тем более что люди склонны претендовать на весьма многое.

Я закладывал этот поселок в надежде озеленить его, но, к сожалению, это не получилось из-за отсутствия воды. Все, что мы смогли сделать, это цветочные клумбы и маленький огород. Летом поля высыхают и выжигаются солнцем, а дождя там в это время года вовсе не бывает. Однако осенью, зимой и весной, напротив, дожди идут часто. Тогда там пышная зелень и воздух насыщен чарующими ароматами. Прошлой ночью прошел первый дождь, которого столь долго и с таким нетерпением ждали. Особенно благоприятно он сказался на астрах и левкоях, и они уже так гордо подняли свои сильные пучки. Я надеюсь, что к следующему году мы сможем лучше обеспечить водой, и тогда, при помощи Господа, осуществится моя мечта о зеленой Вилла Петролеа — маленьком рае в Баку.

Вид от Виллы на синее море и многочисленные горы, а также на просторную гавань очень красив. Он не безлюден, ибо экипажи и всадники постоянно следуют мимо. Но большой лист бумаги уже весь исписан, а как мало я еще успел сказать. Прими горячий привет от бесконечно любящего Тебя отца.

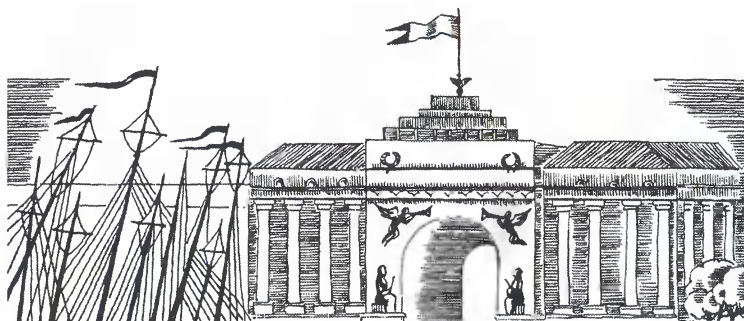
Людвиг

Размах трапез был «королевским», и «казалось, что находишься в маленькой Швеции на русской почве». Так же «по-королевски» была принята, в частности, Сельма Лагерлёф, гостившая у Нобелей в 1912 г. (см. главу «Визиты знаменитостей. Доктор Лагерлёф гостит у доктора Нобеля»). Другим прославленным шведом, которого чествовали в резиденции Нобелей, был Адольф Норденшёльд, в 1889 г. на судне «Вега» открывший Северо-Восточный проход; в 1880 г. в его честь был задан большой обед, для которого Людвиг Нобель заказал из Швеции тарелки с портретами самого Норденшёльда, Луи Паландера и меценатов Оскара Диксона и А. М. Сибирякова. По завершении обеда гости получили по тарелке в подарок.

Марта Нобель вспоминает, что «крупные деятели европейской культуры» редко гостили в их доме, а выдающихся политиков, пожалуй, не бывало вовсе. Нобели были семьей инженеров, их интересы ограничивались главным образом техническими и инженерно-научными вопросами, и окружение было соответствующим. О каком-либо салоне речь не шла. «Для этого, — пишет Марта Нобель, единственная в семье избравшая профессию вне инженерной деятельности и ставшая врачом, — недоставало важнейших условий: особого таланта, более глубокого знания языков, умственного полета, образования в широком смысле этого слова и... обаяния (*charme*)».

С

кандинавы,
северяне и шведы

Однажды в конце 1860-х гг. журналист Мориц Рубенсон, прогуливаясь по Невскому проспекту, на одном из больших «торговых дворцов» заметил маленькую вывеску со следующим текстом: «Здесь готовят шведскую домашнюю пищу». Кушанья, сообщает он, были «таковы, словно сидишь дома за накрытым столом». Приехавшая из Гётеборга хозяйка жила в Петербурге уже 30 лет.

То, что в российской столице можно было отведать шведской домашней кухни, неудивительно, если учесть, сколько шведов жило в Петербурге. На протяжении второй половины XVIII столетия численность членов прихода Св. Екатерины постоянно увеличивалась: в 1850 г. было 6162, а спустя 30 лет уже почти 7000 человек.

На этом фоне было вполне естественным, что северяне начали задумываться над объединениями в общества. Образчики имелись в гораздо более многочисленной немецкой общине. Около 1830 г. образовалось музыкальное общество «Petersburger deutscher Liedertafel» («Петербургское немецкое хоровое общество»), а в 1862-м была основана «Die Palme» («Пальма») — общество ремесленников, имевшее целью предоставить немецким подмастерьям и мастерам возможность «проводить вечера в доверительных и поучительных беседах», как выразился шведский путешественник К. М. Линдфорсс в 1872 г. Обществом руководили немецкие учителя и пасторы, которые, согласно Линдфорссу, «своими замечательными и заслуживающими уважения стараниями» вызвали «интерес и симпатию у всех петербуржцев».

Вдохновляющим примером для первоначально-го замысла создать скандинавское общество стала «Die Palme». Среди бумаг шведской дипломатической миссии в Петербурге, хранящихся в Государственном архиве Швеции, имеется рукописный проект устава «Шведско-норвежского и датского рабочего общества в С.-Петербурге», датированный 1871—1872 гг. Однако подобное общество так никогда и не возникло.

Когда спустя несколько лет было учреждено скандинавское объединение, это произошло по инициативе представителей другой социальной группы. Началось с того, что люди на протяжении нескольких лет собирались для празднования Рождества «по отечественным традициям». Тем самым была заложена основа формальному объединению, и в 1877 г. возникло «Скандинавское общество в С.-Петербурге».

Председателем Общества избрали Людвиг Нобеля. Правление состояло из высшего скандинавского — главным образом шведского — общества в российской столице. Среди членов правления выделялись, в частности, балетмейстер Христиан Петрович Иогансон, шведско-норвежский вице-консул Густав Микаэль Дамберг, профессор и «старший астроном» Магнус Нюрён, сын Людвиг Нобеля — Эммануил, портняжных дел мастер Николай Норденстрём и ювелир Александр Тилландер.

Поначалу Общество преследовало почти исключительно светские цели, но уже через год его название изменилось на «Скандинавское благотворительное общество в С.-Петербурге»: отныне его главной задачей становилась благотворительная деятельность. Устав Общества был переписан заново и одобрен властями в январе 1879 г. Единственным отмечаемым праздником с тех пор стало 17 апреля — день рождения Его императорского величества, когда устраивалось и ежегодное общее собрание.

По уставу Обществу надлежало «в меру своих доходов оказывать поддержку нуждающимся скандинавам, живущим в С.-Петербурге и его окрестностях». Но вскоре оказалось, что средств недостаточно. Поэтому, дабы получать больше денег и вместе с тем укреплять солидарность между соотечественниками и «соплеменниками», было решено впредь заняться выполнением обоих программных пунктов, то есть практиковать и общение, и благотворительность.

Ходатайствовавших о денежной помощи людей с годами становилось все больше — это были главным образом шведы и шведскоязычные финляндцы. Членов же Общества в первые годы насчитывалось около сорока человек, и их ежегодных отчислений на пожертвования не хватало «для смягчения нужды». Одним из средств экономии стало прекращение помощи финляндцам. Было сочтено, что финляндские граждане смогут без этого обойтись, поскольку в Петербурге имелись финские благотворительные общества, а швед, датчанин или норвежец, оказавшийся без средств к существованию столь далеко от дома, «обречен на нищету».

В формальном отношении это было верно: «Финское благотворительное общество», которое по преимуществу поддерживало финнов низших сословий, образовалось в 1883 г., а спустя два года были основаны «Финское общество трезвости» и еще одно общество такой же направленности — «Аiku» («Начало»). Однако с этической точки зрения решение было сомнительным, а кроме того, оказалось недостаточным. Для пополнения кассы Общества избранный в 1879 г. его председателем Магнус Нюрён прочитал несколько публичных лекций по астрономии. Доход был минимальным, однако покончить с подобной практикой устроителей вынудила не скудость сборов, а сложности, связанные с получением разрешения. В России любые собрания людей, в том числе преследующие цели народного образования или религиозные, воспринимались с подозрением, и на проведение всякой публичной лекции требовалось дозволение властей. Государство не напрасно носило свой меч.

Делались также попытки устраивать семейные вечера с танцами и «иными увеселениями», но и это не принесло сколько-нибудь ощутимых средств. Поэтому когда кронпринц Густав в 1892 г. посетил Общество и внес в его основной фонд 250 рублей, они явились для кассы Общества желанным подспорьем.

К экономическим проблемам добавились трудности иного рода: злоупотребления выделенными средствами. Например, рассказывали об одной женщине, которой «стенаниями и слезами» удалось заполучить пару рублей, чтобы потом в ближайшем кабаке выпить с веселой компанией сотоварищей за «Скандинавское благотворительное общество». Подобные случаи не были редкостью.

Борясь с бедностью, Общество в 1895 г. устроило приют на двенадцать «престарелых женщин» на Ординарной улице, 18. Из первых поселенных в этом доме двенадцати старушек одиннадцать были шведскими подданными, а одна норвежкой. Самая старшая, Каролина Руус, родилась в 1808 г., а самая младшая, Агате Юнгстрём, — в 1833-м. Женщины имели бесплатные жильё, еду и медицинскую помощь.

Общество вынашивало также планы организовать приют для мальчиков, однако достаточную для этого сумму собрать не удалось. Поэтому когда приход Св. Екатерины учредил собственный приют для мальчиков, было решено передать ему собранные средства на условии, что Общество будет располагать пятой частью мест в приюте.

Что касается второго пункта программы Общества — светской жизни, то его выполнение по естественным причинам осталось на втором плане. «Вид толпы, отмеченной печатью бедности», как констатировало правление, «не способствовал радости и настроению, ожидаемым от светского общения». Кроме того, малочисленность дам делала затруднительной организацию какого-либо иного занятия, помимо карточной игры. Поэтому раз в месяц устраивались так называемые семейные вечера, на которых специальный «увеселительный совет» должен

был заботиться о том, чтобы общение между людьми не заглохло.

Трудности с налаживанием светской жизни были связаны не только с отсутствием увеселительного таланта. В годовом отчете Общества за 1898—1899 гг. прямо сказано, что в Петербурге в отличие от других европейских столиц нет условий для деятельности таких обществ. Имелись в виду не только ограниченные возможности вечернего досуга, но и надзор властей, которые контролировали все виды организованной деятельности. Кроме того, по сравнению со скандинавскими колониями в других крупных городах — Берлине, Париже и Риме — петербургская страдала от «почти полного отсутствия людей искусства», а ведь всем известно, указывало правление, насколько сильного «животворного для совместной жизни фактора» члены общины вследствие этого лишены.

Помимо всего прочего, Общество не имело собственно помещения для собраний. Долго встречались в разных ресторанах — «Гранд-Отеле», «Метрополе», «Виктории», «Медведе» и других, а начиная с 1902 г. снимали верхний этаж в двухэтажном ресторане Лейнера на Невском проспекте, 18. Это помещение ежедневно находилось в распоряжении «членов Общества и проезжих скандинавов и финнов». Здесь имелись скандинавские газеты, журналы, адресные книги и проч.; общие собрания происходили субботними вечерами.

С годами все чаще в протоколах Общества подчеркивается важная социальная функция общения: оно прививает и чувство общности, и «любовь к отечеству», и корневые нити, «прочно связывающие людей со своей родиной», — это то, что обеспечивает человеку «самые здоровые жизненные соки». В отчете за первые 25 лет деятельности Общества сказано, что отношения между людьми разных национальностей добрые, и даже старейшие члены Общества не припомнят, чтобы «когда-нибудь прозвучало хотя бы единое слово с оттенком чего-то иного помимо выражения симпатий со стороны одной страны по адресу какой-либо из других».

Особое отношение к бедным финляндцам свидетельствовало, однако, о том, что с солидарностью между скандинавскими «соплеменниками» не все было в порядке. Расторжение в 1905 г. унии между Швецией и Норвегией подвергло эту солидарность новым испытаниям. Международное положение Швеции было неясным и уязвимым, и правительство ощущало необходимость в демонстрации твердой внешнеполитической линии и в улучшении отношений с Россией.

На общем собрании «Благотворительного общества» в 1906 г. обсуждались возможные последствия расторжения унии для его деятельности. После доклада Магнуса Нюрэна было принято решение о том, что Обществу надо продолжить свою деятельность на основе принципов, существовавших почти три десятилетия, — «тем более что эти принципы изначально исключали какое-либо вмешательство в политику». Магнус Нюрэн в разные годы с 1879 по 1907 г. был председателем в общей сложности 18 лет. Уход в отставку совпал с его семидесятилетием, когда он вышел на пенсию и вернулся в Швецию. Пост председателя тогда перешел к Эммануилу Нобелю, чей отец Людвиг некогда был первым председателем Общества.

На этом же собрании пастор Херман Каянус, который был убежденным шведоманом, предложил все-таки оказывать поддержку *шведскоязычным* финляндцам: финляндцы составляли треть членов Общества, а их ежегодные взносы — значительную часть его финансов. В 1906 г. Общество насчитывало 150 членов, из них шведов было 61, финляндцев 50, а остальная часть приходилась на датчан и норвежцев. Решение вопроса было отложено до общего собрания в будущем году, и оно постановило, что о помощи наличными деньгами финляндцам, насколько бы шведскоязычными они ни были, не может быть и речи.

Конфликт еще более обострился, когда правление предложило внести изменения в параграф устава о праве голо-

са. Предложение обосновывалось тем, что все важные решения должны приниматься большинством в две трети голосов всех *скандинавов*; иными словами, финляндцы в этом случае не могли участвовать в голосовании. Магнус Нюрен воззвал к здравому смыслу — ведь такое предложение было оскорбительным для финляндцев — и предупредил, что они выйдут из Общества. На это шведский генеральный консул К. В. Хагелин возразил, что финляндцы в будущем запросто могут получить большинство в Обществе и лучше будет, если они выйдут из него, пока сделать то же самое не окажутся вынужденными скандинавы.

Хагелин был хорошим промышленником, но, по крайней мере в данном случае, недостаточно искусным дипломатом. Он, правда, скоро пожалел о сказанном и письменно извинился. Но опасения Магнуса Нюрена оправдались: финляндцы вышли из состава Общества, как, впрочем, и некоторые шведы. В конце 1907 г. число его членов сократилось до 111 человек, из них лишь семеро были финляндцами.

Главный пастор Каянус, прилагавший все усилия для посредничества в этом конфликте, обвинил коренных шведов — членов Общества в том, что они своим «патриотизмом с кнутом» изгнали финляндцев, «которые и по своему языку, и по своей культуре были и остаются весьма близки доброй старой Швеции».

В Москве уже с 1890 г. существовало «Северное благотворительное общество». Происшедший в «Скандинавском благотворительном обществе» конфликт привел к образованию и в Петербурге весной 1907 г. «Северного общества». Его целью было оказывать благотворительную помощь нуждающимся «северного происхождения, *особенно финнам*» (курсив мой. — Б. Я.). Общество представляло прежде всего Финляндию, преимущественно шведскоязычную, и его правление сплошь состояло из живших в Петербурге видных финляндских шведов.

«Северное общество» взяло на себя издание адресной книги скандинавских подданных, которую с 1890 г. ежегодно публиковало «Скандинавское благотворительное общество»; с этого времени она называлась «Север-

ным календарем, со списком адресов и проч., издаваемым «Северным обществом в С.-Петербурге». Новое Общество имело свое помещение на втором этаже «французского ресторана» Альбера, стоявшего, впрочем, стена к стене с рестораном Лейнера, где находилось основное помещение «Скандинавского благотворительного общества». «Альбер», согласно газетным объявлениям, был «излюбленным местом шведов, финнов и вообще северян».

Нападки шведских «агитаторов» были направлены не только против финляндцев, но также против норвежцев и датчан. Но поскольку общий капитал и богадельня не могли быть разделены, атаки оказались безрезультатными, их сменили шаги в сторону примирения. Ведущим мирным посредником стал главный инженер Фридольф Альмквист, женатый на финляндке Агнес Идестам, — видная фигура в скандинавской колонии. Альмквист иронически констатировал, что политические раздоры между Швецией и Норвегией вовсе не обязательно должны повлечь за собой такое же расторжение унии в петербургском «Благотворительном обществе». Посреднические усилия мало-помалу принесли свои плоды, и скандинавы и финляндцы, говоря словами главного пастора Каянуса, «опять почувствовали себя уютно в обществе друг друга».

Несмотря на заверения Каянуса во вновь обретенном «уюте», финляндцы продолжали бойкотировать «Скандинавское благотворительное общество», и их доля среди его членов постоянно уменьшалась.

После состоявшегося в 1908 г. бракосочетания принца Вильгельма с Марией Павловной самые закоренелые шведские шовинисты приободрились; теперь они уже утверждали, что и церковь с участком, и здания принадлежат исключительно шведам; иные хотели даже покинуть приход Св. Екатерины и создать чисто шведский приход. Но поскольку жалованная грамота 1733 г. четко говорит о *шведско-финском* приходе, они ничего не добились. Все же к словам Каянуса об «уюте» надо относиться с известным скепсисом.

«Шведское общество»

Раскол в «Скандинавском благотворительном обществе» и в приходе привел к созданию не только «Северного общества», но еще и «Шведского». Некоторые коренные шведы, вышедшие из «Скандинавского общества» в связи с конфликтом, ощущали потребность вновь объединиться, и зимой 1910 г. было учреждено «Шведское общество в С.-Петербурге».

Создание «Шведского общества» явилось результатом не только противоречий в северной общине. За первые годы нового столетия, после того, как крупные шведские предприятия — «Л. М. Эриксон», «Альфа — Лаваль», АГА и «Болиндер» — обосновались в российской столице, численность шведских деловых людей и инженеров в Петербурге резко возросла.

Учредительное собрание состоялось в феврале 1910 г. В состав правления были избраны посланник Эдвард

Улица Церкви Св. Петра с немецкой кирхой на заднем плане. В доме справа располагалось «Шведское общество» — в угловой квартире на втором этаже (с выходящим на церковь балконом). В том же доме находился ресторан «Доминик».

Брендстрём (почетный президент), оптовик Альбин Херлицц (председатель), преподаватель физкультуры Георг Удён (вице-председатель), а также инженеры К. А. Кройц, К. Г. Линдблум и Харальд Халль. Чтобы подчеркнуть значимость события, королю Густаву V была отправлена приветственная телеграмма; монарх откликнулся «горячей благодарностью и пожеланиями успешной работы».

Одной из движущих сил в деле создания «Шведского общества» был генерал-лейтенант Эдвард Брендстрём, с 1906 г. пребывавший посланником в Петербурге. Брендстрём был известен как искусный дипломат и пламенный патриот, ставивший интересы Швеции превыше всего.

Кафе-ресторан «Доминик» на Невском проспекте, 24, имело «семейный зал и маленькие комнаты» с входом от поперечной Невскому улице Церкви Св. Петра, которая выходила на немецкую церковь. Здесь можно было получить шведский ужин с горячим блюдом за 1 рубль 25 копеек, заказать полнос с бутербродами и рюмкой водки, поесть шведских блинов с вареньем, выпить шведского пунша и ликеров и почитать шведские, датские и норвежские газеты. Владельцем заведения на рубеже веков был Ханс Петер Хансен.

Внешнеполитическое положение Швеции после расторжения в 1905 г. унии было, как уже говорилось, не вполне ясным, и во время, когда освободительная борьба Финляндии становилась все более раздражающей для российских властей, Брендстрём хотел подчеркнуть, что в этом вопросе Швеция занимает нейтральную позицию. Одним из способов осуществить это было объединение коренных шведов в Петербурге.

Чтобы создать в России общество, следовало заручиться дозволением полиции и представить проект устава. Брендстрём в своем прошении подчеркнул, что главной целью Общества является создание места, где шведы могли бы встречаться для «distractions inoffensives», то есть для «безобидного времяпрепровождения». Это свидетельствует о подозрительном отношении российских властей ко всем видам общественной деятельности.

Первое официальное собрание «Шведского общества» состоялось в ресторане «Палкин» 28 апреля 1910 г. Изначальное число его членов было всего 79 человек, но к концу года оно удвоилось.

Если «Скандинавское благотворительное общество» занималось главным образом благотворительностью, а развлечения отодвинулись на второй план, то в «Шведском обществе» дело обстояло скорее наоборот. Один журналист из Гельсингфорса описал «шведский клуб» (так в обиходе называли это объединение) как очень «оживленное» общество, почти «увеселительный клуб».

Согласно первому параграфу устава, целью Общества являлось создание «связующего звена между жившими в Петербурге и Петербургской губернии *шведскими подданными* (курсив мой. — Б. Я.), чтобы содействовать сохранению у них родного языка, советами и разъяснениями помогать приезжающим сюда и поддерживать обитающих здесь нуждающихся соотечественников». Членами Общества могли избираться «обладающие доброй репутацией как шведские подданные, так и шведы и шведки по происхождению». Члены Общества вносили ежегодный взнос, а постоянные члены одноразовый в 150 рублей. Главы предприятий могли стать членами Общества с усло-

вием выплаты не менее 100 рублей ежегодно; в этом случае они обладали также правом приглашать в Общество из Швеции своих представителей «для получения советов и разъяснений».

«Шведское общество» было «оживленным» отечественным объединением, и ежегодные празднества и иные «увеселения» составляли, как мы увидим, важную часть его деятельности. Однако его членами были по преимуществу деловые люди, и Общество ставило перед собой прежде всего практическую цель: обеспечение связей между шведскими коммерсантами и российскими деловыми кругами. С этой целью планировалось создать в Петербурге шведскую торговую палату. Реализация этого проекта была отложена из-за начала войны, но в 1915 г. в рамках Общества был образован коммерческий комитет, получивший финансовую помощь от шведского парламента.

Война создала на российском рынке совершенно новую ситуацию — главным образом потому, что были запрещены немецкие предприятия, и много шведских и других иностранных «конъюнктурных» фирм выросли, согласно газетному репортажу, как «ядовитые грибы на свободной петроградской почве». В задачи коммерческого комитета входил, в частности, надзор за предпринимателями и, при необходимости, принятие мер против них. Отзвук этой проблемы нашел отражение в годовом отчете церковного совета за 1916 г., в котором «с тяжелым сердцем» констатируется, что многие прихожане из «состоятельных классов» все больше занимаются спекуляцией.

При создании «Шведского общества» вопрос о помещении был одним из первых пунктов в повестке дня. «Скандинавскому благотворительному обществу», как выше упоминалось, приходилось собираться в ресторанах. «Шведское общество» решило арендовать помещение. Нашли подходящую квартиру в доме немецкого прихода на Невском проспекте, 24, заказали в Стокгольме мебель, и в апреле 1911 г. помещение Общества уже открылось.

Прочая обстановка сложилась главным образом из подарков. Генеральный консул Эмиль Хейльборн с женой — оба страстные медвежатники — подарили ковер

«Россия, — писала стокгольмская газета “Свенска Дагбладет” от 2 июня 1911 г., — страна медведей, но редко можно услышать, чтобы какие-либо русские дамы участвовали в этой действительно опасной охоте, а вот то, что одна шведская дама собственноручно уложила мишку, надобно счесть событием по нашим временам выдающимся. Лишь одна наша соотечественница, знаменитая Кристина Нильсон, при последнем своем посещении... участвовала в начале 80-х годов на специально в ее честь организованной охоте на медведя и застрелила зверя, потревожив его зимнюю спячку. Супруга генерального консула Хейльборна — второй Нимврод в женском обличье, жертвами уверенных выстрелов которой стали даже не один, а два могучих медведя. И это именно те два экземпляра, которые ныне украшают наш дом (то есть «Шведское общество». — Б. Я.). Один из них — стоящее на задних лапах чучело, держащее в своих могучих лапах поднос с папиросами. На него стоит взглянуть, ибо любой, даже рослый человек ему только по плечо».

Архив Эмиля Хейльбона-младшего

из медвежьей шкуры и чучело медведя, которого уложила госпожа Мария Хейльборн.

Сам генеральный консул потратился на более патристический подарок, купленный на аукционе, где продавались вещи русского миллионера, — большую доску из позолоченной бронзы со следующей надписью по-русски: «Его Королевское Величество Король Швеции и Норвегии ОСКАР соблаговолил своим посещением оказать честь особняку Громова и провел вечер с его семьей с 9 до 12 часов 5/17 июля 1875 г.». Доска висела в Обществе на почетном месте.

Кухонную плиту от Болиндера подарил господин Адольф Челльгрэн, журнал «Jugend» («Молодость») за 1911 г. — госпожа Нелли Вагнер, шведский флаг с флаштокком — господин Вальфрид Вагнер, а гардины — консульша Франкенфельдт. В «Памятном списке для меценатов», опубликованном в годовом отчете Общества, приведены названия других нужных предметов: обеденный сервиз, ножи, вилки и стаканы на 50 персон, пианино, почтовые ящики на парадную и кухонную двери, фарфоровая табличка на входную дверь с улицы, прибор для письменного стола и проч.

Среди пожертвованных денежных сумм следует отметить 300 рублей от Иды Лидваль и 1000 рублей от Эммануила Нобеля; прочие вклады находятся в пределах от 15 до 50 рублей. Крупнейшим же дарителем являлся Эммануил Нобель, который был избран почетным членом Общества за щедрость и «в знак восхищения его огромной деятельностью в сфере промышленного производства, свидетельствующей об истинно шведских энергичности и работоспособности». Действительный советник Нобель, как и его мачеха Эдла и братья Рольф и Людвиг-младший, были пожизненными членами Общества. Среди других пожизненных членов отмечались К. В. Хагелин и директор мебельного магазина «Нордиска компаниет» Юсеф Сакс из Стокгольма.

Спустя всего несколько дней после открытия «собственного дома» правление добилось разрешения продавать пиво и вина, и вскоре члены Общества уже могли в своем

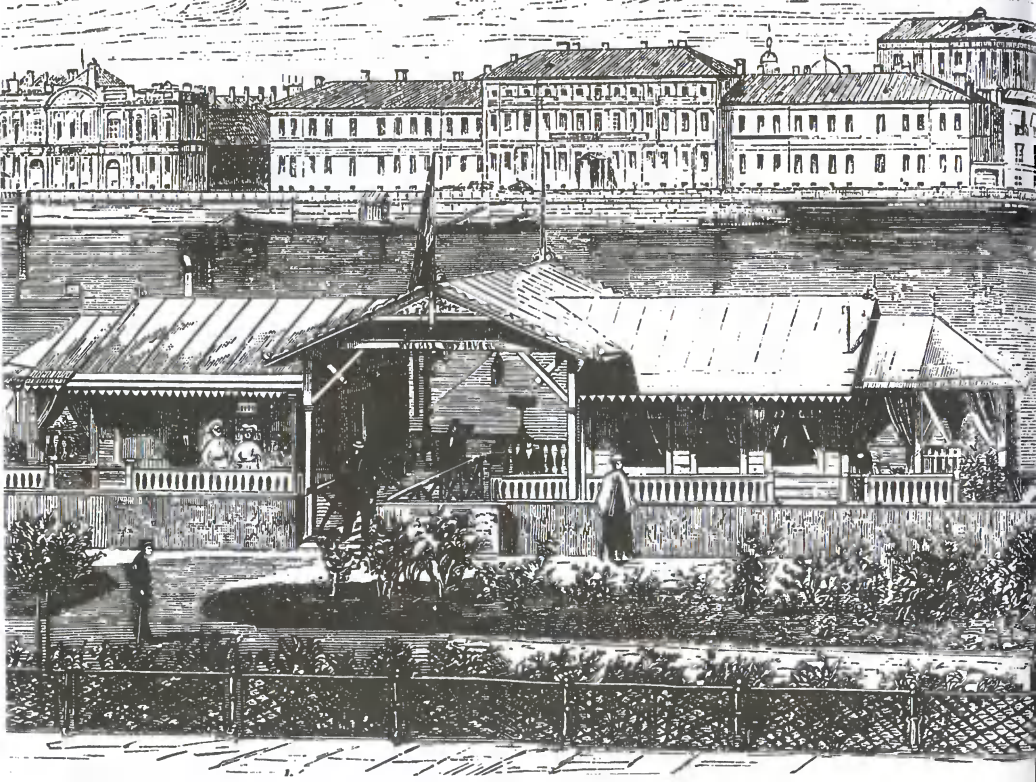
помещении вкушать завтрак, обед и ужин по умеренным ценам. Доходы от маленького стола не только покрывали издержки на него, но и давали небольшой излишек, за что в значительной степени Общество должно было быть благодарно «необыкновенно энергичной и деловой» экономке фрёкен Карин Хаглунд.

Разрешение властей требовалось не только на продажу в розлив алкогольных напитков, но и на все виды деятельности Общества, не исключая и такого, казалось бы, безобидного времяпрепровождения, как игра в карты. Желание членов Общества играть в карты вынудило правление в апреле 1911 г. еще раз обратиться к шефу полиции. Ходатайство было удовлетворено после долгих переговоров и после того как власти сочинили «тщательные предписания относительно карточной игры».

Чада Швеции на востоке

Ежегодный праздник «Шведского общества» всегда отмечался в день гибели короля Густава II Адольфа — 6 ноября. То был великий для Общества день, когда патристическое красноречие лилось столь же обильно, как и пунш. Первый праздник, отмечавшийся в отеле «Регина» в 1910 г., был самым грандиозным и многолюдным — присутствовало 300—400 гостей. Торжество началось со вступительного слова усерднейшего стихотворца инженера Харальда Халля, который продекламировал свой «Пролог к открытию бюста Густава II Адольфа»:

Нам никогда не забыть дней Густава Адольфа!
Нет страны, способной сравниться с его страной!
Его жизненный путь столь удивителен,
Он был благочестивым слугой Господа,
Величайшим шведским королем.
Его светлый облик дорог шведскому сердцу,
Его чистый щит сияет в храме чести!
Его королевские деяния остались в мировой истории!
Его благородная давняя гибель дарует нам

На Английской набережной неподалеку от Зимнего дворца нас встречает, пишет в 1879 г. корреспондент одного шведского журнала, подписавшийся инициалами Н. W., «зеркало Невы, и дабы сильнее насладиться его зрелищем, мы поднимаемся на стоящий на якоре за гранитной стеной понтон, на котором построена крытая ресторация, а к ней пришвартованы маленькие паровые суда...». Ресторация, которая, впрочем, превосходно удовлетворила «телесные потребности» путешественника, принадлежала финляндцу по фамилии Вильман и посему в народе именовалась «Вильманстранд» — это шведское название финского города Лаппенранта.

Петербуржской достопримечательностью, исчезнувшей с развитием рельсовых транспортных средств и строительством новых мостов через Неву, были перевозки на малых судах, связывавшие острова Невской дельты точно так же, как венецианские пароходики обеспечивают сообщение между островами лагуны. Этот дешевый и эффективный способ сообщения контролировался «Финским акционерным обществом паровых катеров», основанным в 1873 г. майором Рафаэлем фон Хартманом. Первый катер — «Первый» — ходил по маршруту «Финляндский вокзал — Васильевский остров». На рубеже веков акционерное общество имело целых 80 судов, курсировавших по большинству водных артерий города, включая каналы.

Большинство персонала было приглашено из Финляндии, и шведо-ман фон Хартман требовал, чтобы работавшие на его судах люди говорили по-шведски; финский язык был под запретом. Посетивший Петербург журналист с удивлением констатировал, что экипажи паровых катеров в российской столице состоят из шведскоговорящих финляндцев, «которые знают также несколько финских слов». И язык команд был шведским до 1889 г., когда власти распорядились, чтобы экипажи говорили по-русски.

«Финское акционерное общество паровых катеров» было лишь одним примером того огромного значения, какое имело для финской экономики включение Финляндии в состав Российской империи. В частности, железную дорогу между Гельсингфорсом и имперской столицей контролировало финское государственное железнодорожное ведомство, которое владело и Финляндским вокзалом, возможно, наиболее известным тем, что сюда в апреле 1917 г. прибыл Владимир Ленин, чтобы переставить историю России на новые рельсы.

Мысли о вечном во все времена.
Мы, чада родной Швеции на востоке,
Собравшиеся из многих разбросанных по стране жилищ,
Мы хотим сейчас по старому северному обычаю
Забуть о суете буден и в покое
Пировать в этот ноябрьский вечер.
Мы привели сюда наших детей, сии малыши
Впервые празднуют этот день памяти.
Взгляните на образ героя! В маленьких чистых сердцах
Навсегда отпечатаются благородные черты.
Благословенна его память.

После этого впечатляющего вступления облаченная валькирией госпожа Брендстрём возложила лавровый венок к бюсту короля под звуки «Слушай нас, Свеа». Председатель Общества произнес торжественную речь, а почетный президент Брендстрём провозгласил тост за Общество. Кульминацией праздника стала поставленная членами Общества драма «При Брейтенфельде», автором которой был поэт и член Шведской академии К. А. Мелин; спектакль сопровождался большой живой картиной, изображающей нахождение тела короля Густава II Адольфа наутро после битвы при Лютцене. После исполнения национального гимна, который спели «с большим воодушевлением», танцевали народные танцы — одним из лучших стала, согласно сообщению шведской газеты, полька, исполненная госпожой Бремер и руководителем «Северного бюро путешествий» господином Торнквистом. После того как детей отослали домой, состоялся ужин, затем были поданы кофе и пунш, и танцевали до самого рассвета.

Приблизительно так из года в год проходили празднества. «Шведскость» и чувство сопричастности к Отечеству были главнейшими идеями «чад Швеции на востоке» и основами их самосознания. Символика была сильно окрашена мифами из эпохи викингов и шведского великодержавия XVII в. Так, например, обложку отчета за 1910 г. украшало изображение корабля викингов. На обложке отчета за следующий год был помещен «рунический лев» —

пирейский мраморный лев, охраняющий Арсенал в Венеции и покрытый руническими письменами, вероятно, высеченными каким-то варягом в начале XI в.

Ту же идеологическую цель — «сохранение “шведскости”, сплочение колонии» — имели рождественские праздники (см. главу «Вот и опять пришло Рождество...»), трапезы с поглощением традиционных блюд, например раков и гусей. Особенной вечеринкой был устраиваемый для пополнения кассы Общества файв-о-клок с чаепитием, спрятанными маленькими подарками, лотереей и танцами. Подарки собирались и продавались или разыгрывались. Строились также планы создать квартет Общества, но от них пришлось отказаться за неимением «профессионально подготовленных певцов».

Как говорилось выше, благотворительность в «Шведском обществе» не играла первостепенной роли, как в «Скандинавском благотворительном обществе». Однако кое-какая деятельность в этом направлении велась. В 1913 г. состоявшие в «Шведском обществе» женщины организовали общество «Муравейник» с намерением оказывать помощь живущим в Петербурге неимущим соотечественникам. Детям бедняков раздавали зимнюю и летнюю одежду, а самые нуждающиеся получали поддержку деньгами, чтобы они могли посещать школу при шведской церкви.

Одной из наиболее активных благотворительниц была дочь посланника Брендстрёма Эльза, она сама объезжала нуждающиеся семьи с едой, деньгами и одеждой. Многие петербургские бедняки жили невообразимо скудно. Ее подруга Эльза Бьёркман-Гольдшмидт сообщает, что Эльза Брендстрём в одну из таких поездок оказалась у старушки-шведки, жившей в совершенной нищете: «Петербургцы жили в тесноте, и было вполне обычным делом, что несколько семей ютились в одной комнате. В таких случаях комната просто-напросто делилась, насколько это удавалось, на клетки. Больше всего предпочитали, конечно, те части комнаты, в которых имелся угол или хотя бы стена. Хуже других приходилось тем, кто жил в средних клетках». В такой клетке и провела старушка-шведка свою

жизнь — «она жила в девятой клетке, где не было даже стены, к которой она могла бы приставить кровать».

Начиная с 1912 г. бедных шведских детей стали отправлять в Швецию для совершенствования в родном языке и чтобы они, «рано познакомясь с землей Отечества, крепко к ней привязались».

Этим проектом руководила Эльза Брендстрём, которая сама сопровождала колонистов в поездках на родину. Дети жили у крестьян, заводских рабочих, пасторов, учителей и врачей. «Шведское общество» оплачивало эти поездки, а хозяева в Швеции селили у себя детей бесплатно.

Война и милосердие

В 1914 г. в Швецию были отправлены 16 детей, а в следующем этому помешала война, разразившаяся летом 1914 г. и приведшая к возникновению нового вида благотворительной деятельности. Когда были собраны деньги, в частности у представителей шведских торговых предприятий, 2 сентября, то есть всего через месяц после начала войны, на Сергиевской улице, 26, рядом со шведской миссией открылся лазарет для раненых солдат. За первые два года этот госпиталь принял 185 пациентов, в том числе русских инвалидов войны, которые через Швецию возвращались домой из Германии.

Эльза Брендстрём и Этель фон Хейденстам (жена легационного советника в шведском посольстве), как и многие молодые дамы из российского высшего общества, пошли на курсы по уходу за больными и получили удостоверение сестер милосердия с правом ношения формы Св. Георгия. Однако их работа в шведском лазарете продолжалась всего год: осенью 1915 г. они в качестве представителей Красного Креста отправились в Сибирь для работы среди военнопленных, за которую Эльзу Брендстрём стали называть «ангелом Сибири» и которая принесла ей всемирную славу.

Война внесла изменения в состав и характер «Шведского общества». Конторский служащий и писатель Густав-Отто

Адельборг, приехавший в Петербург в 1910 г., то есть в год создания Общества, рассказывает, что не имел никакого желания посещать его, поскольку оно несло на себе отпечаток высшего класса. Но когда возможности связей с родиной ухудшились, взаимоотношения между соотечественниками стали по естественным причинам менее принужденными. Например, чтобы быть уверенным в том, что письма дойдут, лучше всего было отправлять их через миссию, которую Адельборг в связи с этим впервые и посетил.

Постепенно Адельборг завязал контакты со «Шведским обществом», которое с годами стало «менее замкнутым в своем кругу». В него потоком пошли новые члены: молодые коммерсанты, инженеры, конторские служащие и — мало-помалу — студенты, работавшие в шведской так называемой миссии В, которая занималась вопросами помощи военнопленным (после вступления в 1917 г. в войну Соединенных Штатов Швеция защищала интересы Германии). Одним из этих молодых людей был будущий журналист Свен Ерринг, другим — Отто Г. Карлсунд, который вырос в Петербурге и в 1917 г. несколько месяцев работал переводчиком в Красном Кресте.

То, что теперь Общество обслуживало отчасти новую клиентуру, явствует из внесенного в 1916 г. Адельборгом предложения о создании библиотеки. По замыслу, ей надлежало «содействовать сохранению “шведскости” или, вернее, напоминать о Швеции и шведском языке, укреплять и развивать в людях осознание того, что такое шведский дух и каково его значение, о чем шведы мыслили и писали в стихах, насколько богат шведский язык, как на нем говорили, пели и призывали [к действию]». Для достижения поставленной цели библиотека должна была иметь шведскую художественную литературу, шведские переводы из литературы русской, путевые заметки и культурно-исторические описания России, а также шведские справочные издания, газеты и журналы.

Заинтересованность в поддержке библиотеки была очень большой. В качестве дара она получила многотомную энциклопедию «Nordisk familjebok» («Северная» или

«Скандинавская семейная книга»), довольно много книг предоставил издатель Бонниер. Кроме того, на собранные в короткий срок 500 рублей были куплены книги в шведско-финском магазине Роберта Эдгрена на Большой Конюшенной улице.

6 ноября 1917 г., в день гибели Густава-Адольфа, в «Шведском обществе» состоялось, как обычно, ежегодное празднество. На нем присутствовал Эдвард Брендстрём, и председатель Общества Эмиль Хейльборн произнес речь «За Швецию». Последний след деятельности Общества в Петербурге — объявление об общем собрании, намеченном на 8 часов вечера 30 ноября 1917 г., то есть через месяц после большевистского переворота. Состоялось собрание или нет, установить не удалось. Однако деятельность Общества не прекратилась с революционными событиями 1917 г. Как ни парадоксально, но его шведская история оказалась значительно продолжительнее русской.

Самой знаменитой шведской семьей в Петербурге на протяжении второй половины XIX в. и вплоть до революции 1917 г. была, без сомнения, семья Нобелей, занимавшая выдающееся положение в российской экономической жизни и в столичном обществе. Как уже говорилось, этого положения Нобели достигли благодаря не только своей деловой деятельности, но и вкладам в науку, благотворительность, жизнь различных объединений и т. д.

Положение Нобелей в общественной жизни отражало их роль в жизни шведской и всей северной колонии. Так, например, Людвиг Нобель был первым председателем «Скандинавского благотворительного общества», а его сын Эммануил — последним. Эммануил являлся, кроме того, почетным членом «Шведского общества», а его сестра Марта Нобель-Олейникова работала врачом в приютах при шведской школе. Своими щедрыми пожертвованиями семья Нобелей как никакая другая содействовала шведским интересам в Петербурге.

В нобелевский круг входили не только члены семьи, но и люди, занимавшие руководящие должности в фирме. Это прежде всего Карл Вильгельм Хагелин, который в 1879 г. начал работать слесарем в бакинской нефтяной компании и завершил свою карьеру ее директором и шведским генеральным консулом в Петербурге; норвежец Ханс Ульсен, женатый на сестре Эммануила Нобеля Мине, руководитель внутренней и внешней торговли нефтяной компании, а после расторжения шведско-норвежской унии первый генеральный консул Норвегии в 1906—1908 гг.; Антон Карлсунд, главный инженер машиностроительного завода и руководитель работ по созданию двигателя-

ля по чертежам Рудольфа Дизеля (см. главу «Предприниматели»). Все эти люди также активно участвовали в различных делах и объединениях скандинавской колонии.

Столпы шведской колонии

Помимо нобелевского круга были и другие личности, оказывавшие большое влияние на самосознание шведской колонии. Многие свидетельствовали о ключевой роли посланника генерал-лейтенанта Эдварда Брендстрёма, который дважды работал в шведской миссии в Петербурге: сначала в 1885–1891 гг. как военный атташе (тогда у него родилась дочь Эльза) и затем в 1906–1918 гг. как шведский посланник.

Брендстрём и его жена Анна обладали исключительным положением в жизни петербургского высшего общества. В доме шведского полномочного министра (посланника) бывали члены российского правительства, иностранные дипломаты, ученые и промышленники; кроме того, дом был естественным местом собраний для шведской колонии города и других шведов. Со смертью жены в 1913 г. многие представительские обязанности перешли к дочери Эльзе.

То было нелегкое время; напряженные отношения России и Финляндии, мировая война и революции заставляли посланника проявлять и дипломатическое искусство, и мужество, и инициативность. Эльза Бьёркман-Гольдшмидт приводит такой пример: когда в феврале 1917 г. брались штурмом тюрьмы, на свободу выходили не только обычные заключенные, но и военнопленные, которые были арестованы чаще всего без всяких оснований. Многие из них, оказавшись на свободе, пытались найти защиту в дипломатической миссии страны, представлявшей интересы Германии, где их принимали с большим радушием: «Генерал Брендстрём сам беседовал с каждым из них и предлагал и впредь оставаться в миссии в качестве его личных гостей при том условии, что он офи-

На фотографиях изображены два ведущих представителя нобелевского концерна в Петербурге и Баку.

Вверху Карл Вильгельм Хагелин (1860–1955). Он родился в Петербурге, где его отец служил у Иммануила Нобеля. После ликвидации завода Хагелин-старший стал машинистом на ходившем по Волге пароходе. К. В. Хагелин получил первоначальное образование в русских школах и затем как вольнослушатель учился в стокгольмской Высшей технической школе, которую окончил в 1885 г. По возвращении в Россию он стал работать в техническом отделе Нефтяного товарищества, вошел в состав его правления и спустя несколько лет стал его техническим руководителем по Волжскому округу. В 1891 г. он был назначен директором бакинского филиала компании. 1890-е гг. были хорошим временем для нефтяной промышленности, и Хагелин за счет компании приобрел большие земельные участки. В 1906 г. он был назначен шведским генеральным консулом в Петербурге — первым консулом после расторжения унии с Норвегией.

Внизу Ханс Ульсен (1859–1951). Он был родом из норвежского города Драммена и женился на дочери Людвиг Нобеля Мине. Ульсен молодым приехал в Петербург, где работал конторским служащим, пока в 1888 г. не основал собственную фирму. Некоторое время он был доверенным лицом Общего экспортного объединения Швеции, затем, в 1894 г., поступил работать в Нефтяное товарищество «Братья Нобель», где вскоре стал членом правления и руководителем ее торговой деятельности. В 1908 г. он покинул штатную должность в Нефтяной компании, но остался в правлении в качестве советника. В 1906–1908 гг. он был первым генеральным консулом Норвегии в Петербурге. Ульсен вошел в элиту нобелевской империи: «Эммануил, Ханс Ульсен и Хагелин хорошо сотрудничали друг с другом, — пишет Марта Нобель-Олейникова, — и заслуги в том, что «Братья Нобель» достигли в то время превосходных результатов, следует разделить поровну между ними и многими другими».

Ульсен был энтузиастом оздоровительного спорта. Он любил кататься под парусом на буере по льду Финского залива, и ему даже удалось убедить Эммануила Нобеля, не испытывавшего к спорту ни малейшего интереса, приобрести яхту для катания по льду. В своих неопубликованных мемуарах Ханс Ульсен пишет: «Поскольку я усердно занимался зимой и катанием на коньках, и бегом на лыжах, а также гимнастикой, а летом велосипедным и парусным спортом, греблей и плаванием, то мои шведские друзья прозвали меня «помешанным на спорте»».

циально уведомит российские власти о пребывании у него военнопленных и постарается законным порядком уладить их дела». Однажды Брендстрём сразу принял девятнадцать немцев (и еще многих шведов); последний гость покинул миссию спустя полтора года.

Отзывы о Брендстрёме — единодушно положительные, и когда «российские шведы» в 1920 г. в Стокгольме праздновали его семидесятилетие, дипломата особенно почтили за «мужественные дела в качестве представителя интересов Швеции в России, за надежную и заботливую поддержку шведов вне их родины в скверные и добрые времена и за горячее усердие, направленное на укрепление уважения к шведскому имени».

Сколько бы выдающимися ни были дипломаты, директора и инженеры, они, разумеется, составляли меньшинство шведской колонии; большинством же были рабочие и ремесленники. Изучение профессионального состава за 1896 г. родившихся в Швеции членов прихода показывает, что рабочие-металлисты (главным образом занятые на заводах Нобеля) были преобладавшей группой (45%), затем шли сапожники (11,5%), часовщики, инструментальщики и столяры (7%) и портные (6%).

Однако наиболее быстро растущей группой были на рубеже столетий инженеры и техники; о них и их женах нам известно больше всего, поскольку их быт отражается в переписке и мемуарах чаще, чем быт других. Подавляющее большинство прочих людей остаются безликой, анонимной массой, хотя мы и можем попытаться составить о них общее представление, перелистав ежегодно издававшиеся в Петербурге «Северные календари». Например, о Юхане Августе Аспенстрёме можно прочесть, что он пек хрустящие шведские хлебцы и жил в собственном доме на Малой Охте; о Юханне Русенквист, жившей на Невском проспекте, 120, квартира 10, — что она занималась шитьем корсетов, а ее муж был оценщиком; об Отто Сальстрёме — что он был кочегаром на паровозе; о сапожных дел мастерах Карле Стрёмквисте знаем, что он жил в Столярном переулке, 16, недалеко от квартиры Достоевского...

Чрезвычайным посланником и полномочным министром Швеции при Императорском российском дворе в 1906–1918 гг. был генерал-лейтенант Эдвард Брендстрём. На празднике «Шведского общества» 6 ноября 1914 г. посланнику был вручен портрет маслом кисти финляндского художника и капитана Хюго Бакманссона, который создал портреты многих членов северной колонии. Этот портрет висел в помещении клуба вплоть до революционных лет, когда деятельность Общества в России прекратилась.

Но что это были за люди? Кто были медник Франс Эмиль Сёдерблум, фрёкен Ольга Эберг и золотых дел мастер Исак Эстрём и его жена Элин, работавшая учительницей? Что побудило их уехать в Петербург и какова была их жизнь? И что произошло с ними в роковом 1917 году?

Наверное, мы никогда об этом не узнаем. Разыскания в архиве церкви Св. Екатерины могли бы дать нам несколько больше сведений — о том, когда они родились, когда переехали в Петербург и т. д., но едва ли еще что-нибудь существенное. Личности представителей привилегированных классов высвечиваются яснее, но, конечно, и их образы фрагментарны, количество фактов зависит от оставленных ими свидетельств.

Одним из «столпов» северной колонии, как его охарактеризовал газетный репортаж, был Фридольф Альмквист. По окончании Высшей технологической школы в Стокгольме он благодаря международным связям отца смог продолжить образование за границей и, находясь на оружейном заводе французского флота в Ле Крёзо, встретился с русскими военно-морскими инженерами, которые описали свою родную страну в таких красках, что Альмквисту захотелось попытаться счастья в России. «Я полагаю, — писал он в письме к отцу, — что было бы хорошо найти работу в молодой стране, где пока еще не много квалифицированных специалистов».

С середины 1880-х гг. Альмквист работал в Петербурге на металлургическом заводе Лесснера, который, как и Нобель, специализировался на производстве мин и торпед. Вскоре Альмквист возглавил военное производство и занимал эту должность до Первой мировой войны, когда ему как шведскому подданному стало трудно работать в российской военной промышленности. В 1916 г. он получил более «нейтральное» задание, однако продолжил работать на российскую оборону, организуя импорт военной техники из Англии и Швеции.

Ровесником Альмквиста был Эмиль Хейльборн, который, как и многие другие шведы, в конце XIX столетия приехал в Петербург делать карьеру. Хейльборн родился в Стокгольме в 1857 г., учился в Горном училище в горо-

H. M. Konungens af Sverige och Norge
Hofleverantör,

Fabriken „BARNÄNGEN”

rekommenderar sina med 11 prismedaljer
belönade fabrikat:

SKRIF- & KOPIE-BLÄCK,
Rödt & Blått BLÄCK,
AMYKOS ASEPTIN.

(Hud- & Mundvatten).

Kontor i **St Petersburg:**

Копенгвард. Бульв. № 11.

де Филипстаде и в стокгольмском Коммерческом училище. В 1878 г. он, молодой литейщик, отправился в Петербург, где получил работу на механическом заводе Нобеля.

После нескольких лет работы у Нобеля и в других мастерских Хейльборн на занятые деньги основал филиал фирмы Барнэнгена по производству чернил; эта деятельность, с годами расширившись, стала весьма прибыльной и в конце концов перешла к материнскому предприятию. Хейльборн также экспортировал древесину осины на английские и скандинавские спичечные фабрики. И это дело постепенно настолько выросло, что ежегодно отправлялись 50 груженных осиною пароходов.

Словно не будучи удовлетворен достигнутым, Хейльборн на рубеже веков основал в Олонецкой губернии бумажные фабрики по производству картона и переплетных материалов. Машины были доставлены из механических мастерских шведского города Карлстада, а основными рынками сбыта производимой фабриками продукции были Петербург и Москва. Фабрики находились километрах в пятистах от Петербурга; почти все сколько-нибудь важные руководящие должности занимали шведские и немецкие специалисты, а рабочими были русские, набираемые на месте.

Подобно многим другим видным деловым людям, Эмиль Хейльборн играл важную роль в скандинавской и шведской колонии Петербурга. Он заведовал клубом

«Скандинавского благотворительного общества» и был одним из руководителей, а некоторое время и председателем «Шведского общества». За сорок лет жизни в России литейщик с заводов Нобеля нажил значительное состояние и достиг ведущего положения в петербургском шведском высшем обществе, однако и не только в нем — он, в частности, был еще и генеральным консулом в Мехико.

К началу революционных событий семья Хейльборнов жила на Мойке в восемнадцатикомнатной квартире — такой просторной, что дети могли кататься по комнатам на роликовых коньках, а в Мариинском театре семья имела собственную ложу. Хейльборны держали превосходный конный экипаж и еженедельно открывали двери своего дома для журфиксов, на которых музицировали, пели и играли в карты. Ранней весной Хейльборны ездили, как и богатые русские (например, семья Набоковых), на французскую Ривьеру, купались в Ницце и играли в казино в Монте-Карло.

«Великолепный Херман Каянус»

Центром петербургской шведской колонии всегда был приход Св. Екатерины. Здесь крестили, конфирмовали, венчали и погребали; здесь встречались на богослужениях и по праздникам. Здесь венчался барон Маннергейм и здесь же нашел последнее упокоение Людвиг Нобель. При визитах в город шведских венценосных особ посещение церкви тоже было обязательным; среди побывавших в ней были Густав III, Густав IV Адольф, Оскар II, Густав V (как кронпринц и как король) и принц Вильгельм. Церковь занимала центральное местоположение в двояком смысле: она стояла в самом центре города, и вокруг были кварталы, в которых жили и работали многие северяне.

В годы на рубеже столетий приход возглавлял пастор Херман Каянус, родившийся в Гельсингфорсе в 1852 г. Прослужив несколько лет помощником настоятеля кафедрального собора в Або, он на время оставил религиозную деятельность и стал учителем в абоской школе для деву-

Херман Каянус в своем
черном таларе.
Фотография Карла Булла.
*Фотоархив Музейного
ведомства (Хельсинки)*

шек, где преподавал Закон Божий, географию и шведский язык. Должность главного пастора прихода Св. Екатерины Каянус занял в 1886 г. В его лице приход приобрел священника, обладавшего административными способностями и авторитетом, вызывавшими в памяти Эрика Густава Эрстрёма, но в противоположность своему предшественнику Каянус имел четкую скандинавскую и финляндско-шведскую ориентацию.

О Хермане Каянусе отзываются как об общительном человеке бодрого нрава, который со своим теплым отношением к людям, обаянием и красноречием закономерно стал для северян в Петербурге центральной фигурой. Он хорошо пел и к тому же писал музыкальные произведения. Эстрадные способности проявлялись в его роду: самый младший брат Хермана Каянуса, известный композитор и дирижер Роберт Каянус, на протяжении пятидесяти лет руководил гельсингфорским городским оркестром.

Сильная личность Хермана Каянуса полностью доминировала в шведском приходе. Все говорит о том, что он служил на своем посту мудро и проявляя умеренность, но при необходимости мог и бороться. Во время конфлик-

В декабре 1910 г. отмечалось 25-летие деятельности Хермана Каянуса в должности пастора, о чем гётеборгская газета сообщила следующее: «Рано утром пастора разбудили школьники — человек сорок нарядно одетых мальчиков и девочек, а также учителя, учительницы и живущие в городе его бывшие ученики. Учителя и ученики придумали оригинальный ритуал чествования юбилера, состоявший в том, что на отдельных карточках были написаны около тысячи имен нынешних и прежних учеников, рассеянных теперь по России и за рубежом, даже живших в Америке, Китае и Австралии. Все эти карточки прикрепили к длинным красным шелковым лентам, и едва пастор вошел в зал, как под пение был словно куколка коконом обмотан этими лентами. Трогательный пример простой человеческой преданности пастору Каянусу показали служащие при шведской церкви русские дворники. Они вошли после школьников, облаченные в самые праздничные одежды, какие только подсказало им воображение, то есть в огненно-красные рубашки, широкие бархатные штаны и высокие лакированные сапоги. Самый старший из дворников, седобородый русский человек с наружностью крестьянина, поразмыслив, взял слово. Долго говорить он не стал, то было всего несколько простых слов, сказанных от всего сердца; одновременно он протянул пастору в своей мозолистой ладони прелестный портсигар из позолоченного серебра, на котором были выгравированы имена всех [дворников].

Фотография была сделана годом позже, когда был готов портрет (выполненный Хуго Бакманссоном), который Каянус получил в подарок на 25-летие своей службы. Между бюстами Сакариуса Топелиуса и Юхана Людвига Рунеберга слева направо стоят (рядом с неопознанной девушкой-норвежкой) ученицы Ингрид Эстман, Тюра Нюман и Сага Эльзе-Май Вильхельм, представляющие «Времена года» Топелиуса. В руках они держат шелковую ленту с именами всех учеников, упомянутую в газетном репортаже. *Фотоархив Музейного ведомства (Хельсинки)*

та в северной колонии в связи с расторжением в 1905 г. шведско-норвежской унии и политической напряженностью между Россией и Финляндией он выказал большую смелость, с равной энергией выступая как против попыток коренных шведов расколоть единство среди северян, так и против стремления российских властей к русификации.

В 1880–1890-х гг. приход достиг максимальной за всю свою историю численности, насчитывая приблизительно 7 тысяч душ. Крупные заводы охотно набирали шведских и финских рабочих, известных профессиональной квалификацией, честностью, доброй трудовой моралью и умеренностью в употреблении алкогольных напитков. В последующие десятилетия численность прихода несколько уменьшилась, главным образом вследствие политики русификации, отпугнувшей потенциальных переселенцев в Россию и побудившей многих не владевших русским языком иностранцев покинуть страну. Только в феврале 1899 г. 17 финляндских семей выбыли из прихода, чтобы отправиться в США.

Каянуса волновали те же вопросы, что и его предшественников: школа, благотворительность, содержание храма и принадлежавших ему зданий. То, что школьные вопросы были наиболее близки сердцу аборского учителя, видно по месту, которое он уделил им в своем небольшом труде под названием «История шведского прихода Св. Екатерины в С.-Петербурге, написанная по материалам протоколов церковного прихода, а также в качестве участника и очевидца событий».

Предпринятые в 1890-х гг. российскими властями попытки русификации имели для деятельности иностранных школ далекоидущие последствия; борьба Каянуса за укрепление позиций шведского языка отражена в настоящей книге в главе «Русский язык как кухонный». Старания ввести русский в качестве языка обучения явились частью общего процесса — начиная с 1892 г. церковные книги, к примеру, надлежало вести по-русски; это постановление было отменено лишь в 1920 г. Вмешательство российского правительства в дела прихода — как и все более жесткая политика русификации в самой Финлян-

дии — омрачило деятельность шведской церкви на рубеже столетий.

Во всем остальном, согласно Каянусу, развитие прихода в эти годы «радовало». Так, например, расширялась благотворительная деятельность: в 1896 г. открылся «старушечий дом» для четырех находившихся на иждивении общины престарелых женщин; этот дом вошел в состав «Дома для престарелых» «Евангелического общества», а спустя год был учрежден приют для мальчиков; средства на содержание этих заведений поступали от «Скандинавского благотворительного общества», денежных сборов в церкви и от частных жертвователей. После нескольких лет существования в качестве частного заведения приют для мальчиков был взят под опеку церкви. В 1901 г. образовалось

Создав рядом с церковью новый дом для шведского прихода, Федор Лидваль упрочил свою репутацию одного из самых интересных петербургских архитекторов младшего поколения. Творческие достижения Лидваля получили признание не только у потомков, но были отмечены уже современниками: приход подарил архитектору серебряную кружку и выхлопотал для него у императора орден Станислава 3-й степени. Не оказались забытыми и 300 строительных рабочих, тоже получивших награду — по 50 копеек и по красной шерстяной рубашке — уже при закладке фундаментного камня.

благотворительное общество, целью которого было помогать бедным членам прихода для «обеспечения им скудного существования», и еще через несколько лет приход получил в дар участок земли в пограничном селении Валкеасаари (Белоостров), где стали возводить дом для приходских «стариков» и «старушек» — Дом Св. Екатерины.

Юхан Якоб Хульден, работавший директором церковных школ в 1916—1917 гг., описал церковь как место встреч шведов и финляндцев, живших в российской столице и ее окрестностях:

По воскресеньям трудящиеся в Петербурге шведские рабочие приходили в церковь с мешками еды на спине, словно собравшись на загородную прогулку. После богослужения они собирались для празднований в роскошном школьном зале, украшенном портретами императора и главного пастора, а также различными произведениями искусства. Прихожане воздавали Господу благодарение за пищу, после чего входил Каянус с пачкой шведских газет под мышкой и сообщал новости из Финляндии. Время от времени он садился за пианино и пел шведские народные песни — «Чудесный хрусталь», «У меня есть на свете любимый друг» и иные, так что в груди слушателей начинал журчать источник молодости и слезы орошали их огрубевшие от заводской пыли лица. Наконец все вместе пели псалом «В твоей власти, о милостивый Отче» либо «Храни, Господь, наше Отечество»... О, он был великолепен, сей Херман Каянус!

Описание Хульдена может показаться слишком идиллическим, однако что касается отзывов о личных качествах пастора, то они единодушны. Журналист, писатель и переводчик русской поэзии Рафаэль Линдквист очень высоко отзывался о Каянусе, называя его «другом, отцом и благодетелем... всех приезжих соотечественников; для определения его роли в шведском приходе и в жизни шведов в [Петербурге] мой лексикон недостаточно богат надлежаще весомыми словами». Репортаж в одной шведской газете 1910 г. сообщает о власти Каянуса над умами и душами слушателей, о его «глубоком, чистом, как колокольный звон, баритоне» и «виртуозных проповедях». И хотя, пишет газе-

та, Каянус — пламенный патриот своей финской отчизны, ничто на свете, «никакие прибойные валы, бьющиеся о гранитные скалы Финляндии», не заставят его изменить древней шведской культуре и шведскому языку — «ничто не сможет подавить в нем любовь к старой доброй Свее!».

Самым наглядным результатом деятельности Каянуса стал новый приходской дом, выстроенный рядом с церковью на Малой Конюшенной улице. Построенный в 1790-е гг. старый дом почти рушился. Как надеялись, новое современное здание принесет от сдачи его внаем большие доходы и даже прибыль. Проектирование здания поручили молодому архитектору Федору Лидвалю. 14 сентября 1904 г. в основание дома был помещен закладной камень со следующей надписью:

14/27 сентября 1904 г. в правление Императора
Николая II заложен фундамент этого дома
шведской церкви.

Пастор: Херман Каянус.

Президент церковного совета:
генерал Юханнес Фабрициус.

Строительный комитет: господа Олén, Хёккерт,
Острём, Гешвендт, Лилиус.

Архитектор: Федор Лидваль.

Приходской дом был открыт 13 ноября 1905 г. Каянус и другие представители прихода произнесли торжественные речи, смычковый оркестр исполнил песни отчизны; церемония завершилась пением «Нашей страны» и молитвой. Помимо квартир, в доме были также помещения для собраний, в частности торжественный зал на 450 мест, который часто использовался приходом и сдавался внаем.

Херман Каянус скончался в 1913 г. в Висбадене, куда уехал поправлять здоровье. Его отпели в церкви Св. Екатерины, после чего гроб поездом был доставлен в Гельсингфорс, где и состоялось погребение. Пастор церкви Св. Петра Вильхельм Ферманн в некрологе, опубликованном немецкой газетой «St. Petersburger Zeitung» («С.-Петербургская газета»), написал, что Каянус «был украшением евангелического священничества в россий-

ской столице» и что его кончина — «невозместимая утрата». В данном случае это клише представляется совершенно уместным.

Жизнь вокруг Конюшенных улиц

«Шведским кварталом» Петербурга считался участок вокруг Малой и Большой Конюшенных улиц, в 1733 г. подаренный приходу императрицей Анной Иоанновной. Не менее обоснованным было бы говорить о скандинавском или северном квартале, поскольку половина церковного участка после происшедшего в середине XVIII в. раскола принадлежала финскому приходу. А если учесть еще ту часть, которая выходила на Невский проспект, то можно его назвать немецко-северным или, если угодно, протестантским кварталом.

Именно так и было: с первой половины XVIII в. до 1918 г. квартал между Шведским переулком и Невским проспектом принадлежал евангелическо-лютеранским приходам Св. Екатерины, Св. Марии и Св. Петра (последняя из названных церковь с отдельно стоящим школьным зданием — знаменитой Петришule — была возведена еще при Екатерине II). На углу Большой Конюшенной и Невского проспекта стояла, кроме того, голландская, а по адресу Большая Конюшенная, 25, — французская реформатская церковь.

В домах шведского прихода жили преимущественно квартиросъемщики, имевшие отношение к церкви и северной колонии. В нижнем этаже дома Андерсона размещалась пасторская канцелярия прихода Св. Екатерины — эта дверь с весны 1997 г. ведет в Генеральное консульство Швеции. Сам пастор жил этажом выше (в квартире № 1) и через одну из дверей мог из квартиры выходить сразу в церковь. Квартира была большая, но во времена Каянуса в ней жила не только его семья, но еще его приемная дочь Марта Нильссон и две учительницы церковной школы. В доме жили также другие церковные служители, в частности помощник пастора Юханнес Карванен и заведую-

Шведско-финский книжный магазин на Большой Конюшенной улице, 8. Рисунок Эрика Васстрёма. 1916 г.

щая приютом. В доме Лидваля жил также ювелир Александр Тилландер.

Другим местом собраний с 1910 г. было «Шведское общество», расположенное совсем рядом с немецкой церковью по адресу Невский проспект, 24 (см. предыдущую главу). В доме находился знаменитый ресторан «Доминик», из которого обычно приносили еду при проведении праздников Общества. Двумя кварталами далее по направлению к Адмиралтейству располагались, как говорилось выше, по одному и тому же адресу (Невский проспект, 18) два других часто посещавшихся северянами ресторана — Лейнера и французский ресторан «Альбер». Первый из них гордился своими немецкими традициями и пивом «Лёвенбрау», а «Альбер» славился итальянской кухней.

В этих кварталах находилось много принадлежавших северянам предприятий. На углу Малой Конюшенной улицы и Невского проспекта, 26, с 1911 г. держал свой магазин ювелир Тилландер, и в этом же доме размещалась петербургская контора Объединенного шведско-го электрического общества «АСЕА». Наискосок через

улицу в торговом доме Мертенса (Невский проспект, 21) в 1910-х гг. вел свое дело Болиндер, продававший кухонные плиты, газовые печи, нефтяные двигатели (дизели) и прочее. Акционерное общество «Братья Нобель» имело собственный дом на Екатерининском канале на пересечении с Итальянской улицей и неподалеку от шведской церкви. В перестроенном в 1909 г. Федором Лидвалем доме размещалось правление Нефтяной компании.

Малая Конюшенная была тихой улицей. Большая Конюшенная, наоборот, представляла собой шумную деловую магистраль, особенно после того как на ней в 1910 г. был возведен большой торговый дом. Совсем рядом, в доме под номером 13, располагался филиал стокгольмского универсального магазина «Нордиска компаниет» («Северная компания»); на Петербургской художественно-промышленной выставке в 1908 г. она впервые продемонстрировала свою эксклюзивную мебель, изготавливаемую на фабрике в шведском городе Нючэпинге. Мебель имела такой успех, что в том же году фирма открыла в российской столице свой филиал. Крупногабаритная роскошная мебель пользовалась у русских богатей с их просторными апартаментами большим спросом: однажды фирма получила заказ на изготовление обеденного стола на 72 персоны! В 1913 г. открылся ее филиал и в Москве.

Большая Конюшенная улица заканчивалась на Конюшенной площади, где служил в годы на рубеже столетий офицер-кавалергард Густав Маннергейм. На другом конце улицы, у самого Невского проспекта, стоял доходный дом Эдлы Нобель (№ 29). С 1911 г. в нем располагалось «Северное бюро путешествий», где можно было не только приобрести билеты на поезд или на пароход, но и обменять деньги. «Бюро путешествий» играло важнейшую роль при эвакуации шведов из Петрограда в 1918 г. Рядом с этим домом стоял один из самых популярных столичных отелей и ресторанов — «Медведь», который тоже сыграл определенную роль во время революционного мятежа.

В здании, принадлежащем финской церкви, на Большой Конюшенной улице размещалось несколько имев-

ших отношении к Финляндии учреждений, в частности контора Финского банка. Но здесь были и деловые предприятия. Обувная мастерская Сиканена в доме № 6 шила «качественно и по умеренным ценам» всевозможную мужскую, женскую и детскую обувь; переплетная мастерская Н. Ю. Рейхеля в доме № 8 переплетала книги и альбомы, обрамляла картины, отделяла карты и фотографии и продавала папки, портфели и бумажники.

В том же доме находился книжный магазин северной колонии, в зависимости от национальных представлений называвшийся Финским или Шведским либо Шведско-финским. Он был основан в 1877 г. и в первое десятилетие своего существования находился на Малой Конюшенной улице, 10, но потом переехал на Большую Конюшенную, 8, где и оставался до 1918 г. У него три раза менялись владельцы, но все они были финнами или шведами. В 1882—1896 гг. магазином владел Антон Линдеберг (и сам магазин соответственно именовался магазином Линдеберга), затем дело перешло к его партнеру Юханнесу Пальмгрену и под названием магазина Пальмгрена существовало до 1907 г. Следующий хозяин, Роберт Эдгрэн, в 1916 г. расширил помещение и открыл филиал магазина близ Финляндского вокзала, где жило большинство финляндцев. Персонал для работы в магазине приглашался главным образом из Або и говорил на шведском, финском и русском языках.

У книготорговцев Линдеберга, Пальмгрена и Эдгрена можно было подписаться на финляндскую шведскоязычную прессу. Судя по газетным объявлениям, магазин располагал хорошим ассортиментом книг на шведском языке. В каталоге «Рождественские книги фирмы Бонниер» за 1904 г. обращают на себя внимание не только популярные художественные произведения, такие как «Деньги господина Арне» и «Легенды о Христе» Сельмы Лагерлёф, но и более специальные труды. Можно было также прочесть иностранных авторов в шведских переводах, в частности поэму нобелевского лауреата за тот год Фредерика Мистраля «Мирейо» и роман «Будденброки» Томаса Манна.

Владельцы книжного магазина вели и определенную издательскую деятельность, публикуя, в частности, ежегодные адресные книги «Скандинавского благотворительного общества» и «Северного общества», а также порой издавая книги на финском языке. Перед самой революцией Роберт Эдгрен, взявшись опубликовать художественную литературу, выпустил сборник новелл секретаря Второго Русского страхового общества в Петрограде К. Э. Примус-Нюмана «Дети греха». Сборник был первой книгой этого автора и одновременно первым изданным в России оригинальным произведением на шведском языке. К сожалению, оно оказалось и последним.

Русский язык как кухонный

За предшествовавшие революции десятилетия численность живших в Петербурге национальных меньшинств достигла приблизительно 200 тысяч человек, что превышало все население Гельсингфорса. Значительная часть иностранцев относилась, по словам немца Генриха Шторха, написанным в 1790-х гг., к «приличным классам» и всегда ленилась учиться русскому языку. Густав-Отто Адельборг сообщает, что персонал служащих петербургской конторы «Альфа — Нобель» в годы Первой мировой войны состоял по большей части не из русских. Переписка с находившейся в Стокгольме основной компанией велась на немецком языке, секретарем правления была немка из Риги, одним директором был чех, другим — поляк, бухгалтером — швед из Эстляндии, а машинисткой — петербургская шведка.

Разумеется, говорившие по-русски иностранцы имелись, однако это не было ни широко распространенным, ни необходимым. Те, кто принадлежал к интернациональной элите, состоявшей из директоров, инженеров и чиновников на высоких постах, в деловой жизни легко обходились без русского языка. «Казалось, весь город принадлежит за границе, — пишет Бенгт Идестам-Альмквист о своем отце, который после тридцати лет пребывания

в Петербурге говорил по-русски хуже, чем когда приехал. — К чему русский язык в царской России? Люди прекрасно обходились немецким, французским, английским».

Вдова Людвига Нобеля Эдла, которая прожила в России почти полвека и чей муж и пасынок руководили одной из самых могущественных российских индустриальных империй, является еще одним примером отношения иностранной элиты к языку, на котором говорили 150 миллионов населения страны. Хотя Эдла начинала свою трудовую деятельность как учительница в церковной школе Св. Екатерины, единственное, что она научилась писать по-русски — «шведская подданная Эдла Константиновна Нобель», слова, которые иногда приходилось выводить под каким-нибудь документом. Но и эти несколько слов ей, по отзыву дочери, не удавалось правильно произнести.

Госпожа Нобель никогда не училась русскому языку для иных надобностей, помимо магазинных и кухонных, но и там не возникало сколько-нибудь существенных затруднений: продавцы во многих петербургских магазинах говорили по-французски или по-немецки, а приказчики продуктовых лавок мало-помалу выучились понимать желания госпожи Нобель, поскольку она была крупным и постоянным покупателем. Дома же вся услуга, за исключением кучера или шофера, была выписана из Швеции, Финляндии либо Прибалтики и говорила по-шведски или по-немецки.

Однако во многих шведских семьях говорили наряду со шведским также на немецком и русском. А в каких-то семьях шведский не был основным языком, и там обучение происходило иначе — при помощи гувернанток и/или в шведской школе.

Между тем влияние русского языка было значительным, как и воздействие всех других языков, «жужжавших» в воздухе столицы. Многие разговаривали на своего рода гибридном языке — петербургско-шведском. Шведскую школу также посещали дети, родным языком которых был финский, норвежский или датский. Особую группу составляли дети из *Gammalsvenskby* (Старошведского селения) на Украине, которые, пока учились в школе, жили в при-

Элла Нобель, урожденная Коллин (1848–1921), приехала в Петербург в 1869 г., чтобы сменить свою сестру Хильдегард в качестве учительницы в школе шведской церкви. На следующий год она вышла замуж за Людвиг Нобеля, который уже год как был вдовцом. У Нобеля в браке с Миной Альсель было шестеро детей, а его новая жена в 1873–1886 гг. родит ему еще двенадцать, из которых семеро достигнут взрослого возраста. С кончиной Людвиг Нобеля 1888 г. в возрасте 57 лет Элла Нобель осталась главой семьи, поскольку ее пасынок Эммануил так никогда и не женился.

юте. Их семьи жили на Украине с конца XVIII в. и говорили на архаичном шведском, смешанном с русским.

Это смешение языков, которое пастор Эрстрём осуждал еще в 1820-е годы (см. главу «Храм для поклонения Господу всего мира»), было, иными словами, столь же, если не более, заметным в конце XIX — начале XX в. На переменах и за пределами школы ученики чаще всего говорили по-русски, а в годы Первой мировой войны вообще избегали говорить по-шведски — его легко было спутать с нежелательным немецким.

Лексикон школьников являл собой смесь русского и шведского, и они любили ставить в неловкое положение вновь прибывших учителей образчиками фраз, в которых русские слова были перемешаны со шведскими. Занятно, что в немецких школах были подобные же про-

блемы: в 1910 г. один учитель сетовал на то, что не более десяти процентов учеников говорят на настоящем, хорошем немецком, а большинство изъясняются так худо, что, дабы их понять, надо сначала перевести их «немецкий» на русский...

Школа шведской церкви размещалась в трех квартирах трехэтажного дома во дворе за храмом. «Снаружи дом выглядел очень невзрачным, — вспоминает одна учительница, — но внутри школьные помещения были опрятными и удобными», а зал для проведения празднеств с его большими портретами деятелей, которые так или иначе трудились в школе либо на ее благо, был «даже элегантным»: «Бюсты и мраморные доски напоминали о том, где стояли Александр II и Оскар II, когда ученики исполняли для них песни. Паркетные полы имелись не только в школьном зале для празднеств, но также в коридорах и классных комнатах, и эти полы еженедельно натирали воском профессиональные полотеры, покуда революция не положила конец подобной роскоши».

Несколько учеников жили в расположенных вплотную к школе школьных приютах для девочек и для мальчиков. Хульдén вспоминает диккенсовскую обстановку, в которой пребывали неимущие дети: «Они были заключены в темном зале с низким потолком, где часы делились на богослужение, приготовление уроков, еду и сон. Раз в день дети совершали двадцатиминутную прогулку, как маленькие щенки на поводках, всегда по одному и тому же тихому переулку. Они никогда не видели зеленой травы, распутившегося цветка, зрелой ягоды; никогда не слышали ни пения птички в лесу, ни стука лошадиных копыт в шуме оживленной улицы. У них никогда не было возможности для напряжения своих телесных сил».

Школа шведской церкви была главным образом учреждением для детей из малообеспеченных семей. В 1914 г., когда в ней было приблизительно 300 учеников, профессии их родителей были следующими: рабочие, столяры, токари, фабричные рабочие, портные, строители, машинисты, кузнецы, сапожники, часовщики, монтеры и молочники; было и несколько матерей-одиночек.

**Правила для учеников школы
при шведском приходе Св. Екатерины**

1. С началом учебного года явись в школу к началу занятий!
2. Каждый день приходи в школу с необходимыми учебниками за 10 минут до звонка к молитве!
3. Как следует умывайся и причесывайся и содержи свою одежду целой и опрятной!
4. Не пачкай школьное помещение, его лестницы и пол и всегда помни, что через его порог не должно попасть никакой грязи!
5. По школе ходи спокойно!
6. Береги школьные принадлежности и содержи свои книги, тетради и поделки чистыми!
7. Учись прилежно, будь внимателен и предупредителен в школе и дома!
8. Беспрекословно повинуйся учителям, выказывая им уважение и почтение!
9. Будь добрым и приветливым по отношению к товарищам и никогда не допускай, чтобы кто-то пострадал по твоей вине!
10. Веди себя прилично вне школы!
11. Во время общественных увеселений ничего не затевай без разрешения директора!
12. Никогда не перебивай говорящего и смотри в глаза тому, с кем разговариваешь!
13. Будь со всеми вежлив и почитай старших!
14. Не ходите на улице по тротуару по несколько человек в ряд и сворачивайте вправо при встрече с другими!
15. Смотри на домашних животных, птиц, на деревья и цветы как на своих друзей и никогда не причиняй им вреда!

Никогда не думай того, о чем бы ты не хотел, чтобы узнал Бог!

Никогда не говори того, чего бы ты не хотел, чтобы слышал Бог!

Никогда не делай того, чего бы ты не хотел, чтобы увидел Бог!

— Ну, были у тебя трудности с языком в Петрограде?

— Не у меня, а у петроградцев.
Рисунок Эрика Васстрёма

Исключение составляла семья придворного портного Лидваля, который хотя и располагал немалыми средствами, но отправил своего сына Федора в школу Св. Екатерины. А вот будущая поэтесса Эдит Сёдергран пошла в немецкую Петришуле. Как правило, именно туда либо в немецкую же Анненшуле устраивали своих детей состоятельные шведские родители. Впрочем, выбор школы определялся не только благосостоянием, но и практическими соображениями: немецкий язык точно так же, как и во времена Эрстрёма, был более целесообразным, нежели шведский.

Одно время в конце XIX в. положение шведского языка в школе было под большой угрозой, поскольку принимали детей и из других приходов. Это было способом поддержать финансовое состояние школы, так как за этих детей платили вдвое больше, чем за приходских.

Вследствие этого школа постепенно становилась все более русской и немецкой, и в конце концов шведский язык в ней стал факультативным предметом. Уже не все шведские дети изучали свой родной язык, а учителями, за несколькими исключениями, были русские и немцы. Кроме того, некоторые приходские дети из-за скудных доходов родителей были вынуждены ходить в бесплатную

двухгодичную «школу для бедняков». С этим пастор Каянус смириться не мог, ведь это вело бы к тому, что нельзя будет проводить на шведском богослужения и что шведская церковь утратит право на существование. По словам пастора, «от старейшей евангелической церкви метрополии в не столь отдаленном будущем останется одна только память», и когда-нибудь суд истории «тяжко обрушится на тех северян, которые не защитили свой собственный очаг от уничтожения».

Поэтому принятый в 1886 г. новый школьный устав определял, что главной целью школы является обучение и воспитание приходских детей и что шведский язык будет в учебных планах важнейшим после религиозного образования предметом. Был создан школьный совет, уменьшена плата за обучение и введено неограниченное число бесплатных школьных мест, не владевшие шведским языком учителя были уволены, прием детей из других приходов прекращен, а «школа для бедняков» упразднена. Кроме того, открыли подготовительную школу на Выборгской стороне, где жили многие малообеспеченные прихожане, в том числе работавшие на Финских государственных железных дорогах. Попытка российского правительства ввести русский язык в качестве языка обучения тоже была пресечена в результате энергичного вмешательства пастора Каянуса.

Принятые меры обеспечили ожидаемый эффект, но в военные годы языковая ситуация опять ухудшилась, на сей раз из-за противоречий между учителями-«шведоманами», возглавляемыми Фанни Сундстрём с Аландских островов, которая «пылала своими чувствами “шведскости”», и руководством школы, обладавшим более профинской ориентацией. На праздновании в школе в 1914 г. Дня Швеции ученики, стоя с зажженными свечами и маленькими шведскими флажками в руках, пели «Швецию» Стенхаммара. Это переполнило чашу терпения Малина, ставшего преемником Каянуса в должности главного пастора и бывшего в 1914–1916 гг. директором школы, и он уволил почти всех шведскоязычных учителей.

Густав Бакхофф родился в Або в 1877 г. Прожив несколько лет в Стокгольме, семья в 1880-х гг. переехала в Петербург, где его отец Эдвард, картограф, быстро продвинулся по службе до руководителя картографического отдела в издательстве А. Ф. Маркса. После первой русской революции 1905 г. отец вернулся в Швецию, и его должность занял сын Густав. В качестве главы картографического отдела он участвовал в составлении школьных и карманных атласов Российской империи и редактировал карты расселения различных народностей и распространения различных языков.

В 1914 г. Бакхофф был назначен главой литографического отдела, а через два года — управляющим всего предприятия. Но на пороге уже стоял 1917 год, и дни издательства были сочтены. Политические события и постигший Петербург голод вынудили Бакхоффа с женой и двумя маленькими детьми Альфом и Хельгой покинуть Россию. В 1920 г. семье при помощи Красного Креста удалось выбраться в Швецию, где Густав Бакхофф продолжил работать по профессии — он редактировал карты в литографическом ведомстве шведского Генерального штаба до самого выхода на пенсию. Он скончался в Стокгольме в 1965 г.

В том, что Густав Бакхофф имел оценку «похвально» по гимнастике, нет ничего удивительного. Он был не только отличным гимнастом, но и тренером по гимнастике. Вообще гимнастика была своего рода увлечением живших в Петербурге северян: например, активист «Шведского общества» Георг Уден руководил собственным гимнастическим и массажным заведением.

В результате учить детей стали преподаватели, вообще не владевшие первым языком школы. Преемник Малина Ю. Хульден мог лишь через переводчика разговаривать с учительницами по русской географии и математике, а также с преподавателем английского языка — выросшим в Корее французом. Тот факт, что все учителя, за исключением троих, к тому же не имели официальной профессиональной аттестации, усугублял плохую репутацию школы и являлся для состоятельных прихожан дополнительным поводом отдавать своих детей в другие школы.

Чтобы выйти из этой тяжелой ситуации, осенью 1916 г. был принят учебный план, приближенный к действовавшему в финляндских реальных училищах. 15 ноября 1917 г., спустя неделю после большевистского переворота, Сенат (Сейм) Финляндии постановил оказывать финансовую поддержку школе, но к тому времени дни ее уже были сочтены.

«Вот и опять пришло Рождество...»

Самыми большими торжественными днями в шведской колонии были праздник Рождества Христова и день Густава Адольфа 6 ноября, когда «Шведское общество» собиралось на свое ежегодное празднество (см. главу «Развлечения и благотворительность»).

«Шведское общество» устраивало также празднование Рождества. В годовом отчете Общества за 1910 г. сообщается, что все снова молодели, видя, как усердно дети разучивали «старые, столь памятные шведские святочные игры, и то смешанное с ужасом восхищение, которое они испытывали при встрече с соломенным козлом». После раздачи подарков детей отправляли домой, и начинался шведский ужин, который превосходно готовили повара ресторана «Регина», хотя продукты были им совершенно незнакомы.

Иногда Рождество праздновали дважды — сначала 25 декабря по шведскому календарю, а затем с наступлением русского Рождества (через 12 дней в XIX и через 13 — в XX в.).

Так, например, поступали в семье Нобелей. 24 декабря отмечался довольно непритязательный шведский сочельник с участием заводских инженеров и других работников, не относившихся к близкому семье кругу людей. Все гости получали по рождественскому подарку — достаточно маленькому по размерам, чтобы уместиться под салфеткой, но ценному: это могла быть маленькая шитая серебром сумочка с сапфирами, брелок от Фаберже и т. п.

Майя Хусс, работавшая сестрой милосердия в Красном Кресте у сестры Эдлы Нобель — Лили, вспоминает свое первое Рождество в доме Нобелей в 1908 г.: «Двери столового зала растворились, и мы увидели стол длиной в полверсты, украшенный елками, белой омелой и черешчатым дубом; пахло восковыми свечами, рождественской рыбой и окороком. Для гостей был приготовлен сюрприз, на который я, как и все остальные, рассчитывала, — в виде прелестного подарка: в салфетке лежала эмалевая вещица русской работы с надписью: *Рождество 1908*. Затем пили рождественское пиво, писали стихи к подаркам, беседовали, ели кашу и т. д. Было очень уютно, но на этом все и закончилось, а в рождественский день завод вновь гротхотал — все опять работали...»

«На этом все и закончилось...» Спустя две недели Майя Хусс поняла: это не было настоящим Рождеством! 6 января 1909 г. она пишет домой:

Однако мы узнали, что бывает и настоящее Рождество, — на улицах и в домах царил оживление и возбуждение, люди обсуждали рождественские подарки, и вчера начался настоящий праздник: веселые и радостные сыновья собрались дома, съехавшись из разных стран. Были созваны служащие в компании молодые шведы, они нарезали шелковую бумагу, золотили орехи и пили шведский пунш. В истинно рождественском настроении собрались мы вокруг большого рабочего стола — все облаченные в большие белые передники, на них некоторые из нас прикрепили красные кресты из шелковой бумаги. В полночь раскрылись двери в зал, и служитель торжественно объявил, что вот-вот прибудет рождественская елка. Она, высокая и красивая, была воздвигнута на полу посреди зала, и все мы принялись украшать ее.

В том году сочельник начался с того, что самый младший сын Нобелей явился ранним утром домой с медвежьей охоты и притащил настоящего медведя! Майя Хусс вспоминает, как Ёста в валенках ходил колесом по паркетному полу, радуясь Рождеству и удачной охоте. В пять часов собрались дети и внуки, елку зажгли, водили хоровод, и дети «были богато одарены весьма изящными игрушками».

Большой зал, в котором все собирались, напоминал «цветник своими кустами сирени, яблонями и вишневыми деревьями, а также розами», а фонтаны зимнего сада давали приятную прохладу. Господа увеселяли себя, вкушая пиво домашнего приготовления, «которое обеспечивало им истинно шведское рождественское настроение».

После того как дети разъезжались по домам, начиналась рождественская трапеза. Кушанья всегда были одни и те же: треска под белым соусом, топленое масло, горчица, перец и картошка, белое вино, запеченный в печи окорок с зеленым горошком, рисовая каша с одним орешком миндаля (тот, кому он достанется, будет в новом году счастлив), сахар и корица, а также молоко в маленьких стаканчиках и, наконец, яблочный пирог или что-нибудь подобное.

После трапезы исполняли «Вот и опять пришло Рождество» и танцевали вокруг елки. Затем следовала раздача подарков — их было больше, и они были значительнее, чем в шведский сочельник. Майя Хусс получила муфту из тюленьей кожи, два рулона русского холста, две оренбургские шали, дюжину полотенец и носовых платков, корзинку для рукоделия, сумку, кожаные папки для писчих принадлежностей и книги.

Наутро детей будили в шесть часов, чтобы ехать к рождественской заутрене в шведскую церковь. Если шел снег и было холодно, то через Неву переезжали в четырехместных санях с медвежьей полостью, в других случаях брали ландо.

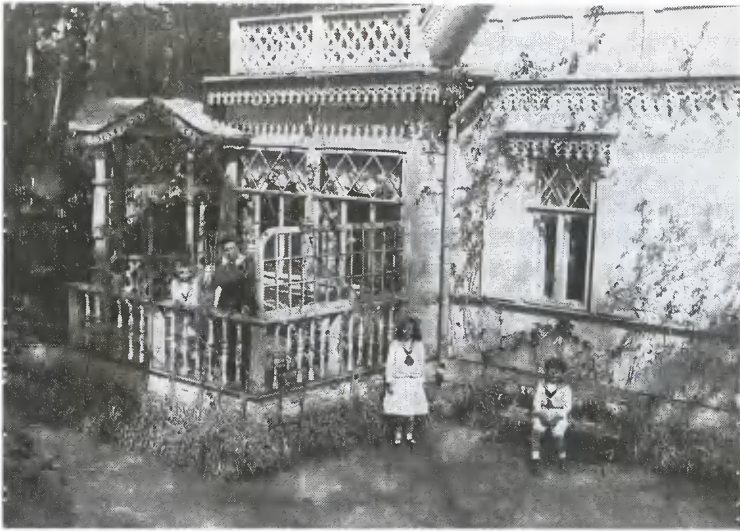
Уже издали были видны горящие свечи, их было по две в каждом окне квартиры пастора Каянуса. Как рассказывает Марта Нобель-Олейникова, «нигде в городе не было

ничего подобного, в том числе и в других шведских домах». Церковные ворота открывал служитель Мальмберг с пышными рыжими бакенбардами, в черном сюртуке с золотыми крестами на обшлагах. Марта Нобель-Олейникова нарисовала красочную картину рождественской заутрени в малолюдной церкви: «На хорах виднелись бедные приходские старушки с черными платками на головах, заправленными под воротники обвислых изношенных пальто. Старушки поднимались и, приседая, кланялись при упоминании имени Христа, плакали и рыдали, кашляли и молились, сами являя собой очень печальную декорацию церкви. Перед алтарем возвышалась большая елка с толстыми стеариновыми свечами. Сам пастор Каянус или его помощник Карванен совершал богослужение, оба они были облачены в скромные черные таляры немецко-о евангелическо-лютеранского покроя».

Сочельник и Рождество были праздником семейным, но на следующий день в доме семьи Однеров каждый год устраивался бал, бывший, по мнению некоторых шведов, апофеозом сезона.

Дачи на Карельском перешейке

Лето проводили на дачах — снятых или собственных, в России либо в Финляндии. За вторую половину XIX в. на Карельском перешейке между Петербургом и Выборгом выросло много дачных поселков. В 1856 г. был завершен Сайменский канал, соединивший Финский залив с Сайменской озерной системой, сразу сделав Выборг с окрестностями более привлекательным для русских. А в 1870 г. открылось железнодорожное сообщение между Выборгом и Петербургом, благодаря чему начался настоящий наплыв людей с российской стороны. Спустя двенадцать лет финляндские власти по предложению «Дачного комитета» приняли решение скупать землю и нарезать участки в Куоккала, Райвола и Териоках (Репине, Рошине и Зеленогорске). Тем самым открылась эпоха купальных сезонов, во многом напоминавших шведские.

У семьи Эдварда Лидваля была дача в Сестрорецке. На этой фотографии 1913 г. сняты госпожа Эльза с детьми Альфом, Маргаретой и Оскаром.

Среди тех, кто проводил лето на Финском заливе, была семья Лидвалей. Как только открылась железнодорожная линия, портняжных дел мастер Юн Петтер купил дом в районе Выборга под названием Папула. «Дед считал, что Выборг напоминает о Швеции, — пишет внучка Петтера Ингрид Лидваль. — На одной фотографии изображены две постройки на прелестном прибрежном участке, похожем на гористое место в стокгольмских шхерах. Это чудные деревянные дома с башнями и большими окнами с видом на море. Папа и его братья с большой радостью проводили лето в Выборге». Следующее поколение Лидвалей имело дачи в Териоках (Федор Лидваль) и Сестрорецке (Эдвард Лидваль).

Семья Нобелей несколько раз в 1870-х гг. проводила лето в стокгольмских шхерах, но начиная с 1882 г. пребывала на Карельском перешейке — в 1880-е гг. главным образом в усадьбе Лауритсала близ первого шлюза Сайменского канала. На протяжении многих лет семья снимала разные дачи, но в 1894 г. Эдла Нобель купила двор

Кирьола в Бьёркё (приход Св. Юханнеса). После того как была прикуплена и примыкающая к двору земля, Кирьола стала занимать площадь около тысячи гектаров, превратившись в самую роскошную летнюю резиденцию из всех дач петербургских шведов.

Сначала построили деревянный дом, но уже в 1905 г. было готово новое, большее здание, возведенное по проекту и под руководством гельсингфорского архитектора Густава Нюстрёма; «барочный замок в стиле модерн», как назвал этот дом один журналист, имел 20 комнат со всеми современными удобствами. Дача — если ее можно так назвать — была огромной, но ведь и семья многочисленной. С годами Кирьола наряду с петербургским домом стала второй резиденцией Нобелей, «Малой Швецией» в летнем наряде.

Кирьола пережила революцию и была местом сбора членов семьи Нобелей во все годы между мировыми войнами. Конец наступил во время Второй мировой войны: когда Красная Армия в феврале 1940 г. вторглась в эти места, финские войска, не желавшие оставлять врагу ничего, что могло бы пойти ему на пользу, взорвали дом.

Визиты знаменитостей.

Баловень судьбы

Шведскую колонию в Петербурге часто посещали знаменитости из Швеции. Разумеется, сильнее всего бились сердца, когда приезжали короли и другие венценосные особы. Но в городе гостили и иные именитые шведы, например Свен Хедин, который обычно проводил несколько дней в Петербурге на пути в свои азиатские экспедиции или возвращаясь из них.

Из шведских художников наибольшее влияние имели в России, без сомнения, Александер Рослин и кумир Эльзы Баклунд Андерс Цорн. Если Рослин работал в Петербурге два года, то Цорн пробыл в России всего две недели. Однако его посещение вызвало огромный интерес и широко освещалось прессой.

Все началось с того, что Сергей Дягилев летом 1897 г. посетил в Стокгольме Художественно-промышленную выставку. Он приехал туда для налаживания контактов в связи с большой выставкой современного скандинавского искусства, которая должна была открыться в Петербурге осенью того же года. Кроме Цорна, Дягилева интересовали Карл Ларсон, принц Евгений и Бруно Лильефорс. Звездой же был Цорн, которому Дягилев нанес визит в городе Мура и предложил выставиться в Петербурге.

Годы рубежа веков ознаменовались колоссальным подъемом интереса в России к северной культуре — Ибсен, Бьёрнсон, Гамсун и Стриндберг принадлежали к наиболее читаемым и обсуждаемым критикой авторам. В Петербурге на протяжении многих лет издавалась серия антологий под названием «Северные сборники», целиком посвященных северной литературе. Следовательно, нацеленность Дягилева на Скандинавию была в высшей степени в духе времени, а интерес к Цорну вовсе не случайным — он тогда был одним из самых знаменитых европейских художников.

Скандинавская выставка открылась 11 октября 1897 г. в Императорском Обществе поощрения художеств на Большой Морской улице в присутствии Цорна; он был приглашен в качестве личного гостя Дягилева и жил у него. Было выставлено около трехсот произведений 74 авторов. Картины Цорна занимали почти десятую часть выставки. Его творчество было представлено восемью наиболее известными полотнами (в частности, «Танец на Ивана Купалу», «Гост в Идуне» и «Автопортрет с моделью») и пятнадцатью гравюрами, между тем как Бруно Лильефорс выставил семь своих работ. Среди финляндцев выделялись Эдельфельт и Галлен-Каллела, среди норвежцев — Таулов и Вереншёльд, среди датчан — Хаммерсхой.

Произведения Цорна получили восторженные рецензии, в том числе от известного искусствоведа и критика Игоря Грабаря.

«Мы здесь гуляем с утра до вечера», — писал Цорн домой жене. И на самом деле, в Петербурге художник по плотному графику ел и пил. Апогеем явился «банкет Цорна»

с участием 75 гостей в ресторане «Донон» на Мойке — одном из самых фешенебельных заведений города. Среди гостей выделялись Александр Бенуа, Константин Коровин и Валентин Серов, а также Альберт Эдельфельт и меценат Савва Мамонтов (чей портрет Цорн написал годом раньше в Париже). Руководивший пиршеством Илья Репин произнес тост в честь Цорна, которого назвал «великим мастером и виртуозом». В качестве подарка он преподнес шведу ресторанное меню этого вечера, собственноручно раскрашенное акварелью.

Цорн, по собственному выражению, «составлял речи, одну глупее другой», но пришедший на помощь Эдельфельт смастерил на французском языке речь, которая «годилась для русских условий».

После того как прозвучали и прочие речи, началось «ужасное целование в щеки» — обычай, который Цорн считал «черт знает до чего неприятным». Проведя несколько дней в Москве, где состоялось не менее грандиозное торжество, он вернулся домой. На вопрос, почему он столь поспешно покинул Россию, художник застенчиво сослался именно на неизбежные поцелуи в щеку: «Меня целовали все мужчины, но ни одной женщины».

Предполагалось, что за время пребывания в России Цорн напишет несколько портретов, в частности княгини Тенишевой, знаменитой покровительницы искусств, и самого императора. Но художник страдал головной болью, и планы не осуществились. «Я попытался писать портрет княгини, и дело шло замечательно, однако не решился продолжить его из-за головной боли, — писал он жене. — Боль появляется через десять минут после начала работы». В своих «Автобиографических записках» художник намекнул, что в княгине, явной лесбиянке, было нечто отталкивающее: «Таких людей я вообще не пишу, и пришлось отговориться болезнью...» В сексуальной ли ориентации княгини заключалась главная причина или в головной боли — трудно сказать, однако выпитое во время банкета шампанское вполне могло испортить Цорну настроение...

Хотя художнику не удалось ничего сделать во время пребывания в России, он все же считал его очень успешным.

В последнем письме домой перед отъездом он отмечал: «Все было удачно — большого триумфа я никогда не переживал».

Визиты знаменитостей.
Доктор Лагерлёф гостит
у доктора Нобеля

Несмотря на то что на рубеже веков шведская литература была в России очень популярна, литературных соответствий Рослину, Патерсену, Лидвалю или Иогансону по естественным причинам не было: писателю сменить страну — то есть язык — не так легко.

Имя, часто упоминающееся в связи с Петербургом, — это поэтесса Эдит Сёдергран, родившаяся здесь в 1892 г. Она была крещена пастором Каянусом, но отвезена в Райволу (Рошино) в двухмесячном возрасте. В 1903–1908 гг. она посещала классы для девочек в Петришуле, однако уехала из города до того, как стала профессиональной писательницей, и никогда не занималась в России какой-либо литературной деятельностью. Вопрос о ее связях с Россией — это главным образом вопрос о значении для ее творчества русской поэзии и прежде всего символизма. Эта тема выходит за рамки настоящей книги, тем более что она уже изучалась несколькими исследователями.

Однако же был писатель, оказавший глубокое влияние и на русскую читающую публику, и на живших в России шведов. Это Сельма Лагерлёф, которая после присуждения ей в 1909 г. Нобелевской премии по литературе стала весьма популярным гостем и лектором; зимой 1912 г. она с недельным визитом побывала в Петербурге и Москве.

В Петербурге она жила у Эммануила Нобеля, который во время торжественного вручения Нобелевской премии в 1909 г. пригласил писательницу погостить у него и его мачехи Эдлы. Это приглашение было повторено спустя два года. В новогоднем письме 1912 г. к своей подруге Софии Элькан Сельма Лагерлёф упоминает о том, что «в прошлом году Эммануэль пригласил меня пожить у них, и у меня

нет причин для отказа». Однако она поедет, продолжает писательница, не по каким-либо делам, а «для отдыха»; особенно ее интересуют Таврический дворец, Петропавловская крепость и собрание живописи Эрмитажа.

Получив от Сельмы Лагерлёф письмо, в котором она сообщила, что принимает его приглашение, Эммануил Нобель с обратной почтой ответил: «Мне и моей мачехе доставит истинное удовольствие принять Вас своей гостьей в нашем старом петербургском доме, и заверяю Вас, что и Вы, и Ваша подруга здесь сердечно желанны». Он также напоминал писательнице, чтобы она не забыла взять с собой паспорт: «К сожалению, мы тут на святой Руси еще очень старомодны».

Письма госпожи Брендстрём и Эммануила Нобеля были адресованы в Финляндию, куда Сельма Лагерлёф была приглашена на торжества Шведского литературного общества, состоявшиеся 5 февраля 1912 г. То было первое посещение Сельмой Лагерлёф Финляндии; составленная программа ее визита могла, по выражению писательницы Элин Вегнер, «сломить сильного, как двенадцать мужчин, медведя». Помимо Гельсингфорса нобелевская лауреатка посетила также Або, Борго и Выборг. Поездка стала поистине триумфальной: люди набивались в лекционные залы так, что стены трещали, в школах отменили занятия, железнодорожные вокзалы были украшены зеленью, и поезду, на котором ехала писательница, порой приходилось останавливаться, чтобы народ мог выразить свой восторг национальному сокровищу Швеции.

Пробыв в Финляндии две недели, Сельма Лагерлёф в обществе своей спутницы Вальборг Уландер села 16 февраля в поезд на Петербург, где писательницу ожидало не менее грандиозное чествование.

Дам на Финляндском вокзале встретил Эммануил Нобель, и «с этого момента мы находились, — вспоминала позднее Сельма Лагерлёф, — под покровительством дома Нобелей». Таможенный досмотр, в России всегда сопряженный с нервотрепкой, прошел без осложнений, и все пребывание в стране было отмечено «радушием и предупредительностью». «Нет нужды говорить, что писательни-

EMANUEL NOBEL.
St. Petersburg.

—222—

7. Februari 1912
23 Jan

Doctor Selma Lagerlöf

Just i detta ögonblick kom
mer jag i besittning af edert
vänliga bref som bringar mig
den goda underrättelsen att
Doctorn ämnar infria sitt
löfte och kommer till
Petersburg.

Det kommer att blifva
mig och min voo et
samt möje att få hysa
Eder i vårt gamla hem
här i staden och beder

Письмо Эммануила Нобеля к Сельме Лагерлёф.
Королевская библиотека (Стокгольм)

ца была сердечно принята в гостеприимном доме госпожи Нобель, — сообщала газета “Свенска Дагбладет”, — там она была на шведской земле».

Сельма Лагерлёф и Вальборг Уландер жили в резиденции Нобелей на Сампсониевской набережной. Писательница рассказывает: «Несколько кварталов здесь были заняты заводами, торговыми помещениями, жилищами рабочих, больницами и школой “Братьев Нобель”, и достойным центром всего этого был роскошный жилой дом. Миновав большой холл на нижнем этаже, по длинной и красивой лестнице поднимаешься на роскошный этаж, где обнаруживаешь большой зимний сад. Слева от него рядом друг с другом расположены столовая и превосходный рабочий кабинет доктора Нобеля. Дальше — огромный зал, это самая большая комната, какую я когда-либо видела в частном доме... Нобели жили на широкую ногу — с прислугой, поваром и т. д. В комнатах много прекрасных произведений искусства». В распоряжение дам были предоставлены зал и две спальни с ванными комнатами.

Как и в Финляндии, нобелевская лауреатка была на ногах с утра до вечера. «Мы, — пишет она, — во всем следовали гётевской программе, трудясь на износ в течение дня и посвящая увеселениям вечера». Термометр показывал 20–25 градусов мороза, а посему автомобили семьи Нобелей оказались очень кстати. В первый день пребывания в Петербурге были в опере, а на следующий вечер семья Нобелей устроила обед с приглашением семи десятков гостей.

Обед, как и ожидалось, был великолепен: устрицы, осетровая уха *à l'impériale* («по-царски»), икра из Астрахани, фарш из окорока с котлетами из рябчика под камберлендским соусом, жаренный под крышечкой перепел, цыпленок на вертеле... И приглашительный билет, и меню были написаны по-французски. Наряду с обедом у Нобелей был торжественный обед у шведского посланника Брендстрёма. Среди гостей выделялись министр статс-секретарь (и патрон шведской церкви) барон Август Лангхофф с баронессой и профессор астрономии Оскар Баклунд с супругой. Атмосфера обеда была, по отзыву корреспон-

Сельма Лагерлёф в Борго, она сидит в санях книгоиздателя Вернера Сёдерстрёма. Позади саней стоит сам издатель в меховой шапке. Согласно записи на оборотной стороне фотографии, госпожа Уландер «против своей воли» была усажена справа от писательницы «по просьбе фотографа». Снимок сделан 14 февраля 1912 г., за два дня до отъезда в Петербург. *Королевская библиотека (Стокгольм)*

дента «Свенска Дагбладет», «наиприятнейшей». После обеда Сельма Лагерлёф прочла семидесяти приглашенным гостям из шведского и финского приходов отрывки своих сочинений.

Кульминацией визита стал праздник «Шведского общества», состоявшийся на следующий вечер в зимнем саду гостиницы «Европейская». «Когда приехала Сельма Лагерлёф, было пасмурно и холодно, — сообщала “Свенска Дагбладет”, — но во время праздничного обеда в отеле “Европа” она сумела исходившими от нее солнечными лучами согреть нас, около ста шведов и финнов. Со вкусом украшенные цветами и флагами родной Отчизны блистали великолепный зал и стол в форме подковы. Там присутствовала вся наша скандинавская колония — и господа, и дамы, а некоторая напряженность, всегда возникающая при ожидании, когда сосет под ложечкой, — исчезла словно снег под весенним солнцем, едва Сельма Лагерлёф

переступила порог, сопровождаемая господином Эммануэлем Нобелем и шведским посланником генералом Брендстрёмом».

Председатель Общества Альбин Херлитц в своей ответственной речи подчеркнул, что творчество доктора Лагерлёф принесло ей известность далеко за пределами родной страны: в соотечественниках, живущих вне Швеции, ее слово «призывает не забывать Отечество, в котором стояли их колыбели, и о долге благодарности к нему». Писательница поблагодарила несколькими «простыми, волнующими словами» и подчеркнула, что «для нее всегда радостно видеть, какая истинная любовь к Отчизне живет в душах всех шведов, пребывающих за ее рубежами».

После того как прозвучали речи «от имени русской молодежи» и «от имени немецкого народа», вице-председатель Общества Георг Удён «с чувством продекламировал оду в честь гостьи» и был подан кофе, стало «вдруг тихо, словно нас покорила тайная волшебная сила»: Сельма Лагерлёф вынула «Сагу о Ёсте Берлинге» и начала читать. Если отзывы шведской прессы были возвышенными, то тон немецкоязычной газеты «St. Petersburger Zeitung» благоговейным: «Сельма Лагерлёф шведка — всецело и только шведка, но это настолько необъятная и неповторимая личность, что кажется, будто она вобрала в себя и облагородила все человечество».

В программу визита входило также посещение школы шведской церкви, где писательницу радушно поприветствовал пастор Каянус, после чего «чистые детские голоса» спели национальный гимн. Одна девочка «в трогательных выражениях» поблагодарила гостью за все «прекрасное, что д-р Лагерлёф подарила миру детей», и особенно за «Удивительное путешествие Нильса Хольгерсона». В ответ Сельма Лагерлёф произнесла «чарующие душу слова», выразив свою радость от того, что в Петербурге окружена шведскими детьми и звуками их шведской речи.

Одним из этих детей был двенадцатилетний тогда сын Эмиля Хейльборна, спустя 83 года рассказавший мне, как Сельма Лагерлёф, прихрамывая, вошла и написала ему «Нильса Хольгерсона». Затем детей увели от писа-

тельницы, а торжественный вечер продолжился «чашкой кофе» в присутствии взрослых прихожан.

В письме к Софии Элькан Сельма Лагерлёф упоминала, что очень хотела бы посетить Таврический дворец, Петропавловскую крепость и Эрмитаж. Эрмитаж был закрыт «по случаю какой-то весенней уборки», но в крепости писательница побывала, как и в «Храме на крови».

Петропавловский собор стоит недалеко от так называемого рavelина, где содержались политические преступники. «Нельзя не подивиться, — размышляла впоследствии писательница, — властителям, избравшим место своего последнего упокоения совсем рядом с тюремными камерами, где томились их опаснейшие противники». Она ехала в Россию «отдыхать», но писательский взгляд не мог не замечать окружающую ее действительность.

Чичероне, сопровождавшую ее в дни пребывания в Петербурге, Сельма Лагерлёф описала так: «...шведская дама, молодая, блондинка, красивая, благороднейшего северного типа. Я знала о ней, что она из хорошего дома, и поскольку принадлежала к высшим кругам общества, то могу себе представить, что ее жизнь была, так сказать, танцем на розах. Но, общаясь со мной, эта молодая соотечественница стала мне говорить о своем горячем желании оставить праздную жизнь, найти возможность отдавать все силы какой-нибудь серьезной и трудной работе, применить на деле свои способности и собственным трудом достичь чего-то». Этим гидом была Эльза Брендстрём. Пройдет всего два года, и у нее появится возможность реализовать свои устремления.

После краткого пребывания в Москве Сельма Лагерлёф вернулась в Швецию, проведя в России больше недели.

Веселье...

«**П**рекрасная эпоха» была в России более прекрасной и беззаботной, чем где-либо. Но безудержно беспечная жизнь протекала на фоне народной нищеты и политических волнений, чего не было в других европейских

странах. словно бы интенсивность веселья была прямо пропорциональна подспудному ощущению, что скоро все это кончится.

В стране с такой разнородной социальной структурой, как Россия, печаль и радость утолялись по-разному, в соответствии с классовой принадлежностью. Рабочие, кучера и прочий работный люд посещали бесчисленные городские трактиры — своего рода третьеразрядные рестораны, обычно расположенные на уровне улицы или же в подвале. Еду заказывать не принуждали, и посетители одним махом опустошали 120 или 300-граммовые бутылочки водки — особенно кучера, которые всегда торопились. Если хотелось поесть, то обычно предлагался капустный суп с хлебом или пирогами. «Здесь собираются отбросы общества, — писал один шведский путешественник, — чтобы, налившись водкой, подкрепиться и позабыть о горестях дня. Между “Контантом” на Мойке и трактиром на Воронежской улице такое же расстояние, как между аристократом и дворником».

Тому, кто хотел только выпить, не обязательно было тащиться в трактир: в государственных монопольных лавках водка продавалась свободно. Она была двух сортов — попроще, залитая красным сургучом, и лучше очищенная — белым. Пробка сидела так неплотно, что бутылку легко было открыть прямо на улице, и государство извлекло из этой торговли большие деньги.

«Водочные лавки можно было узнать издалека, — вспоминает Бенгт Идестам-Альмквист. — Штукатурка каменного фундамента выкрошена. Дом выглядел рябым. Рабочий входил, получал свою бутылку. Ее содержимое следовало употребить тут же, ибо пустую тару надо было возвратить. Рабочий выходил наружу, тер горлышко бутылки о фундамент и выковыривал сургуч. Потом он ударял ладонью по донышку, пробка вылетала, и бутылка выпивалась из горлышка на тротуаре». Такое зрелище, врезавшееся в память будущего писателя, он наблюдал во время прогулок с губернатором, и в детской комнате потом играли в водочную лавку.

На другом конце шкалы находились рестораны первого класса. Их владельцы часто были иностранцами, и заве-

Одно из редких
посещений Эльзой
Брендстрём
петербургских
салонов. 1908 г.

дения носили иностранные названия. К таким относились «Донон», «Контант», «Медведь», «Доминик», «Restaurant de Paris», «Вена», «Эрнест», «Метрополь». Считалось, что лучшая русская кухня была у Палкина на Невском проспекте, 47.

Было также довольно много варьете и летних театров, расположенных обычно за пределами центра, на островах. Сюда приезжали после посещения ресторанов, чтобы беззаботно повеселиться, прежде всего ради цыганских танцев и песен. Одним их самых известных ресторанов-варьете был «Аквариум» на Каменноостровском проспекте, 10, где имелись и летний, и зимний сады.

Есть много описаний русских фешенебельных ресторанов. Виноторговец Карл Лион, легендарный стокгольмец, часто посещал город в первые годы столетия. Он вспоминал:

Веселье продолжалось ночи напролет. Можно было, например, начать вечер в «Медведе» — ресторане, находившемся на пересекавшей Невский проспект улице. Обслуживающий персонал состоял из татар, то были лучшие официанты в тогдашней России... Мы начинали с плотной закуски, среди которой была, конечно, масса великолепнейшей икры, в том числе красной лососевой, под которую мы пили водку с императорских винокуренных заводов. Затем приносили борщ, мы ели копченого или вареного осетра, после чего обычно следовало блюдо из дичи, например белой куропатки. Русские действительно мастера в приготовлении дичи, часто со множеством различных грибов. На десерт брали, к примеру, *glace au four* (мороженое, запеченное в духовке. — *Примеч. перев.*), и весь обед орошался грузинскими либо тонкими зарубежными винами.

Когда добирались до кофе и коньяка, дело уже близилось к полуночи, и пора было отправляться на острова:

Нанимали тройку с местами едва для двоих человек. Ею правил кучер в огромном ямщицком пальто из зеленой или черной ткани, подбитой мехом. Он был опоясан красивой тканой лентой, а на шапке торчало павлинье перо. Из трех лошадей в упряжке коренная бежала рысью, а левая и правая шли галопом. Вообще говоря, меня очень удивляло то, что русские велели кучерам с экипажами ждать всю ночь напролет у тех заведений, куда зашли, сколь бы холодна ни была ночь...

От Невского проспекта мы выезжали на невские острова, где имелись всевозможные заведения, варьете и цыганские рестораны, в которых цыгане пели свои экзотические песни. С рассветом веселье продолжалось в яхт-клубах, где все и завершалось завтраком из ветчины и яиц, а в зимнее время иногда и с катанием с горы на санках. Лишь после этого наступало время ехать домой.

Отношение русских к развлечениям и употреблению алкоголя было настолько терпимым, что граничило с экзотикой. Примером может послужить праздник, устроенный братьями Нобелями для офицеров и кадетов по случаю прихода в Петербург в августе 1902 г. шведского корве-

та «Фрейя». Несколько кадетов получили дисциплинарные взыскания за появление на борту в нетрезвом виде, и поэтому подробности дела сохранились в записях журнала Военно-морского училища.

После закусок, состоявших, в частности, из осетрины, черной икры, зажаренных целиком медведя и дикого кабана, кадеты решили, что обед завершен. Но это было лишь начало. После закусок растворились двери в настоящий обеденный зал, и гости приступили к трапезе, «не уступавшей закускам в кулинарной изысканности». Особенно сильное впечатление произвели на юных кадетов полные бутылки шампанского, выставленные при каждом куверте. После обеда, выйдя в парк, приступили к кофе с ликером, шампанским и земляникой. Юные морские кадеты так тут разошлись, что принялись качать нескольких русских генералов, но одного не успели вовремя подхватить, и он грохнулся на землю. Младшим кадетам после этого пришлось покинуть пир и отправиться на борт корвета. Далее журнал сообщает:

«Когда подавали кофе, был приведен “брат” съеденного при закусках медведя и живехоньким оставлен в качестве подарка кадетам. Присматривать за ним поручили одному из кадетов, и он как медвежий сторож должен был привести зверя на корабль. Говорят, что этот кадет по дороге к кораблю зашел в ночное кафе, перед которым крепко привязал медведя своими подтяжками к фонарному столбу. Медведь между тем высвободился, но потом при помощи русского полицейского был пойман и препровожден в Стокгольм, где его поместили в зоопарк Скансен».

...было «танцем на вулкане»

Под гладкой поверхностью бурлили социальные волнения; то, что это был «пир во время чумы», видели все, кроме тех, кто намеренно закрывал на это глаза. Майя Хусс в одном письме сообщает об учительнице школы Нобеля, обвенчавшейся с молодым инженером в тюрьме Петропавловской крепости перед его ссылкой в Сибирь. Им раз-

ГЕРЦОГ СЁДЕРМАНЛАНДСКИЙ ЖЕНИТСЯ

На протяжении столетий предпринималось несколько попыток теснее соединить Швецию и Россию посредством династических браков. Несостоявшееся бракосочетание Густава IV Адольфа с юной Александрой обсуждалось выше. Очередная попытка была сделана доброй сотней лет позже, когда принца Вильгельма, герцога Сёдерманландского, сочли подходящей партией для великой княжны Марии Павловны, племянницы Николая II. Альянс между двумя царствующими домами рассматривался как стратегически важный после расторжения в 1905 г. шведско-норвежской унии. На сей раз венчание действительно состоялось, свадьбу сыграли в Царском Селе весной 1908 г., но великой княжне было

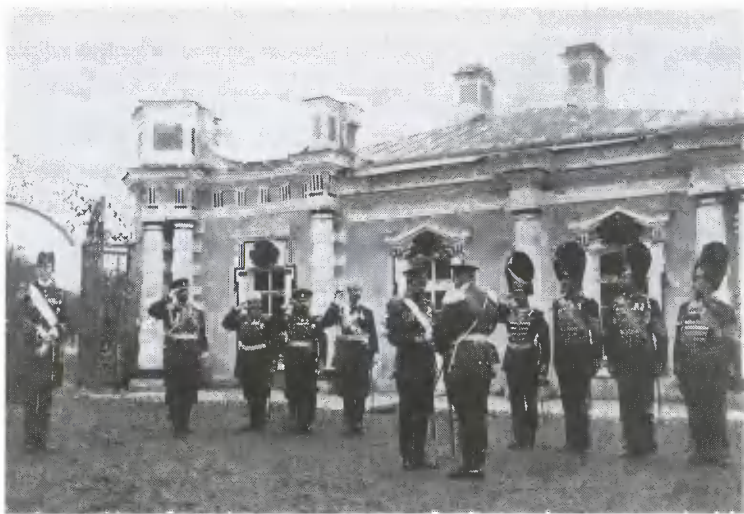
Николай II встречает Густава V на железнодорожном вокзале в Царском Селе, где состоялось бракосочетание.

Библиотека Бернадотов

всего 18 лет, и этот брак по расчету спустя всего несколько лет распался.

Для шведской колонии бракосочетание явилось, разумеется, большим событием. Густав V дал прием для своих соотечественников в Зимнем дворце, и пастор Каянус, которому было поручено оборудовать в царскосельском дворце лютеранскую часовню, ассистировал при церемонии венчания и был награжден орденом Северной звезды, а также получил от Его величества императора украшенный бриллиантами золотой крест; подобной чести в России не удостоивался прежде ни один лютеранский священник.

Когда позднее в том же году в Петербурге состоялась международная Художественно-промышленная выставка, принц Вильгельм был почетным председателем шведского организационного комитета.

Принц Вильгельм и император в Царском Селе. Внизу: Шведский павильон Художественно-промышленной выставки, состоявшейся в октябре 1908 г. *Библиотека Бернадотов*

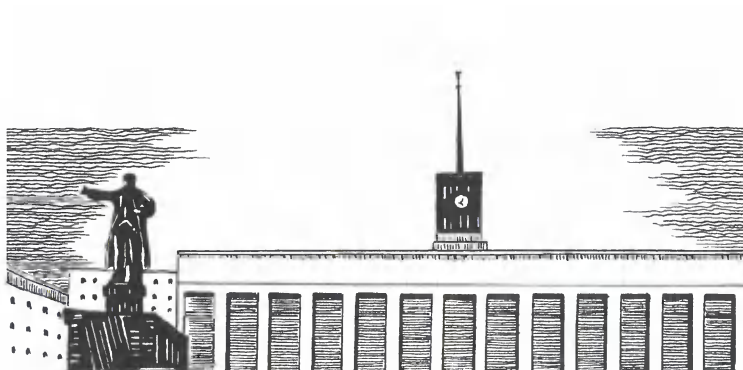
решили побыть вместе четверть часа в присутствии жандармов, и тюремная повозка укатила. Когда семья Нобелей отправляла со своей летней виллы в Кирьола молоко в Петербург, бутылки пломбировались, «но по прибытии на [финско-российскую] границу таможенники срывают пломбы и помешивают в молочных бутылках своими грязными палками, дабы убедиться, что в молоке не спрятаны бомбы. Здесь каждый день можно услышать удивительные истории, — пишет Хусс и добавляет. — Шведке это кажется неправдоподобным».

Даже такой бонвиван, как Лион, не мог не заметить, что за беззаботной жизнью кроется иная, более мрачная социальная действительность. Однажды зимним днем 1905 г. Лион сидел со своим отцом и с еще одним шведом за ланчем в ресторане Лейнера. Вдруг послышался глухой гул голосов, который усиливался по мере приближения. Посмотрев в окно, компания увидела возглавляемое священником шествие демонстрантов. Когда демонстранты вознамерились перейти мост, их обстреляла полиция. После ланча шведы взяли дрожжи до отеля «Англетер», соседнего с «Асторией». Там собралась многолюдная толпа. Когда толпа стала напирать, выстроенные перед Адмиралтейством казаки вдруг ринулись в атаку:

«Сначала они стали хлестать теснившихся людей нагайками, но вот был отдан приказ стрелять. Всадники не хотели убивать людей, возможно, в душе ощущали свое родство с этими несчастными людьми и вместо того, чтобы палить в них, направляли стволы на деревья, стреляя по их кронам. Но на ветвях сидело много маленьких детей, наблюдавших это зрелище. Сраженные ружейными пулями, они падали вниз подобно мертвым воробьям».

Шведы стали свидетелями так называемого Кровавого воскресенья. Подобные события заставляли даже случайного приезжего почувствовать, что, говоря словами Лиона, «светская жизнь в С.-Петербурге» была «танцем на вулкане». Но, пишет он, «с какой изощренной жизнерадостностью, вкусом и изяществом исполнялся этот танец, конец которого был весьма скор».

Город Ленина

«Есть ли у шведов достаточные причины оставаться здесь?»

Однажды, когда ювелир Александер Тилландер отправился домой из своего магазина, расположенного на углу Невского проспекта и Малой Конюшенной улицы, за ним последовал автомобиль. Шел 1917 год, времена были беспокойными, и наиболее ценные украшения ювелир носил с собой в портфеле. Неподалеку от приходского дома шведской церкви, где жил Тилландер, автомобиль поравнялся с ним, и из окна к портфелю, который ювелир держал под мышкой, протянулась рука. 80-летний Тилландер боролся, не желая отдавать драгоценности, и грабитель выстрелил; пуля попала Тилландеру в голову. На выстрел тотчас сбежались любопытные, в том числе ученики шведской школы, и воры убежали без добычи. Поправившись через некоторое время, Тилландер к своему огорчению узнал, что среди преступников был один из его служащих...

Большевики захватили власть. Упомянутое происшествие случилось как раз после государственного переворота, состоявшегося в октябре 1917 г. и высвободившего в российском обществе буйные, необузданные силы. Но даже если после взятия большевиками власти бесправия и произвола стало больше, не только они были виноваты в насилии и возникновении общего ощущения нестабильности.

От Февраля к Октябрю

Февральская демократическая революция потрясла основы российского общества: император был свергнут, образовано Временное правительство, на улицах царило праздничное настроение, но вместе с тем вол-

Александр Тилландер-старший на рисунке Эрика Васстрёма

нения и хаос; убивали людей, поджигали дома... Как это ни парадоксально, но первая, настоящая революция повлекла за собой для отдельного гражданина больше опасностей, нежели октябрьский переворот, по крайней мере поначалу.

Одним из тех, кто едва не расстался с жизнью после Февральской революции, был Густав Маннергейм. Война была непопулярна, революционеры охотились на офицеров прямо на улицах, и Маннергейму пришлось искать убежища в доме Эммануила Нобеля, где офицер переоделся в гражданскую одежду. Маннергейм был высокого роста, а предложенный ему костюм был сшит на низкорослого и полного человека — вероятно, на самого Нобеля. Брюки были приспущены, и когда франт Маннергейм позднее нашел приют у одного соотечественника, то сразу позаботился о том, чтобы запастись приличным облачением. Оскар Лидваль, сын Эдварда, в своей книге «Значение одежды» (Стокгольм, 1937) рассказывает, что Маннергейм вошел в спальню, чтобы надеть один из костюмов своего друга. Поскольку он замешкался там, друг вошел в комнату и увидел, что Маннергейм «с величайшим тщанием подбирал подходящий к костюму галстук...».

Февральская революция породила большие ожидания, но вследствие политической хрупкости в ней таились семена ее антипода — диктатуры. В условиях царившего весной

и летом хаоса большевистская партия при помощи немецкого генерального штаба сумела вбить клин между народом и правительством, использовать недовольство войной и отсутствием реформ и заложить фундамент для захвата власти, который произошел в октябре.

Для Маннергейма большевистский переворот имел менее драматичные последствия, чем Февральская революция, и он без особых затруднений смог выехать из страны. Сразу после переворота он отправился в Петроград из Одессы, куда прибыл с фронта лечить раненую ногу. «Удручающее впечатление производил уже вокзал с толпами расхристанных солдат, валяющихся повсюду, — пишет Маннергейм в своих “Воспоминаниях”. — Меня возмутило то, что генералы сами тащат свой багаж, но мои вещи два солдата охотно подхватили и раздобыли для меня дрожки. То, что я увидел по дороге к “Европейской”, где в марте меня чуть было не арестовали, подтвердило мрачное впечатление от города».

В Петрограде нельзя было жить без разрешения, поэтому Маннергейм выхлопотал командировку в Гельсингфорс. Но, проведя всего неделю в финской столице, он опять вернулся в Петроград, желая узнать, «добились ли чего-нибудь силы, защищающие Россию». Впечатление оказалось отрицательным и вполне согласуется с описаниями других очевидцев: «Не видно ни намека на какие-либо попытки восстать против советской власти».

Что до Эммануила Нобеля, у которого Маннергейм прятался в марте 1917 г., то он летом 1918-го отправился на относительно спокойный северокавказский курорт Эссентуки. Но и там политическая ситуация вскоре ухудшилась. Между прочим, нехватка денег стала столь острой, что Эммануил решил помочь местному банку выпустить низкопробные ассигнации. Это привлекло внимание большевиков, и Нобеля кто-то уговорил покинуть страну. Переодевшись крестьянами, он и жена Ёсты Нобеля с детьми в августе 1918 г. сумели добраться до железнодорожного вокзала, где им удалось сесть в поезд, который через Ставрополь, Киев, Варшаву и Берлин доставил их в Стокгольм.

Самые младшие братья Ёста и Эмиль оставались жить в Петрограде в 1917–1918 гг., но в конце ноября 1918 г. их арестовали и посадили в ЧК на Гороховой улице. Благодаря вмешательству шведской миссии они были условно освобождены, но с обязательством ежедневно отмечаться в Чека. 19 декабря, когда Швеция уже разорвала дипломатические отношения с Советской Россией, им удалось бежать из города и на поезде, в санях и пешком добраться до российско-финской границы у Сестрорецка. «Самой границей была обычная канава, пересекавшая открытое поле, — вспоминал Ёста Нобель. — Переправившись через эту канаву, я впервые осознал истинное значение границы. Для меня она по одну свою сторону означала вероятную гибель, а по другую — при всех обстоятельствах свободу».

На той стороне их остановили финские пограничники. Но визитная карточка Эмиля произвела желаемое впечатление: «Nopeli! — прочел один из пограничников. — Нувä on» («Нобель! Это хорошо»), и братья смогли продолжить путь. В Стокгольм они прибыли за два дня до сочельника 1918 г.

Почти все люди, с которыми мы уже встречались на страницах этой книги, бежали из Петрограда в спешке, часто при хаотических обстоятельствах. В подавляющем большинстве случаев они не взяли с собой ни предметы домашнего обихода, ни иного имущества. Например, Фритьоф Альмквист находился в заграничной поездке, и большевики запретили ему возвращаться в Петроград; его жена пыталась спасти, что могла.

Обстоятельства семьи Хейльборнов сложились противоположным образом: госпожа Хейльборн уехала в Швецию с детьми еще в 1914 г., а муж остался в Петрограде вести дела. Во время войны деловая активность значительно снизилась, а после большевистского переворота все частные предприятия, в том числе и бумажные фабрики Хейльборна, были национализированы. Новые власти были плохими предпринимателями, и довольно скоро богатая лесами Россия была вынуждена импортировать картон и бумагу. Одновременно, констатировал

С ЛЕНИНЫМ В ВАГОНЕ-РЕСТОРАНЕ

Весной 1917 г. инженер Юн Тунельд, о котором подробнее речь пойдет ниже, поехал в Стокгольм — по делам, но также и чтобы повидаться со своей семьей. Поскольку пароходное сообщение на Балтике в годы войны было прекращено, путешественникам приходилось ездить поездом через Торнео и Хапаранда. Через некоторое время Тунельд вернулся в Петроград. Ему довелось ехать с совершенно неожиданным попутчиком:

Так получилось, что, возвращаясь, я выехал из Стокгольма вечером 13 апреля по новому стилю. Ближе к вечеру следующего дня я сидел в вагоне-ресторане, любуясь красотой северного ландшафта, когда мое внимание привлекла большая компания в другом конце вагона — человек тридцать обоего пола, которые, мягко говоря, выглядели странно и производили впечатление людей, каких мы обычно называем сбродом. По их речи я понял, что это, должно быть, возвращающиеся домой русские, однако не военнопленные, а потому все это показалось мне труднообъяснимым. Когда мы на следующий день пересекли границу на пути к Торнео, я увидел, что эти странные иноземцы оживленно разговаривают с массой других личностей подобного же разбора и что они начали раздавать красные шелковые банты с выполненной золотым тиснением надписью «Да здравствует социалистическая революция во всем мире!». Мне стало ясно, что эти путешественники — возвращающиеся в Россию политики-эмигранты. На нескольких более крупных финляндских станциях этих русских приветствовали рабочие делегации с флагами впереди, и на торжественные приветствия отвечал мужчина, являвшийся, надо полагать, лидером этой возвращавшейся группы. Он говорил твердо и энергично, сопровождая речь выразительной жестикуляцией. В последнее утро, 16 апреля, мне в Тойяла предстояло выйти из поезда на Петроград, чтобы продолжить путь через Або и Гельсингфорс, где у меня были дела в связи с заводом. На коротком перегоне между Таммерфорсом и Тойяла я в вагоне-ресторане взял легкий завтрак и вдруг заметил, что напротив меня сидит тот самый человек, которого я видел на вокзалах в северной Финляндии и слушал его речи, обращенные к встречавшим там рабочим делегациям. Он сидел, углубившись в чтение книги, и у меня не имелось никакого повода помешать ему. Позднее я понял, что этим человеком был Ленин. Он поехал со своей свитой дальше в Петроград, где вечером того же дня был встречен огромными толпами рабочих и произнес свою первую зажигательную речь, уже с первых слов объявлявшую войну назначенному Временному правительству».

Юн Тунельд

Эмиль Хейльборн в 1922 г., гидроэнергия не использовалась, леса уничтожались, а население умирало с голоду. «Фантастический проект вождей электрифицировать всю страну», по мнению Хейльборна, это лишь способ «отвлечь внимание от фактического положения дел, сложившегося при кровавом правлении диктатуры пролетариата».

Что же до Федора Лидваля, то после Февральской революции посланник Брендстрём посоветовал ему до тех пор, пока ситуация стабилизируется, отправить семью в Швецию. Жена и дети Лидваля провели лето в стокгольмских шхерах. В августе скончался отец госпожи Лидваль, и она отправилась в Петроград, где соединилась с мужем. Но дети по-прежнему оставались в Швеции, куда она вернулась уже в сентябре. Этот приезд стал ее последним пребыванием в городе, в котором она родилась и выросла.

Федор Лидваль пережил большевистский переворот в Петрограде, но Рождество праздновал, по-видимому, в Стокгольме со своей семьей. Так или иначе, в январе 1918 г. он снова был в Петрограде. Там он оставался еще почти год; в конце ноября он уехал в Стокгольм, наверное, не думая, что никогда не вернется. В его конторе продолжалась работа над проектами нескольких зданий: Русского банка внешней торговли, а/о «Братья Нобель», родильного дома в Петрограде, банковского дома в Самаре, курортного отеля в Кисловодске. Ни один из проектов не был завершен, но мастерская функционировала как цельная структура до 1923 г.

Шведов призывают покинуть страну

Большинство шведов покинуло Россию в 1917–1918 гг. Но несмотря на то что политическая ситуация постепенно ухудшалась, не все сразу потеряли надежду на перемены к лучшему.

В письме к родителям Свен Ерринг, который во время первой революционной зимы работал в Петрограде в «Отделе Б» шведского Министерства иностранных дел,

сообщает в январе 1918 г., что в марте, вероятно, начнет выходить шведская газета под названием «Рюска Дагбладет» («Русский ежедневный листок»). Инициаторы этого издания не названы, но, возможно, речь идет о проекте, кратко описанном в бумагах, сохранившихся в фонде шведской миссии в Государственном архиве Швеции, — первый номер газеты, освещающей «политику, экономику и духовную культуру», должен был выйти 1 октября 1918 г. Газете предстояло «соблюдать все интересы скандинавов в России», выходить шесть раз в неделю и состоять из не менее чем четырех страниц, не считая объявлений. Если речь идет об одной и той же газете, то она к тому времени изменила свое название на «Эстервикинг» («Варяг»). Впрочем, к октябрю 1918 г., как мы увидим, время для подобного предприятия уже миновало.

Другим проектом с видами на будущее стала Петроградская контора Скандинавского банка, которая должна была расположиться по адресу Невский проспект, 10. В октябре 1918 г. архитектор Сириллус Юханссон сделал эскиз здания, но, подобно «Эстервикингу», от этого проекта осталась лишь план.

Оптимисты являли собой исключения, и те, кто предавался подобным мечтаниям, скоро изменили свое мнение. В течение 1918 г. события развивались все быстрее. Зима и весна были в целом временем политического плюрализма — в пределах социалистического лагеря: большинство социалистов были противниками большевиков, но социалистическим партиям и группам по-прежнему дозволялось существовать. Этот плюрализм означал, что имелась своего рода «социалистическая свобода слова»: еще можно было быть *не-большевиком* и не обвиняться в *анти-большевизме* или *анти-советизме*.

Но за лето 1918 г. произошло несколько событий, приведших к коренным переменам в российской внутренней политике, которые свершились осенью того же года. Вспыхнула Гражданская война, и в страну вторглись иностранные войска; в июле были запрещены почти все меньшевистские газеты; царская семья казнена; были убиты видные большевики Володарский и Урицкий, и 30 августа

Фанни Каплан совершила покушение на Ленина. И, наконец, как следствие этих событий, в начале сентября декретом Чeka был объявлен «красный террор».

После лета 1918 г. большевики стали правящей партией; межпартийная деятельность, возможная на протяжении весны, была уже немислима. Теперь существовали только два лагеря — «белый» и «красный». В такой ситуации еще остававшиеся в Советской России шведы ясно осознали, что времени в обрез, и консульство в Москве и миссия в Петербурге начали активную деятельность по эвакуации тех, кто хотел покинуть страну. Шведское правительство, «учитывая бедственное положение, в котором, согласно поступающим сведениям, находятся некоторые пребывающие в России шведы», быстро заключило соглашение с пароходством «Свеа» о перевозке людей в Швецию за половинную оплату. Билеты выдавались в «Северном бюро путешествий» на Большой Конюшенной улице по предъявлении свидетельства о том, что «подобные обстоятельства действительно имеют место».

Миссия настоятельно рекомендовала ограничить багаж лишь самыми необходимыми вещами, а тем, кто намеревался покинуть Россию навсегда, следовало хлопотать о разрешении взять с собой имущество, на вывоз которого был наложен запрет — например, мебель. Можно было взять не более тысячи рублей в русской валюте, но позволялось отправить наличные сбережения с курьерской почтой.

После того как шведская миссия в декабре 1918 г. выехала из города, ситуация обострилась, поскольку оставшиеся шведы утратили защиту своего дипломатического представительства. Инженер Юн Тунельд, о выдающихся заслугах которого перед шведской колонией в Петрограде в 1920—1930-е гг. будет рассказано в следующей главе, в своих неопубликованных мемуарах свидетельствует о царившем среди шведских деловых людей и сотрудников миссии замешательстве, вызванном приказом стокгольмского правительства посольству и консульству ехать домой. «Некий швед — если правильно помню, это был инженер Р., — прибыл из Стокгольма курьером с заданием передать всем живущим здесь шведам призыв правитель-

ства покинуть страну... и, руководствуясь списком всех известных живущих в России шведов, он каждому, кого встречал, сообщал об этой просьбе правительства».

«Отдел В»

Среди оставшихся в Петрограде шведов были представители шведского Красного Креста и штат «Отдела В» Министерства иностранных дел. Швеция как нейтральная страна взяла на себя функции надзора за тем, чтобы с немецкими, австрийскими и турецкими военнопленными обращались соответственно международным правилам. Представители Красного Креста объезжали сибирские лагеря для военнопленных, помогая им одеждой, продовольствием и т. д., а также занимались вопросами репатриации. «Отдел В» насчитывал приблизительно 250 сотрудников и с 1918 г. возглавлялся Эмилем Хейльборном.

Отдел был закрыт в 1921 г., но до этого Хейльборн успел осуществить еще одно важное для Швеции и России дело. После присоединения Швеции к объявленной союзниками блокаде и разрыва в декабре 1918 г. дипломатических отношений с Советской Россией представитель советского правительства в Стокгольме Вацлав Воровский в январе 1919 г. был вынужден покинуть Швецию. Однако ехать через Финляндию для большевика было небезопасно, и министр иностранных дел Хелльнер попросил Хейльборна сопроводить Воровского на родину. К дипломатам присоединились также русские чиновники из Норвегии, Дании и Англии. Хейльборн сумел не только доставить эту группу людей в Россию, но и получить разрешение на вывоз из России архивов шведской миссии и «Отдела В». Многие историки, сами того не зная, в долгу благодарности перед Эмилем Хейльборном, которого шведское правительство в 1924 г. удостоило титула генерального консула.

Среди сотрудников «Отдела В» был, помимо Свена Ерринга, в частности, сын Антона Карлсунда — Отто, впоследствии ставший известным художником. Сотрудником был также основатель «Шведского общества» инженер Ха-

ралльд Халль, в 1919 г. возглавивший Петроградский округ «Отдела В». В отличие от Хейльборна Харальд Халль угодили в беду.

«Во время моей последней служебной поездки, — сообщал он позднее в своем донесении, — меня девять раз арестовывали, мне пришлось подолгу сидеть в кошмарных тюрьмах, меня дважды выводили на расстрел, и я жестоко голодал, проводя в Москве ужасную зиму». В конце концов советское правительство было вынуждено признать, что все бумаги Халля в порядке и нет никаких оснований держать его в заключении. По возвращении домой его мытарства были описаны в газете «Гётеборг-постен»: «Инженер Халль, человек богатырского телосложения и обладавший соответствующей физической силой, испытал тяжкие лишения от голода... После пребывания в тюрьме он в течение нескольких недель регулярно по два раза в день падал в обморок от последствий недоедания... В одной из московских тюрем он и его товарищи по несчастью... перенесли тяжкие страдания от невероятного произвола и жестокости тюремного комиссара».

Конфискация именем народа

Многие шведы, уезжая из Петрограда, оставили богатое имущество: недвижимость, ценные вещи, банковские счета.

В 1919 г. Шведское государство учредило «Русскую комиссию по имуществу», задачей которой являлось защитить интересы шведов в России — как частных лиц, так и предприятий. Содержание хранящихся в Государственном архиве Швеции заявлений и прошений, которые занимают на полках немало места, представляет собой грустное и трагическое, порою душераздирающее чтение. Здесь есть все — от просьб частных лиц вернуть положенные в банки несколько сотен рублей до миллионных требований от предприятий Нобелей и Л. М. Эриксона. Среди тех, кто потерял больше всего, были семьи Лидвалей — и архитектора, и портных.

Общая сумма требований Федора Лидваля к Советскому государству достигала 1 792 520 крон, что соответствует 70–80 миллионам нынешних крон. Сюда относились три дома: на улице Зелениной, 20/15 (приобретен в 1910 г.), на проспекте Безбородко, 14 (приобретен в 1915 г.), на Большом проспекте Васильевского острова, 99–101 (приобретен в 1916 г.). Документы, подтверждающие право владения, имеются (имелись!) в ячейке № 700 Петроградского отделения Азовско-Донского банка. Жена Маргарете выставила требование в размере 375 000 крон.

Что касается портняжного ателье И. П. Лидваля, то оно после кончины в 1915 г. его матери Иды Лидваль было разделено: Вильхельму и Эдварду досталось ателье придворное и по пошиву мундиров под названием «Сыновья И. П. Лидваля», а Паулю — на правах собственной фирмы ателье по пошиву гражданского платья и военных мундиров. На следующий год все трое были пожалованы персональными званиями придворных поставщиков.

Первое время после большевистского переворота иностранные миссии, как правило, выдавали удостоверения, которые должны были защитить собственность страны от захвата. Эти удостоверения выправлялись бесплатно и не только с целью уберечь шведское имущество: некоторые шведы из миссии «Отдела В» жили, например, в парадных апартаментах великого князя Кирилла на Миллионной улице, где такое удостоверение, прикрепленное на наружной двери, извещало, что апартаменты находятся под защитой шведского полномочного министра (посланника).

Все три брата Лидваля покинули Россию на протяжении 1918 г., и осенью того же года склад ателье был опечатан печатью шведской миссии. Но на эту бумажку обратили столь же мало внимания, как на прочие: печать была сломана и помещение со всем, что в нем находилось, конфисковано.

К ходатайству братьев Лидвалей в «Русскую комиссию по имуществу» было приложено письмо, удостоверявшее, что «всеми принадлежащими ателье Лидвалей помещениями... на Морской улице в доме № 27, третий этаж, насиль-

ственно завладели российские советские власти, оборудовавшие там коммунистические портняжные мастерские и кабинеты политических комиссаров». Написавшая это письмо уборщица Ю. Ньюберг продолжает: «Все принадлежащие фирме Лидвалей товары, включая и те, которые были сложены в запертых комнатах и опечатаны печатью шведского консульства, были оттуда вывезены. Превосходная и ценная мебель, а также ковры, множество швейных машинок и прочих принадлежностей при моем отъезде еще оставались в помещениях и использовались персоналом мастерских, но очень небрежно. Это хорошо мне известно, поскольку я с ноября 1919-го до июня 1920 г. работала в вышеназванных коммунистических мастерских уборщицей».

Братья выдвинули свои требования не только к ряду министерств, но также к нескольким великим князьям и к прочей знати. И в этом случае, по-видимому, не удалось получить никаких денег — должники были или убиты, или разорены.

Братья Лидвали возобновят свою портняжную деятельность в 1920-х гг. в Стокгольме (см. главу «Эпилог и пролог»), но русская ее история завершилась. Последний след деятельности семьи Лидвалей в России был раскопан в 1990 г., когда при поисках останков царской семьи нашли две брючные пуговицы с надписью «И. П. Лидваль».

О другой состоятельной шведской семье в Петербурге — семье Болинов — нам известно очень мало. Один из совладельцев фирмы, Густав Болин, скончался в 1916 г., и, вероятно, в том же году его брат Эдвард покинул Россию, чтобы поселиться в одном из своих немецких поместий. Однако фирма просуществовала еще некоторое время, возможно, ею управлял живший в Москве третий брат — Вильгельм. Можно предположить, что в течение 1918 г. фирма закрылась. Вероятно, это произошло одновременно и приблизительно таким же образом, как и в Москве. А как состоялась ликвидация фирмы там, видно из письма, отправленного 26 ноября заведующим московским магазином Эриком Дауге в Стокгольм Вильгельму Болину:

Я пишу эти строки в весьма подавленном состоянии духа. Положение все ухудшается, и не знаю, сможем ли мы преодолеть кризис без Вашего здесь присутствия. Мы часто не понимаем, как выпутаться из ситуации и каким образом защитить Вашу собственность и фирму. Большинство магазинов опечатано. Окружающие нас ювелирные и часовые магазины закрыты, магазины канцелярских товаров, [торговый дом] «Мюр & Мерилиз» закрыты, множество вывесок сорвано. Мы опасаемся также, что рядом со шведскими появятся русские пломбы-печати. На прошлой неделе вышел декрет, согласно которому все ювелирные магазины в силу коммунализации должны в трехдневный срок представить точный и полный перечень всех своих товаров. Поскольку мы не можем торговать изделиями из золота и серебра, будучи опечатаны печатью [шведского] консульства, то махнули рукой на это распоряжение... Служащие с большой тревогой смотрят в будущее. Каждый безработный должен явиться в распоряжение властей, иначе рискует быть сосланным как «паразит»... Становится все труднее доставать продовольствие. Скоро люди будут иметь право только на минимальные пайки, предусмотренные продовольственными карточками. При этом мы относимся в лучшем случае к третьей категории, а ей выдаются пайки, которые обрекают на жизнь впроголодь. Над Вашей квартирой тоже висит дамоклов меч. Меня постоянно подкарауливают комиссии, и живущие в доме люди опасаются, что его конфискуют под жилье для рабочих. В Вашу квартиру въехало несколько чужих. Еще восемь комнат займет один артист с дочерью и ее детьми — всего восемь человек. Это очень славные люди. Ваша мебель хранится главным образом в двух комнатах, опечатанных шведским генеральным консульством.

Деятельность обществ

Для тех, кто не смог покинуть Петроград, ситуация скоро стала отчаянной. Ранним летом 1918 г., когда голод в России был уже повсеместным, шведская миссия просила у Комитета Петроградского Красного Креста по помощи военнопленным мешок муки «для Скандинавских стран».

ВСТРЕЧА ДВУХ МИРОВ

Драматические события ранней осени 1918 г. отражены в документе, сохранившемся в архиве шведского Министерства иностранных дел; это один из самых ранних документов, отражающих реальную обстановку в коммунистической России.

18 сентября 1918 г. генеральный консул Швеции в Москве Клас Аскер в конфиденциальном докладе министру иностранных дел Хелльнеру сообщал: позиции советского правительства «посредством террористических мероприятий так укрепились, что в ближайшем будущем не представляется вероятным какой-либо внутренний переворот». Равным образом не приходится ожидать ничего хорошего от правительственной политики по отношению к нейтральным государствам. Швейцарский вице-консул, пишет Аскер, только что узнал от «правой руки Ленина» Карла Радека, что у граждан Швейцарии в России «нет вовсе никаких» прав, что советское Министерство иностранных дел, «пожалуй, из сострадания и в исключительных случаях» может позволить «милосердию возобладать над законом» и что вся Швейцария — это «буржуазная нация рабочих», с которой следует «бороться средствами большевистской пропаганды».

Швейцарских рабочих надо довести «до глубочайшей нищеты, дабы затем, когда они совершенно проникнутся идеями большевиков, при помощи советского правительства отдать им власть, которой уже обладает российский пролетариат». Методы действий, возможно, будут восприняты как жестокие, но цель оправдывает средства, ибо это битва за высшие общественные идеалы, и в такой борьбе можно не принимать в расчет жизнь отдельных людей.

Клас Аскер.
Портрет принадлежит
его дочери Эллен Бунде.

Карл Радек в 1917 г. был представителем российских социал-демократов в Стокгольме. Когда Ленин в апреле ехал поездом в Петроград через Стокгольм, Радек был с ним. Во время визита Аскера Радек был, в частности, главой отдела российского Комиссариата иностранных дел по Центральной Европе. Через два месяца его нелегально отправили в Германию, где он был арестован. Фотография сделана после его освобождения в декабре 1919 г. Радек скончался в тюрьме в 1939 г., будучи обвинен в антисоветской деятельности.

Положение Швеции походило на положение Швейцарии, и поэтому Аскер попросил о встрече с Радеком.

Г-н Радек... осведомился о причине моего визита, и я ответил, что отовсюду слышу о нем как о самом беспощадном из всех руководителей, но сам я хочу придержать при себе собственные суждения, покада не познакомлюсь с ним лично. «Мне лестно это слышать, — сказал он, — а желание познакомиться является обоюдным. Давайте поговорим». Он... дал мне понять, что правительство... склонно восстановить отношения с нейтральными, особенно северными государствами... На мой вопрос, как он представляет себе возможность каких-либо отношений, если российское правительство постоянно издает все новые декреты, лишаящие даже подданных нейтральных держав их самоочевидных прав, изгоняющие их из их жилищ, отнимающие имущество, не позволяющие получать даже того минимума их собственных денег, какой совершенно необходим для удовлетворения самых элементарных потребностей, и вообще лишаящие всякой защиты... Г-н Радек на это возразил, что революция требует беспощадных действий независимо от национальности... Для меня важно было узнать, как он намерен изменить политику советского правительства применительно к шведским интересам, ибо если будет осуществлена угроза выселить моих соотечественни-

ков из их квартир, подселить к ним красногвардейцев, без всяких оснований арестовать шведов и вообще отнять у них возможность жить цивилизованно, то я буду вынужден убеждать мое начальство в бессмысленности сохранения подобных «отношений».

Радек объявил о своей готовности попытаться найти способ жить вместе, однако не намеревался делать каких-либо официальных исключений. Аскер подчеркнул «невозможность и неприемлемость расквартирования у шведских семей красногвардейцев, как и вообще людей совершенно иного общественного положения», к чему Радек, по его словам, отнесся с определенным пониманием. Однако в условиях острой нехватки жилья он посоветовал бы шведам съезжаться друг с другом.

Беседа была характерной «для странного смешения весьма радикальных позиций и довольно умеренных взглядов, которые могли проявляться в одном и том же человеке из среды правящих ныне Россией». По мнению Аскера, за рубежом трудно себе представить царящую в этой стране обстановку. Немецкий, английский, французский и американский генеральные консулы объяснили ему, что если бы в их странах осознали, какую опасность несет в себе большевизм для мира — «и для более состоятельных, и для самых обездоленных людей», — то все цивилизованные народы объединились бы против этой «крайне заразной чумы».

На этом фоне Аскер задается вопросом: «Есть ли у шведов, не занимающих официального положения, причины оставаться в этой, уже царящей здесь, бесперспективной обстановке», учитывая, что она «с вероятностью, граничащей с уверенностью, через месяц-другой приведет к такому положению дел... когда все выльется в отчаянную борьбу за существование, то есть за хлеб насущный». Ответ мог быть только один: таких причин нет.

динавского приюта, в котором пребывают престарелые женщины шведского происхождения». Однако положение было таково, что невозможно было раздобыть и мешка муки.

Недвижимость «Скандинавского благотворительного общества» на Ординарной улице, 18, где размещалась богадельня для старушек, состояла из двух деревянных двухэтажных домов. После того как управляющий Александер Тилландер в 1918 г. уехал из города, заботы об этой собственности взял на себя Юн Тунельд.

Несколько обитательниц приюта к тому времени умерли от голода, но двоих удалось спасти благодаря Тунельду, который также присматривал за тем, чтобы дома ремонтировались.

Еще в 1936 г., когда Тунельд покинул Ленинград, в этих зданиях, давно уже национализированных, жили шведские семьи. В своем требовании к советскому государству «Благотворительное общество» определило стоимость домов и земельного участка в 150 000 серебряных рублей; естественно, что никто никогда не услышал и звона этих денег. Не получили обратно и принадлежавших Обществу картин — написанных Хюго Бакманссоном маслом портретов шведских посланников и почетных членов «Скандинавского благотворительного общества».

Деятельность «Шведского общества» затухала по мере отъезда шведов из Петрограда. Выезд в основном завершился в 1919 г., в том же году, когда была учреждена «Русская комиссия по имуществу». «Шведское общество» тоже имело притязания к советскому государству. В письме комиссии от апреля 1923 г. председатель Общества Эмиль Хейльборн заявляет, что в помещении Общества осталось имущества на общую сумму в 20 000 золотых рублей, в конторе банка «Юнкер & К°» 3000 наличных рублей, а также российские ценные бумаги номинальной стоимостью 979,7 рубля. Некоторая часть имущества постепенно нашлась, но из ликвидных средств так ничего и не было получено обратно. Однако деятельность Общества не прекратилась, а продолжалась на шведской почве, о чем будет сказано ниже.

Конец

Последовавшая за большевистским переворотом Гражданская война нанесла российскому обществу огромный ущерб: миллионы людей погибли или были вынуждены уехать из страны. Поскольку многие из бежавших были состоятельными и/или хорошо образованными людьми, это означало тяжелый урон для российской экономики.

ПОСЛЕДНИЕ ШВЕДЫ ПОКИДАЮТ ЛЕНИНГРАД

Около 1930 г. в нашей жизни произошли крутые перемены. Всем нам пришлось уплотниться, и в квартиры насильственно вселились чужие люди. Однажды пришел рабочий и поставил стенку поперек столовой. В нашей ее части были устроены санузел и кухня, то есть поставили газовую плиту, а к стене прикрепили ручной насос с холодной водой. Всего нас было двенадцать человек, которым предстояло ладить между собой, пользуясь общими помещениями, такими как кухня и ватерклозет.

Не слишком разбираясь в творившемся вокруг, я интуитивно чувствовал серьезность положения. Папа и мама часто говорили между собой по-французски, ходили слухи о массовых арестах, церкви взрывали либо приспособляли под картофелехранилища, газеты сообщали о «судебных процессах» против старых партийных корифеев.

После убийства в 1934 г. Кирова настроение значительно ухудшилось. Всех призывали разоблачать шпионов, врагов и саботажников. Даже детей, доносивших на своих родителей, объявляли героями! Мы начали замечать, что за нашим домом ведется наблюдение с противоположной стороны улицы. НКВД участила аресты, делая это вполне открыто. С наступлением сумерек ее автомобили сразу выезжали на ночную охоту. Тактика полиции заключалась в том, чтобы сначала разбудить управдома, который должен был позвонить в нужную квартиру. Поскольку обычно не открывали дверь, не осведомившись, кто пришел, назваться должен был только управдом. Арестуемому давали лишь чуточку времени, чтобы привести себя в порядок, и уводили. А так как по ночам машины ездили редко, то люди стали замечать, если какой-то автомобиль останавливал-

22 апреля 1921 г. главное управление шведского Красного Креста направило в Министерство иностранных дел составленный Юном Тунельдом «Список членов шведских колоний в России на 1 апреля 1921 г.». В 1917 г. приблизительно шестьсот коренных шведов были членами прихода Св. Екатерины, но большинство выехало из страны в 1917–1918 гг. Из списка следует, что весной 1921 г. в Петрограде было 125 шведских подданных, а также четверо сотрудников бывшей миссии, четверо служащих при шведской церкви, один чиновник «Шведского комитета по благосостоянию» и семь шведскоязычных

ся на улице. Это стало своего рода условным рефлексом. Я мог проснуться и тогда обязательно выглядывал в окно. Напряжение и всеобщая тревога привели к тому, что порой по ночам я мочился в постель, а кроме того, все больше стал бояться темноты.

Общая мобилизация и политические процессы продолжались с неослабевающей интенсивностью. Так постепенно весь Ленинград вошел в военную оборонительную зону, в которой нельзя было находиться никому из иностранцев. Вследствие этого папа не мог оставаться на своей должности. Перед нами встал выбор: либо перебраться в глубь России, либо выехать из страны. Любой переезд означал кардинальные изменения в нашей жизни. Папе было 52 года, и он плохо говорил по-шведски. В Швеции жили, правда, его братья и мой брат, обещавшие нам помочь. Стоял 1937 год.

Много времени отняли связанные с отъездом практические дела: надо было раздобыть ящики для упаковки вещей, получить разрешение на наем грузового автомобиля, пройти таможенные процедуры. Оценку предметов домашнего обихода производили два «комиссара» в кожаных куртках, не имевшие ни малейшего понятия о стоимости той или иной вещи. Все было готово лишь вечером накануне нашего отъезда из России.

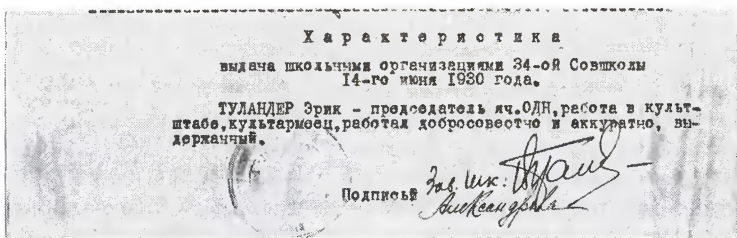
Выехав за ее пределы, мы на некоторое время остановились в Або. Брат отца дядя Костя приехал поприветствовать свою семью, которую не видел с 1918 г. То была встреча двух разных миров! Элегантный господин в котелке, прилетевший на самолете «юнкерс» встречать нас, — и серая группа в старых выношенных одеждах, стоявшая в ожидании у платформы. Наш вид, говорят, был способен ввергнуть в шок.

Виктор Тулландер

и родившихся в Швеции женщин, находившихся замужем за не-шведскими подданными, — всего 140 человек.

В Москве было 40 шведских подданных и 6 не-шведских граждан, а в провинциальных городах — 31 человек. Общая известная численность пребывавших в Москве и Петрограде шведов составляла, таким образом, 217 человек.

Хотя большинство частных лиц и фирм покинуло страну в первые годы после захвата большевиками власти, имелись и исключения. Катастрофическое положение в экономике, в котором страна оказалась после Гражданской войны и так называемого военного коммунизма, привело

Характеристика, выданная Эрику Тулландеру 34-й советской школой (прежней Немецкой реформатской школой). Эрик Тулландер позже стал директором шведского отделения фирмы «Грюндиг» — надо полагать, единственным в истории предприятия сотрудником с подобным послужным списком.

к объявлению властями в сентябре 1921 г. «новой экономической политики» (НЭП), означавшей частичный возврат к частной собственности. Некоторые действовавшие в России до революции крупные шведские предприятия — Шведский завод шарикоподшипников (SKF), Завод газовых плит (AGA) и Объединенное шведское электрическое акционерное общество (ASEA) — получили новые концессии для своих прежних дочерних компаний, но не все: переговоры фирмы Л. М. Эриксона о концессии оказались безрезультатными. Что до нобелевских компаний, то они были российскими, и большевикам вообще не требовалось считаться ни с какими международными правилами — эти предприятия были просто-напросто конфискованы, как и частная собственность всех россиян.

НЭП обеспечил быстрый экономический подъем, но и создал частные состояния, коловшие глаза ортодоксальным коммунистам. Разнообразие хозяйственных укладов означало также некоторую степень свободы, что сильно ограничивало власть партии. Когда борьба за первенство в конце 1920-х гг. завершилась и верх взяла сталинская идея о «построении социализма в одной стране», в 1929 г. был принят первый пятилетний план. Это означало переворот в жизни советского общества, в известном смысле более глубокий и основательный, чем события 1917 г.; экономическая система в корне изменилась,

и Советский Союз вступил на путь, которого не испытала еще ни одна другая страна. Прямыми следствиями введения новой системы планового хозяйства явились прекращение концессий и аресты многих промышленников.

Из поименованных в списке 1921 г. 125 шведских подданных в середине 1930-х гг. в городе оставалось лишь примерно двадцать человек. Одной из последних — если не последней — семьей, покинувшей страну, были Александр Тулландер с женой и сыном Виктором, родившимся в 1923 г. Отец Александра — Енс Тулландер приехал в Петербург из южной Швеции в 1867 г. и занимался столярным ремеслом, а сам Александр в последние годы работал в Ленинграде конторским служащим на электростанции. Но в 1930-е гг. политическая ситуация стала невыносимой, и в 1937 г., в разгар сталинских чисток, семья Тулландеров была вынуждена уехать из Ленинграда. Причиной отъезда явилось их шведское подданство. Оно же позволило им выбрать путь на запад, на свою старую родину, избежав путешествия в противоположном направлении.

«Здесь царит полнейшее безумие»

Революционные события 1917 г. описаны в бесчисленных мемуарах и исторических трудах, но редко с такими драматическими подробностями, как в помещенных ниже письмах, непосредственно рассказывающих о судьбах шведов в революционной России.

Одной из ведущих личностей в шведской колонии Петербурга был первый председатель «Шведского общества» Альбин Херлитц. Он был сыном земледельца, окончил в Стокгольме гимназию и в 1890 г. начал работать в конторе медного и оловянного рудника в Питкяранта на Ладого. В 1896 г. он основал собственную фирму, которая в 1914 г. под названием «а/о Херлитц» присоединилась к «The Swedish Trading Company» («Шведской торговой компании»).

Во время войны семья жила в Стокгольме, между тем как сам Альбин Херлитц оставался в Петрограде, занимаясь делами. Написанные им в 1914—1918 гг. письма к жене с редкостной детальностью отражают некоторые из наиболее драматических происшествий столетия — мировой войны и двух русских революций. Последнее письмо написано в октябре 1918 г., за два месяца до того, как Швеция разорвала дипломатические отношения с большевистским режимом. Херлитц еще какое-то время оставался в Петрограде, а потом через Варшаву уехал в Стокгольм, где и скончался в 1920 г.

5/18 марта 1917 г.

Надеюсь, дошли мои телеграммы, в которых я сообщаю, что благополучно пережил эти по-настоящему опасные дни?

Происшедшие события не поддаются описанию, и поэтому прилагаю газету, поскольку вам наверняка интересно, как все было. В прошлый понедельник я в 6 часов собирался уходить из конторы, но вокруг Полицейского моста

Альбин Херлиц
на рисунке
Эрика Васстрёма.

шла стрельба, так что, улучив момент, когда град пуль затих, я сумел прошмыгнуть на заднюю улицу к «Медведю» (дом рядом с конторой со стороны Мойки) и через подвал поднялся в отель, где живут Карлссон с еще двумя шведами, и благодаря тому, что в отеле и ресторане меня знают, мне разрешили остаться и прожить там целую неделю, поскольку ходить вечерами домой на [Васильевский] остров было смертельно опасно. Мне никогда не забыть ружейной, пулеметной и пушечной канонады, грохотавшей в ночь с понедельника на вторник.

Однако все это было превосходно организовано и произошло необыкновенно быстро, и с трудом верится, что Россия действительно живет теперь свободно — без жандармов, полиции и тайной полиции; они упразднены народом, а учащаяся молодежь организует милицию. Надеюсь, для России и ее угнетенного народа все пойдет по предначертанному пути!..

Представь, как здесь теперь все выглядит: никаких городских и полицейских чинов, все военные ходят с красными розетками, над Зимним дворцом и над всеми государственными учреждениями, а также над крепостью развеваются красные флаги, и все министры и т. п. сидят под арестом. Однако соблюдается удивительный порядок, не слышно ни о каких грабежах частных жилищ, как это было в 1905 г.; солдаты вне службы не обязаны отдавать

офицерам честь, и пр. — совершенно как после Французской революции. По сей день, насколько известно, ни один швед не пострадал физически.

17/30 марта 1917 г.

Внешне здесь все обстоит хорошо, надо только успокоить рабочих и умерить их требования, а также требования девушек и женщин, поскольку они тоже теперь обрели полную свободу.

Какие только грязные дела старого режима не выходят наружу.

18/31 июля 1917 г.

[Шведский] клуб закрыт на частичный ремонт и оклейку обоями, но скоро там все будет готово. Как я уже сообщал, весной я уступил Хейльборну пост председателя Общества и, следовательно, не должен принимать никаких решений. Новое правление намерено возобновить питание — если удастся раздобыть достаточно продовольствия.

А пока я здесь устроил так, что со своими сослуживцами (всего 12 человек) завтракаем в конторе. Дело в том, что наши дамы (их шесть) попросили бесплатные завтраки в контору, дабы не тратить времени на ходьбу домой, и к тому же продукты такие дорогие, и пр. ...

Общая же обстановка здесь более благоприятная, нежели при моем отъезде [на летний отпуск в Швецию], так как солдатам пришлось вернуться к службе вместо того чтобы шляться без дела, и дисциплина, кажется, постепенно восстанавливается.

Большевики захватывают власть

31 окт./13 нояб. 1917 г.

Поскольку наши финны долго не отправляли курьерскую почту, я смог лишь послать одну телеграмму с сообщением, что в эти тревожные времена со мной ничего не случилось. Как только стало беспокойно... я переехал в отель «Медведь» и теперь уже неделю живу там с швед-

ским инженером Бергстрёмом (там же живут Ёста и Эмиль Нобели и еще пять-шесть шведов). Таким образом, я нахожусь рядом с конторой и имею возможность питаться. Ни один швед, насколько это на сегодняшний день известно, не пострадал, и мы, разумеется, соблюдаем всевозможную осторожность и с наступлением темноты не выходим из дома. Вам не стоит слишком беспокоиться, ведь газеты, вероятно, подают события в преувеличенном виде, даже если положение... действительно серьезное и пролилось много безвинной крови... В худшем случае мы уедем в Финляндию или, возможно, на Урал.

8/21 нояб. 1917 г.

Я по-прежнему живу в «Медведе», и мне там спокойнее среди людей и с возможностью питаться, быть со светом и в тепле. Вообще же ни со мной, ни с другими шведами ничего не произошло, и мы надеемся, что наконец-то весь этот хаос закончится...

Как тебе известно, мы сейчас переходим в русскую компанию, сколь бы малопривно это в настоящее время ни было, однако в противном случае мы рискуем отдавать едва ли не всю прибыль — частью в виде военного налога для Швеции... частью в виде принудительного налога здесь, который, как предполагается, достигнет 80% от прибыли.

20 июня 1918 г.

Пока я остаюсь на квартире, ем ланч в клубе (600 рублей в месяц только за завтраки), так как обед предоставлять не могут; такой обед стоит в «Константе» 50–60 рублей. Хорошенькие времена!

Обстановка здесь ужасная: по сравнению с прежними временами стоит мертвая тишина, и все бездействует; хорошо только одним матросам, поскольку весь флот заполняет Неву ниже Николаевского моста.

1 июля 1918 г.

Вчера обедал в «Эрнесте» на Каменноостровском проспекте. Два блюда, бутылка пива и кофе — 85 рублей!! Здесь

мертвящая тишина, народ ничего не понимает, но на улицах все же спокойно.

В магазине совершенное затишье, поскольку любые покупки и продажи сопряжены с бесчисленными осложнениями, пока у власти теперешние [правители].

11 июля 1918 г.

Тебе не следует за меня тревожиться, ибо на улицах здесь совершенно спокойно и днем, и ночью, а что до холеры, то я соблюдаю всяческую осторожность и даже моюсь в кипяченой воде.

16 июля 1918 г.

Поскольку мы теперь уволили часть персонала, мне снова пришлось заняться печатанием на машинке, а потому сие изящное произведение...

Здесь страшно плохо с хлебом, и я буду иметь право получать в день лишь 1/16 фунта... (так в оригинале. — *Примеч. ред.*)

К сожалению, в нашем клубе есть случай заболевания холерой — одна девушка, несмотря на то, что у нее не все было в порядке с желудком, выпила сырой воды или съела что-то сырое и, подхватив холеру, скончалась; ухаживая за нею, легкой формой этого недуга заболела и наша заведующая, так что клуб на некоторое время пришлось закрыть.

18 июля 1918 г.

Ты, должно быть, удивляешься, почему я пишу так часто? А между тем я сделал интересную покупку и намерен тебе о ней рассказать.

За время моего отсутствия здесь (Херлитц был в Швеции. — *Б. Я.*) открылось по крайней мере два десятка магазинчиков, в которых прежние богатые выставляют на продажу множество превосходных произведений искусства, мебели, картин, ковров и т. д. Цены, разумеется, весьма высокие, но я в послеобеденное время развлекался, гуляя и разглядывая все это. В надежде, что дела постепенно опять наладятся, я по случаю купил персидский ковер...

Как ты знаешь из газет, холера весьма распространилась, и я недавно на всякий случай сделал прививку у доктора Рёдера — человека, заслуживающего доверия и располагающего немецкой вакциной. Холера свирепствует главным образом в рабочих кварталах.

20 июля 1918 г., вечер

Хотя дела сейчас совсем не идут, мы надеемся на будущее, ведь жить надо и нам, и вам там, и тебе следует покупать все необходимое, дабы поддерживать силы и сохранять бодрость духа. Русские потом это оплатят.

У меня обещанные сделки с металлом, кажется, не состоятся, так как продано лишь немного, и то с большими трудностями и «подмазками», а купленное шведским правительством еще лежит здесь, и неизвестно, выпустят ли русские рабочие его из страны. И все-таки я веду переговоры о действительно крупных сделках по табаку и по машинному оборудованию для каменноугольных шахт в Туле и других районах, которые теперь надо разрабатывать после того как Великороссия потеряла Украину. Стало быть, здесь живут не одним сегодняшним днем, но и думают о будущем.

16 авг. 1918 г.

Поскольку служащие конторы уходят в 4 часа и делать уже нечего, то чрезвычайно занятно побродить по вшивому рынку, зайти в Мариинский, в комиссионные магазины и поглядеть на все это великолепиие из прежних богатых русских домов. Здесь понимаешь, в какой роскоши жили богачи и насколько разителен был в этой стране несправедливый контраст между «верхами» и «низами», и неудивительно, что народ жаловался, даже если теперь вожди заводят его слишком далеко в другую сторону. Я купил, в частности... старую немецкую (картину маслом. — Б. Я.) XVII века, которую подумываю потом продать в Швеции и которая мне дешево досталась на аукционе...

Относительно общей ситуации тебе известно из газет, и, похоже, дело идет к тому, что скоро этот мыльный пузырь лопнет. Он бы лопнул давным-давно, если бы немцы

не поддерживали их под руки, и эта поддержка в скором времени отнимет у них симпатии всех людей.

20 авг. 1918 г.

Спасибо вам за собранные для меня шведские хрустящие хлебцы; мне остается надеяться, что их пропустит большевистская стража на (пароходе. — *Б. Я.*) «Рунеберг», ибо она очень придирчива, и возможно, хлебцы отправятся обратно, если я их не получу.

1 сент. 1918 г.

Сегодня хоронили убитого Урицкого; шли процессии, несшие сотни красных флагов и плакатов со всевозможными надписями. Теперь я всячески избегаю участия в подобном и был поэтому рад приглашению на завтрак в шведскую экспедиторскую фирму, расположенную на 11-й линии [Васильевского острова], а потом прошелся до конторы пешком, пообедал и пешком же отправился домой, так как трамваи сегодня не ходили.

Национализация

16 сент. 1918 г.

Если со следующим судном я не получу от «Трейдинг & Карлссон» письма с санкциями о заключении нескольких сделок, здесь мне делать будет нечего, и тогда я намереваюсь уехать на несколько недель на юг — в Екатеринослав и, возможно, в Киев для регистрации наших компаний на Украине...

Если к моему возвращению здесь ничего не изменится к лучшему, то сочту совершенно ненужным пребывание в конторе столь многочисленных сотрудников... большевики не позволяют нам делать какие-либо дела, ибо теперь все национализировано и монополизировано, то есть правительство желает само, без посредников, вести все дела, и посему каждый наш шаг может быть расценен как «спекуляция» и крупно оштрафован. Здесь ситуация беспросветная: и в центральной части страны, и на Урале все

фабрики стоят, а рабочих заманивают в «красную армию» с хорошими оплатой, пайками и предоставлением всяческих иных благ, между тем как все прочие помимо рабочих и солдат фактически умирают от голода. Многие мои знакомые из «интеллигентов» чистят казармы, роют холерные ямы и т. п. Теперь предстоит также национализация всех домов, жилищ, обстановки и т. д., а управление передается комитетам бедноты, и те, у кого плохие жилищные условия, смогут переехать в лучшие и обустроиться там по своему усмотрению. Хорошенькие дела?

Нас, иностранцев, пока, возможно, освободят от подобных вселений. На днях я столкнулся с «теньями» господина и госпожи Киббель — такой у них страшно изможденный вид, но все же они поинтересовались относительно вас всех и передают привет.

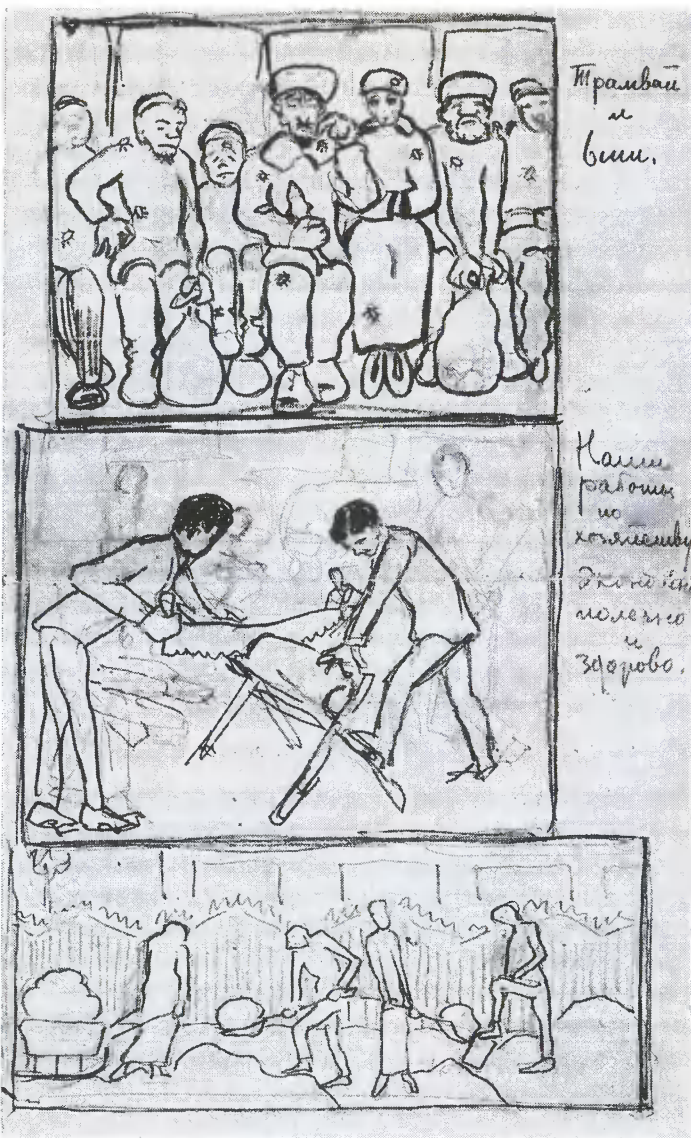
Судя по всему, зима будет страшной для тех, кому придется здесь остаться: нет ни хлеба, ни других продуктов, холодно (дрова теперь стоят 175 рублей за русскую сажень), темно (нехватка топлива для электростанций такова, что улицы почти нигде не освещены, и приходится отправляться домой с наступлением темноты), небезопасно из-за всеобщего произвола и проч.

22 сент. 1918 г.

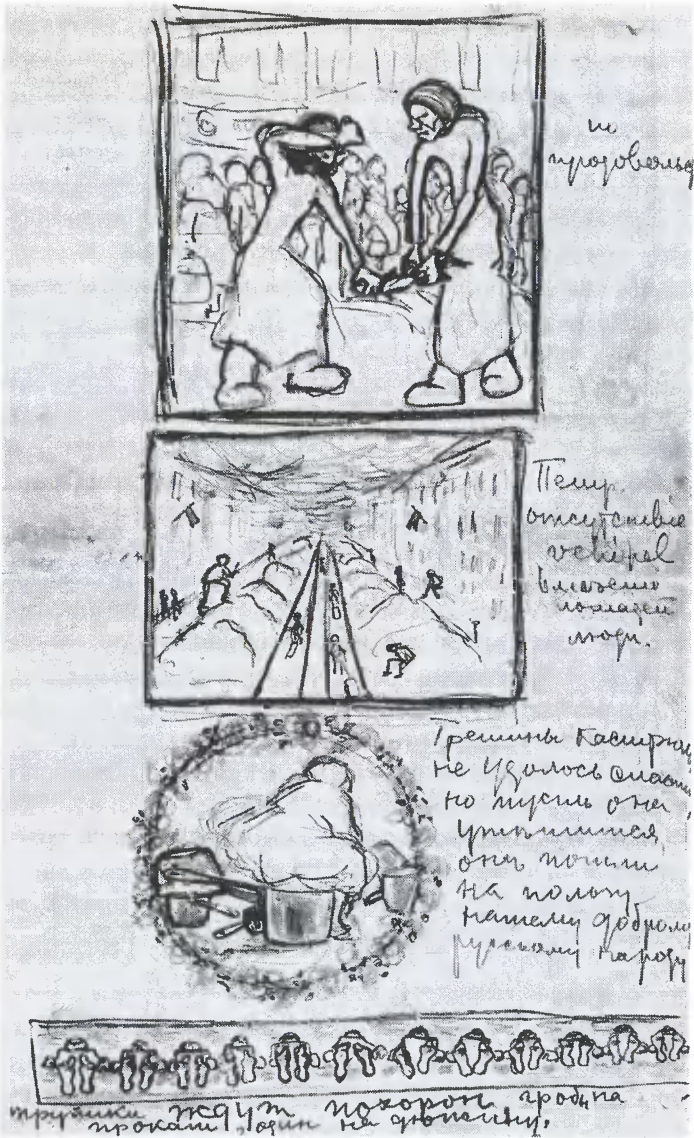
У нас, к сожалению, было всего несколько солнечных осенних дней, а обычно идет дождь, словно бы Господь недоволен здешней ситуацией, и меня это не удивляет; странно, что он разящими молниями не уничтожил некоторых личностей сомнительных качеств. Если подобное продлится, бедная русская интеллигенция будет совершенно задущена, как, впрочем, и вся страна. Тому, кто сам здесь не побывал, невозможно представить себе, как все это выглядит, а газеты не в состоянии осветить подлинную ситуацию.

Я живу лишь ожиданиями возможности отъезда отсюда на юг, где, может быть, для нас найдется какое-нибудь дело, ибо здесь не на что рассчитывать, пока не будет заключен всеобщий мир...

Столоваться в клубе невозможно из-за дороговизны и нехватки продовольствия, так что мы, вероятно, при-

Уже находясь в Швеции, Фредрик Лидваль получил от одного петроградского коллеги эти рисунки, отражающие повседневную жизнь в городе после большевистского переворота. Здесь, в частности, изображены: завшивленный трамвай; пилящие дрова («экономично, разумно, полезно для здоро-

вья») и разгребавшие снег интеллигенты; борьба за рыбину; люди, тянущие санки из-за отсутствия лошадей (подохших с голоду); ожидающие погребения трупы. Рисунки сделаны, вероятно, зимой 1919 г., когда голод в России был всеобщим. *Архив Ингрид Лидваль*

мом решение совсем его закрыть или, может быть, держать только одну служанку для уборки и протапливания. Поскольку все «национализируется», включая и торговлю, то у всех частных фирм нет работы — нас бойкотируют; поэтому большинство шведов, наверное, постепенно уедут, как только смогут распродать товары со своих складов или как-то их защитить; хотя едва ли вообще существует какой-либо надежный способ защиты.

Здесь царит полнейшее безумие, но именно поэтому оно не может продолжаться вечно, и можно надеяться на приход иных времен.

Во всем этом невозможно выискать что-либо приятное, и люди стараются убить время за работой и придумыванием деловых комбинаций на будущее. Здоровье у меня отличное, сплю сколько душе угодно, чтобы время между тем шло. У нас, шведов, есть хорошая столовая на Морской улице, совмещенная с фруктовой лавкой, которая принадлежит одной рижской фирме, и там нас превосходно кормят... Кроме того, я много хожу пешком, поскольку автомобиль разбит, а лошадей продали прошлой весной. Извозчиков очень мало, и они не стронутся с места меньше чем за 20—30 рублей, так как содержание лошадей обходится кошмарно дорого и на улицах всякий день можно увидеть несколько павших. Люди главным образом сидят по домам, ибо хотя театральные спектакли и начинаются в шесть или в половине седьмого, в темноте опасно возвращаться домой, а электричество отключается в 11 часов. К сожалению, я могу нарисовать лишь безрадостные картины, но *que faire* (что поделаешь. (*фр.*) — Б. Я.).

29 сент. 1918 г.

Ситуация здесь становится все хуже и хуже... Новости нам сюда приносят только немецкие газеты, которые продаются на третий день после выхода, а вообще здесь издаются одни большевистские газеты, обливающие буржуазию кровью.

13 окт. 1918 г.

Ничего радостного сообщить отсюда не могу, но и не верь всем жареным новостям в газетах вроде той, что город

в сорока местах горит, и т. п. Прекрасной жизнь не назовешь, и от нас пытаются отделаться. Вот отель «Европа» отдан под детский приют для прежних бедных, и вчера все приезжие были изгнаны из «Медведя» — теперь, после того как национализирована вся телефонная сеть, туда переедут телефонные барышни. Некоторые полагают, что это хорошо. Все рестораны для буржуазии во вторник закрываются, и лишь несколько маленьких и более или менее временных смогут продолжать обслуживать иностранцев. Итак, всем прежним лучшим русским людям надобно умереть, ибо в «общественных столовых» мясо и хлеб подают только первой и второй категории, то есть рабочим и солдатам; третья категория получает лишь овощи по более высокой цене, а четвертая, то есть капиталисты, не получают вообще ничего.

«Да поддержит и благословит
Господь наш шведский приход!»

«Да поддержит и благословит Господь переживающих тяжкие испытания евангелических христиан России и особенно тех, кто, как и Вы, душой и сердцем принадлежит к нашему шведскому приходу!»

*Из письма архиепископа Натана Сёдерблума
церковному совету прихода Св. Екатерины
в Петрограде. 1922 г.*

Разумеется, перемены, которые принес революционный 1917 год, не могли обойти стороной приход Св. Екатерины. Поначалу его деятельность шла более или менее нормально, однако к осени приходские финансы были в столь скверном состоянии, что пришлось занимать деньги, и, экономя дрова, богослужения проводили не в церкви, а в школьном зале. Было также уменьшено число живших в приютах, упразднен «Дом Св. Екатерины» в Белоострове, а его обитатели распределены по богадельням в тех коммунах Финляндии, к которым относились.

Церковная школа закрывается

Церковная школа переживала подобные же трудности, но в ее жизни были и кое-какие светлые моменты. С Февральской революцией было, например, снято требование вести уроки на русском языке, и в 1917/1918 учебном году обучение по всем предметам велось на шведском.

Однако довольно скоро трудности со снабжением начали отрицательно сказываться на работе школы. Часто приходилось ночами напролет стоять в очередях за куском хлеба, и не спавшие ночью дети назавтра освобождались

от уроков. К началу осеннего семестра многие семьи уже покинули город, и число учащихся снизилось до двухсот человек.

В осенние месяцы ход событий ускорился. Не было секретом, что большевики планируют захватить власть. День Густава Адольфа на всякий случай отпраздновали еще 5 ноября (24 октября). Рано утром 7 ноября директор школы Ю. Хульдén совершил разведывательную прогулку. По возвращении он смог сообщить, что революция «состоялась» и что в основном все осталось по-прежнему — лишь караулы сменились.

Однако вскоре выяснилось, что «революция» означала не только смену постов. Началось разграбление магазинов и учреждений, на улицах гремели выстрелы. Жителей шведских приходских домов тоже надо было защищать, и мужчины ночью присматривали за дворниками, чтобы те исполняли свои обязанности и охраняли ворота. Однажды людей разбудили беготня и звон бутылок: это солдаты Семеновской гвардии грабили винный склад, который одна французская фирма держала в подвале шведской церкви.

Вскоре ситуация со снабжением еще больше ухудшилась: электричество включали только с четырех часов дня и до полуночи, поэтому уроки в школе можно было проводить лишь несколько часов в середине дня. Трамваи тоже ходили с перебоями, и было трудно добраться от дома до школы и обратно.

Во время весеннего семестра удалось организовать питание учеников, хотя паек был скудным: маленький кусочек хлеба без масла, стакан чаю или блюдце жидкой рисовой каши на воде. Финляндский швед Тито Коллиандер, отец которого возглавлял отдел военной цензуры по частным письмам из-за границы, рассказывает: ученики в школе сидели и сосали кусочки бумаги, стараясь смягчить чувство голода, а дома в огромных количествах пили теплую воду; она, заполняя желудок, на время его обманывала. Госпожа Грете Хульдén вспоминает, что единственной их едой были «что-то напоминающее сушеные овощи» и куски мяса умерших на улицах лошадей.

1517 18 (31) oktober 1917.

VÅR GUD ÄR OSS EN VÄLDIG BORG.

Festgudstjänst

med anledning af

Reformationens 400-års Jubileum

i

St. Katarina Svenska kyrka i Petrograd

Onsdagen den 18 (31) oktober

kl. 1/27 e. m.

Ровно за неделю до большевистского переворота было торжественно отпраздновано 400-летие Реформации. То был последний большой праздник в истории шведского прихода. *Государственный архив Швеции*

Дети от недоедания падали в обмороки, и вскоре уже невозможно было продолжать обучение; семестр прервали в последний день апреля 1918 г. Многие ученики перестали ходить в школу еще раньше — одни обессилели физически, другим пришлось так или иначе участвовать в борьбе своих семей за выживание. Сокращенный весенний семестр 1918 г. стал последним семестром шведской церковной школы. То был ее девяносто четвертый учебный год.

Как уже говорилось, к лету 1918 г. многие иностранцы покинули Петроград, среди них был и пастор прихода Артур Малин. Церковный совет никогда не простил главу прихода, бросившего свою паству. К лету 1921 г., когда пастор вернулся в Петроград и пожелал произносить проповеди в церкви Св. Екатерины, он уже был лишен этой должности. Тито Коллиандера, которому пастор был не по душе, больше всего потрясло не его бегство как таковое, а тот факт, что Малин оставил гнить в подвале картошку, когда приютские мальчики голодали...

С бегством главы шведской церкви дни детского приюта в любом случае были сочтены. Начиная с 1863 г. шведский король ежегодно давал на содержание приюта сто рублей. После того как приход не обратился с соответствующим ходатайством в 1918 и 1919 гг., стокогльмское Министерство иностранных дел попросило дипломатического представителя Швеции в Петрограде сообщить, надо ли выплачивать это пособие. Ответом было: поскольку приют временно распущен, выплату пособия следует отложить до поры, когда он «возобновит свою деятельность». Выплачивать эти деньги уже никогда более не понадобилось.

Инженер Юн Тунельд

Последняя глава в истории прихода Св. Екатерины открывается в 1920 г., когда третий в ряду крупных церковных руководителей после Эрстрёма и Каянуса взял на себя ответственность за его судьбу. На сей раз пастырем стал мирянин — инженер Юн Тунельд.

Юн Тунельд родился в Мальмё в 1872 г. По окончании школы он два года учился в Технической гимназии родного города, работая в две смены, чтобы как можно быстрее стать инженером: днем он обучался на механическом заводе, приобретая практические знания и навыки, а по ночам стоял за чертежным столом. В двадцатилетнем возрасте Тунельд переехал в Берлин для завершения образования в тамошней Высшей технической школе.

В немецкой столице Тунельд с невероятной энергией предался и учебе, и работе. Уже через несколько лет он получил место в крупной инженерной и машиностроительной фирме — «Noppes Maschinenbauanstalt», где трудился в цехе машин с электрическим приводом.

Тунельд занимался не только чисто инженерной, но и деловой деятельностью: он отвечал за связи со Швецией, а также поддерживал контакты с Россией. Поворотным пунктом стали 1898—1899 гг., когда Тунельд спроектировал и сконструировал электрические насосные установки (в частности, для горнодобывающей промышленности и для осушения топких почв), благодаря которым годовой оборот фирмы увеличился в несколько раз. Щедрое комиссионные деньги позволили инженеру заложить основы собственного капитала. В 1899 г. в возрасте 27 лет он получил пост главного инженера.

Тунельд вернулся в Швецию в 1906 г. Спустя два года он начал работать главным инженером в руководимой Цесарем Хольмстрёмом фирме «Або Вулкан» — «Механический завод, литейня, корпусный цех & судоподъемный эллинг». В 1910 г. Тунельд переехал в Або. Осуществляемая им деятельность была сориентирована по преимуществу на Петербург и российский рынок, и в 1912 г. инженер переехал в российскую столицу. Он оказался там не впервые: помимо частых за последние годы посещений Петербурга Тунельд бывал там, еще когда работал в Германии; кроме прочего, он имел контакты и с фирмой Нобелей.

Для деятельности в Петербурге был образован торговый дом «Хольмстрём & Тунельд» с очень широким ассортиментом товаров: пассажирские и буксирные суда, паровые машины, локомобили (паровые машины на колесах),

Юн Тунельд на фотографии 1915 г., во время расцвета фирмы, когда благодаря крупным заказам российского артиллерийского ведомства дела резко пошли в гору.
Архив Бьёрна Тунельда

шарикоподшипники, но прежде всего — запатентованные Тунельдом насосы для применения в различных целях: осушение почвы, тушение пожаров, эксплуатация рудников и т. д.

Вскоре объем продаж в России принял такие масштабы, что было решено основать производство и в Петербурге. Завод возвели вплотную к конторскому и жилому зданию фирмы на Петербургской набережной, 24, — зданию со старыми шведскими традициями: оно было первым петербургским домом Иммануила Нобеля — там выросли его сыновья Альфред, Людвиг и Роберт. В 1914 г. на новом производстве было занято не менее трехсот рабочих и три десятка руководителей и мастеров; последние — главным образом шведы из Швеции и Финляндии.

В военные годы ассортимент производимой продукции частично изменился в связи с поступавшими от российского артиллерийского ведомства заказами на снарядные гильзы. Однако с лета 1917 г. заказов стало меньше, и численность рабочей силы сократилась наполовину. В сентябре 1917 г. Тунельд писал жене, что это сокращение пошло на пользу, особенно потому, что тем самым избавились от самых больших крикунов, «главным образом от женщин, которые вели себя хуже всех».

После октябрьского переворота положение дел быстро ухудшилось. Большевики через фабричные комитеты старались выжимать деньги из Ивана Ивановича — так Юна Тунельда звали в России, — и в результате он закрыл завод. В начале 1919 г. штат состоял всего из четырех человек, включая самого Тунельда. Ни о каком производстве речи уже не было. Вместо этого были заняты управлением вложенным в завод капиталом: считали болты, проводили инвентаризацию хранившегося в подвале оборудования, перемещали товары, пилили дрова для отопления — «занятие поистине для чернорабочих, скверно отражающееся на внешнем виде рук». Поскольку дела шли «исправно», то все это «доставляло удовольствие, и настроение было добрым и бодрым».

В 1919 г. Гражданская война была в самом разгаре, войска интервентов сражались на стороне белых, и положение иноземцев в России все более осложнялось. На вклады Тунельда в русских банках был наложен арест, а в июне 1919 г. Чека заняла здание шведской миссии в Петрограде, и Тунельд потерял свое оставленное там на хранение имущество. Одновременно Совет народного хозяйства опечатал его частное жилище на Каменноостровском проспекте, а заводские и складские здания с оборудованием конфисковал.

Спустя два дня большевики завладели также консульством в Москве; Тунельда, который занимался там приведением в порядок своих дел, вместе со всем штатом консульства арестовали, и он просидел в тюрьме до середины августа.

В своем первом (из сохранившихся) после освобождения писем к жене, написанном в сентябре 1920 г., Тунельд сообщал: «Нам здесь живется вообще-то терпимо, поскольку удаётся доставать необходимое и поскольку полно работы, которая направлена на облегчение тяжелой участи других, и мы (через Красный Крест. — *Б. Я.*) получили возможность предоставить одежду и еду многим людям и особенно детям».

В декабре того же года он писал жене, что завод с оборудованием национализированы, но он надеется на отме-

ну соответствующего декрета. Однако еще в начале 1921 г. не было принято никаких решений, все «словно бы пребывает в зимней спячке», и промышленное производство стоит из-за отсутствия топлива.

Штат шведской миссии покинул Россию в середине декабря 1918 г., но дипломатические отношения не были разорваны совсем. В здании миссии жил канцелярист Оскар Лундберг, исполнявший функции своего рода неофициального дипломатического представителя и помогавший шведам добывать охранные грамоты, визировать паспорта и т. д. После отъезда Лундберга летом 1920 г. из Петрограда Тунельд занял его место в качестве представителя шведской колонии в Петрограде перед советскими властями, и в ноябре 1921 г. МИД Швеции формально поручил ему надзор над недвижимостью миссии.

Именно после выхода Тунельда из тюрьмы в нем пробудился активный интерес к судьбам шведов в России. В сочельник 1919 г. он увидел на улице просившую милостыню старушку. Оказалось, что прежде она жила в приюте «Скандинавского благотворительного общества» для бедных женщин, а теперь была вынуждена пойти на улицу нищенкой; как она рассказала, несколько старушек уже умерли голодной смертью.

Встреча с этой старой шведкой стала поворотным пунктом в жизни Тунельда. «Здесь, — пишет он, — за год, прошедший после отъезда из страны миссий, мы так были заняты нашими собственными делами и заботами, что совершенно позабыли о том, что в городе есть терпящие нужду шведы, просто-напросто погибающие от лишений». Тунельд решил связаться с приятелем, чтобы обсудить с ним вопрос о том, что можно сделать для «этих обездоленных членов нашей шведской колонии».

Беседа принесла скорые практические результаты. В марте 1920 г. Тунельд участвовал в создании «Шведского общества благополучия в России», главной задачей которого стало поддерживать заключенных в тюрьму шведов, оказывать медицинскую помощь, заниматься призреванием и погребением бедных и «брать на свое попе-

чение общее и частное имущество шведов». Важной задачей было распределение продовольствия среди российских шведов, которые после революции лишились всего, что имели, и теперь находились в очень тяжелых обстоятельствах. «Комитет благополучия» помогал распределять посылки с сахаром, мукой, овсяной крупой, маслом, чаем и солью, отправляемые шведским правительством и парламентом в Советскую Россию.

Тунельд прилагал также большие усилия, чтобы помочь арестованным по ложным обвинениям шведам. Среди них было несколько шведских рабочих, в 1920 г. приехавших в Россию «строить коммунизм», а также сын астронома Оскара Баклунда Нильс, работавший инженером в Управлении водного транспорта и арестованный в марте 1921 г. Все они были освобождены благодаря неутомимым действиям Тунельда, который, кроме того, помог многим гражданам Швеции пересечь границу с Финляндией, чтобы оттуда проследовать на родину.

Но деятельность Тунельда этим не ограничивалась. Он являлся также представителем в России шведских Красного Креста и «Общества спасения детей», а еще содействовал шведским фирмам в их контактах с советскими властями. Однако самым замечательным деянием было сделанное им для прихода Св. Екатерины.

Отъезды и уплотнения

Впервые годы пребывания в Петербурге Тунельд не играл сколько-нибудь активной роли в приходской жизни, но встреча со старушкой-шведкой в сочельник 1919 г. изменила его судьбу: в марте 1920 г. Тунельд был избран в церковный совет прихода Св. Екатерины, а в июле стал секретарем совета. Председателем был директор Ингве Русэ́лль, но движущей силой совета — Тунельд, энергия и организаторские способности которого пришлось очень кстати, как и умение «очаровывать людей» — качество, оказавшееся необходимым в общении с новыми правителями.

1917–1920 гг. были временем драматических перемен в приходе. Возросшая в годы войны численность прихожан быстро сокращалась после захвата власти большевиками. Приход, делами которого Тунельд занялся в 1920 г., насчитывал не более пяти процентов членов от их числа тремя годами ранее.

Сведения об истории прихода в годы непосредственно после революции скудны, но говорят о стремительном и трагическом распаде шведско-финской общины. На 1917 г. регистрационные книги содержат сведения о 5198 прихожанах (из которых добрых десять процентов составляли шведы из Швеции). Число то же, что и в 1915–1916 гг., но оно неточно. Из списков прибывших в приход и выбывших из него видно, что число новичков в 1917 г. впервые за много лет меньше числа уехавших — соответственно 60 и 102 человека; относительная многочисленность приехавших объясняется тем, что Россия в промежутке между Февральской революцией и большевистским переворотом привлекала многих людей, надеявшихся на демократическое развитие страны, прежде всего людей деловых. В 1918 г. разница еще более увеличилась: 142 человека уехали, между тем как записались в приход 37. В 1919 г. прибыли два человека, а затем уже не приезжал никто.

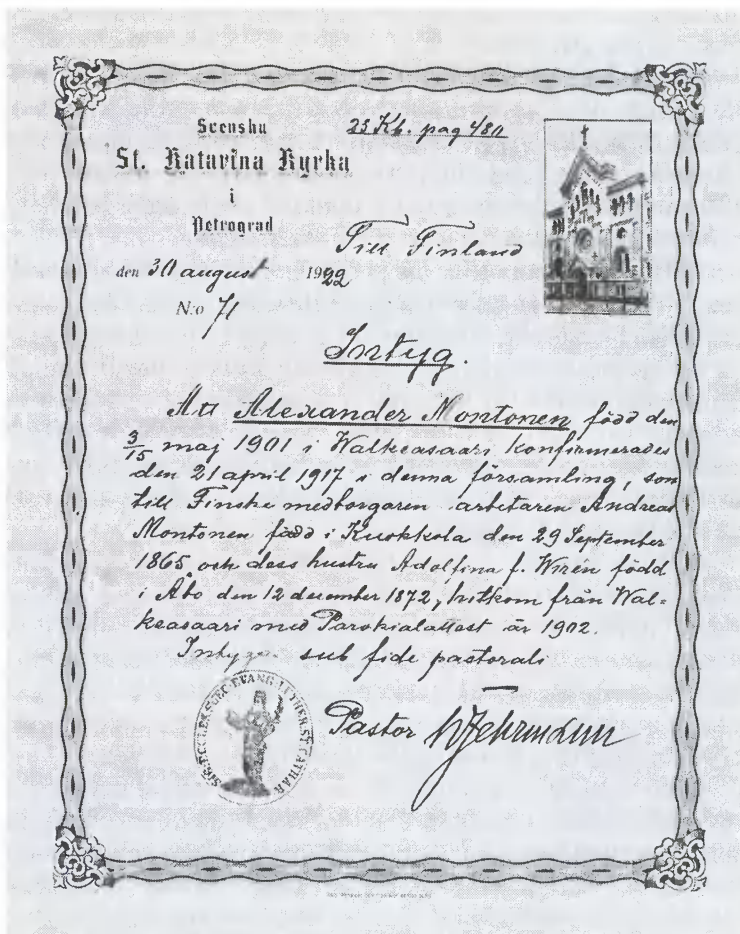
Реально в 1918 г. уехало гораздо больше людей, чем указанные 142: многие просто не успели выписаться из прихода. Колония коренных шведов, в 1917 г. состоявшая из приблизительно шестисот человек, весной 1921-го насчитывала уже только сто.

Несмотря на большое сокращение численности, приход продолжал работать, насколько это теперь было возможно. В отчете церковного совета о деятельности за 1921 г. констатируется, что с начала 1920 г. интерес к церкви «возродился», хотя материальные трудности «тяжело отражаются на приходе и домах шведов, и в общественной жизни не замечается никаких признаков радости, являющихся естественным выражением счастья и удовлетворенности». Финансовое положение плохое, и люди выкручиваются, беря деньги в долг, с помощью денежных сборов в церкви, благодаря «добровольным пожертвованиям» на выдачу

свидетельств о выезде и «добровольному самообложению налогом». Приход получал также моральную и материальную поддержку от архиепископа Швеции, который в своем послании от 16 августа 1921 г. «горячо заверил в собственном и всей шведской церкви пристальном внимании» к тяжелому положению прихода и, кроме того, выхлопотал в Упсале у «Общества Густава Адольфа» воспомоществование в размере шестисот крон.

В 1921 г. шведы в Петрограде были не только малочисленны, но бедны и деморализованы. Исполнявший перед войной обязанности консула в Петербурге и вновь посетивший город в 1921 г. Эйнар Экстранд сообщает, как он пригласил шведскую колонию в свой отель «просто пообщаться за кофе с булочками». Невзирая на зимний холод, пришли все, сколь бы далеко кто ни жил, «а если кого и не было, то за неимением обуви для сильного мороза». В столовом зале отеля стоял длинный стол, уставленный булочками разных сортов, пирогами и тортами. Стол был украшен шведскими флагами, и многие из вошедших гостей заплакали. По словам Экстранда, у него сердце разрывалось, когда он смотрел на этих людей, которые «пытались остатками изношенной, некогда хорошей одежды скрыть бедность, и слушал рассказы обо всех пережитых ими безграничных лишениях». Гости пили кофе с булочками и ели «столько, сколько могли», и им дали с собой все, что осталось на столе. Трудности прихода состояли не только в сокращении численности его членов, но и в финансовом положении. Основным источником доходов являлись сборы от приходских домов. В январе 1918 г. у прихода отняли права на владение этими домами, и тем самым его финансам был нанесен смертельный удар.

История церкви и ее домов драматична и отражает политическое развитие Советской России в первые послеволюционные годы в целом. Официальным документом от 3 июня 1918 г. шведская церковь с ее домами была объявлена собственностью петроградской рабочей коммуны. Таким образом, Св. Екатерина стала первой национализированной протестантской церковью, и пастор Малин призывал Брендстрёма сделать все возможное для «пре-

Среди людей, бежавших из Петрограда после 1917-го, многие не могли взять с собой никаких бумаг. Здесь помещено выданное в 1922 г. свидетельство о выезде, хранившееся в архиве шведского прихода. Оно выписано на имя Александра Монтонена и в отсутствие шведского главного пастора подписано пастором Ферманом из немецкого прихода Св. Петра. Государственный архив Швеции

дотращения этой нависшей над шведской церковью Св. Екатерины угрозы».

Посланник и выправил охранное свидетельство, тем не менее приход лишился прав на владение домами. Правда, пройдет еще несколько лет, прежде чем будет окончательно утрачен контроль над недвижимостью. Несмотря на то что приход больше не владел домами, он еще несколько лет мог ими распоряжаться. В 1921 г. ответственность за них была передана дворовому комитету, избранному квартиросъемщиками из своей среды. Поначалу комитет, согласно Тунельду, состоял из «вполне приличных людей», и управление домами осуществлял приходской эконо́м. Но при новом избрании дворового комитета в 1923 г. его прежних членов признали неподходящими, поскольку они не были членами коммунистической партии, и церковный совет утратил влияние на управление домами.

По мере отъезда или эвакуации шведов, живших в бывших церковных домах, они заселялись новыми людьми. Теперь там поселилось больше людей, чем прежде, поскольку квартиры уплотнялись. Ситуация была нестабильной, и люди жили под постоянной угрозой конфискации и эвакуации. Например, в 1921 г. Комиссариат иностранных дел урвал себе семь квартир в этих домах.

Под угрозой находилась не только недвижимость, но и церковное серебро. Оно состояло из позолоченной серебряной чаши 1746 г., двух тарелок, «преподнесенных шведами, находившимися в Москве, новой шведской церкви в С.-Петербурге. Год 1770», ящичка для облаток 1721 г., а также нескольких кружек для церковного вина. Однако эту угрозу удалось отвести.

Что касается помещений, то в 1919 г. было заключено соглашение с властями, которое давало приходу право бесплатно пользоваться церковью, церковной канцелярией и пасторской квартирой в обмен на обещание содержать их в порядке. Но с продлением этого договора в 1923 г. приход вынудили платить за аренду. Ответственность за деятельность и содержание прихода была передана от церкви «совету двадцати», избранному из членов прихода.

Итак, церковь действовала в трудных условиях. За отсутствием шведского пастора богослужения проводили финские и немецкие священники. И все же церковная жизнь была довольно активной: в 1921 г. состоялись 24 богослужения и 9 причастий с 115 причастниками; были конфирмованы 15 детей и имели место 2 бракосочетания и 1 крещение.

Приходскому руководству мало-помалу стало ясно, что ситуация бесперспективна и надо искать финансовую поддержку в Швеции. Когда шведское правительство в начале 1923 г. назначило делегацию для проведения с Советской Россией переговоров о торговом соглашении, представился случай обсудить данный вопрос на самом высоком уровне.

Шведскими делегатами были адвокат и председатель уездного суда Элиэль Лёфгрэн и генеральный консул Юсеф Сакс (директор «Северной компании» и член «Русской комиссии по имуществу»). Общая сумма реституционных требований Швеции к Советскому государству составляла 400 миллионов крон, из которых 86 миллионов составляла стоимость недвижимости. Одни только телефонные компании выдвигали требования о возмещении 100 миллионов.

Лёфгрэн и Сакс посетили приход и встретились с церковным советом. Тунельд попросил делегатов проявить «благожелательный интерес» к вопросу о защите прихода и церкви, этого «последнего очага шведской этической и интеллектуальной культуры на востоке».

Наряду с назначением шведского священника важным был вопрос о недвижимости. Здание церкви и сдаваемые внаем дома являли собой значительный капитал: в 1916 г. они оценивались в 1 065 000 рублей, а состояние прихода соответствовало 658 000 дореволюционных золотых рублей. Тунельд предложил, чтобы Шведское государство попыталось сделать церковь храмом дипломатического представительства, как, например, в Париже. Взамен Советское правительство могло бы получить в собственность русскую церковь в Стокгольме. Переговоры Лёфгрэна и Сакса привели к заключению торгового договора и спустя год к при-

знанию Швецией Советского Союза. Но обсуждение вопроса о приходе Св. Екатерины результата не дало.

Может показаться странным, что приход, который с самого своего основания состоял по преимуществу из финляндцев, вдруг заботой Шведского государства. Но большинство финляндских граждан выехали после революции, и, по словам Тунельда, поэтому они «не принимаются в расчет при восстановлении прихода».

Когда Швеция в феврале 1924 г. признала Советский Союз, ни вопрос о церковной собственности, ни вопрос о пасторе не получили никакого решения. Поэтому в июне церковный совет обратился с этим делом к министру иностранных дел Швеции.

Шведский посланник в Москве Карл фон Хейденстам, который до революции был советником миссии в Петрограде, занимал выжидательную позицию, поскольку, по его мнению, было неясно, финский это приход или шведский. С юридической точки зрения сомнения фон Хейденстама имели под собой основание. И все же во всем этом уже ощущается привкус формализма, характерного для трактовки данного вопроса Шведским государством в последующие годы.

Юн Тунельд, напротив, был не формалистом, а подвижником. Но в 1924 г. ему был нанесен страшный удар: советский Комиссариат иностранных дел сообщил, что присутствие Юна Тунельда в стране более не является желательным. То была чистой воды месть: Швеция выслала главу российского Телеграфного агентства в Стокгольме за шпионаж, и Тунельд был выбран как объект ответных репрессалий. Решение мотивировалось тем, что он в качестве представителя в России петроградской шведской колонии и Красного Креста использовал свое положение для защиты экономических интересов шведов. «Справедливость этого я должен признать, — пишет Тунельд, — однако с той оговоркой, что моя защита касалась вопроса столь простого, как неприкосновенность жилищ соотечественников».

При отъезде Тунельда фон Хейденстам попросил его в интересах межправительственных отношений не дово-

дить это дело до сведения прессы. Тунельд с горечью вспоминал: «Итак, первым, кем, словно пешкой, пришлось молчаливо пожертвовать в политической игре обоих министров иностранных дел, стал тот, кто после того как представители шведского правительства в 1918 г. бежали с поля боя, остался и, несмотря на свои слабые позиции, сумел исполнить не такую уж малую долю обязанностей упраздненной дипломатической миссии».

Гайки закручиваются

Хотя несколько шведов уехали из Ленинграда только в 1930-х гг., последний зарегистрированный отъезд относится к июлю 1924 г., когда покинула приход и город уроженка Гельсингфорса Анна Фалин. Последним окрещенным стал Виктор Густав Эрикссон, сын заводского мастера Густава Эрикссона и его жены Каролины Маттссон. Это было в 1925 г. Крестины состоялись на дому. Об есть запись в книге рождений и крещений церкви Св. Екатерины, но свидетельство о крещении выдал финский приход Св. Марии, и это кое-что говорит о положении дел в приходе Св. Екатерины. Последним конфирмантом стал Альбин Фердинанд Рейнсон, родившийся в Петербурге в 1908 г. сын наборщика Вильгельма Александера Рейнсона. Конфирмация состоялась 1 августа 1926 г.

В середине двадцатых годов деятельность прихода и церковного совета едва-едва теплилась. В июле 1925 г. церковный совет сообщил властям, что не может предъявить никаких протоколов, поскольку на протяжении первого полугодия не было ни одного собрания прихожан. Однако в декабре того же года состоялось собрание в присутствии 42 человек, на котором обсуждался новый договор с властями, долженствующий заменить договор, заключенный в 1923 г. Договор был подписан в 1926 г. и обновлен в 1928-м.

Введенная в 1921 г. новая экономическая политика открыла возможности для определенного возврата к частной собственности, и после того как Швеция и Советский

Визит Свена Хедина и Альберта Энгстрёма

17 декабря 1923 г., свой последний день на российской земле, Свен Хедин провел с писателем и художником Альбертом Энгстрёмом и Тунельдом в Эрмитаже. После посещения музея они отправились в контору Тунельда, где собрались несколько петербургских шведов. Среди присутствующих были заведующая конторой Тунельда Каролина Классон с дочерью Виван, которая позднее записала свои впечатления от этой встречи:

«Я имела удовольствие накрывать на стол и сидеть за ним со Свенем Хедином и Альбертом Энгстрёмом и слушать их рассказы о пережитом — главным образом Хедина, так как Энгстрём говорил меньше. Он полагал, что ему легче рисовать, чем держать речи, как он выразился перед тем как поблагодарить за обед. Тем красноречивее был Хедин, его речь была блистательна.

Хедин возвращался из исследовательской экспедиции в Азии. Его проезд по территории Советской России на пути домой вызвал переполох в русской прессе. «Маленький домик» был наводнен любопытными журналистами, которые хотели взять интервью у великого исследователя. Альберт Энгстрём тоже был проездом — домой из Москвы, где он провел несколько месяцев, изучая тамошнюю жизнь; результатом стала книга «Москвичи».

Групповая фотография снята перед домом Тунельда (некогда принадлежавшем Иммануилу Нобелю). Виван Классон вспоминает, что Хедин дал ей золотую монету, когда она помогла ему управиться с ботами. «Потом он поцеловал меня, наверное, тоже на память. Он был проказник. Взгляните на сделанную во время этого посещения большую фотографию. Беседа с профессоршей Луниной, которая стоит по одну сторону от него, с другой он сжимает мою руку».

На фотографии слева направо: г-н Мальмстрём, директор Ингве Руселль, директор банка Улоф Ашберг, г-н Юханссон, г-жа Классон, Альберт Энгстрём, профессорша Лунина, Свен Хедин, г-н Линдер, Виван Классон, Юн Тунельд и г-н Хаглунд. *Архив семьи Тунельда*

Союз восстановили дипломатические отношения, Тунельд начал переговоры с властями о взятии в аренду своего завода. Но обсуждение вопроса затянулось, и контракт был подписан лишь после отъезда Тунельда из страны.

В 1927 г. Тунельд смог вернуться в Ленинград. Во время его трехлетнего отсутствия производством руководила Каролина Классон, вдова управляющего конторой. Условия работы были неслыханно тяжелыми, и к возвращению Тунельда производство на заводе находилось, по его собственному выражению, «в упадке». Вскоре Комиссариат промышленности обратил свои взоры на дом на Ленинградской набережной и принялся уплотнять его чужими людьми. Время работало против Тунельда и его деятельности: в 1928 г. был объявлен первый пятилетний план, а в 1930-м у инженера отняли аренду и приговорили его к году принудительных работ. Это наказание было, впрочем, заменено штрафом.

В середине тридцатых шведский приход был уже так мал, что с трудом собирали людей на «совет двадцати», а церковная деятельность была крайне ограниченной. Одновременно сильное давление на приход оказывал отдел культуры Ленинградского совета, требовавший привести в порядок церковное здание.

Церковь нуждалась в ремонте, но требования властей обуславливались не заботой о ее состоянии. Истинной причиной являлась все более враждебная религии политика Советского государства. В годы первой пятилетки гонения на церковь усилились. В апреле 1929 г. вышел декрет о «религиозных объединениях», предоставивший государству более широкие возможности для конфискации церковных зданий и использования их в нерелигиозных целях. В ближайшие годы численность евангелических священников в России быстро уменьшалась: осенью 1933 г. в немецких приходах Советского Союза было 46 пасторов, в феврале 1935-го стало 22, а в конце года осталось только 8. Причины этих потерь — депортация и «добровольная эмиграция».

Для ремонта здания церкви нужны были деньги, которых приход не имел. Тунельд снова обратился за помощью

ЧЕТЫРЕ ГОДА, ДВА МЕСЯЦА И ДЕСЯТЬ ДНЕЙ В ОЧЕРЕДИ

Единственная церковь во всем Ленинграде, которая по-прежнему остается церковью, — это шведская. Конечно, богослужения в ней уже не проводят — они ведь в России не разрешены, но и не обращена в клуб, кинотеатр, ни в иное учреждение, а именно такая судьба постигла все другие городские церкви...

У забредшего туда и составившего слова «Шведская церковь» из затертых фрагментов букв над воротами шведа возникает довольно сильное ощущение одиночества и растерянности. В Ленинграде шведов немного, и единственная маленькая церковь, испытывавшая на себе воздействие погоды и ветра, производит тоскливое впечатление.

Однако она и не совсем оставлена соотечественниками на произвол судьбы. Верным другом и защитником церкви является шведка — госпожа Анна Хольмберг, которая вот уже скоро тридцать пять лет работает ее сторожем. В 1890-х гг. заводской мастер Хольмберг с женой приехали в Россию и поселились в Петербурге. Спустя непродолжительное время им было поручено ответственное задание — служить сторожами при церкви и других зданиях прихода. Для обоих эта работа стала пожизненной. Господин Хольмберг скончался несколько лет назад, а госпожа Хольмберг по-прежнему занимается этим делом, хотя ей теперь уже больше семидесяти.

«Я берегу церковь как зеницу ока, — говорит госпожа Хольмберг. — Я забочусь о ней, как если бы это было мое собственное дитя». И она рассказывает о том, как церковь стояла пустой и брошенной после того как революционные бури пронесли над страной. Просто чудо, что она осталась неповрежденной. Иногда какой-нибудь ищущий

к шведской церкви на родине, на сей раз к Эрлингу Эйдему, сменившему Натана Сёдерблума на архиепископской кафедре. Эйдем осознал серьезность ситуации и 6 ноября 1935 г. выслал 2000 крон «на выполнение необходимейших ремонтных работ в шведской церкви Св. Екатерины в Ленинграде».

Последний бой

В январе 1936 г. Юн Тунельд уехал в Швецию навсегда. Он поселился в Лунде, где жил его брат Эббе. После отъезда Тунельда события развивались быстро. В феврале

себе помещение клуб поглядывает на церковь и обращается с этим к госпоже Хольмберг. Но она обязательно отсылает интересующихся в шведское консульство, хорошо зная, что руководителям русских обществ не так просто явиться с подобной просьбой в иностранную дипломатическую миссию.

«И вот по-прежнему стоит моя маленькая церковь в ожидании, что ее будут использовать по прямому назначению», — заключает госпожа Хольмерг.

Мы поинтересовались, на какие средства живет госпожа Хольмберг, и узнали, что, невзирая на свой преклонный возраст, она работает уборщицей. Она каждое утро производит уборку в двух больших консульствах. Но в России мало добыть денег на еду, надо еще постоять в очереди, порой несколько часов, перед какой-нибудь продовольственной лавкой, чтобы получить свой маленький паек еды. И случается, что даже отстояв в очереди 5—6 часов, уходишь домой с пустыми руками: когда войдешь в лавку, продукты уже кончились... Госпожа Хольмберг говорит, что она с самого начала записывала, сколько времени отстояла каждый день в очереди. Посчитав по записям за десять лет, определила, что это заняло не менее четырех лет, двух месяцев и десяти дней.

«Но часто бывает интересно, узнаешь столь много нового, что вовсе нет необходимости читать газеты... Как ни странно, но в этих очередях у людей довольно хорошее настроение. И несмотря на все переживаемые мною трудности, я не хочу уезжать отсюда, откуда могу сохранять в покое мою церковь», — говорит верный страж маленького кусочка Швеции, оставшегося в большой Советской России.

Репортаж в журнале «Хюсмудерн». 1933 г.

приходу было велено в срок до 7 марта сообщить, намерен ли он ремонтировать церковь, иначе власти ее конфискуют. Работы охватывали ремонт крыши, водосточных труб, оконной жести и фасада, вставку оконных стекол, внутреннюю покраску, оштукатуривание потолка и стен, ремонт каминов и изразцовых печей, покраску дверей, ремонт пола, реставрацию гипсового орнамента и органа, а также замену электросети для перехода с постоянного тока на переменный.

Смета расходов достигала 10 000 крон, и было ясно, что если не удастся поменять деньги на черной бирже («...а я полагаю, — пишет консул в Ленинграде Иттерберг, — что нам следует отказаться от подобного намере-

ния»), то выйдет в четыре раза дороже. К тому же приходу необходимо было уплатить 3000 крон налога на недвижимость. По мнению консула, на доходы не стоило рассчитывать, поскольку ситуация в стране «в ближайшие несколько лет не сложится таким образом, что в Ленинграде поселится много шведскоязычных людей».

Положение было безнадежным, и 13 марта 1936 г. Тунельд и Эйдем решили «отдать церковь». В официальном письме главе «Культотдела» Тунельд сообщил, что предоставленные в распоряжение прихода средства отозваны обратно, так как советская сторона отказывается гарантировать, что церковь будет использоваться для богослужений. В связи с этим, пишет Тунельд, «меня шведская сторона освободила от всех обязательств и обещаний по сохранению церкви, и мне в таком случае остается лишь исполнить прискорбный долг — передать здание церкви советским властям, о каковом решении я и имею честь настоящим уведомить Вас». Эти слова положили конец 230-летнему пребыванию шведского прихода в Петербурге.

В заключение Тунельд подчеркивает, что в Швеции по-прежнему надеются, что наступит время, «когда шведы, как и в прошлые времена, снова будут иметь возможность в связи с развитием коммерческих отношений действовать в Ленинграде и будут испытывать потребность в шведской церкви». Церковный совет весьма желал бы, чтобы здание, «так как оно теперь будет служить мирским целям, насколько это возможно, сохранило свой архитектурный облик, с тем чтобы оно без большой перестройки снова могло использоваться как церковь». Поэтому, пишет Тунельд, его не надо переделывать под жилой дом, а лучше под библиотеку с читальным залом, магазин, театр либо кинотеатр. Полностью осознавая, с кем имеет дело, он добавляет: «Это, разумеется, лишь пожелание, и Вы, конечно, вольны принимать его во внимание или нет». Церковь переоборудовали под гимнастический зал.

6 июня 1936 г. доверенное лицо Тунельда секретарь консульства Ёта Бергстрём передала Ленинградскому совету церковное серебро и ключи от храма. В ответ она получила

Юн Тунельд,
сфотографированный
в Ленинграде в 1934 г.
дочерью Маргаретой.
Архив Эмиля Улуфссона

два заалтарных образа и три доски, отлитые в память о визитах шведских королевских особ. Власти не потребовали вернуть архив прихода, хранимый Тунельдом в консульстве.

Спустя год после передачи церкви советским властям в приходской книге была зарегистрирована последняя смерть: 28 октября 1937 г. умерла от кровоизлияния в мозг родившаяся в Петербурге 86-летняя Тереса Шарлотта Брюсе. Ее отпел немецкий пастор Рейнхардт, и она была погребена в лютеранской части Смоленского кладбища.

Приходской архив

Следующая глава истории Св. Екатерины посвящена борьбе Юна Тунельда за перевоз приходского архива в Швецию.

Его материалы, предусмотрительно пишет Тунельд в докладе шведскому Министерству иностранных дел, очень важны для последующих поколений и для иссле-

дователей. В них содержатся настолько ценные сведения «относительно как условий жизни в России в прежние времена, так и особенно в период до и после революции, что мне причинит страшную боль, если эти собрания документов сочтут необходимым сжечь».

Консул Иттерберг тоже полагал, что не в шведских интересах отдавать архив, но надо информировать власти о планах его переправки в Швецию. По мнению консула, если советские власти в приемлемый срок не займут определенной позиции по этому вопросу, то «можно будет расценить их пассивность как молчаливое согласие».

Вопрос обрел актуальность вопроса весной 1938 г., когда закрылось генеральное консульство в Ленинграде, в котором хранился архив. Неизвестно, делали ли шведы вообще на сей счет запрос у советских властей, но в начале мая 1938 г. архив был уже в Стокгольме. На первых порах он хранился в МИДе «в ожидании надежных гарантий, что факт вывоза архива... не просочится в прессу, что могло бы повлечь за собой нежелательные последствия». Спустя некоторое время архив из МИДа перевезли в Государственный архив Швеции, где он был описан в 1951 г.

Интеллектуальный тейлоризм

Переехав в 1936 г. в Лунд, Юн Тунельд устроился работать секретарем в словарном комитете Шведской академии, возглавляемом его братом Эббе. Учитывая прошлую деятельность Юна Тунельда, эта должность может показаться странной, но она была вполне логичной. Работа над словарем шведского языка в начале двадцатых годов шла медленно и была под угрозой закрытия. Она велась нерационально, и словарь распухал в объеме, грозя выйти из-под всякого контроля. Академия обратилась к правительству, которое через социал-демократа и языковеда Эрнста Вигфорса пообещало проекту неограниченную помощь. То обстоятельство, что этим вопросом занялся именно Вигфорс, не было случайным: в 1913 г. он защитил диссертацию по диалектологии шведского языка, по-

святив ее своему товарищу по аспирантуре Эббе Тунельду. После того как Академия получила право пользоваться доходами от официальной государственной газеты, финансовая проблема была решена. Но работу над созданием словаря следовало сделать более рациональной, и именно здесь внес свой вклад Юн Тунельд.

Кризис в деятельности словарного комитета совпал с высылкой в 1924 г. Юна Тунельда из Советского Союза. Как заводчик он был хорошо знаком с разработанной американцем Фредериком Тейлором системой рациональной организации труда и производства — так называемым тейлоризмом. Эббе Тунельд тотчас воспринял принципы Тейлора и вместе с братом предпринял реорганизацию деятельности словарного комитета. Были составлены график всей работы над словарем и повременный план работы над теми или иными группами слов; дело набрало ход, и проект создания словаря был спасен. Включение Юна Тунельда в состав словарного комитета Шведской академии имеет, таким образом, естественное объяснение.

Заслуги Юна Тунельда в годы его пребывания в России были наконец-то оценены и Шведским государством. В 1945 г. он ходатайствовал перед правительством о возмещении издержек, понесенных им в качестве неоплачиваемого представителя шведских интересов в России в 1920—1924 и 1927—1936 гг. К прошению он приложил обширную документацию о своей деятельности в Красном Кресте, приходе Св. Екатерины, по защите интересов шведских деловых людей и т. д. Правительство назначило Тунельду ежегодную пенсию в размере 3000 крон, которую он и получал до своей кончины в 1947 г. Копия прошения с посвящением автора была передана сотоварищу брата Эббе по учебе — министру финансов Эрнсту Вигфорсу, который, надо полагать, играл не последнюю роль в принятии правительством этого решения.

Столько написав о «шведском Петербурге», я чувствую, что напрашивается продолжение — о «петербургских шведах в Швеции». Однако такое исследование увело бы далеко за пределы данной книги. Нижеследующий текст — всего несколько заметок на полях о ситуации, которая была на самом деле гораздо более сложной и многогранной.

Большинство шведов, после 1917 г. прибывших в Швецию, были неизвестны на родине. К исключениям относятся семьи Нобелей и Болинов, уже работавшие в международных масштабах. Они в определенной степени могли продолжать свою деятельность и в Швеции. Но для большинства возвращение домой означало существование, экономически не обеспеченное и в социальном отношении нелегкое. Кроме того, многие родились не в Швеции, а бывали в ней лишь в летних отпусках и на каникулах. Например, управляющий хозяйством а/о «Нобель» Оскар Кристоферссон родился в Кронштадте от шведских родителей, выехавших в Россию в 1870-х годах.

Подобным образом дело обстояло с братьями Лидвалями, детьми шведского портного, в 1850-х гг. выехавшего из северной Швеции. Федор Лидваль был одним из наиболее уважаемых архитекторов России и основателем нового стиля в петербургском зодчестве первых десятилетий XX столетия. Но в Швеции он был почти неизвестен, а если его и знали, то в условиях плохих конъюнктур, сложившихся в 20-е гг., другие архитекторы смотрели на него как на опасного конкурента.

Эммануил Нобель поначалу старался помочь Лидвалю — отчасти наличными средствами, отчасти предложением заказа на проект здания Нобелевского фонда

в Стокгольме. Этот заказ Лидвалю не достался, но через несколько лет, проведенных в унижительном околичивании порогов, он устроился в Стокгольме в архитектурную контору «Эстлин & Старк».

Первым самостоятельным заданием Лидваля стали два жилых дома в английском стиле на улице Тюста гатан, 3—5, которые он выстроил в 1922 г. Среди других известных реализованных им проектов в Стокгольме — здание нефтяной фирмы «Шелл» на улице Биргер Ярлсгатан и дом на углу улиц Турсгатан и Санкт-Эриксгатан. В случаях, когда Лидваль не был автором проекта, ему часто поручалось оформление фасадов и других частей здания. Примером этого и является дом «Шелл» с его перилами из литого чугуна, как в Китайском кинотеатре в Стокгольме. Лидваль спроектировал также несколько домов в конструктивистском стиле, но упрощенный архитектурный стиль 30-х гг. нравился ему гораздо меньше неоклассицизма 20-х. В «функционализме», как назывался шведский

Дом на углу улиц Санкт-Эриксгатан, 86, и Турсгатан, 43, возведенный в 1928—1929 гг. по проекту Фредрика (Федора) Лидваля.

Архив Ингрид Лидваль

вариант конструктивизма, он уже не находил применения своему новаторству.

Хотя Фредрик (Федор) Лидваль до своей кончины в 1945 г. спроектировал в Стокгольме 23 дома (в том числе 16 собственных авторских), его карьера в Швеции не идет, разумеется, в сравнение со сделанным в дореволюционной России. Его дочь Ингрид с болью пишет о пережитых архитектором в Швеции трудностях, причем не только профессиональных:

После почти двадцатилетних успехов и высокой оценки, заслуженной им как архитектором в России, теперь он вынужден был довольствоваться работой служащего. Порой он получал и самостоятельные задания, но далеко не в таком объеме, чтобы обеспечить себя лишь частными заказами. Папа вовсе не был сентиментальным и не жил прошлыми успехами, но его чувства тем не менее иногда выходили наружу. Он справился с ролью, лично для него унижительной, прежде всего потому, что его профессиональная честь и любовь к делу никогда не давали ему ни передышки, ни отдыха... Как воспринимали его шведские коллеги, я не знаю. Но здесь, в Швеции, папе было интеллектуально скучно, он ощущал себя духовно одиноким. С петербургских времен он привык, что зодчие и художники встречаются, говорят об архитектуре и искусстве. Папа так и не смог понять, что шведские архитекторы не испытывают потребности в неформальном интеллектуальном общении.

Братья Федора Лидваля — портные Вильхельм, Эдвард и Пауль в 20-е гг. тоже начали свою деятельность в Стокгольме. Но поскольку коммерческий оборот был слишком мал для того чтобы обеспечить жизнь трех семей, Пауль (у которого не было детей) спустя некоторое время уехал за границу: сначала в Будапешт (его жена была венгеркой), а потом в Париж, куда после революции переехали многие уцелевшие русские аристократы, прежние клиенты ателье.

К концу 30-х гг. как число заказчиков, так и содержимое их бумажников уменьшилось, и Пауль вернулся в Швецию. Его брат Эдвард уже несколько лет как умер, и дела фирмы вели теперь его сыновья Альф и Оскар. Пауль Лид-

Всегда весьма элегантный Пауль Лидваль
в Каннах в 1920-е гг. *Архив Ингрид Лидваль*

валь открыл собственное ателье на улице Регерингсгатан, и поэтому в Стокгольме одно время были две портняжные фирмы Лидвалей. Однако через некоторое время Альфу и Оскару пришлось закрыть свое дело, и в деле остался один Пауль.

Одним из постоянных клиентов его ателье был артист Карл Герхард. Другим знаменитым клиентом был писатель и журналист Ян Улоф Ульссон. Когда он однажды выразил сомнение по поводу какой-то детали заказанного костюма, Лидваль возразил: «Князь Юсупов хотел, чтобы было именно так». Этот комментарий сразу пресек любую дальнейшую аргументацию клиента. «С кончиной Пауля Лидваля, — написал Ульссон после смерти портняжных дел мастера в январе 1963 г., — наверняка не осталось никого, кто бы развеял сомнения клиента ссылкой на Феликса Юсупова, элегантного убийцу безумного Распутина».

Ателье Пауля Лидваля прекратило свое существование почти ровно через сто лет после того как его отец Юн Петтер обосновался в Петербурге.

От «Русенбада»
до «Цветочного фонда»

Братья Лидвали принадлежали к верхнему слою российского общества, и им довольно быстро удалось наладить свою деятельность в Швеции, хотя они так никогда и не достигли здесь такого же финансового и социального уровня, как в Петербурге. Не надо обладать особенно богатым воображением, чтобы представить себе проблемы, с которыми столкнулись на своей новообретенной старой родине менее образованные и имевшие меньший вес в обществе российские шведы.

Многим из них было просто трудно найти средства к существованию. Чтобы помочь таким людям, правительство выделило деньги для специального «Комитета по поддержке российских шведов» и продолжало их выплачивать вплоть до шестидесятых годов. Сами новые иммигранты организовались в объединение под названием «Общество

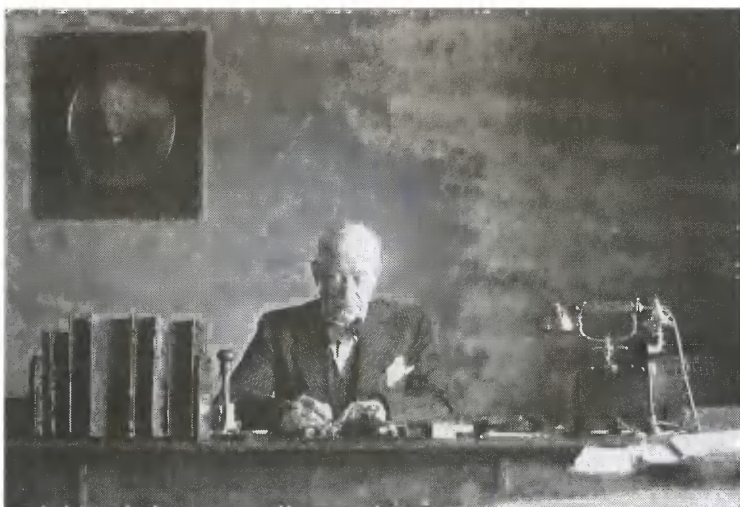

Семья Нобелей воссоединилась в Стокгольме в 1919 г. На фотографии Эдла Нобель в окружении родных и неродных детей. Слева направо: Эммануил, Ингрид, Эмиль, Анна, Людвиг-младший (Луллу), Мина, Ёста, Марта и Рольф

российских шведов», которое, в частности, снабжало «Комитет по поддержке» необходимыми сведениями о нуждавшихся соотечественниках.

«Комитет по поддержке» не был единственной организацией, оказывавшей помощь находившимся в стесненных обстоятельствах российским шведам. Широкую благотворительную деятельность осуществляло также «Шведское общество в С.-Петербурге». Оно потеряло в России все свои средства и собственность, но в Швеции возобновило работу. Дело в том, что основная часть капитала Общества была помещена в шведском банке, и это позволило продолжать деятельность.

Первым собранием на шведской земле стал обед в ресторане «Русенбад» в апреле 1919 г. На повестке дня стояло, в частности, предложение об устройстве временного помещения, в котором члены Общества могли бы встречаться несколько дней в неделю. Каких-либо следов деятельности Общества за последующие десять лет обнаружить не удалось, но в 1929 г. состоялось собрание правления под руководством шведского посланника в Москве Карла

Оскар Кристоферсон (1887–1971), управляющий хозяйством акционерного общества «Братья Нобель», был высоко ценим за профессионализм и преданность. На фотографии 1946 г. он изображен сидящим в стокольмской конторе фирмы. На стене висит портрет Людвиг Нобеля.
Архив Ингрид Кристоферсон

фон Хейденстама. Он подчеркнул, что Обществу следует придать четкий юридический статус, поскольку оно распоряжается средствами, которые в один прекрасный день «могут оказаться нужными для возобновления деятельности Общества в России». Средства на самом деле были значительными. «Фонд Брендстрёма», учрежденный в 1915 г. в день 65-летия посланника, достиг суммы 5481 крон, в сберегательной кассе имелись 300 крон и в государственных облигациях 1887 г. еще 2000 крон. Средства «Комитета по торговле» достигли суммы в 21 000 крон (приблизительно полмиллиона в наши дни).

На состоявшемся спустя три года собрании утверждалось, что хотя политическая ситуация в России и не изменилась, есть хорошие основания не распускать Общество: даже если оно и не может активно действовать в настоящее время, его немалые средства пригодятся для будущей деятельности шведов в России.

В правление избрали многих из тех, кто руководил Обществом в Петербурге: председателем был генеральный консул Эмиль Хейльборн, вице-председателем — генеральный консул Карл Видерстрём, а в правление входили К. Г. Линдблум и Адольф Челльгрэн, Херман Раш, Рольф Нобель и Фредрик Лидваль; исполняющим обязанности ревизора избрали инженера Антона Карлсунда.

На чрезвычайном заседании, состоявшемся в 1933 г., Общество приняло решение выделить деньги из «Фонда Брендстрёма» для российских шведов, которые не получали пособий из общественных средств и пребывали в трудном финансовом положении. Тем самым был создан важный прецедент, и с тех пор деньги Общества шли исключительно на благотворительность среди малоимущих российских шведов. На заседании 1936 г. было решено, что «Фонд Брендстрёма» будет целиком передан в благотворительный фонд Общества.

Через три года постановили, что благотворительный фонд может также пользоваться доходами от облигаций и процентов фонда «Комитета по торговле»; этот фонд в 1939 г. достигал суммы в 25 507 крон. Еще больше добавилось в 1946 г., когда Комитет, который не считал себя обязанным исполнять «в обозримом будущем» какие-либо функции, был распущен, и весь его средства в сумме 25 000 крон плюс проценты перешли в благотворительный фонд «Шведского общества».

К тому времени многие члены Общества петербургской поры уже скончались. Поскольку существовала опасность того, что старшее поколение не доживет до дня, «когда в России наступит порядок», позволяющий возобновить деятельность Общества, решено было привлечь «молодые силы». Высказывалось пожелание, чтобы это были дети людей, уже состоявших членами Общества, пусть даже они никогда не имели ничего общего с Россией «и даже не предвидят ничего подобного»; «их обязанностью будет, — записано в протоколе, — составлять формальный костяк Общества для сохранения его средств».

Эта инициатива привела к избранию в Общество двух десятков более молодых людей, в том числе Отто Г. Карл-

сунда, Бориса Хагелина, Эмиля Хейльборна-младшего, Оскара, Альфа, Андерса и Свена Лидвалея, Стена Линдблума, Георга Тулландера, Ульфа Видерстрёма, Алека, Карла и Хельге Нобелей. С учетом этого пополнения Общество в 1942 г. насчитывало 91 члена.

Благодаря избранию новых членов деятельность Общества продлилась до начала 60-х гг. Последнее запротоколированное заседание состоялось в Стокгольме 29 марта 1963 г. в доме «Цветочного фонда» (доме престарелых в Стокгольме); присутствовали 13 человек. С 1959 г. была оказана финансовая поддержка нуждающимся и выплачено денег на Рождество в сумме 3685 крон. Из первых членов Общества уже осталось всего несколько человек.

От празднований дня Густава-Адольфа в фешенебельных ресторанах столицы Российской империи до кофе с печеньем в стокгольмском доме престарелых — таков был 53-летний путь «Шведского общества в С.-Петербурге».

Но, как оказалось, на этом его история не завершилась. В разосланном в 1942 г. членам Общества циркулярном письме утверждалось, что «целью Общества на будущее является быть готовым вернуться к исполнению прежних функций, если обстановка в России изменится настолько, что в ней можно будет возобновить деятельность шведов».

И время принесло перемены: спустя 56 лет, 30 января 1998 г., было восстановлено «Шведское общество в С.-Петербурге». В основе деятельности Общества лежит, при незначительной корректировке, но с сохранением орфографии, тот самый устав, который был принят 88-ю годами ранее. Иными словами, цель Общества — быть «связующим звеном между живущими в Петербурге и Петербургской губернии шведскими подданными, содействовать сохранению в их среде родного языка, советами и разъяснениями способствовать их приезду сюда и поддерживать живущих здесь нуждающихся соотечественников». В 2000 г. Общество отметило свое 90-летие в зимнем саду гостиницы «Европейская» — там же, где оно было основано в 1910 г.

Пока петербургские шведы мало-помалу делали все, чтобы устроиться в Швеции, покинутый ими город все глубже погружался в экономическое и политическое оцепенение. Вскоре после большевистского переворота прежняя имперская столица начала приходить в упадок. Уже летом 1918 г. росли сорняки на Невском проспекте, проезжая часть которого была выложена деревянными колодами, чтобы приглушить шум транспорта. Жители великолепных квартир и дворцов были убиты или бежали, и вместо них туда вселились заслуженные — и не очень — партийные функционеры и рабочие. Квартиры превратились в коммунальные, в них ютились по несколько семей. О содержании домов в порядке уже не было и речи. Дворники отсутствовали, промышленные предприятия по большей части бездействовали — они долго еще не восстановят производство, а когда это произойдет, то уже при других нормах качества, нежели существовавших до 1917 г.

В марте 1918 г. столица переехала в Москву, что означало конец Петровской эпохи в истории России. Провозглашение в конце 20-х гг. Сталиным «построения социализма в одной стране» означало, что Советская Россия окончательно закрылась от окружающего мира.

Из первого города государства Петроград сделался вторым. Возможно, это и спасло его: между тем как старую Москву снесли, чтобы строить новый, современный город, столицу мирового коммунизма, Петроград — Ленинград оставили в покое. Он приходил в упадок, но то был упадок красоты. И сейчас, когда это разрушение наконец остановлено, может быть, еще не поздно восстановить город в его давнем блеске.

Сквозь дымку времен трудно осознать то потрясение, ту боль и печаль, которые ощущали петербуржцы при виде постигавшей город разрухи. Ранние, хотя и косвенные воспоминания принадлежат Перу Андерсу Фогельстрёму. Его отец работал в России в фирме «ASEA»

в 1915–1918 гг., и в сентябре 1918-го будущий писатель, которому тогда было всего несколько месяцев от роду, приехал с матерью в Петроград. Позднее мать рассказывала ему, как уже в дрожках ее удивляло, насколько все успело измениться за проведенный ею в Стокгольме год: «Город в результате мятежей и уличных боев был обшарпанным и разбитым. Люди выглядели бедными, голодными и усталыми, с центральных улиц исчезли хорошо одетые фланёры, многие магазины были закрыты». Госпожа Фогельстрём быстро поняла, что в этой стране у ее семьи нет никакого будущего, и уже через два месяца они опять были в Швеции.

Одно из лучших описаний вышло из-под пера петербургского шведа, ранее уже фигурировавшего в этой книге: Бенгта Идестама-Альмквиста, который в 1930 г. под псевдонимом Робин Гуд издал книгу «Страна, которая будет смеяться», где, в частности, рассказывает о посещении города своего детства.

Стоял 1922 г., и страна была на грани вымирания. «Трудно смотреть на агонию человека, — пишет Идестам-Альмквист. — Искра жизни мечется, пытаюсь отыскать какое-нибудь горячее, ничего не находит, в отчаянии пытается снова, она не хочет умирать, не хочет погаснуть, исчезнуть в тиши темноты». Но сколь же тяжело видеть агонию умирающей страны, города, народа:

В 1918–1922 гг. Россия и С.-Петербург умирали. Тишина окутала города, леса, городские улицы — тишина крайнего изнеможения, как у смертного одра человека...

Даже царский С.-Петербург был городом серым. В дождь — грязь между камнями вымощенных улиц, поднимавшийся над Невой туман, серые мундиры на всех мужчинах. Но прежде эта серость оживлялась мелькавшими повсюду радостными, яркими красками: дугами в сбруе тягловых лошадей, ярко-красными трамваями, белыми как мел, лимонными, оранжевыми, багровыми, розовыми, голубыми дворцами и церквями.

К 1922 г. эти краски исчезли, все покрыто слоем грязи, придававшей трамваям, домам, лошадям и людям «ту же

безнадежную бесцветность, как у улиц, тумана, неба, реки Невы». Дрожки катятся по улицам, стараясь избежать ям и выбоин, куч мусора и груд камней. Повсюду тишина. Люди — «серые и безжизненные, как привидения», и жмутся к стенам домов, словно стыдясь своей нищеты. У них нет сил громко разговаривать, смеяться, кричать. «Тишина подавляла. Такой большой город, и так тихо. Это казалось неестественным, отталкивающим». Писатель едет по промышленному району у Выборгской набережной, где располагаются машиностроительный завод Нобеля и механические мастерские Лесснера, на которых некогда работал его отец:

Я ехал знакомыми местами. Здесь был завод моего отца. Запертые на засов ворота. Тихо и пусто.

Следующий комплекс — сахарный завод Кёнига. Здания без крыш и стекол в окнах, с покрытыми сажей стенами. Кёниг сгорел. Тихо и пусто.

Следующий завод: лесопильня Лебедева. Тихо и пусто.

Следующий завод: механические мастерские Нобеля. Тихо и пусто.

Я помнил прежний дворец Нобеля — средоточие шведской колонии. У ворот всегда стоял ряд экипажей и автомобилей, дом был полон гостей.

Сквозь стеклянные двери я заглянул в вестибюль: немецкий пол, грязные мраморные лестницы, окурки в углах. Дворец был большевистским молодежным клубом.

Картина относится к 1922 г., но могла быть нарисована в любой другой год. Уныние, ямы в асфальте, грязь, люди с опущенными вниз глазами, отсутствие человеческого интереса к судьбе города — это замечали все посетившие Ленинград независимо от года или десятилетия.

В 30-е гг. изолированность города от окружающего мира стала полной. В 1938 г. шведское генеральное консульство вынудили закрыться, и оборвалась последняя связь Швеции с прежней метрополией Балтики. Лишь в конце 50-х гг. Ленинград вновь открылся для иностранцев.

Город Ленина снова становится городом Петра

Происходившее в последние десятилетия коммунистической эпохи осторожное приоткрытие страны породило потребность в присутствии в Ленинграде иностранных дипломатов, и спустя 34 года, в 1972 г., снова открылось шведское генеральное консульство. Но лишь с падением коммунистического режима осенью 1991 г. возникли реальные предпосылки развития экономических и культурных связей между Петербургом и окружающим миром.

С тех пор в городе произошли большие перемены: он вернул свое историческое наименование, вновь приводятся в порядок дома и памятники, а иностранцы — туристы, дипломаты, ученые, бизнесмены и т. д. — опять обращают свои взоры на Петербург. Этот процесс хорошо отражает построенный Карлом Андерсоном старый дом шведского прихода на Малой Конюшенной улице, который

Пастор из Турку (Або) Ээро Сеппонен проводит службу под баскетбольной корзиной в шведской церкви Св. Екатерины. Фото автора, 1992 г.

в июне 1997 г. снова открылся под названием Шведского дома — в нем размещается, в частности, генеральное консульство Швеции. Строительным подрядчиком стала «Сканска» — фирма, деятельно работавшая в Петербурге до 1917 г. под названием «Сконска сементютериет».

Опять обрели свои изначальные функции храмы. Немецкая церковь Св. Петра (где прежде был бассейн) была освящена осенью 1997 г., финская Св. Марии (где был музей) тоже ведет обширную приходскую деятельность при приблизительно тысяче членов, главным образом ингерманландцев из окрестностей Петербурга. Шведская церковь, к сожалению, еще не восстановлена.

Круг замкнулся, после восьмидесятилетней изоляции Петербург обретает свое прежнее положение одной из важнейших балтийских метрополий. Город Ленина снова становится городом Петра. Идея, некогда вдохновившая основателя города, вновь накладывает свой отпечаток на Невскую метрополию. И хотя Петербург больше не столица России, нынешняя ситуация очень напоминает ту, которая царила в первые годы XVIII столетия: Россия опять предпринимает могучую попытку открыться на Запад, и самым блистательным и заманчивым символом этих устремлений является Петербург.

Основные источники и литература

В настоящем списке помимо опубликованных источников и литературы указаны также неизданные. Однако подробный перечень архивных материалов был бы слишком обширен, и я ограничился указанием на те фонды Государственного архива Швеции (Стокгольм), которыми пользовался постоянно. Это фонды прихода Св. Екатерины в Петербурге (668 томов), «Шведского общества» в Петербурге, «Русской комиссии по имуществу», а также различные дела внешнеполитического ведомства, прежде всего шведских посольства и консульства в Петербурге.

Источники и литература ко всей книге

Шведы на берегах Невы: Сборник статей/Сост. А. Кобак, С. Конча Эмрих, М. Мильчик, Б. Янгфельдт. Стокгольм, 1998.

Ehrström E. G. Historisk Beskrifning öfwer St. Catharina och St. Maria Församlingar, eller Swenska och Finska Församlingarna i St. Petersburg. Åbo, 1829.

Engman M. 1) St. Petersburg och Finland: Migration och influens 1703–1917 (Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk; H. 130). Helsingfors, 1983; 2) Finnar och svenskar i S:t Petersburg//Sverige och Petersburg. Stockholm, 1989; 3) Petersburgska vägar. Lovisa, 1995.

Idestam-Almqvist B. Svenska öden och insatser i Ryssland//Vår svenska stam. II. Stockholm, 1952.

Jungar S. Från Åbo till Ryssland: En studie i urban befolkningsrörlighet 1850–1890 (Acta Academiæ Aboensis). Åbo, 1974.

Kajanus H. St. Katarina svenska församlings i St. Petersburg historie på grund av kyrkorådsprotokoll och upplevelser/Utg. med inledning och kommentarer av W. E. Nordström. Ekenäs, 1980.

Kalender jämte Adresslista m. m. utgifven af Skandinaviska

Välgörenhetsföreningen i St. Petersburg (1890–1906); 1907–1917: Nordisk Kalender... utgifven af Nordiska föreningen i St. Petersburg/Petrograd.

Klinge M. Finlands historia. 3: Kejsartiden. Helsingfors, 1996; 2) Öster-sjövärlden. Keuru, 1994; 3) Krig, kvinnor, konst. Helsingfors, 1997.

Nilsson S. Rysskräcken i Sverige: Fördomar och verklighet. Örebro, 1990.

Nobel-Oleinikoff M. Ludvig Nobel och hans verk: En släkts och en storindustris historia. Stockholm; Helsingfors, 1952.

Olsson J. O. Leningrad — S: t Petersburg. Stockholm, 1967.

Svenskar i S: t Petersburg [написанный П. Сарецен каталог выставки по материалам статей У. Абея, М. Фритца, Б. Янгфельда и С. Окермана]. Skellefteå, 1995.

Sverige och Petersburg/Red. S. Carlsson, N. Å. Nilsson (Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens konferenser; 20) Stockholm, 1989.

Sveriges historia till våra dagar/Utgiven av E. Hildebrand och L. Stavenow. Stockholm, 1919—1945. I—XV.

Thomson-Roos E. Svensk emigration till Sankt Petersburg 1831—1980 (диссертация на соискание ученой степени лиценциата; Исторический институт Лундского университета, 1967).

От Ландскроны до Ниеншанца

Архивные источники

Hipping A. J. Kort berättelse om svenska församlingens uppkom St. och bildande kring Nevafloden (Sveriges Riksarkiv, Stockholm. S: t Katarina församlings arkiv. Vol. 660).

Sparwenfeld J. G. (Ibidem. Tidöarkivet. 501).

Опубликованные источники и литература

Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц/Под ред. А. С. Лаппо-Данилевского. СПб., 1909. Ч. I—II. (Часть II издана только на русском языке.)

Гиппинг А. И., Куник А. А. Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником. Б. м., б. г.

Горбатенко С. Б. Шведская мыза и графская резиденция: Карл-берг — Царская Славянка//Шведы на берегах Невы...

Almqvist St. H. Sverige och Ryssland 1595—1611. Uppsala, 1907.

Tsarvalet år 1613: Karl Filip och Mikael Romanov//Historiska studier tillägnade professor Harald Hjärne. Stockholm, 1908.

Blees J. Fästningen Nyenskans och Nyen//Norrlands försvar. 1938.

Bonsdorff C. von. Nyen och Nyenskans. Helsingfors, 1891.

- Ehrensvärd U.* Carlberg i Ingermanland//Karlbergiana. 1995.
- Granlund V.* Konung Johan III: s byggnads-och befästningsföretag. I. S. I. et a.
- Hipping A. J.* Neva och Nyenskans intill S:t Petersburgs anläggning: Historisk skildring. I. Helsingfors, 1836.
- Hjärne H.* Från Moskva till Petersburg. Uppsala, 1888–1889. I–II.
- Jacobowsky C. V. J. G.* Sparwenfeld: Bidrag till en biografi. Stockholm, 1932.
- Juel J.* En rejse til Rusland under tsar Peter. København, 1893 [Русский перевод: Юст Ю. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711)/Перевод Ю. Н. Щербачева. М., 1900].
Konung Gustaf II Adolfs skrifter. Stockholm, 1861.
- Larsson M. G.* Rusernas rike: Nordborna och Rysslands födelse. Stockholm, 1990.
- Melnikova E. A.* The Eastern World of the Vikings (Gothenburg Old Norse Studies; 1). Göteborg, 1996.
- Munthe A.* Karl XII och den ryska sjömakten. Stockholm, 1924–1927. I–III.
- Möller P., Luther G.* «"Dhe Nyensche" hemma och i Stockholm»// Genos. 1981:3.
- Odhner C. T.* Sveriges inre historia under Drottning Christinas förmyndare. Stockholm, 1865.
- Rikskansleren Axel Oxenstiernas skrifter och brevvevling. Stockholm, 1896. II.
- Roberts M.* Sverige som stormakt 1560–1718: Uppkom St. och sönderfall. Stockholm, 1980.
- Sepp H.* Bidrag till Ingermanlands historia under 1600-talet//Svio-Estonica. Tartu, 1934.
- Stierman A. A. von.* Samling utaf Kongl. Bref, Stadgar och Förordningar angående Sweriges Rikes commerce, politie och oeconomie. Stockholm, 1747. I.
- Svensén E.* Rysslands vägar till världshaven. Stockholm, 1915.
- Strandberg O.* Urban Hiärnes ungdom och diktning. Uppsala, 1942.
- Tarkiainen K.* Ingermanland som svensk provins//Ingermanland — om land och folk/Red. S. Huovinen. Stockholm, 1993.
- Waaranen J. E.* Handlingar upplysande Finlands historia under Karl IX: s tid. III: 1609–1611. Helsingfors, 1866.

Åberg A. Före Petersburg//Tidskrift i sjöväsendet. 1959.

Öhlander C. 1) Bidrag till kännedom om Ingermanlands historia och förvaltning. Uppsala, 1898. I; 2) Om den svenska kyrkoreformationen uti Ingermanland: Ett bidrag till svenska kyrkans historia åren 1617–1704. Uppsala, 1900.

Императорский город С.-Петербург

Архивные источники

Berch C. R. Rese-Anteckningar om Ryssland (Kungliga Biblioteket, Stockholm. Handskriftsavdelningen. Ms M 222) [Русский перевод: *Берк К. Р.* Путевые заметки о России//*Беснятых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 111–302].

Опубликованные источники и литература

Гуппинг А. И. Нева и Ниеншанц/Под ред. А. С. Лаппо-Данилевского. СПб., 1909. I–II.

Пыляев М. И. Старый Петербург. СПб., 1889.

Семенова Л. Н. Участие шведских мастеровых в строительстве Петербурга (Первая четверть XVIII в.)//Исторические связи Скандинавии и России IX–XX веков. Л., 1970.

Столянский П. Н. Петербург: Как возник, основался и рос Санкт-Питербурх. Пг., 1918 (переиздано в 1995 г.).

Almqvist St. H. Ryska fångar i Sverige och svenska i Ryssland 1700–1709: I. Ryssarna i Sverige//Karolinska Förbundets Årsbok. 1942; 2) Ryska fångar i Sverige och svenska i Ryssland 1700–1709: II. Svenskarna i Ryssland//Ibid. 1943.

Kepsu S. Pietari ennen Pietaria. Jyväskylä, 1995.

Konow S. von. Adliga ätten von Konow. Stockholm, 1939.

Munthe A. Karl XII och den ryska sjömakten. Stockholm, 1924–1927. I–III.

Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. Stockholm, 1979.

Petrelli T. J. Striderna kring Finska viken 1706–1710//Historisk Tidskrift (Stockholm). 1904.

Schybergson M. G. Lars Johan Ehrenmalm: Biografisk teckning//Skrifter ut-gifna af Svenska litteratursällskapet i Finland. Helsingfors, 1888. T. 9.

Weber F.-Chr. Das veränderte Russland... Franckfurt, 1721 [Русский перевод: *Вебер Ф.-Х.* Записки о Петре Великом и его царствовании брауншвейгского резидента Вебера/Перевод П. П. Барсо-

ва//Русский архив. 1872. Вып. 6. Стб. 1060–1168; Вып. 7/8. Стб. 1334–1457; Вып. 9. Стб. 1613–1704].

Åberg A. Fångars elände: Karolinerna i Ryssland 1700–1723. Stockholm, 1991.

«Храм во имя Господа всего мира»

Архивные источники

Christiernin P. N. Dagbok öfwer en resa ifrån Upsala genom Stockholm och Åbo til Petersburg i Ryssland, som begyntes den 11. Junii 1760 (Uppsala Universitetsbibliotek. Handskriftsavdelningen).

Mörner A. R. Om Johann Kölers altartavla i Cesis, Tallinn och Näsum (неизданная рукопись, 1995).

Опубликованные источники и литература

Столянский П. Н. Петербург: Как возник, основался и рос Санкт-Питербурх. Пг., 1918 (переиздано в 1995 г.).

Colliander T. Gripen. Helsingfors, 1965.

Ehrström Ch. En biografi över Eric Gustaf Ehrström: Moskva brinner: En nyupptäckt svensk dagbok från 1812. Stockholm, 1984.

Hougborg E. Geschichte der schwedischen evangelisch-lutherischen Gemeinde zu St. Petersburg//*Büsching A. F.* Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinen im Russischen Reich. Altona, 1767. Th. II.

Hülphers A. Dagbok och samlingar uppå en resa om somarn 1760, ifrån Westerås till Petersburg och Ryssland//Bidrag till kändedomen af vårt land/Utg. af K. G. Leinberg. Jyväskylä, 1886. II.

Rubenson M. Vid Mälaren och Nevan. Stockholm, 1869.

Topelius G. Ur St. Marie församlings i St. Petersburg historia//Finska Kyrkohistoriska Samfundets Årsskrift. 1934. XXIV.

Väänänen K. Herdaminne över Ingermanland. Helsingfors, 1987.

Граф Готландский и граф Хага

Опубликованные источники и литература

Грот Я. К. Екатерина II и Густав III. СПб., 1877.

Олаусон М. Кваренги и Швеция//Шведы на берегах Невы: Сборник статей. Стокгольм, 1998.

Санкт-петербургские ведомости. 1777, № 45–54.

Carlsson C. E. T. Den ryska giftermålsfrågan under Gustaf IV Adolfs minderårighet och första regeringstid. Uppsala, 1925.

Carlsson S. Gustaf IV Adolf. Stockholm, 1946.

Corberon M. D. de. Un diplomate français à la cour de Catherine II: 1775–1777. Paris 1901. Vol. II [Русские издания: *Корберон М. Д. де.* Интимный дневник шеваля де Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II. СПб., 1907; *Корберон М. Д. де.* Из записок//Русский архив. 1911. Кн. 2. Вып. 5. С. 27–104; Вып. 6. С. 161–204].

Fersen F. A. von. Historiska skrifter. Stockholm, 1869. 3.

Gustav III: s ryska krig//Militärhistoriska avdelningen vid Militärhögskolan/Red. G. Artéus. Västerwik, 1992.

Gustavian Opera: An Interdisciplinary Reader in Swedish Opera, Dance and Theatre 1771–1809. Stockholm, 1991.

Lundberg G. W. Roslin: Liv och verk. I. Malmö, 1957.

Lönnroth E. Den stora rollen: Kung Gustaf III spelad av honom själv. Stockholm, 1986 [Русский перевод: *Лённрут Э.* Великая роль: Король Густав III, играющий самого себя/Перевод Ю. Н. Беспятых. СПб., 1999].

Odhner T. C. Sveriges politiska historia under konung Gustaf III: s regering. I: 1771–1778. Stockholm, 1885.

Om Kejsarinnan Katerina II: s opera Gore Bagatyrj: Tvenne afhandlingar, öfversatta från ryskan af C. Silfverstolpe. Stockholm, 1880.

Platen C. H. von. Stedingk: Curt von Stedingk (1746–1837) — kosmopolit, krigare och diplomat hos Ludvig XVI, Gustav III och Katarina den stora. Stockholm, 1995 [Русский перевод: *Платен К. Х. фон.* Стединк: Курт фон Стединк (1746–1837) — космополит, воин и дипломат при Людовике XVI, Густаве III и Екатерине Великой/Перевод Ю. Н. Беспятых. СПб., 1999].

Proschwitz G. von. Gustaf III. Mannen bakom myten: Ett självporträtt i brevform. Lund, 1992.

Ramel S. Gustaf Mauritz Armfelt 1757–1814: Dödsdömd kungagunstling i Sverige. Årad statsgrundare i Finland. Stockholm, 1997. Stockholms Lärda Tidningar. 1777. № 56–58, 62, 99.

Естествоиспытатели и астрономы

Архивные источники

Christiernin P. N. Dagbok öfwer en resa ifrån Upsala genom Stockholm och Åbo til Petersburg i Ryssland, som begyntes den 11. Junii 1760 (Uppsala Universitetsbibliotek. Handskriftsavdelningen).

Опубликованные источники и литература

Бруберг Г. Шведско-петербургские научные связи в XVIII веке// Швеция и Санкт-Петербург: Второй научный семинар. 3 Мая 1996 года...: Тексты докладов. СПб., 1996.

Бруберг Г. Шведско-российские научные связи в XVIII веке// Шведы на берегах Невы...

Хольмберг Г. Шведские астрономы в Пулковской обсерватории: 1847–1916//Швеция и Санкт-Петербург: Второй научный семинар...

Хольмберг Г. Шведские астрономы в Пулковской обсерватории//Шведы на берегах Невы...

Lagus W. Erik Laxman, hans lefnad, resor, forskningar och brefvexling (Bidrag till kännedom af Finlands natur och folk; 34). Helsingfors, 1880.

Lindroth S. 1) Kungl. Vetenskapsakademiens historia 1739–1818. Stockholm, 1967. 1:1; 2) Svensk-ryska vetenskapliga förbindelser under 1700-talet//Nordisk Tidskrift. 1967.

Придворные императорские портные

Архивные источники

Lidvall P. Minnen från ett försvunnet tsarrike och även ett och annat från andra länder: Föredrag avsett att hållas i en skräddarförening i Stockholm i april 1942 (Ingrid Lidvalls arkiv).

Опубликованные источники и литература

Engman M. Robert Ivanovitj Runeberg — ingenjör//Festskrift till Johan Wrede (Skrifter utgivna av Svenska Litteratursällskapet i Finland; 594). Helsingfors, 1995.

Fyren. 1917. № 1/2.

Lidvall I. Från byskräddare till hovskräddare//Rysk Kulturrevy. 1980. № 3.

Nordenström T. De kejserliga hovskräddarna i S: t Petersburg//Jämten. 1983.

Ryske tsarens hovskräddare//Aftonbladet. 26. 2. 1921.

Vlasov L. V. Mannerheim i Petersburg 1887–1904. Jyväskylä, 1994.

Ювелиры и серебряных дел мастера

Опубликованные источники и литература

Антонов В. К. Ф. Эстедт — шведский ювелир в Петербурге// Швеция и Санкт-Петербург: Третий научный семинар 10–11 октября 1996 года...: Тексты докладов. СПб., 1996.

Антонов В. Карл Эстедт — шведский ювелир XVIII в. в Петербурге// Шведы на берегах Невы...

Сильверстольне С. Шведские золотых дел мастера в Санкт-Петербурге//Швеция и Санкт-Петербург: Второй научный семинар. 3 мая 1996 года...: Тексты докладов. СПб., 1996.

Сильверстольне С. Шведские золотых и серебряных дел мастера в Санкт-Петербурге//Шведы на берегах Невы...

Engman M. Svenska folkpartiet i S: t Petersburg//Historisk Tidskrift för Finland. 1985. № 4.

Ribbing M. Smycken & silver för tsarer, drottningar och andra: W. A. Bolin 200 år. Stockholm, 1996.

Storch H. Beskrifning om S: t Petersburg. Stockholm, 1799—1800. Bd. 1—2. [Немецкий оригинал: *Storch H.* Gemälde von St. Petersburg. Riga, 1793. Bd. 1—2].

Tillander H. Firman Tillander genom tiderna//Carl Fabergé och hans samtida. Helsinki, 1980.

Tillander U. Carl Fabergé och hans mästare//Carl Fabergé — tsarens guldsmed. Stockholm, 1997.

Живописцы и архитекторы

Опубликованные источники и литература

Абель У. Шведские художники в Петербурге//Швеция и Санкт-Петербург: Первый научный семинар... Тексты докладов. СПб., 1995.

Абель У. Шведские художники в Санкт-Петербурге//Шведы на берегах Невы...

Брудерсен Л. Шведский период творчества Фредрика Лидваля// Шведы на берегах Невы...

Кириков Б. М. Петербургский архитектор Карл Андерсон// Швеция и Санкт-Петербург: Третий научный семинар... 10—11 октября 1996 года.: Тексты докладов. СПб., 1996.

Кириков Б. М. Петербургский архитектор Карл Андерсон//Шведы на берегах Невы...

Лисовский В. Г. Мастер петербургского модерна: Страницы творческой биографии Ф. И. Лидваля//Строительство и архитектура Ленинграда. 1980. № 1.

Лисовский В. Г. Ф. И. Лидваль и его петербургские сотрудники//Швеция и Санкт-Петербург: Третий научный семинар...

Лисовский В. Г. Федор Лидвалль и его петербургские сотрудники// Шведы на берегах Невы...

Янгфельдт Б. Биографические сведения о Карле Андерсоне// Швеция и Санкт-Петербург: Третий научный семинар...

Abel U. Hovmålare Patersens återkomst: Om den svenskfödde Petersburgskildraren Benjamin Patersen 1750—1810. Stockholm, 1991

Brodersen L. Svenska arkitekter i S:t Petersburg 1703—1918 (Konsthögskolans Arkitekturskola). Stockholm, 1994.

Hulcrantz T. Elsa Celsing. Västerås, 1982.

Lidvall I. F. Lidvall — arkitekt: En rysk-svensk familjekronika//Rysk Kulturrevy. 1981. № 4; 1982. № 1.

Lundberg G. W. Roslin: Liv och verk. Malmö, 1957. I.

Michailovskij S. Legendan Alexander Lavrentievitj Witberg//Alexander Witberg (1787—1855): En arkitekturhistorisk installation (Kungl. Akademien för de fria konsterna). Stockholm, 1993—1994.

Танцовщики и балаганные артисты

Опубликованные источники и литература

Gregory J. The Legat Saga. London, 1992.

Hirn S. Konst och konst: Artistklanen Lehmann-Legat//Historiska och litteraturhistoriska studier utgivna av Svenska Litteratursällskapet i Finland; 43. Helsingfors, 1968.

Legat N. Ballet russe: Memoirs of Nicolas Legat. London, 1939.

Lilliestam Å. Den ryska balettens legendariska pedagog//Rysk Kulturrevy. 1982. № 3.

Swift M. G. A Loftier Flight: The Life and Accomplishment of Charles-Louis Didelot, Balletmaster. Middletown, 1974.

Предприниматели

Архивные источники

Nobel L. Brev till Anna Nobel (Nobels släktförening).

Опубликованные источники и литература

Калядин С. А. Семья Нобель в Петербурге: Социально-культурный аспект//Швеция и Санкт-Петербург: Первый научный семинар... Тексты докладов. СПб., 1995.

Механический завод «Людвиг Нобель»: 1862—1912 [СПб., 1912].

Мешкунов В. С. Нобели на службе России, или Сколько было Нобелевских премий?//ВДНХ СССР— Progress, 1991. № 12.

Мешкунов В. С. Вклад семьи Нобелей в российскую медицину// Врач. 1993. № 8.

Мешкунов В. С. Благотворительная деятельность семейства Нобель//Швеция и Санкт-Петербург: Первый научный семинар....

Мешкунов В. С. Благотворительная деятельность семейства Нобель в России//Шведы на берегах Невы...

Фритц М. Шведские промышленники в Петербурге на рубеже XX века//Шведы на берегах Невы...

Attman A. De svenska företagen och den ryska marknaden//Sverige och Petersburg. Stockholm, 1989.

Bäckmann I. Sveriges handelsintressen i ryska riket. Stockholm, 1912.

Hedin G. De svenska oljebaronerna: Alfred Nobels okända bröder. [Stockholm], 1994.

Hedin S. Stormän och kungar. Stockholm, 1950. I.

Kuuse J. Den svenska telefonen i Ryssland//Sverige och Petersburg.

Schück H., Sohlman R. Alfred Nobel och hans släkt. Stockholm, 1926.

Tolf R. Tre generationer Nobel i Ryssland. Stockholm, 1977.

Развлечения и благотворительность

Подробнее деятельность в Петербурге «Северного» и «Скандинавского» обществ рассмотрена мною в статье: *Jangfeldt B.* Skandinaver, nordbor och svenskar i S: t Petersburg//VäSt. möter öst: Norden och Ryssland genom historien [Festskrift till Sune Jungar]/Red. M. Engman. Stockholm, 1996.

Опубликованные источники и литература

Adelborg G.-O. Minnen från Tyskland och Ryssland 1910—1918. Stockholm, 1956.

Björkman-Goldschmidt E. Elsa Brändström. Stockholm, 1933.

Fyren. 1916. № 46—48.

Jerring S. Radioman. Stockholm, 1970.

Lindfors C. M. S. t Petersburg och dess omgivning. Stockholm, 1872.

Redogörelse för SkandinaviskaVälgörenhetsföreningens i S: t Petersburg verksamhet 1877—1902, utgifven av Styrelsen. Helsingfors, 1902.

Reuterswärd P. Generallöjtnanten och envoyén Edvard Brändström. Stockholm, 1947.

Rubenson M. Vid Mälaren och Nevan. Stockholm, 1869.

Skandinaviska Välgörenhetsföreningen i St. Petersburg: Årsberättelser. Petersburg/Petrograd, 1895–1915.

Stadgar för Skandinaviska Välgörenhetsföreningen i St. Petersburg. SPb., 1879, 1895.

Stadgar för Svenska föreningen i St. Petersburg. SPb., 1910.

Svenska föreningen i St. Petersburg: Årsberättelser. Petersburg/Petrograd, 1910–1916.

Wennerström T. Med svenska Röda korset under världskriget. Uppsala; Stockholm, 1927.

Шведская колония на рубеже веков

Архивные источники и литература

Heilborn E. Arkivmaterial (Emil Heilborn jrs arkiv).

Hellsing S. VardagskoSt. och matvanor hos svenskättlingar i S: t Petersburg

1900–1917 [текст для дополнительного курса по этнологии в Стокгольмском университете, 1980].

Kajanus H. Manuskript till K: s historik över S: t Katarina församling (Borgå domkapitel, Borgå).

Lagerlöf S. Emanuel Nobels brev till S [elma] L [agerlöf] (Kungliga Biblioteket, Stockholm. Handskriftsavdelningen).

Olsen H. Livserindringer. Manuskript (Nobelstiftelsen).

Tullander K. Barn av sin tid: Ett ryskt-svenskt levnadsöde [гимназическое сочинение, 1981].

Опубликованные источники и литература

Abel U. Anders Zorn's Trip to Russia in 1897//Nationalmuseum Bulletin. 1982. Vol. 6:1.

Adelborg G.-O. Minnen från Tyskland och Ryssland 1909–1918. Stockholm, 1956.

Agrell I. Nobels i S: t Petersburg. Ett svenskt kulturcentrum: Brevskildring från 1908–09. Stockholm, 1985.

Aminoff I. T. S: t Petersburg. Stockholm, 1909.

Björkman-Goldschmidt E. Elsa Brändström. Stockholm, 1933.

Boëthius G. Zorn. Stockholm, 1949.

Brummer H. H. Anders Zorn: Självbiografiska anteckningar. Stockholm, 1982.

Brändström E. Bland krigsfångar i Ryssland och Sibirien 1914–1921. Stockholm, 1921.

- Busch M.* Deutsche in St. Petersburg 1865–1914. Essen, 1995.
- Bäckmann I.* Från filare till storindustriell i Naftabolaget bröderna Nobels tjänst: Ett utdrag ur generalkonsul K. W. Hagelins memoarer. Stockholm, 1935.
- Colliander T.* Gripen. Helsingfors, 1965.
- Engman M.* Svensk och finsk bokhandel i S:t Petersburg//Mundus librorum (Helsingfors universitetsbiblioteks skrifter; 62). Helsinki, 1996. Fyren. 1916. № 46–48.
- Herlitz-Gezelius A. M.* Åren som gått: Nordiska kompaniet. Lund, 1992.
- Hämäläinen V.* Die Russische Sommerhausbesiedlung auf der Karelischen Landenge am Ende des 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts//Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1986. Bd 34. Heft 4.
- Lagerlöf S.* Från skilda tider. 1945. II.
- Lidvall I.* Från byskräddare till hovskräddare//Rysk Kulturrevy. 1980. № 3.
- Lion C.* Carl Lion berättar. Stockholm, 1962.
- Reuterswärd P.* Generallöjtnanten och envoyén Edvard Brändström: Svenskt sändebud i Ryssland 1906–1920. Stockholm, 1947.
- Robin Hood (Idestam-Almqvist B.)* Landet som skall skratta. Stockholm, 1932.
- Sonck E.* Som lärarinna i Petrograd: En tidsskildring från det första världskrigets dagar//Skolhistoriskt arkiv. 1969. X.
- Tideström G.* Edith Södergran. Helsingfors, 1949.
- Tolf R. W.* Tre generationer Nobel i Ryssland. Stockholm, 1977.
- Werenskiöld M.* Sergej Djagilev and Scandinavia 1895–1904//Scandoslavica. 1992. 38.
- Wirén E.* Den Svenska Församlingen i Petersburg//Finska Kyrkohistoriska Samfundets Årsskrift. 1943–1944.
- Wägner E.* Selma Lagerlöf. Stockholm, 1958.

«Есть ли у шведов достаточные причины оставаться здесь?»

Архивные источники

Heilborn E. Arkivmaterial (Emil Heilborn jrs arkiv).

Tullander K. Barn av sin tid: Ett rysk-svenskt levnadsöde [гимназическое сочинение]. 1981.

Tuneld B. 1) John Axel Tuneld: Biografisk sammanställning om fadern John Tuneld (Björn Tunelds arkiv); 2) Memoarer. Manuskript (Ibidem).

Опубликованные источники и литература

Aschberg O. Gryningen till en ny tid. Stockholm, 1961.

Carlbäck-Isotalo H. Pengar eller politik: Ekonomiska förbindelser mellan Sverige och Sovjet 1917–1924//Historisk Tidskrift (Stockholm). 1985.

Göteborgs-Posten. 11, 15, 18. 3. 1921 [интервью с Харальдом Халлем].

Jerring S. Radioman. Stockholm, 1970.

Lidvall I. F. Lidvall — arkitekt: En rysk-svensk familjekrönika//Rysk Kulturrevy. 1982. № 1.

Lidvall O. Tonvikt på kläder. Stockholm, 1937.

Mannerheim C. G. Minnen. Stockholm, 1951. I.

Ribbing M. Smycken & silver för tsarer, drottningar och andra: W. A. Bolin 200 år. Stockholm, 1996.

«Здесь царит полнейшее безумие»

Архивные источники

Asker C. Rapport till utrikesminister Hellner (Sveriges Riksarkiv, Stockholm. UD. 1902 års dossiersystem. Vol. 33).

Herlitz A. Brev till hustrun (Inga Michaelis arkiv).

«Да поддержит и благословит Господь наш шведский приход!»

Более подробно судьбы шведского прихода после 1917 г. изучены в моей статье: *Jangfeldt B.* John Tuneld och svenska kyrkan i Petersburg: En studie i filantropisk och industriell aktivism//Det evigt mänskliga: Humanismen inför 2000-talet. Stockholm, 1996.

Архивные источники

Claesson C. Memoarer (Björn Tunelds arkiv).

Tuneld J. 1) Korrespondens och andra papper (Ibidem); 2) Memoarer. Manuskript (Ibidem).

Опубликованные источники и литература

Amburger E. Geschichte des Protestantismus in Russland. Stuttgart, 1961.

Böök F. Ebbe Tuneld. Stockholm, 1960.

- Carlbäck-Isotalo H.* Pengar eller politik: Ekonomiska förbindelser mellan Sverige och Sovjet 1917–1924//Historisk Tidskrift. 1985.
- Colliander T.* Gripen. Helsingfors, 1965.
- Ekstrand E.* Jorden runt på trettio år. Stockholm, 1944. II.
- Engström A.* Moskoviter. Stockholm, 1924.
- Hedin S.* Från Peking till Moskva. Stockholm, 1924.
- Huldén J. J.* Svensk utpo St. i österväg//Människor och medaljer. Helsingfors, 1962.
- Kahle W.* Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinden in der Sowjetunion 1917–1938. Leiden, 1974.
- Sachs J.* Mitt livs saldo. Stockholm, 1949. [I].
- Schalin O. D.* Som präSt. i revolutionens Petrograd//Finlandssvenska Församlingsbladet. 1967. № 45–46.
- Sonck E.* Som lärarinna i Petrograd: En tidsskildring från det första världskrigets dagar//Skolhistoriskt arkiv. 1969. X.
- Trolle A.* 1) Vad jag såg i Sovjetryssland. Stockholm, 1925; 2) De voro ett lysande följte. Stockholm, 1944. II.
- Wennerström T.* Med svenska Röda korset under världskriget. Uppsala; Stockholm, 1927.

Эпилог и пролог

Архивные источники

Svenska föreningen i S: t Petersburg (Sveriges Riksarkiv, Stockholm).

Опубликованные источники и литература

- Брудерсен Л.* Шведский период творчества Фредрика Лидваля: 1918–1945//Швеция и Санкт-Петербург: Третий научный семинар... СПб., 1996.
- Брудерсен Л.* Шведский период творчества Фредрика Лидваля//Шведы на берегах Невы...
- Fogelström P. A.* Hem, till sist. Stockholm, 1994.
- Jolo.* Tsarens skräddare//Dagens Nyheter. 15. 1. 1963.
- Lidvall I. F.* Lidvall — arkitekt: En rysk-svensk familjekrönika//Rysk Kulturrevy. 1982. № 1.
- Robin Hood (Idestam-AlmquiSt. B.)* Landet som skall skratta. Stockholm, 1932.

Иллюстративный материал

Иллюстрации, помимо особо оговоренных случаев, взяты из литературы либо из собственного собрания автора. Съёмки в Государственном архиве Швеции осуществила Магдалена Саломонссон, планы и карты в стокгольмском Военном архиве (Krigsarkivet) перебрал Бертиль Улуфссон. Рисунки Эрика Васстрёма заимствованы из специальных «петроградских» номеров гельсингфорской газеты «Фюрен» (1916. № 46–48).

Оглавление

Введение	5
Петербург до Петербурга	
От Ландскроны до Ниеншанца	13
ГОРОД ПЕТРА	
Императорский город С.-Петербург	49
«Храм для поклонения Господу всего мира»	71
Граф Готландский и граф Хага	101
Естествоиспытатели и астрономы	128
Императорские придворные портные	140
Ювелиры и серебряных дел мастера	154
Живописцы и архитекторы	165
Танцовщики и балаганные артисты	190
Предприниматели	202
СКАНДИНАВЫ, СЕВЕРЯНЕ И ШВЕДЫ	
Развлечения и благотворительность	231
Шведская колония на рубеже веков	253
ГОРОД ЛЕНИНА	
«Есть ли у шведов достаточные причины оставаться здесь?» ..	303
«Здесь царит полнейшее безумие»	324
«Да поддержит и благословит Господь наш шведский приход!»	336
Петербург после Ленинграда. Эпилог и пролог	360
Основные источники и литература	374

- Янгфельдт Б.**
Я60 От варягов до Нобеля. Шведы на берегах Невы / Бенгт Янгфельдт ; авт. пер. со швед. Ю. Беспярых. — М. : Ломоносовъ, 2010. — 392 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-041-3

Иллюстрированная книга о жизни шведов в Санкт-Петербурге представляет собой богатейшее собрание ценных исторических свидетельств, кропотливо собранных доцентом кафедры славистики Стокгольмского университета Бенгтом Янгфельдтом. Умное, увлекательное и иногда очень печальное повествование о жизни шведской колонии пестрит яркими именами: Альфред Нобель, Сельма Лагерлёф, Свен Хедин, Ларс Магнус Эрикссон... — их жизнь предстает перед нами в новом свете. Книга Янгфельдта многое ставит на свои места после почти векового забвения вклада шведов в строительство имперской столицы.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся историей взаимоотношений России и Швеции.

УДК 327
ББК 63.3(2-2Санкт-
Петербург=4Шве)

История. География. Этнография

Янгфельдт Бенгт

От варягов до Нобеля

Шведы на берегах Невы

Редактор Н. Шведова

Художественный редактор Е. Трушина

Верстка М. Васильевой

Подписано в печать 30.04.2010.

Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 24,5. Тираж 1500 экз. Заказ № 2531

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119270 Москва, Лужнецкая набережная,

д. 2/4, стр. 8, 4 этаж, офис 400

Тел. (495) 788-85-20

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Сайт: www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

В СЕРИИ

также

ВЫШЛИ:

Лев Минц

КОТЕЛОК ДЯДЮШКИ ЛЯО

Виталий Бабенко

ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ

Ольга Семенова-Тян-Шанская

ЖИЗНЬ «ИВАНА»

Владислав Петров

ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ

Свен Хедин

В СЕРДЦЕ АЗИИ

Геннадий Коваленко

РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА

Лев Минц

ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО

Олег Ивик

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ

Бенгт Янгфельдт
От варягов
до Нобеля

Эта интереснейшая книга посвящена роли шведов в строительстве и развитии Санкт-Петербурга. Шведы селились на берегах Невы еще до основания города, а в конце XIX века их — промышленников, ремесленников, деятелей культуры — было среди горожан около семи тысяч. Шведам принадлежали крупные предприятия — «Машиностроительный завод «Людвиг Нобель»», телефонная компания «Эриксон», шарикоподшипниковый завод. Они жили в «шведском квартале» вокруг Конюшенных улиц, считали имперскую столицу своим городом, женились на русских и сами понемногу становились русскими. И поэтому эта книга не только о шведах, но и об одном из источников формирования петербургской интеллигенции.

Бенгт Янгфельдт — доцент кафедры славистики Стокгольмского университета, писатель и переводчик, лауреат премии Лэнгманского фонда культуры и премии Августа Стриндберга.

ISBN 978-5-91678-041-3

9 785916 780413